

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

270 МГУ
1755 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION

E-journal

ISSN 2070-1381

108

2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Ребрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук(МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Акаев А.А. — доктор технических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Глазьев С.Ю. — доктор экономических наук, академик РАН (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. —доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БИП, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия; МГУ-ППИ, Шэнъчжэнь, Китай);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Проказина Н.В. — доктор социологических наук (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Москва, Россия);

Пушкирова Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смотрянская И.И. — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. —PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov —DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebkova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Askar A. Akayev — DSc (Technical Sciences), Academician of the Russian Academy of Science (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy), (HSE, Moscow, Russia);

Sergey Yu. Glazyev — DSc (Economics), Academician of the Russian Academy of Sciences (MSU, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky —DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia; MSU-BIT, Shenzhen, China);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Prokazina — DSc (Sociological Sciences) (Central Russian Institute of Management — branch of RANEPA, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Alexander I. Solov'yev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanrıverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksej Yu. Timofejev— DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China).

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году

Никонов Вячеслав Алексеевич

Новый участник БРИКС — Объединенные Арабские Эмираты 7

Экономические вопросы управления

Дегтярев Кирилл Юрьевич

Снижение эффективности санкций: анализ влияния санкционных ограничений 2022–2024 гг..... 27

Капелюк Зоя Александровна; Соловьева Ирина Павловна

Инструменты государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав..... 37

Тихомиров Павел Анатольевич; Макогонова Надежда Владимировна

Торги по фиксированной цене как перспективный антикоррупционный механизм конкурентного размещения заказа в государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации 47

Молчанов Игорь Николаевич

Образование и экономический рост: настоящее и взгляд в будущее..... 68

Проблемы управления: теория и практика

Буданов Максим Александрович; Полунов Александр Юрьевич

Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности..... 80

Гриняев Сергей Николаевич

Ценностные ориентиры и государственная служба в условиях новых вызовов и угроз 90

Турганбек Назым

Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в странах — членах Евразийского экономического союза: кейс России, Казахстана и Киргизстана..... 101

Правовые и политические аспекты управления

Наумов Александр Олегович; Петрунин Юрий Юрьевич; Сагомонян Александр Артурович

Хрущев — Франко — 1:1 (на футбольных полях холодной войны)..... 117

Никитина Анастасия Анатольевна

Организация деятельности РГАК/РАИМК в первые послереволюционные годы (1917–1919): вклад академика П.П. Покрышкина 127

Рой Олег Михайлович

Подотчетность как объект правовой оценки 138

Тулегенова Динара Дархановна

Патриотизм в представлениях российской молодежи: политico-психологический анализ 148

Стратегия цифровой экономики

Гаврилюк Артём Владимирович; Чжао Аньжань

Механизм функционирования и перспективы развития гиг-экономики. Часть 2 160

Управление образованием

Сидорова Александра Александровна

Университет как организация-амбидекстр 172

Ульмясбаева Анастасия Олеговна

Образовательная миграция женщин из мусульманских стран 185

Contents

Russian 2024 BRICS Chairmanship

Vyacheslav A. Nikonov

New BRICS Member — United Arab Emirates 7

Economic issues in administration

Kirill Yu. Degtyarev

Reducing the Effectiveness of Sanctions: Analysis of the Sanctions Impact (2022–2024) 27

Zoya A. Kapelyuk; Irina P. Solovyova

Instruments for State Regulation of the Market of Plant Cell Concentrates Based on Medicinal Herbs 37

Pavel A. Tikhomirov; Nadyezhda V. Makogonova

Fixed-Price Bidding as a Prospective Anti-Corruption Mechanism for Competitive Order Placement in Public Procurement in the Russian Federation 47

Igor N. Molchanov

Education and Economic Growth: The Present and a Look into the Future 68

Administrative issues: theory and practice

Maxim A. Budanov; Alexander Yu. Polunov

The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities 80

Sergey N. Grinyaev

Value Orientations and Public Service in the Context of New Challenges and Threats 90

Turganbek Nazym

The Role of Non-Profit Environmental Organisations in Forming Low-Carbon Agenda in Eurasian Economic Union: The Case of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan 101

Legal and political aspects of public administration

Aleksandr O. Naumov; Yuriy Yu. Petrunin; Aleksandr A. Sagomonyan

Khrushchev — Franco — 1:1 (on the Football Fields of the Cold War) 117

Anastasia A. Nikitina

Russian State Archives of Historical and Cultural Monuments (RSAC/RAHMC) in the First Post-Revolutionary Years (1917–1919): The Contribution of Academician P.P. Pokryshkin 127

Oleg M. Roy Accountability as an Object of Legal Assessment	138
Dinara D. Tulegenova Patriotism in the Views of Russian Youth: A Political and Psychological Analysis.....	148
Digital economy strategy	
Artyom V. Gavril'yuk; Zhao Anran Mechanism of Functioning and Prospects of Gig Economy Development. Part 2.....	160
Education management	
Aleksandra A. Sidorova University as an Ambidextrous Organization.....	172
Anastasia O. Ulmyasbaeva Educational Migration of Women from Muslim Countries	185

**Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году
Russian 2024 BRICS Chairmanship**

УДК 930.85

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-7-26

Новый участник БРИКС — Объединенные Арабские Эмираты

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, SPIN-код РИНЦ: 3908-7388,
Nikonov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Основной целью статьи является всеобъемлющий анализ политического, экономического и культурного развития Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и роли этой страны в современных геополитических и геоэкономических процессах. Утверждается, что Объединенные Арабские Эмираты — одно из ведущих государств Ближнего Востока, представляющее собой федерацию, созданную только в 1971 году. Исследуется история различных государственных образований, с древности существовавших на территории ОАЭ. Особое внимание в статье уделяется проникновению ислама в регион и его распространению. Рассматривается период португальского господства и британского протектората над этими землями. Отдельно изучаются особенности исторического процесса становления каждого из семи эмиратов, входящих в состав федерации, а также современная роль ОАЭ как влиятельного игрока на региональном и глобальном уровне, характер их взаимодействия с ключевыми акторами мировой политики. Проводится анализ межгосударственного сотрудничества Объединенных Арабских Эмиратов и Российской Федерации. В результате делается вывод, что страна обладает достаточным потенциалом, чтобы достичь долгосрочной цели превращения в глобальную столицу инвестиций и экономических инноваций.

Ключевые слова

Объединенные Арабские Эмираты, Дубай, ислам, нефть, природный газ, российско-эмиратские отношения, БРИКС.

Для цитирования

Никонов В.А. Новый участник БРИКС — Объединенные Арабские Эмираты // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 7-26. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-7-26

New BRICS Member — United Arab Emirates

Vyacheslav A. Nikonov

DSc (Historical Sciences), Dean of School of Public Administration, Nikonov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The main purpose of the article is a comprehensive analysis of the political, economic and cultural development of the United Arab Emirates (UAE) and the role of this country in modern geopolitical and geo-economic processes. It is claimed that the United Arab Emirates is one of the leading states in the Middle East, which is a federation created only in 1971. The article examines the history of various state entities that have existed on the territory of these lands since ancient times. The article pays special attention to the penetration and spread of Islam in the region. The period of Portuguese domination and British protectorate over these lands is considered. The peculiarities of the historical process of formation of each of the seven emirates that are part of the federation are studied separately. The article examines the modern role of the UAE as an influential player at the regional and global levels, and the nature of their interaction with key actors in world politics. The analysis of interstate cooperation between the United Arab Emirates and the Russian Federation is carried out. As a result, it is concluded that the country has sufficient potential to achieve the long-term goal of becoming a global capital of investment and economic innovation.

Keywords

United Arab Emirates, Dubai, Islam, oil, natural gas, Russian-Emirati relations, BRICS.

For citation

Nikonov V.A. (2025) New BRICS Member — United Arab Emirates. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 7-26. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-7-26

Дата поступления/Received: 29.12.2024

Введение

Эш-Шамал, Ас-Сирр, Побережье шейхов, Пиратский берег, Договорный Оман, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). За всеми этими названиями — многовековая история земель современных ОАЭ, большую часть территории которых занимает пустыня Руб-эль-Хали. Горный рельеф на севере и востоке. Большая часть растительности — результат программы правительства по озеленению

страны, включая рощи финиковых пальм. В дикой природе встречаются одногорбые верблюды и дикие козы. Во время весенних и осенних миграций птиц можно наблюдать большие их скопления на севере страны, если повезет — увидеть аравийского леопарда и возвращенного в природу аравийского орикса.

Объединенные Арабские Эмираты — федеративное государство, состоящее из семи эмирата: Абу-Даби, Аджман, Дубай, Рас-эль-Хайма, Умм-эль-Кайвайн, Фуджейра и Шарджа. На Абу-Даби приходится 85% площади всех Объединенных Арабских Эмиратов.

Земля древних культур

ОАЭ — это область древнейших поселений человека. Следы миграции хомо сапиенс из Африки на Аравийский полуостров, а оттуда дальше по планете обнаружены в Йемене, Омане и в ОАЭ — в эмиратах Шарджа и Абу-Даби.

Раскопки, проведенные археологами в оазисах Лива и Ал-Айн, подтверждают, что люди стали селиться в этих местах за 7 тысяч лет до н. э. Здесь главные археологические жемчужины эмирата Абу-Даби: поселения времен неолита и могильники, относящиеся к бронзовому веку.

Шумерские, вавилонские и ассирийские письменные источники свидетельствуют, что жившие там племена поддерживали тесные связи с древнейшими цивилизациями Месопотамии [Сенченко 2020, 374, 379]. Джульфар, Дибба и Кальба, древнейшие портовые города в землях нынешних ОАЭ, поддерживали по морю торговые связи с Убайдом,protoшумерской цивилизацией, существовавшей на юге современного Ирака с конца VI по вторую половину IV тысячелетий до н. э. [Сенченко 2022, 22]. Найдки убайдийской керамики на побережье и островах ОАЭ — от Далмы до Рас-эль-Хайма — не такая уж и редкость [O'Sullivan 2009, 33].

Датская археологическая экспедиция во главе с Дж. Бибби открыла миру Умм ан-Нар (в Абу-Даби), один из известных на Древнем Востоке центров торговли медью. Принадлежал он к отразившейся в легендах и преданиях арабов цивилизации Маган (Оман). Расцвет цивилизации Умм ан-Нар приходится на 2700–2200 гг. до н. э. [Сенченко 2020, 374–375].

Оставили свой след в землях, входящих сегодня в состав ОАЭ, и финикийцы. На пути своих морских экспедиций в VI в. до н. э. они основали в Прибрежной Аравии несколько поселений в районе нынешнего Сура (Оман) и Фуджейры, Рас-эль-Хаймы.

Арриан, автор трудов о походах Александра Македонского, высоко отзывался о Тилосе и Арадосе (островах Бахрейнского архипелага), которые с древнейших времен «славятся ловлей жемчуга». Его добывают на отмелях, тянувшихся вдоль всего побережья до Джульфара (нынешний эмирят Рас-эль-Хайма). Именно там, подтверждал Плиний, вылавливают «самые ценные жемчужины в мире».

Следы пребывания древних греков в землях Аш-Шамал сохранились в виде разрушенных эллинских строений в эмиратах Рас-эль-Хайма и Умм-эль-Кайвайн. В Ад-Дуре (Умм-эль-Кайвайна) археологи обнаружили остатки древнегреческого храма.

Арабские источники называют Ад-Дур, который лежал на перекрестке крупных караванных путей, по которым шла торговля между Персией, Аравией, Набатеей (на территории современной Иордании) и Римской империей, самым значимым городом эпохи эллинизма в землях Аш-Шамал.

Период с 300 г. до н. э. до начала нашей эры историки земель Восточной Аравии именуют «временем Млейхи» или поздним доисламским периодом. Млейха — это крупный археологический объект, поселение, тесно связанное с Ад-Дуром. Там проживали многочисленные и влиятельные в землях Аш-Шамал общины торговцев и ремесленников, изготавливавших мечи и наконечники для стрел.

Вписал свое имя в историю земель Восточной Аравии правитель из династии Селевкидов Антиох IV Эпифан (правил в 175–164 до н. э.) В 165 г. до н. э. он укрепил влияние Селевкидов в таких сатрапиях, как Армения, Персида и Дильмун с подконтрольными тогда Дильмуну землями в Восточной Аравии, усилил сторожевые и таможенные посты на островах Фейлака, Тарут и Умм-ан-Нар (эмират Абу-Даби) [Сенченко 2022, 24–25, 45, 49–50, 55–57].

Плиний младший, живший в I в. н. э., писал, что на юго-востоке Аравии множество городов. Омана и Ад-Дур были центрами транзитной торговли между Индией, Сирией и южным Ираком [O’Sullivan 2009, 41].

Длительное время в землях Восточной Аравии и Древнего Омана властвовало Парфянское царство (250 г. до н. э. – 227 г. н. э.). Сделались вассалами парфян и Оман, и принадлежавшие ему в то время крупные города-порты в крае Аш-Шамал: Дибба и Джульфар. Парфянское царство исчезло с лица земли, говорится в арабских сказаниях, и земли нынешних ОАЭ оказались во власти персидской империи Сасанидов. Ардашир I положил начало почти четырехсотлетнему владычеству Сасанидов в бассейне Персидского залива и двухсотлетнему господству на Бахрейне.

В землях Аш-Шамал начало распространяться христианство. Христианскую веру в 563 г. принял шейх Кайс ибн Зухайр, вождь влиятельного племени бану абс. На склоне лет он сделался служителем христианского храма в Сухаре (Сохаре) и даже принял монашеский постриг. Митрополитом всех христианских епархий Аравийского побережья Персидского залива выступал епископ Бахрейнский [Сенченко 2022, 58, 60, 86]. На острове Сир-Бания (Абу-Даби) располагался христианский монастырь, основанный в 600 г. монахами-неисторианами и просуществовавший до 750 г. [Сенченко 2020, 378].

Приход ислама

К моменту утверждения ислама земли, входящие сегодня в состав ОАЭ, находились под контролем Омана, который, в свою очередь, находился под властью персов. В Омане правили два брата — Абд и Джайфур — из легендарного рода Аль Джуланда. Пророк Мухаммед обратил внимание на Южную и Юг-Восточную Аравию на десятом году хиджры. К арабам Омана и Аш-Шамал Мухаммед направил в 630 году своего соратника Амра ибн ал-Аса, «человека с острым умом», с призывом принять новую веру. Проследовав через оазис Эль-Бурайми (сегодня в Абу-Даби), Амр ибн ал-Ас достиг Эль-Батины на побережье Омана и встретился вначале с персидским марзабаном (наместником) Москаном. Ознакомившись с посланием Пророка, марзабан ответил, что менять веру предков негоже.

После свидания с мизарбаном Амр повидался с Абдом и Джайфуром ал-Джуланда и вручил им послание Мухаммеда. Братья, посоветовавшись, заявили о готовности дать окончательный ответ после проведения меджлиса (совета) шейхов племен, как того требовала традиция. Совет проходил, как полагают, в легендарной Диббе, столице древнего Умана (Омана). Участвовали в меджлисе и шейхи племен из земель Аш-Шамал. Совет шейхов постановил: «Ислам принять. Налоги, установленные Пророком Мухаммедом, платить. Наставлениям Его внимать беспрекословно, ибо Божественную миссию Посланника Аллаха отрицать уже невозможно».

Мотивом для такого решения стал, во-первых, переход в руки мусульман Мекки с последующим массовым потоком делегаций племен к Пророку и принесение ими клятвы Ему на верность. Во-вторых, сыграл свою роль полный разгром мусульманами большой армии язычников в сражении в долине Хунейна в том же 630 г. И, возможно, самое главное — шейхи надеялись, что переход в ислам поможет им избавиться с помощью мусульманской армии от персидского владычества [Сенченко 2022, 73–76].

Депутация авторитетных вождей оманских племен и глав влиятельных родоплеменных кланов отправилась в Медину для встречи с Пророком Мухаммедом. Хроники свидетельствуют, что депутатию он принял с почетом. Что касается персов, отказавшихся перейти в ислам, то шейхи решили на маджлисе объявить им войну. Они отправили письмо персидскому наместнику с предложением присоединиться к их вере. Тот стоял на своем, и тогда они осадили персидский гарнизон в Сохаре. Сасанидский мазарбан Москан пал на поле боя. Персы капитулировали, Сохар стал морскими воротами исламского мира в Индийский океан [O'Sullivan 2009, 47–48].

Но в Омане вспыхнул мятеж язычников, укрывшихся в Диббе. У его стен в конце ноября 632 г. и произошла великая битва мусульман с отступниками. Тогда родилось известное среди мусульман Южной Аравии выражение «День Диббы», смысл которого — день торжества ислама над язычеством.

При халифе Абу Бакре земли нынешних ОАЭ вошли в состав Халифата. Следовавший за ним халиф Умар возложил полномочия наместника Повелителя правоверных в том крае на прославленного воина Усмана ибн ал-Асу ал-Сакифи и объединил в 636 г. Оман и Бахрейн с подвластными им землями в одну административную единицу Халифата.

Когда после победы мусульман в Ираке (637 г.) халиф Умар задался целью завоевать Персию, то портом для выступления в поход на персов он выбрал Джульфар (нынешний эмират Рас-эль-Хайма).

А в то время, когда войска мусульман одерживали победы на землях Персии, арабы Прибрежного Омана при участии мореходов из земель Аш-Шамал предприняли ряд успешных морских набегов на побережье Синда (Южного Пакистана) и Хинда (Индии) и взяли там богатую добычу.

Усман ибн ал-Ас ал-Сакифи, прозванный в народе Усманом Просвещенным, присматривал за землями Большого Омана, контролировавшего земли Аш-Шамал, достойно и мудро, действуя рука об руку с правителями из рода Аль Джуланда. Статус этого рода как правящей в том крае династии халиф Умар подтвердил специальной грамотой.

Когда Халифат перешел в руки Омейядов, арабы Омана и земель Аш-Шамал официально не признали Муавию ибн Абу Суфьяна, первого халифа из этой династии Омейядов, и на верность ему не присягнули. Никаких контактов с Дамаском, новой столицей Халифата, в годы правления первых халифов из династии Омейядов не было. Никаких военных походов против земель нынешних Омана и ОАЭ также не предпринималось.

Все изменилось с приходом к власти халифа Абд ал-Малика ибн Марвана (правил в 685–705 гг.), который назначил Хаджаджа ибн Юсуф ал-Сакафи присматривать за уделами арабов в землях Омана. Первую военно-морскую экспедицию в Юго-Восточную Аравию Хаджадж отправил в 696 г. во главе с Касимом ал-Музани. Однако экспедиция закончилась полным провалом, а Касим пал в бою. Узнав о поражении войска, Абд ал-Малик «воспыпал жаждой мести» и повелел Хаджаджу «непременно наказать племена тамошние». Новая армия, снаряженная Хаджаджом в 698 г. во главе с Муджа ибн Сиром, братом Касима, насчитывала до 40 тысяч человек. В битве, длившейся с рассвета до заката, «пока ночь не развела противников», победу одержал Муджа. Захватив уделы арабов в Нижней Аравии, «наложил Муджа железную руку Халифата на арабов тамошних», включая репрессии против населения Диббы и Джульфара [Сенченко 2022, 80, 82, 85, 92–95, 103–106].

При Аббасидах (750–1258 гг.) провинцию Оман разбили на Оман и Аш-Шамал, а провинцию Бахрейн — на три района, в один из которых включили территорию нынешнего Катара. Своды «аравийской старины» рассказывают об экспедиции Аббасидов в земли нынешних Омана и ОАЭ в годы правления в Халифате легендарного Гаруна ар-Рашида (правил в 786–809 гг.). В 807 г. губернатор Басры по его указанию отправил туда флотилию из 13 кораблей, чтобы «пристраниить

эту непокорную и упорствующую в неподчинении Халифату провинцию», а также «закрыть воды Залива». Экспедиция закончилась провалом. Тогда Гарун ал-Рашид повелел снарядить более мощную армию. Но скончался, и задуманный им новый поход не состоялся. Это надолго похоронило морскую активность Аббасидов в Персидском заливе.

Следующий поход войска Халифата в Оман и земли Аш-Шамал состоялся в 893 г. Экспедиционный корпус насчитывал 25 тысяч человек, в том числе 3500 всадников [Сенченко 2022, 108, 111–115]. Во главе войска стоял наместник халифа на Бахрейне Мухаммед ибн Нур. На сей раз под власть халифата подпали Джульфар, Низва, Таввам и Оман. Утверждение власти Халифата, по местным преданиям, сопровождалось «насилием», пострадали «центры мудрости». Несколько оросительных каналов в пальмовых рощах города заполняли какое-то время не воды, а книги, выброшенные из библиотек знати и учебных заведений [Сенченко 2020, 375].

В X в. земли Омана и Аш-Шамал оказались под властью Буидов — шиитской иранской династии, правившей на юго-западе Ирана и в Ираке в 935–1055 гг. Азуд ад-Доуле — эмир из династии Буидов, при котором их государство достигло наибольшего расцвета, — правил номинально как вали-наместник от лица халифа-Аббасида и организовал в 963 г. поход, целью которого было забрать в свои руки «край арабов» в Нижней Аравии. Армия Буидов потерпела неудачу, и через два года последовала новая экспедиция, на сей раз успешная. Для поддержания власти Буидов в Омане и на побережье Ас-Сирр отправили крупный военный контингент, большую часть которого составляли освобожденные от неволи рабы из Восточной Африки. Прибыв на место, они учинили мятеж, и Азуд ад-Доуле послал экспедиционный корпус, который захватил портовые города и подавил смуту. Земли Омана вместе с подвластными ему даирами (местами обитания арабов Ас-Сирра) попали под его власть.

После смерти Азуда ад-Доуле в 982 г. земли стали делить его сыновья. Оман с Ас-Сирром отошли Ширзаиду. В период с 984 по 1041 гг. край переходил из рук в руки. В 1041 г. военный поход туда предпринял вали Фарса (Персии) Аду-л-Калиджар и губернатором там поставил своего сына. В 1050 г. племена Омана и присоединившиеся к ним жители Диббы и Джульфара восстали против персов. Повстанцами руководил шейх Рашид иб Саид. Персы арабы разбили, но вали Фарса в 1053 г. предпринял новую военную кампанию.

Буидов из земель Юго-Восточной Аравии потеснили Сельджуки. До 1101 г. арабы в землях нынешних Омана и ОАЭ оставались вассалами сельджукского Кермана, а затем какое-то время находились под присмотром Басры, откуда и назначали сельджукских амиров. В 1222 г. Керман перешел в руки династии Газневидов, а через два года под их власть подпал и Побережный Оман. Властвовали Газневиды там до 1346 г.

Когда в 1258 г. династия Аббасидов пала и Багдад захватил внук Чингисхана Хулагу-хан, на Оман и земли Аш-Шамала с портами Джульфар, Диббу и Хор Факкан стали с вожделением поглядывать управляемые монголами ормузы и ширазцы. В 1265 г. на приморские города Омана совершили набег «люди Шираза», то есть управлявшие тогда Ширазом монголы. А в 1276 г. последовало нашествие со стороны подвластных монголам ормузцев.

Жители королевства Ормуз (сегодня принадлежит Ирану), оставившего глубокий след в землях Прибрежной Аравии, разговаривали на персидском и арабском языках, исповедовали ислам (правившая династия, основанная выходцами из Йемена, принадлежала к арабам-суннитам), на острове жили колонии евреев, индусов и армян [Сенченко 2022, 123–127, 135]. Ормуз стал широко известным среди купцов и мореходов центром торговли. Русские называли его Гурмызом. О «баснословных богатствах» Ормуза писали и прославленный арабский путешественник Ибн Батута (1304–1377), и тверской купец Афанасий Никитин: «Гурмыз же есть пристанище великое, всего света

люди в нем бывают, и всяки товары в нем в нем есть, что на всем свете родится, то в Гурмызе есть все; тамга же велика, десятое со всего есть»¹.

Многие земли Аравийского побережья Персидского залива, включая Бахрейн, подчинил власти Королевства Ормуз шейх Кутуб ад-Дин. В 1320 г. он с крупной эскадрой вошел в Персидский залив, разбил объединенный флот шейхов прибрежных арабских земель и «поставил под власть свою». Побережье нынешних Омана и ОАЭ оставалось под контролем Королевства Ормуз до 1507 г. Падение величия Ормуза (арабы Аравии называли его не иначе как «калмазом на золотом перстне мира») началось с появления в «восточных морях» португальцев, надолго подчинивших и Ормуз, и многие города-порты в Побережной Аравии владычеству Лиссабона [Сенченко 2022, 131–132, 137–138].

Португальское господство

Продвижение Португалии в зону Персидского залива началось в 1506 г., когда Тристан де Кунья и сопровождавший его в походе португальский герцог Афонсу д'Альбукерки силами эскадры в составе 28 кораблей отправились на завоевание Индии. По пути флот захватил остров Сокотра (современный Йемен), где воздвиг форт, разрушил и занял город Маскат (Оман), а также овладел Ормузом, благодаря чему португальцы получили контроль над входом в Персидский залив.

Афонсу де Албукерке удостоился многих прозвищ. Его называли Великим, Ужасным, Морским львом, Португальским Марсом, Цезарем Востока. Все характеристики заслужены. Албукерке проявил себя искусным воином и дипломатом, решительным и жестоким колонизатором. Имея под своим началом не более четырех тысяч солдат, он распространил португальское влияние на большую часть Азии. В 1509 году де Альбукерке стал управляющим индийскими владениями Португалии. В 1513 году его войска атаковали порт Аден, расположенный на Аравийском полуострове у входа в Красное море. И хотя город устоял, португальская эскадра сумела войти в это «мусульманское море». Албукерке уничтожил мусульманскую монополию на торговлю пряностями, распространил португальское влияние и создал укрепленные пункты на всем азиатском побережье: от Красного моря до Малайзии. Ключевыми точками стали Ормуз, Гоа и Малакка. Действуя жестко и изобретательно, силой и подкупами, Португалия создала на Востоке огромную колониальную империю, протяженностью от побережья Восточной Африки, Южной Аравии и бассейна Персидского залива до Индии и дальше, вплоть до Индонезийских островов и Китайского моря. К нему на поклон приезжали послы Персии, Сиама, Эфиопии и даже Китая.

Поставки в Европу пряностей переместились из Средиземноморья в Атлантику, потянув за собой денежные потоки. Центром мировой торговли впервые в истории человечества стал Лиссабон [Поляков 2023, 123, 125, 137].

Среди портов Оманского побережья, в том числе в районе Ас-Сирр (прибрежные земли сегодняшних ОАЭ), которые начнут платить дань Португалии, оказались Калхат, Эль-Хасаб, Джульфар, Хор Факкан и Эль-Бидийа (нынешний эмирят Фуджайра). Господство Лиссабона в зоне Персидского залива продолжалось с 1507 по 1650 гг. и было для арабов Аравии тяжелым.

Персия возобновила свою активность в зоне Персидского залива при шахе Аббасе I Великом (правил в 1587–1629 гг.), который занялся подготовкой к схватке с португальцами. Помощь арабов Юго-Восточной Аравии в этом деле была ему крайне желательна. В лице шейха аль-Касими, вождя племени аль-кавасим, Аббас нашел решительного сторонника его планов. В 1622 г. персидская флотилия с тремя тысячами солдат на судах при поддержке 6 английских боевых кораблей подошла к Ормузу и осадила остров, который вскоре подпал под власть персов. Во время Ормузской кампании

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 / под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 20.

арабские племена атаковали и захватили Джульфар (нынешний эмират Рас-эльХайма), являвшийся основным поставщиком продовольствия для португальского гарнизона на Ормузе. Португальцы под командованием Руи де Андраде несколько раз пытались вернуть остров, но тщетно. Потеряв Ормуз, португальцы укрепили свои форты в Джульфаре, Диббе, нынешней Бидии. Форпостом португальцев в зоне Персидского залива стал Маскат. В 1650 г. арабы вытеснили португальцев и оттуда, положив конец португальскому господству в зоне Персидского залива.

Династия оманских имамов Аль Йаруб, объединившая племена Омана и изгнавшая португальцев из Южной Аравии, создала к концу века могучую морскую державу. Султан ибн Сайф, пятый имам из династии Аль-Йаруб, в 1717 г., усмирив племена Восточной Аравии и воспользовавшись неурядицами в Персии, «раздвинул власть свою» и установил к 1720 г. плотный контроль над морскими коммуникациями в Персидском заливе. Обладая торговым и военным флотом в 400 судов, он господствовал в водах Персидского залива и в Южной Аравии до 1736 г.

В то время расцвело пиратство. Главенствовали корсары из конфедерации племен аль-кавасим, живших в нынешних землях Рас-Эль-Хаймы и Шарджи, которые промышляли разбоем в водах Аравийского моря и Индийского океана, а также английские флибустьеры. В 1736 г. шах Персии Надир-шах Афшар забрал в свои руки принадлежавший тогда Оману Бахрейн, а в 1737 г. персы появились в землях нынешних ОАЭ и Омана. В 1749 г. династию Аль-Йаруб в Омане сменила династия Аль Сайд, правящая там и сегодня. Ахмад ибн Сайд с 1758 г. стремился поставить под контроль племена аль-кавасим, но безуспешно.

Первый захват пиратами аль-кавасим британского торгового судна состоялся в декабре 1778 г., когда английский бриг с грузом на борту был атакован шестью парусниками и после трехдневного сражения отбуксирован в Джульфар. После этого пиратские набеги на британцев стали регулярными [Сенченко 2022, 147–153, 156–159, 164–167].

Семь сестер

У каждого из семи Эмиратов есть своя история происхождения. Не обязательно древняя, но всегда красивая.

Возникновение города Абу-Даби связано с легендой. В 1761 г. шейх Дияб ибн Иса из рода Аль Нахайан охотился на побережье. Следы газелей привели к броду у лежавшего неподалеку острова. Перейдя брод и попав на остров, погнался он за грациозной белой газелью, которая привела к месту, где у источника паслось целое стадо газелей. Остров был окружен водами и коралловыми рифами, затруднявшими подход к нему с моря парусникам неприятеля. Шейх назвал его Абу-Даби, что в переводе с арабского значит «Отец газели» или «Земля газели». Там построили сторожевую башню для охраны источника, затем возвели крепость. Вокруг ее стен и возник город.

Это история бедуинов-кочевников. Офицер английской Ост-Индской компании С. Хеннел, посещавший Абу-Даби в 1831 г., передал и другое предание — от «людей моря». Рыбаки и ловцы жемчуга утверждали, что источник пресной воды обнаружили вовсе не охотники, а рыбаки. Высадившись на тот остров во время лова рыбы, они нашли его подходящим для устройства рыболовецкого поселения. Молва о красивом и богатом растительностью острове разлетелась по племенам, проживавшим в оазисе Лива, расположенному на континентальной части Аравийского полуострова.

Как бы то ни было, Дияб ибн Иса продолжал жить в оазисе Лива. Но его преемник шейх Шахбут перенес на остров газели свою резиденцию, которая сохранилась до наших дней и входит в дворцовый комплекс Ал-Хосн как Белый форт. Именно Шахбут очертил контуры эмирата Абу-Даби, распространив власть семейства Аль Нахайан на остров Абу-Даби, оазис Лива, остров

Дальма, оазис Эль-Айн. Дальма с 200 источниками пресной воды являлась в прошлом центром жемчужного промысла, который называли даже «аравийским Бомбеем», так как туда для закупки жемчуга в сезон лова прибывало много торговцев-индусов. Численность населения самого города Абу-Даби составляла в середине 1950-х не более 3 тысяч человек.

О Дубае нередко говорят как о преемнике Ормуза, легендарного торгового центра Древнего Востока. Самые ранние упоминания о населенном пункте Дубай датируются 1799 г. Эмират Дубай появился в 1833 г. как результат внутриплеменных разногласий в княжестве Абу-Даби. Влиятельный род, насчитывавший около восьмисот человек во главе с шейхами Убайдой ибн Саидом и Муктумом ибн Бути, ушел из Абу-Даби в земли, где в наши дни стоит Дубай. После смерти шейха Убайда единолично управлял Дубаем шейх Муктум, заложивший правящую сегодня династию Аль Муктум.

Есть несколько объяснений названия эмирата. Первое гласит, что оно произошло от слова «дабайат», что означает «молодая саранча», размножающаяся в тех краях. Второе предполагает происхождение от слов «два» и «братья» на фарси, а смысл названия — разделенные бухтой две части города — Дайра и Бур Дубай. Согласно третьему объяснению, название эмирату дало слово, в древности означавшее «деньги».

Дубай развился благодаря жемчужному промыслу и торговле. Введение в 1902 г. высоких таможенных пошлин в Иране привело к тому, что товары из Индии на рынки Персидского залива стали поступать через Дубай. В начале XX в. Дубай выступал также каналом контрабандных поставок оружия в Аравию, за что в 1911 г. даже подвергся обстрелу орудиями британского сторожевого отряда.

До начала 1970-х годов жизнь в Дубае протекала, как говорили старожилы, «исключительно в черно-белом цвете: в цвете дня и ночи», а время сверяли по азанам. Мылись либо в море, либо у пресного источника в районе Хамрия. Огонь в очагах поддерживали кизяками. Узкие улочки по ночам освещала луна, которую там называли «лампадой бедуинов».

Дубай славился торговлей индийскими пряностями, золотом и ювелирными украшениями, считаясь коммерческим центром региона, «общеаравийским складом» товаров. В Дубайской бухте плотно стояли сотни судов доу, доверху набитые специями из Индии, Малайзии и Индонезии. Дубайские купцы занимались операциями с золотом, в том числе на биржах Лондона и Швейцарии.

Название эмирата Шарджа происходит от слова «шарк» — «восток». Шарджа в прошлом — часть могущественной империи племен аль-кавасим, границы которой простирались от полуострова Мусандам у входа в Персидский залив до порта Кальба. Основал Шарджу в 1727 г. шейх Рашид ибн Рахман Аль-Касими, правивший в 1727–1777 гг. В XIX в. консул Российской империи в Багдаде А. Адамов сообщал что Шарджа выделяется постоянным наличием в ней иностранных купцов, торгующих мануфактурными изделиями, золотыми и серебряными украшениями и шерстяными плащами.

Эмират Аджман был заложен в 1800 г. поселившимся здесь в конце XVII в. выходцем из племени Аль-бу-Хараибан. Слово «аджман» переводится как «немой» или «чужак»: либо там жили люди, не использовавшие традиционные арабские боевые кличи, либо до прихода арабов там жила колония персов. До Первой мировой войны Аджман был подконтролен Шардже. Наиболее известными правителями из династии Аль Нуайми считаются шейхи Рашид III ибн Хумайда (правил в 1928–1981 гг.) и нынешний эмир Хумаид бен Рашид аль Нуайми III.

Название эмирата Ум-эль-Кавайн в переводе с арабского значит «мать двух сил» — пустыни и моря. Заложил эмират в 1775 г. и ныне правящий в нем клан Аль Муалла. Родоначальником династии стал шейх Маджид.

К началу XX в. эмират считался одним из центров судостроения, где сооружали все типы судов: шуши — для рыбной ловли, самбуки — для ловцов жемчуга и джалабуты — для морских торговых экспедиций. Наполеон рассматривал Умм-эль-Кайвайн как место подготовки к его несостоявшемуся походу в Индию. Он намеревался создать там военно-морскую базу. В 1791 г. два посланника Наполеона посещали эмират, добиваясь согласия шейха на заключение военного альянса с Францией.

Рас-аль-Хайма по-арабски означает «верхушка шатра». У эмирата древняя история. Он поддерживал тесные торговые связи с Персией, Индией, Месопотамией, Сирией и Средиземноморьем. Древний город Ал-Дур обеспечивал водой и продовольствием караваны, курсировавшие между землями Эш-Шамал и Месопотамией. Деревушка Шамал известна развалинами дворца, заложенного, как полагают, легендарной царицей Билкис, правительницей Сабейского царства (Йемен).

В землях Рас-аль-Хаймы располагался и Джульфар, город лоцманов, корабелов и мореходов Южной Аравии, где проживало племя аздан, ведущее свое начало от легендарного Кахтана, внука Сима, одного из сыновей Ноа. Джульфар был звеном торговой цепочки Пальмиры, там находилась большая колония пальмирских купцов, торговавших на рынках Аравии, Персии и Индии. Поднялась Рас-аль-Хайма как один из центров силы (наряду с Шарджей) морской империи аль-кавасим, насчитывавшей более 20 тысяч испытанных моряков, одновременно с падением в Омане династии Йаруба в середине XVIII в.

Фуджейра в переводе с арабского — «бьющий из земли источник пресной воды». Вокруг такого горного родника некогда расположилось поселение финикийцев, «гигантов моря», как их издревле называли арабы. Заложил эмират Фуджейра отпавший от Шарджи в 1901 г. род аш-Шарки. Англичане признали Фуджейру в качестве независимого шейхства в 1952 г. В Фуджайре немало — в Хор Факкане, Диббе — сторожевых башен и крепостей, оставшихся со времен португальского владычества [Сенченко 2020 376–391; Сенченко 2023, 278–342].

Британский протекторат

С XVIII века прибрежные арабские княжества были втянуты в борьбу с Великобританией, чьи корабли монополизировали грузоперевозки между портами Персидского залива и лишали жителей главного источника существования. Это привело к острым конфликтам между британской Ост-Индской компанией и арабскими племенами, которых англичане называли пиратами, а район княжеств — Пиратским берегом.

В начале XIX в. Ост-Индская компания решила положить конец пиратству и угрозе торговому судоходству в Персидском заливе, которую создавали племена аль-кавасим. Как отмечает историк Ю. Роган, «под флагом усмирения Пиратского берега британцы превратили Персидский залив в “британское озеро”» [Роган 2022, 243].

Первые жалобы англичан датируются 1797 г. и были связаны с нападениями на британские, османские и арабские суда. В октябре 1809 г. Ост-Индская компания снарядила карательную экспедицию из 16 кораблей, которой было предписано подвергнуть бомбардировке город Рас аль-Хайма, сжечь там все корабли и склады. С ноября 1809 г. по январь 1810 г. британский флот атаковал Рас аль-Хайму и четыре других порта аль-кавасим. Были сожжены 60 больших судов и 43 малых, изъято якобы украденного имущества на 20 тысяч фунтов стерлингов. Однако британцы не сумели заставить аль-кавасим заключить соглашение, и племена продолжали нападать на британские корабли в Персидском заливе.

В 1819 г. из Бомбея отправилась вторая британская экспедиция, которая не только сумела захватить и сжечь большинство кораблей аль-кавасим, но и добилась политического урегулирования. 8 января 1820 г. шейхи Абу-Даби, Дубая, Аджмана, Умм аль-Кайвайна и Бахрейна, а также клан аль-Касими, правивший Шардже и Рас аль-Хаймой, подписали договор, обязавшись прекратить нападения на британские суда, соблюдать общие правила судоходства в обмен на доступ для торговли ко всем британским портам в Персидском заливе и Индийском океане [Роган 2022, 243–244].

С тех пор эти эмирата нередко называли договорными странами или странами Договорного Омана [Hourani 2013, 269]. Дипломаты Российской империи предпочитали называть эти земли Побережьем шейхов.

Соглашения 1820 г. были подтверждены в Генеральном договоре о вечном мире 1853 г., который запрещал военные действия на море между всеми государствами Персидского залива. Местные племена заключили формальные договоры как с Британией, так и между собой. На территории Договорного Омана были созданы английские военные базы. Политическую власть осуществлял английский политический агент. Персидский залив фактически полностью превратился в британский протекторат. Местные жители продолжали держаться древних традиций, хотя не были в состоянии серьезно сопротивляться колонизаторам из-за малочисленности и распреей между племенами.

В 1890-е годах британцы пошли еще дальше, взяв с правителей Персидского залива обязательство «не уступать, не продавать, не закладывать и не отчуждать иным способом любую часть своей территории никому, кроме британского правительства». Это ограждало британские интересы от посягательств как Османской, так и других европейских империй. В 1899 и 1916 гг. к протекторату присоединились соответственно Кувейт и Катар, искавшие у британцев защиты от посягательств Турции.

Первое крупное нефтяное месторождение в регионе Персидского залива было открыто в мае 1908 г. в центральном Иране. И у геологов были все основания полагать, что в недрах всего этого региона скрываются богатейшие запасы черного золота. Британцы бросились заключать с княжествами залива договоры об исключительных правах на разведку нефти [Роган 2022, 244–245]. Но нефть долго не находили.

В годы Первой мировой войны территория Договорного Омана использовалась как логистический центр для переброски грузов из Индии, а затем для базирования британской авиации, что позволило заметно развить там транспортную инфраструктуру [Бурова 2024, 182].

Столкнувшись с территориальными притязаниями союзников, прежде всего Франции, в апреле 1915 г. премьер-министр Г. Асквит создал комитет, названный по имени его председателя сэра М. де Бунсена, для разработки проектов послевоенного раздела турецкого наследства. В конце июня 1915 г. комитет представил свои выводы: после распада Османской империи регион Персидского залива от Кувейта до государств Договорного Омана должен был остаться британской сферой влияния [Роган 2022, 209].

После Первой мировой войны, пишет А. Хурани, «британское правительство придало большую формальность своим отношениям с правителями в Заливе. Были достигнуты соглашения, которыми правители Бахрейна, Омана, “договорных стран” и Кувейта вручили свои отношения с внешним миром в руки правительства Британии [Hourani 2013, 280–281].

В начале 1920-х гг. в Договорном Омане развернулась борьба за независимость, достигшая наибольшего размаха в Шардже и Рас-эль-Хайме. И в то время произошло ключевое событие в истории Эмиратов и всего Ближнего Востока — в Персидском заливе были открыты богатейшие запасы нефти. В 1922 г. англичане установили контроль за правом шейхов предоставлять концессии

на разведку и добычу нефти. В 1937 г. британские нефтяные компании получили концессии в Дубае и Шардже, в 1938 г. — в Рас-аль-Хайме, в 1939 г. — в Абу-Даби и Аджмане. Тем самым Лондон закрепил за собой исключительные права на нефтедобычу нефти в Договорном Омане [Бурова 2024, 182]. Однако добыча не велась, основной доход княжествам приносила торговля жемчугом.

Границ как таковых между эмирятами побережья не существовало. На этой почве то и дело разгорались конфликты. Только в апреле 1954 г. британский политический агент на Оманском побережье К. Гордон с согласия шейхов приступил к разметке их территорий, начав с границ между Рас-эль-Хаймой и Умм-эль-Кайвайном [Сенченко 2020, 375].

Нефть, причем в больших количествах, была обнаружена в 1958 г. в эмирете Абу Даби, который стали называть новым Кувейтом (только с населением в четыре раза меньше, чем в Кувейте) [Mansfield 2013, 317–318]. «Открытие нефти в различных частях Залива и ее масштабная разработка в Абу Даби придало новое значение этой всегда считавшейся бедной земле и привело к некоторому расширению британского контроля — от небольших портов на побережье в глубь полуострова, где теперь обрело значение четкое определение границ. Через британское влияние была создана аморфная федерация, которая перехватила объединяющую роль, раньше исполняемую Британией» [Hourani 2013, 408].

Задача сведения шейхств в федерацию осложнялась тем, что племена Абу-Даби принадлежали к южноаравийскому межплеменному союзу хинави, а племена Шарджи, Аджмана, Умм-эль-Кайвайна и Рас-эль-Хаймы входили в межплеменной союз гафири [Сенченко 2020, 375].

С добычей нефти начался приток иностранных инвестиций, а нефтедоллары позволили существенно поднять уровень жизни местного населения. Но княжества оставались под британским протекторатом, против чего в 1964 г. выступила Лига арабских государств, провозгласившая право всех арабских народов на независимость.

Уход англичан из Эмирятов стал частью процесса стремительного развала Британской империи. В начале января 1968 г. премьер-министр (лейборист) Г. Вильсон объявил, что Британия прекращает свои военные обязательства по защите стран к востоку от Суэца и выведет свои войска до конца 1971 г. Численность наземных войск Великобритании в Персидском заливе составляла около 6 тысяч, не считая наземные службы поддержки авиации.

Решение правительства Вильсона застало правителей стран Персидского залива врасплох, многие из них просили англичан остаться и даже обещали финансировать издержки Лондона на военное присутствие. Такое предложение было с возмущением отвергнуто. Военный министр Д. Хили высмеял даже саму мысль, будто англичане станут «наемниками тех, кто хочет иметь у себя британские вооруженные силы». Однако, уходя, англичане помогли объединению княжеств в федерацию — Объединенные Арабские Эмираты, полагая, что это сделает их более жизнеспособными и укрепит их безопасность [Ергин 2019, 605–606].

Чудо в песках

Импульс образованию ОАЭ дали правитель Абу-Даби шейх Заид Аль Нахайан и правитель Дубая шейх Рашид Аль Муктум. Встретившись, согласно традиции, на «рубежах своих земель» в бедуинской палатке, они решили: союзу быть. О своем решении известили глав других эмирятов, собравшихся летом 1971 г. на встречу учрежденного ими Совета государств Договорного Омана. К соглашению о формировании Объединенных Арабских Эмиратов, заключенному в гостевом доме шейха Рашида в Дубае, присоединились вначале правители шести эмирятов. Рас-эль-Хайма присоединилась к ОАЭ 10 февраля 1972 г. Двери для вступления оставили открытыми для Бахрейна и Катара [Сенченко 2020, 375–376].

Пакт об образовании ОАЭ был подписан 2 декабря 1971 г. И уже 8 декабря ОАЭ был признан Советским Союзом. В 1986 г. СССР открыл свое посольство в Абу-Даби, посольство Эмиратов появилось в Москве в 1987 г.²

Предоставление независимости совпало с резким скачком цен на нефть, что позволило новому федеративному государству проявлять самостоятельность в области экономики и внешней политики. Благодаря нефтяным доходам, зарубежным инвестициям и займам, широкому привлечению зарубежной рабочей силы экономика ОАЭ в 1970-е росла в среднем на 10% в год [Hourani 2013, 436].

Постепенно усиливаясь интеграция в рамках единого государства, многие значимые вопросы стали прерогативой федеральных органов власти, в том числе безопасность и оборона, гражданство и иммиграция, образование, здравоохранение, занятость, единая валюта, банковская система, средства связи, безопасность на дорогах, лицензирование авиаперевозок, защита территориальных вод [Бурова 2024, 185–186].

Государственный строй ОАЭ российские государствоведы определяют как выборная монархия [Восток и политика 2011, 142]. ОАЭ являются федеративным монархическим государством, состоящим из семи эмиратов — абсолютных монархий. Глава государства — президент, которым является эмир крупнейшего эмирата Абу-Даби, где находится и одноименная столица ОАЭ. Ключевая роль эмирата Абу-Даби определяется тем, что административное устройство опирается на право каждого эмирата распоряжаться запасами углеводородов на своей территории. А наиболее крупные запасы, а значит, и финансовые ресурсы — в Абу-Даби. Эмир второго по значимости Дубая занимает пост главы правительства ОАЭ. Сейчас это шейх Мохаммед ибн Рашид Аль Мактум. Высший совет ОАЭ состоит из глав всех семи эмиратов. Совет определяет общую политику государства, а Совет министров отвечает перед Высшим советом за проведение этой политики. Высший совет вправе пересматривать принцип государственного устройства страны, он утверждает председателя Совета министров. Съезд Совета происходит в начале октября каждого года, при этом Совет должен проводить в течение сессии пленарные заседания каждые два месяца. Для принятия решения необходимо присутствие на съезде минимум пяти членов, среди которых должны быть представители Абу-Даби и Дубая. Заседания Совета проходят, как правило, в закрытом формате.

Власть в Абу-Даби, а следовательно и во всем государстве, передается по наследству. С 14 мая 2022 г. должность президента ОАЭ занимает шейх Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян. Клан аль-Нахайян правит эмиратором Абу-Даби уже более 250 лет.

Отдельным эмираторам принадлежит право формировать свои вооруженные силы, которые в случае возникновения внешней угрозы должны войти в общую оборонительную структуру [Бурова 2024, 185]. Армия небольшая, но боеспособная. Военную подготовку офицерский корпус ОАЭ проходит в Великобритании [Hollingsworth, Mitchell 2010, 169].

Правители Эмиратов весьма философски относятся к звучащей порой в их адрес критике по поводу отсутствия у них демократических институтов. Шейх Дубая Мохаммед ибн Рашид Аль Мактум в автобиографической книге просто объясняет природу политики: «Власть принадлежит одному лишь Господу. Величие принадлежит одному лишь Господу». И вспоминает судьбу шаха Ирана: «Я стал свидетелем ослепительного мира в 1971 году, когда посещал шаха на торжествах по случаю празднования 2500-летия основания Персидской империи... Правитель Правителей мало обращал внимания на столь быстрые перемены и полагался на британскую и американскую поддержку, а не на любовь своего народа. Он был далек от простых людей и больше озабочен своими дворцами и экстравагантным образом жизни. В 1979 году, всего восемь лет спустя после

² БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 225.

того шикарного торжества, Правитель Правителей был свергнут с Павлиньего Престола... И часто в странах, опустошенных революциями, революционеры затем становились "королями" иного рода, просто называя свои страны "республиками" вместо "монархий". Как и в случае с бывшими королями и императорами, они возводили для себя величественные дворцы, живя вдали от народа и окружая себя кругами почитателей, которые бы приветствовали их достижения... Между нашим управлением и управлением этих стран существует принципиальное различие, а именно — оставаться в непосредственной близости к нашим людям, сохраняя при этом скромность в служении им и обеспечении им счастья. Это простая разница между процветанием и крахом, успехом и неудачей, порядочностью и позором»³.

ОАЭ известны своей приверженностью политике толерантности, существует даже министерство толерантности, принятые законы по предотвращению дискриминации, насилия и экстремизма. Представителям всех вероисповеданий разрешено осуществлять свои религиозные обряды [Бурова 2024, 181].

По оценкам ООН, общая численность населения ОАЭ в 2024 г. составляла 9,6 млн человек. Иммигранты составляют 88,5% от общей численности населения страны. По оценке, 11,5% населения ОАЭ составляют эмиратцы, южные азиаты — 59,4% (включая 38,2% индийцев, 9,5% выходцев из Бангладеш, 9,4% пакистанцев, 2,3% — граждане других стран Южной Азии), египтяне — 10,2%, филиппинцы — 6,1 %, граждане других стран — 12,8 %. Шиитов в ОАЭ около 15% от общей численности населения [Mansfield 2013, 441].

Официальный язык — арабский, широко используются также английский, хинди, малаялам, урду, пушту, тагальский и персидский.

88% населения Эмиратов живет в городах. Крупнейший и наиболее динамично развивающийся город — Дубай с населением более 2,5 млн человек. Другие крупные города — Абу-Даби, Шарджа, Эль-Айн и Фуджейра.

ОАЭ принадлежат к группе высокоразвитых стран — экспортёров нефти и газа, обладающих высоким уровнем доходов и привлекательностью для иностранных инвестиций. ОАЭ в 2022 году имел ВВП в 507,5 млрд долларов, то есть ВВП на душу населения составляет 87 729 долларов, что намного больше, чем в США или в Европейском союзе.

Происходит диверсификация моноотраслевой экономики в постиндустриальную экономику смешанного типа. Наряду с сохранением нефте- и газодобывающей отраслей, обрабатывающей промышленности с использованием трудосберегающих технологий и робототехники, сельского хозяйства (преимущественно в птицеводстве и овощеводстве), происходит интенсивное развитие финансовой и рекреационной сфер с использованием новейших технологий. Международный финансовый центр в Дубае превратился в удобную платформу для финансовых учреждений и компаний, выходящих на рынки Ближнего Востока, Южной Азии и Африки [Яковлев 2023, 22, 23, 35].

Темпы роста экономики ОАЭ составили в 2022 г. 6,6%, в 2023 г. — 3,4%, в 2024 г. (по прогнозу Всемирного банка) — 3,7%. Уровень инфляции снизился с 4,8% в 2022 г. до 2,2% в 2024 г. [Ибрагимов и др. 2024, 116–117].

В ОАЭ с их небольшим местным населением ужесточается регламентация труда иностранцев (чья доля превышает 90% рабочей силы), на производстве происходит широкое внедрение робототехники [Яковлев 2023, 35].

На общем фоне Эмиратов ярко выделяется Дубай, который многие даже ошибочно считают столицей ОАЭ. Имея гораздо меньше доходов от нефти и газа, чем в Абу-Даби, семейство аль-Мактум

³ Мухаммед ибн Рашид Аль Мактум. Моя история. 50 воспоминаний о пятидесяти годах службы. Дубай: Explorer, б/д. С. 16, 17–18.

сделало ставку на превращение своего эмирата в глобальный центр международных банковских операций, туризма и недвижимости. Особенно поначалу удался прорыв в сфере туризма: уже в 1990-е Дубай ежегодно посещало более 6 млн туристов.

Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. нанес серьезный удар по экономике Эмиратов, особенно наиболее глобализированного из них — Дубая. Стоимость недвижимости там упала на 40%, а фондовый рынок потерял две трети капитализации. Только вмешательство федерального правительства ОАЭ в Абу-Даби спасло дубайское чудо от крушения в массовых финансовых дефолтах [Hourani 2013, 496].

Дубай — «аравийская витрина» золота. Эмират занимает второе место в мире по обороту золота в слитках и второе место по реэкспортным операциям с золотом. По случаю торгового фестиваля 2015 г. 500 ювелирных компаний Дубая выставили на обозрение в одном из торговых центров золотую цепь длиной до 8 км и весом в 200 тонн. Бурно развивается алмазный бизнес. Дубай входит также в тройку крупнейших в мире центров по торговле алмазным сырьем.

Дубай — это город кофе, где кофейни повсюду. В 2014 г. там открылся первый на Арабском Востоке музей кофе. Неравнодушны дубайцы и к шоколаду. Из него соорудили и выставили в Дубайском международном аэропорту 13,5-метровую башню в виде небоскреба Бурдж Халифа, самого высокого здания в мире (828 м) [Сенченко 2020, 383].

Шейх Аль Муктум имеет основания заявить: «Сегодня, до того срока, что мы установили для себя, Правительство ОАЭ уже занимает первое место в мире по более чем 50 международным показателям, первое место в регионе по более чем 100 показателям развития и является наиболее эффективным в мире, согласно международным отчетам. Оно занимает первое место в мире по доверию своих граждан»⁴.

Эмираты в глобальном мире

Внешняя политика Эмиратов изначально мало отличалась от позиций их соседей по Персидскому заливу. ОАЭ были в числе государств, поддерживавших Ирак в кровопролитной ирано-иракской войне 1980–1988 гг. [Mansfield 2013, 373], в которой С. Хусейн — с подачи американцев — был нападающей стороной.

Во время войны в Заливе 1990–1991 гг. против напавшего на Кувейт С. Хусейна Объединенные Арабские Эмираты и Оман по призыву Саудовской Аравии согласились направить свои войска и предоставить военные объекты для международной коалиции во главе с США [Роган 2022, 634–635].

Эмираты играют заметную роль в международных отношениях. ОАЭ — член Лиги арабских государств, Движения неприсоединения, Организации исламского сотрудничества. С момента своего образования ОАЭ официально вошли в группу неприсоединившихся стран и выступали в ней с позиции «абсолютного нейтралитета», позволявшей им сохранять «равноудаленность» от Запада и Востока. Важное значение придается участию в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в котором ОАЭ видят действенный механизм обеспечения региональной стабильности и сотрудничества.

ОАЭ, не претендую на политического лидерства, видят себя неотъемлемой частью и одним из ключевых звеньев формируемой трансрегиональной системы «взаимосвязанности» посредством встраивания в существующие структуры и создания новых форматов сотрудничества. Они полагают, что «международный порядок, сложившийся после окончания Второй мировой и холодной войн, во главе с США находится в упадке» и «стратегическая диверсификация» является оптимальным курсом их региональной и глобальной политики.

⁴ Мохаммед ибн Рашид Аль Мактум. Моя история. 50 воспоминаний о пятидесяти годах службы. Дубай: Explorer, б/д. С. 293.

Эмираты долгое время рассматривали Иран в качестве противника. В ирано-иракской войне ОАЭ выступали в поддержку Ирака, но не разрывая экономические связи с Ираном. С начала 2000-х ОАЭ проводят курс на экономическое «вовлечение» Тегерана, став для него одним из ключевых торговых и инвестиционных партнеров [Тюкаева 2024, 52–53].

В вопросах ближневосточного урегулирования ОАЭ выступают за полный вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, за обеспечение законных прав арабского народа Палестины, в том числе на создание собственного государства.

Вместе с тем ОАЭ стали третьей арабской страной после Египта (1979) и Иордании (1994), которая формально нормализовала отношения с еврейским государством. Договор о нормализации отношений между Государством Израиль и Эмиратами был подписан 15 сентября 2020 г. В рамках «Соглашений Авраама» были запущены инвестиционные проекты в сфере финансов и в сельскохозяйственной отрасли. Кроме того, налаживалось сотрудничество, связанное с производством лекарств и увеличением турпотока в ОАЭ со стороны Израиля.

ОАЭ укрепляют экономические связи с африканскими странами, в частности с Анголой, Замбией и Демократической Республикой Конго, предлагая значительные инвестиции в энергетику, сельское хозяйство, информационные технологии, морскую логистику. С 2012 по 2022 г. прямые инвестиции ОАЭ в Африку составили 59,4 млрд долларов, что сделало их третьим по величине вкладчиком на континенте после Китая и США.

В 2023 г. был заключен контракт на постройку трех корветов для ангольских ВМС. Ангола, в свою очередь, обеспечивает Эмиратам большую продовольственную безопасность, предлагает доступ к полезным ископаемым. В планах Эмиратов превратиться в центр, соединяющий Африку, Ближний Восток и Азию. Такая стратегия, снижающая зависимость африканских стран от Китая, получает и поддержку Запада [Богданов и др. 2024, 86–87].

Проявлением очевидно независимого курса ОАЭ стала их позиция по украинскому кризису. Они предпочли придерживаться нейтралитета, призвав стороны к политическому урегулированию. Одновременно они твердо отказались от присоединения к западным санкциям в отношении Москвы. Власти ОАЭ, реагируя на соответствующие обвинения и требования, подчеркнули свою приверженность нормам международного права, которые не обязывают соблюдать санкции, введенные отдельными юрисдикциями, такими как США, Великобритания или Евросоюз [Соснов и др. 2024, 17].

Замораживание российских средств, осуществленное США и их союзниками в одностороннем порядке, произвело, мягко говоря, сильное впечатление на правителей нефтяных Эмиратов. Объем нефтедолларов, вложенных ими в западную финансовую систему, преимущественно с США, оценивается в сотни миллиардов, и они беспокоятся за безопасность своих финансовыхложений [Яковлев 2023, 39].

Россия и ОАЭ

Российско-эмиратские отношения опираются на широкую договорную базу. Соглашение о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве было заключено в 1990 г., о военно-техническом сотрудничестве — в 2006 г., о воздушном сообщении — в 2007 г., о стратегическом партнерстве в нефтегазовой сфере, а также о поощрении и взаимной защите капиталовложений — в 2010 г.

В сентябре 2007 г. состоялся первый в истории визит в ОАЭ российского главы государства — В.В. Путина, прошли его переговоры с президентом Халифом бен Заидом Аль Нахайаном. Нынешний президент ОАЭ, Мухаммед бен Заид Аль Нахайян, неоднократно посещал Россию сперва как начальник генерального штаба, а затем как наследный принц и президент⁵.

⁵ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 226–227.

Значительно способствует сотрудничеству ОАЭ с Россией общее видение угроз, главными из которых представляются деятельность исламистских организаций и связанные с ними протестные движения. Кроме того, они разделяют стремление к стабилизации Ближнего Востока, что подразумевает мирное урегулирование конфликтов и превращение региона в зону, свободную от ядерного оружия.

Начало российской антитеррористической операции в Сирии в сентябре 2015 г. в поддержку президента Б. Асада поначалу негативно оценивалось руководством ОАЭ, активно поддерживавшим антиправительственные сирийские группировки. Однако по мере успешной реализации задач российской операции подходы Абу-Даби начали меняться. Россия на глазах становилась важным geopolитическим актором, одним из «союзников, с которыми нельзя не договариваться».

С середины 2010-х стремительно усиливается координация действий между Абу-Даби и Москвой, невзирая на некоторые «тактические расхождения», на основе «разделяемых стратегических приоритетов» в Сирии, Судане, Ливии, Палестине. Велика заинтересованность в углублении российско-эмиратского сотрудничества по борьбе с терроризмом.

Большую значимость для Абу-Даби представляет позиция России как постоянного члена СБ ООН в отношении конфликта в Йемене и участия в нем арабской коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией. Призывая к политico-дипломатическому урегулированию, Москва тем не менее воздержалась от осуждения саудовской военной кампании и не препятствовала принятию ряда резолюций, отвечавших интересам саудовцев и эмиратцев [Тюкаева 2024, 54–55].

«Глубокие исторические отношения между нашими дружественными странами, насчитывающие более пяти десятилетий, достигли наивысшего уровня после подписания Декларации о партнерстве 1 июня 2018 года во время визита Президента ОАЭ Его Высочества шейха Мухаммеда бен Заида Аль Нахайана в Россию, за которым последовал визит Президента РФ Его превосходительства Владимира Путина в ОАЭ в октябре 2019 года», — говорит посол ОАЭ в Москве М. Аль-Джабер⁶.

В. Путин 6 декабря 2023 г. прилетел на Ближний Восток, чтобы посетить сразу две страны — Объединенные Арабские Эмираты и Саудовскую Аравию, где он не был с начала пандемии в 2019 г. После того, как самолет Президента РФ приземлился в Абу-Даби, кортеж передвигался на Aurus с местными номерами (производство этих автомобилей, к слову, уже налажено в ОАЭ), его приветствовали во дворце Каср Аль-Ватан артиллерийскими залпами. Путь ко дворцу был украшен российскими флагами, вдоль дороги — кавалерия на лошадях и верблюдах. Над столицей ОАЭ истребители в небе распылили цвета российского триколора. Президент РФ поблагодарил коллегу за такой дружеский прием и подчеркнул, что отношения между странами вышли на беспрецедентно высокий уровень. «Я буду счастлив продолжить нашу совместную работу в целях укрепления двустороннего сотрудничества в различных областях. Конечно, особый приоритет мы отдаем развитию в таких областях, как энергетика, инфраструктура, передовые технологии и другие сферы», — сказал президент ОАЭ⁷. Путин также поблагодарил Аль Нахайяна за решение властей ОАЭ выделить участок земли для строительства православного храма⁸.

К ответному визиту эмирата президента в октябре 2024 г., который предшествовал саммиту БРИКС в Казани, дома-книжки на Новом Арбате подсветили в цвета флага ОАЭ. При этом Нахайян передвигался по улицам Москвы на Aurus в сопровождении колонны мотоцилистов.

⁶ ОАЭ являются крупнейшим торговым партнером России среди государств Запада // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/iauthor/material/2834> (дата обращения: 20.12.2024).

⁷ Королевский прием: Путин одним днем слетал в Абу-Даби и Эр-Рияд // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1616667/alena-nefedova/polnyi-vostok-putin-odnim-dnem-sletal-v-abu-dabi-i-er-riiad> (дата обращения: 20.12.2024).

⁸ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 229.

Накануне дня официальных переговоров лидеры побеседовали в подмосковном Ново-Огареве за неформальным ужином и обсудили в том числе кризис на Ближнем Востоке и конфликт на Украине.

Перед началом переговоров президенты приняли участие в открытии Центра международного сотрудничества с ОАЭ в сфере образования имени Шейхи Фатимы бинт Мубарак при гимназии им. Е.М. Примакова. А министр просвещения РФ С.С. Кравцов провел презентацию о деятельности филиала гимназии — Русской школы в Абу-Даби, которая была открыта в 2021 г.

Официальные российско-эмиратские переговоры прошли в Александровском зале Большого Кремлевского дворца в расширенном формате, в них приняли участие министры, курирующие направления промышленности, энергетики, инфраструктуры, транспорта и иностранных дел. «С момента объявления в 2018 году стратегического партнерства эти отношения качественно развиваются, особенно в сфере экономики, торговли, энергетики и в других направлениях, — подчеркнул глава ОАЭ. — В 2018 г. товарообмен между двумя странами за исключением нефтяной сферы составлял 2,5 млрд долл. Однако этот показатель в прошлом году достиг отметки более 11 млрд»⁹. Эмиратская сторона готова приложить все усилия для достижения еще более высокого уровня.

Президент ОАЭ отметил, что Абу-Даби разделяет российское видение многополярного мира: «Мы искренне поддерживаем вас в этом направлении и в рамках БРИКС и ШОС, и в рамках нашего взаимодействия в формате ОПЕК+». Он также поблагодарил Россию за большой вклад в «достижение мечты шейха Заида, который основал Объединенные Арабские Эмираты, а эта мечта заключалась в том, чтобы отправить эмиратского космонавта в космос». Действительно, 25 сентября 2019 г. состоялся первый полет астронавта из ОАЭ. Хаззаа Аль-Мансури прошел в России интенсивную подготовку, овладел русским языком и прибыл на МКС в составе экипажа с россиянином О. Скрипочкой и американкой Дж. Меир. По словам президента ОАЭ, это «затронуло сердце каждого эмиратца» и «навсегда останется в истории наших отношений»¹⁰. В июне 2023 г. Космический центр им. Мухаммеда Бен Рашида ОАЭ запустил в космос спутник PHI-Demo с российского космодрома Восточный¹¹.

В конце октября 2024 г. в развитие московских переговоров в столице ОАЭ прошли российско-эмиратские консультации по безопасности. Представительную российскую делегацию возглавил секретарь Совбеза России С.К. Шойгу. Как он рассказал по итогам переговоров, в ходе встреч с высшим политическим руководством ОАЭ обсуждался вопрос создания международного транспортного коридора Север — Юг. Этот масштабный проект предусматривает в том числе строительство на иранской территории бесшовной транзитной железной дороги от России до портов в Персидском заливе¹².

У России с Эмиратаами весьма активные экономические связи. Первым крупным российским проектом в ОАЭ стало строительство компанией «Стройтрансгаз» совместно с эмиратскими партнерами в 2008–2010 гг. газопровода Тавила — Фуджейра для поставок природного газа из Катара в ОАЭ и Оман. «Техснабэкспорт» (дочерняя компания «Росатома») поставлял топливо для строившейся в Эмиратах АЭС «Барака». В 2015 г. «Росатом» подписал с ОАЭ 15-летний контракт на поставки обогащенного урана.

В 2018 г. эмиратская Mubadala Petroleum приобрела долю в 44% в капитале компании «Газпромнефть-Восток», инвестировав в нефтедобычу в Омской и Томской областях.

⁹ Сотрудничество в политике и экономике: какие темы обсудили президенты России и ОАЭ на переговорах в Москве // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/10/21/urok-arabskogo.html> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 229.

¹² Шойгу обсудил с руководством ОАЭ реализацию проекта коридора Север — Юг // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241029/shoygu-1980714706.html> (дата обращения: 20.12.2024).

Строительные компании из ОАЭ, в том числе крупнейшая из них — Abu Dubai Investment Company, участвовали в возведении олимпийских объектов в Сочи, городской инфраструктуры в подмосковном Домодедове, офисных зданий «Газпрома» в Петербурге. Российская компания «Металлоинвест» построила в ОАЭ металлургический завод Humriyah Steel Plant и завод по производству наноцемента.

В октябре 2019 г. было заключено концессионное соглашение между «Лукойлом» и Национальной нефтяной компанией Абу-Даби по газовому месторождению Гаша¹³.

ОАЭ занимают первое место среди стран арабского мира по показателю объема торговли с РФ. ОАЭ и Россия активно работают в рамках ОПЕК+, что помогает поддерживать приемлемый уровень мировых цен на нефть¹⁴.

Эмираты — одно из главных российских логистических окон, позволяющих приобретать товары, находящиеся под санкционными ограничениями. Эмираты значительно нарастили импорт российского нефтяного сырья по заниженным ценам. ОАЭ неоднократно обвинялись американскими и европейскими официальными лицами в содействии российским компаниям в проведении финансовых операций посредством криптовалютных обменов и обеспечении доступа к товарам, запрещенным ими к ввозу в Россию, в первую очередь электроники и некоторых видов машинного оборудования. Тем не менее в 2022 г. российско-эмирятский товарооборот вырос на 68% и достиг 9 млрд долл. В 2023 г. ОАЭ стали крупнейшим торговым партнером России на Ближнем Востоке, во многом за счет массового реэкспорта, а также крупнейшим арабским инвестором российской экономики. Важно отметить, что ряд платежей в двусторонней торговле России с третьими странами стал реализовываться в эмирятских дирхамах [Тюкаева 2024, 57].

Основными статьями российского экспорта в ОАЭ в 2022 г. стали необработанное золото, дистилляты нефти и нефтепродуктов, непромышленные алмазы, сельхозпродукция, минеральные удобрения. В структуре российского импорта основными стали поставки морских судов, черного чая, машины, агрегаты и промышленное оборудование¹⁵.

Эмираты активно инвестируют в российские проекты, особенно в области высоких технологий и инфраструктуры. Существует большой интерес к активизации сотрудничества в области энергетики, инноваций и технических наук, освоения космоса, здравоохранения, культуры и продовольственной безопасности, а также к формированию совместных планов по проектам в сфере водоснабжения, электроэнергетики и сельского хозяйства.

В Дубае в марте 2023 г. прошел первый раунд переговоров по соглашению о зоне свободной торговли между ЕАЭС и ОАЭ. Второй раунд состоялся в том же году в Петербурге по завершении ПМЭФ¹⁶.

Большой потенциал имеет расширение сотрудничества с Россией в сфере авиаперевозок. В настоящее время между нашими странами совершается около 260 рейсов в неделю. Учитывая показатели туристического рынка, можно ожидать, что количество авиарейсов будет увеличиваться.

Значительные выгоды ОАЭ получили от масштабного наплыва российского бизнеса после 2022 г. и роста числа российских туристов [Там же]. Еще в июле 2018 г. Россия и ОАЭ подписали соглашение о взаимной отмене виз. В различные эмиряты в год приезжает больше миллиона россиян. Они пользуются услугами как национальных перевозчиков ОАЭ, таких как Emirates Airlines, Etihad Airways, Fly Dubai, Air Arabia, так и российских авиакомпаний¹⁷.

¹³ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 227–228.

¹⁴ «Эмираты поддерживают создание многополярного мира» // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1778014/albert-kalashian-alena-nefedova/emiraty-podderzhivajut-sozdanie-mnogopolarnogo-mira> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁵ БРИКС 2024. Справочник ТАСС. М.: ТАСС, 2024. С. 227–228.

¹⁶ ОАЭ являются крупнейшим торговым партнером России среди государств Запада // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2834> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁷ «Эмираты поддерживают создание многополярного мира» // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1778014/albert-kalashian-alena-nefedova/emiraty-podderzhivajut-sozdanie-mnogopolarnogo-mira> (дата обращения: 20.12.2024).

И новость декабря 2024 года: завершились переговоры о заключении соглашения об экономическом партнерстве ЕАЭС и Объединенных Арабских Эмиратов. Перед подписанием соглашению предстоит пройти соответствующие процедуры внутригосударственного согласования. После вступления договора в силу преференциальный режим охватит более 90% взаимной торговли и более 85% товарной номенклатуры¹⁸.

Заключение

Цели правителей Объединенных Арабских Эмиратов весьма амбициозны. Их видение на следующие 50 лет состоит в том, чтобы сделать страну глобальной столицей инвестиций и экономических инноваций, инкубатором для предпринимательства и новых проектов, передовой лабораторией для новых экономических возможностей. Глядя на динамизм развития Эмиратов, можно не сомневаться, что все эти цели будут достигнуты. Вместе с партнерами по БРИКС и с их помощью, ко всеобщему благу.

Список литературы:

Богданов К.В., Кобринская И.Я., Фрумкин Б.Е. Гонка на Глобальном Юге, или Битва за мировое большинство // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5. С. 80–97.
DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97)

Бурова А.Н. ОАЭ // Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность / под ред. Е.И. Пивовара. СПб.: Алатейя, 2024. С. 177–195.

Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы / под. ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2019.

Ибрагимов И., Кадырмамбетов Т., Лазовский С., Самарская Л., Струков Н. Год противоречий для Ближнего Востока: всплеск насилия во время разрядки // Год планеты: ежегодник. М.: Идея-пресс, 2024. Вып. 2023. С. 115–125.

Поляков А.К. Португалия. Полная история. М.: АСТ, 2023.

Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

Сенченко И.П. Аравия. Фрески истории. СПб.: Алатейя, 2020.

Сенченко И.П. Города Аравии. Исторические этюды. М.: Алатейя, 2023.

Сенченко И.П. Объединенные Арабские Эмираты. Дневник истории: лица, события, даты. СПб.: Алатейя, 2022.

Соснов Г.И., Баусин И.Л., Баконина М.С., Горбатова В.В., Фитин В.П. Незапад на перекрестке истории: ближневосточная динамика // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 12–41.
DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_12](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_12)

Тюкаева Т.И. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нем // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 49–60.
DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60)

Яковлев А.И. Экономические тенденции в арабских странах // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. 2023. С. 21–41.

Hollingsworth M., Mitchell S. Saudi Babylon. Torture, Corruption and Cover-Up Inside the House of Saud. Edinburgh; London: Mainstream, 2010.

¹⁸ Переговоры ЕАЭС и ОАЭ об экономическом партнерстве завершились // ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/12/11/1080662-peregovori-eaes-i-oae-zavershilis> (дата обращения: 20.12.2024).

Hourani A. *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber, 2013.

Mansfield P. *A History of the Middle East*. London: Penguin, 2013.

O'Sullivan E. *The New Gulf. How Modern Arabia Is Changing the World for Good*. Dubai: Motivate Publishing, 2009.

References:

Bogdanov K.V., Kobrinskaya I.Ya., Frumkin B.E. (2024) The Race for the Global South or the 'Battle for the Global Majority': Prospects for Russia. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 22. No. 5. P. 80–97. DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97)

Burova A.N. (2024) OAE. In: Pivovar E.I. (ed.) *Mezhgosudarstvennoye ob"yedineniye BRIKS. Stranitsy istorii i sovremennosti*. Saint Petersburg: Alateyya. P. 177–195.

Hollingsworth M., Mitchell S. (2010) *Saudi Babylon. Torture, Corruption and Cover-Up Inside the House of Saud*. Edinburgh; London: Mainstream.

Hourani A. (2013) *A History of the Arab Peoples*. London: Faber and Faber.

Ibragimov I., Kadyrmambetov T., Lazovskiy S., Samarskaya L., Strukov N. (2024) God protivorechiy dlya Blizhnego Vostoka: vsplek nasiliya vo vremya razryadki [A year of contradictions for the Middle East: A surge in violence during detente]. *God planety: ezhegodnik*. Moscow: Ideya-press. Is. 2023. P. 115–125.

Mansfield P. (2013) *A History of the Middle East*. London: Penguin.

O'Sullivan E. (2009) *The New Gulf. How Modern Arabia Is Changing the World for Good*. Dubai: Motivate Publishing.

Polyakov A.K. (2023) *Portugaliya. Polnaya istoriya* [Portugal. The full story]. Moscow.: AST.

Rogan Eu. (2022) *The Arabs: A History*. Moscow: Al'pina non-fikshn.

Senchenko I.P. (2020) *Araviya. Freski istorii* [Arabia. Frescoes of history]. Saint Petersburg: Alateyya.

Senchenko I.P. (2022) *Ob"yedinennyye Arabskiye Emiraty. Dnevnik istorii: litsa, sobytiya, daty* [United Arab Emirates. History diary: Persons, events, dates]. Saint Petersburg: Alateyya.

Senchenko I.P. (2023) *Goroda Aravii. Istoricheskiye etyudy* [Cities of Arabia. Historical sketches]. Moscow: Alateyya.

Sosnov G.I., Bausin I.L., Bakonina M.S., Gorbatova V.V., Fitin V.P. (2024) Non-West at the Crossroads of History: The Middle Eastern Dynamics. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1(82). P. 12–41. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_12](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_12)

Tyukaeva T.I. (2024) The Gulf Monarchies' Vision of the Global Order Transformations and the Russian Place in It. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 68. No. 5. P. 49–60. DOI: [10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-49-60)

Voskresenskiy A.D. (ed.) (2011) *Vostok i politika. Politicheskiye sistemy, politicheskiye kul'tury, politicheskiye protsessy* [The East and politics. Political systems, political cultures, political processes]. Moscow: Aspekt Press.

Yakovlev A.I. (2023) Ekonomicheskiye tendentsii v arabskikh stranakh [Economic trends in Arab countries]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomiceskaya dinamika. Doklad RSMD № 91*. P. 21–41.

Yergin D. (2019) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: Al'pina Publisher.

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

УДК 33

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-27-36

**Снижение эффективности санкций: анализ влияния санкционных ограничений
2022–2024 гг.**

Дегтярев Кирилл Юрьевич

Аспирант, degtarevky@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье обозначены отличительные особенности санкционных мер, вводимых ООН и Европейским союзом (ЕС), показана идентичность подходов по отношению к Российской Федерации в 2022–2024 годах со стороны стран ЕС и некоторых других государств. Указано целевое назначение санкций, подразделяемое по сферам деструктивного влияния на Российскую Федерацию; изучены результаты научных исследований по вопросу выявления наиболее характерных последствий санкций для национальной экономики России и предпосылок к преодолению подобного экономического давления. Обозначены ключевые защитные меры, предпринятые для стабилизации экономики Российской Федерации. Рассмотрены подходы руководства государства к правовому регулированию стратегических экономических процессов, повлиявших на особенности экспорта продукции. На основе ключевых показателей рассмотрена динамика экономического развития государства и представлен анализ указанных числовых значений с точки зрения способности Российской Федерации преодолеть санкционное давление. Выявлены факторы социально-экономического благополучия, в том числе вызванные стабилизацией рынка труда и влиянием Банка России. На примере показателей по общим доходам и расходам была показана тенденция в политике государства к снижению дефицита федерального бюджета. Представлена характеристика экономического развития государства в соответствии с прогнозами профильного ведомства по итогам 2024 года. Посредством дополнительного изучения результатов научного сообщества в сфере влияния санкций на Российскую Федерацию были выявлены очередные факторы снижения эффективности внешних экономических ограничительных мер. В результате анализа специфики укрепления экономики России в 2022–2024 годах спрогнозированы два сценария наиболее вероятного развития государства с учетом действия санкционных мер.

Ключевые слова

Санкции, национальная экономика, экономическое развитие, экспорт продукции, импортозамещение, Европейский союз, бюджет, индекс, эффективность.

Для цитирования

Дегтярев К.Ю. Снижение эффективности санкций: анализ влияния пакетов санкций 2022–2024 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 27–36. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-27-36

Reducing the Effectiveness of Sanctions: Analysis of the Sanctions Impact (2022–2024)

Kirill Yu. Degtyarev

Postgraduate student, degtarevky@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article identifies the distinctive features of sanctions measures by the United Nations and the European Union, shows the identity of approaches towards the Russian Federation in 2022–2024 by the European Union and some other states. The purpose of the sanctions is indicated, divided by spheres of destructive influence on the Russian Federation. The results of scientific researches on the issue of identifying the most characteristic consequences of sanctions in the national economy in the Russian Federation and the prerequisites for overcoming such economic pressure are studied. The key protective measures taken to stabilize the economy of the Russian Federation are outlined. The approaches of the state authorities to the legal regulation of strategic economic processes that influenced the specifics of product exports are explained. Using key indicators, the dynamics of the economic development of the state is studied and an analysis of these numerical values is presented from the perspective of the ability of the Russian Federation to overcome sanctions pressure. The factors of socio-economic well-being, including those caused by the stabilization of the labor market and the influence of the Bank of Russia, have been identified. Using the example of indicators for total revenues and expenditures, the state's tendency to reduce the federal budget deficit was revealed. The characteristics of the economic development of the state are presented in accordance with the forecasts of the relevant department by the end of 2024. Through additional study of the results of the scientific community in the sphere of the sanctions impact on the Russian Federation, the next factors of reducing the effectiveness of external economic restrictive measures were identified. Based on the analysis of the specifics of strengthening the economy of the Russian Federation in 2022–2024, two scenarios of the most likely development of the state are predicted, taking into account the effect of sanctions measures.

Keywords

Sanctions, national economy, economic development, product exports, import substitution, European Union, budget, index, efficiency.

For citation

Degtyarev K.Yu. (2025) Reducing the effectiveness of sanctions: an analysis of the impact of sanctions packages 2022–2024. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 27–36. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-27-36

Дата поступления/Received: 17.10.2024

Введение. Особенности санкционных ограничений, вводимых в отношении РФ

Отличительные особенности санкционных мер, которые вводятся ООН и Европейским союзом (ЕС) по отношению к какому-либо государству, состоят преимущественно в нарушении приоритетов, которые для международных организаций или альянсов являются первичными. ООН, согласно Уставу международной организации, реализует санкционную политику с момента образования. В частности, в ст. 107 документа упомянуты санкции в отношении государств, которые несут ответственность за деструктивные действия в период Второй мировой войны¹.

В настоящее время санкции ООН распространяются в основном на некоторые страны Африки, Ближнего Востока, частично Латинской Америки и Восточной Европы. Если принять во внимание характер санкционных мер по инициативе ООН, то представляется возможным выделить различные виды эмбарго, запреты на поездки на территорию государства, а также замораживание активов, представляющих стратегический интерес при обеспечении устойчивости национальной экономики. В основном государства — члены ООН приходят к необходимости внедрения санкционных мер посредством Резолюций Совета Безопасности международной организации, в котором Российская Федерация является постоянным членом и обладает правом вето.

В Европейском союзе ситуация иная, так как данное объединение государств европейского континента различает санкционные меры по источнику их возникновения². Для России актуальны ограничительные меры усиливающего характера и санкции, разработанные Европейским союзом самостоятельно. Разработка санкционных пакетов, как указывается Дипломатической службой Европейского союза, представляет собой сложный процесс. Однако относительно Российской Федерации санкционные пакеты разрабатываются достаточно интенсивно, что отражается на специфике экономических отношений между государствами-партнерами.

Позиция ЕС такова, что предусмотренная процедура возможного пересмотра санкций в сторону обеспечения стабилизации международных отношений для России как стороны экономического партнерства реализуется по сценарию дальнейшего ужесточения. Помимо Европейского союза, внешние экономические ограничительные меры, направленные на Российскую Федерацию, были введены и время от времени вводятся со стороны таких государств, как Австралия, Южная Корея, Япония, США и Канада. Таким образом, образовалась уникальная ситуация во внешних экономических отношениях, деструктивно повлиявшая на благополучие всех участвующих в процессе ограничений государств.

Характерная особенность санкций со стороны обозначенных государств состоит в стремлении ограничить такие виды взаимного партнерства, при которых прогнозируется ощутимое ухудшение положения Российской Федерации как в мире, так и в различных стратегических отраслях национальной экономики. Со своей стороны, Россия всегда была готова к внешним экономическим ограничительным мерам, о чем свидетельствует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³. Из положений этого документа следует, что подход к экономической безопасности можно характеризовать как последовательный: укрепление безопасных позиций в национальной экономике преимущественно сопряжено со стабилизацией социально-экономического положения граждан вне зависимости от международной повестки дня.

¹ Устав ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 25.09.2024).

² European Union sanctions // The Diplomatic Service of the European Union [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-union-sanctions_en (дата обращения: 25.09.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 25.09.2024).

Поскольку документ был процессуально утвержден в 2021 году, смысл некоторых положений сводится к восприятию происходящих в мире событий как вызовов. По градации степени риска подобная оценка определяет вероятные негативные последствия более четко из-за ряда деструктивных экономических и политических предпосылок в мировом пространстве. Исходя из логики рассматриваемого документа, следует отметить, что Российской Федерации на момент внедрения масштабных санкционных мер со стороны других международных организаций и государств находилась в определенной готовности к реализации худшего экономического сценария.

Согласно карте санкций Европейского союза, ограничительные меры по отношению к Российской Федерации представляется возможным условно разделить на две группы⁴. К первой относятся такие ограничительные меры, которые затрагивают преимущественно финансовый сектор, а также реальный сектор национальной экономики. Многие санкционные ограничения коснулись банковской деятельности, а также транспортной и добывающей отраслей. В рамках второй группы предусмотрены ограничения, связанные с влиянием на общественно-политическую ситуацию внутри государства. Как в первом, так и во второй случае все ограничительные меры регламентированы конечным сроком. В частности, ограничительные меры финансового характера на данный момент действуют до 31 января 2025 года.

Ограничительные меры, связанные с попыткой влияния на общественно-политическую ситуацию в Российской Федерации, предусмотрены до 28 мая 2025 года. При этом следует отметить, что вторая группа ограничительных мер направлена на замораживание активов, препятствование производству и оснащению некоторых видов оборудования, обеспечению телекоммуникационной связи при помощи устройств, а также ограничение на посещение или пересечение территорий государств ЕС.

Первая группа ограничительных мер, связанная преимущественно с финансовыми направлениями, нацелена в том числе на ослабление национальной экономики, препятствование укреплению технологического суверенитета государства и лишение лидирующих позиций на некоторых отраслевых рынках. Стоит отметить, что, согласно официальной позиции Европейского союза, процедура разработки ограничительных мер осуществлялась преимущественно для достижения деструктивной цели в отношении Российской Федерации без учета истинных национальных интересов стран рассматриваемого объединения. Несмотря на то, что Россия неоднократно предупреждала о неизбежных деструктивных последствиях, вызванных влиянием санкционных пакетов на закономерность развития государств в результате партнерства, соответствующие ограничительные меры экономической направленности пересматривались не в пользу стабилизации внутренней общественной системы участвующих в санкциях государств.

Санкции со стороны США, Южной Кореи, Канады, Японии по своей структуре и целевому назначению совпадают с подходом Европейского союза⁵, однако отличительная особенность состоит в том, что многие ограничительные меры затрагивают отраслевые направления, являющиеся основными источниками дохода соответствующих стран. К примеру, Южная Корея отказалась от реализации автомобилей собственного производства на территории Российской Федерации, объем двигателя которых превышает два литра⁶.

⁴ EU Sanctions Map // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main/details/61.26/?search=%7B%22value%22:%22%22%22%22searchType%22:%7B%7D%7D> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Санкции против России // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions-russiaobj> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ Южная Корея запретила поставлять в Россию автомобили. Какие из них пропадут? // Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/12/26/18062755.shtml> (дата обращения: 25.09.2024).

Обзор литературы

Проблема функционирования Российской Федерации как государства в условиях внешних ограничительных мер начиная с 2022 года отражена в научных работах многих исследователей. К примеру, Н.А. Бырда и Т.И. Захарова, рассматривая специфику развития отечественного финансового сектора, пришли к выводу, что банковский сектор в конце 2022 года ощущал не в полном объеме давление внешних ограничительных мер. При этом именно в рассматриваемый период произошло отключение финансово-кредитных организаций от системы SWIFT, что стало угрозой для прекращения телекоммуникационной связи с финансовыми организациями в других странах. Ответная мера, предпринятая Российской Федерацией, в действительности привела к определенной независимости отечественного банковского сектора, так как Система передачи финансовых сообщений (СПФС) позволила нивелировать технические неудобства для внутренних пользователей при осуществлении ими транзакций [Бырда, Захарова 2023].

В работе В.О. Томиной и Е.Ф. Сумарокова обозначено, что Российская Федерация готовилась к ухудшению экономического положения в мировом пространстве начиная с 2014 года. Если до 2022 года число санкций достигало 2754, то после начала СВО суммарное количество ограничительных мер достигло более 14000, что превышает число санкций, введенных против таких государств, как Республика Беларусь, Иран или Северная Корея. Однако, по оценке авторов, ограничительные меры не повлияли на спрос в партнерских отношениях, что особенно заметно на экспорте энергоносителей. Исследователи считают, что вводимые с 2022 года санкционные меры и их поэтапная реализация на практике благоприятно влияют на стимулирование национальной экономики в сфере импортозамещения и переориентации в сторону независимости по ряду стратегических направлений [Томина, Сумароков 2023].

Согласно утверждению Т.А. Бочковой и З.А. Бакоевой, еще в 2022 году наиболее деструктивное влияние на экономику Российской Федерации оказали в совокупности ограничительные меры со стороны США и Европейского союза. Рассматриваемые меры преимущественно затронули реальный сектор экономики, что отразилось на экспортно-импортной политике стратегической продукции. Финансовый сектор в наибольшей степени ощущал на себе негативные последствия из-за отключения систем SWIFT, а также Mastercard и Visa. Усиленное внимание со стороны США и Европейского союза к экспортно-импортной политике связано с сырьевым характером национальной экономики Российской Федерации. Банковский сектор был вынужден переориентироваться в своей внешнеэкономической активности, а реальный сектор экономики — реструктурировать логистику и поставку потенциальным покупателям. Таким образом, как утверждают авторы, основное внимание уделяется стабилизации финансовых операций и сбытовой политике [Бочкина, Бакоева 2023].

В работе Н.П. Матыциной и Д.А. Булгакова на примере энергетического направления показано, что значительный ущерб от ограничительных мер понесли не столько российские компании или национальные экономики соответствующих государств, сколько в большей степени иностранные компании, сотрудничавшие с отечественными партнерами. Авторы привели данные информационного агентства Bloomberg, согласно которым без российских энергоресурсов европейские государства в ближайшие годы потратят на поставки нефти и газа из иных источников сумму, в 3,5 раза превышающую расходы в рамках сотрудничества с Российской Федерацией. При этом непосредственно для России последствия нарушенного экономического партнерства не первичны, так как на фоне санкций сформировались задачи, связанные со стабилизацией уровня жизни населения. К признакам некоторой готовности отечественной национальной экономики авторы относят последствия, вызванные нарушением глобальной цепочки поставок товаров в период борьбы с короновирусной инфекцией. В результате России в 2022 году удалось адаптироваться

к нестандартным экономическим закономерностям в сфере поиска и поставок товаров на внешний рынок [Матыцина, Булгаков 2023].

Среди зарубежных авторов, исследующих вопрос преодоления Российской Федерации ограничительных мер экономическими инструментами, превалирует мнение о целесообразности подобных подходов при достижении коллективных целей. В одной из работ отмечается, что введение санкций относительно какого-либо государства стало модной тенденцией. Однако такие страны, как Российская Федерация, не являются единственными, которые сталкиваются с экономическим давлением извне. Таким образом, указывается, что в мировой экономике не только Россия борется с внешним давлением [Demarais 2022].

Исследователи из Республики Казахстан отметили, что дефицит торгового баланса между Российской Федерацией и Германией, наблюдаемый до введения ограничительных мер в 2022 году, трансформировался в положительное сальдо. Общий объем экспортимемых товаров после 2022 года сократился в три раза, однако экономика Российской Федерации смогла обрести рычаги стабилизации за счет стоимостных показателей соответствующих категорий товаров. Подобная ситуация стала возможной по причине высокой чувствительности Европейского союза и государств Евразийского экономического союза, которые стали находить пути обхода существующих ограничительных мер [Issabayev, Moldashev 2024].

В другой работе упоминаются экономические реформы, которые ранее были осуществлены в Российской Федерации. По утверждению автора, исторически экономика государства восстанавливалась при централизации всех структур и механизмов, что во многом объясняет способность Российской Федерации к экономической устойчивости на фоне любых катализмов. Одним из наиболее важных факторов долговременной устойчивости России автор называет преимущественную ориентацию на улучшение социально-экономического положения [Weber 2023].

Таким образом, пребывание национальной экономики в санкционном состоянии и предпосылки к снижению давления внешних ограничительных мер представителями научной среды воспринимается в целом без опасений. Почти все исследователи признают историческую готовность Российской Федерации к снижению негативных последствий преимущественно за счет ориентации стабилизационных мер на оптимизацию внутреннего социально-экономического положения, нежели на удержание лидирующих позиций по ключевым показателям в мировой экономике.

Ответные меры со стороны России на санкционное давление

В ответ на ограничительные меры Российской Федерацией предпринята ряд мер, которые призваны постепенно привести к смягчению денежно-кредитной и товарной политики⁷. Одним из первых инструментов стал Указ Президента Российской Федерации от 03.05.2022 г. № 252, согласно которому признанные недружественными государства перешли или впоследствии при необходимости будут переведены на особые условия экономического сотрудничества, в том числе в сфере взаиморасчетов⁸. Дальнейшая мера касалась экспорта отдельных категорий товаров, которые запрещалось поставлять на территории недружественных государств.

Упреждая возможные обходы защитных мер в национальной экономике, Правительство Российской Федерации внедрило процедуру запрета параллельного импорта и реализации особых условий для осуществления импорта стратегически важной продукции в страну. Стабилизирующей мерой оказался переход взаиморасчетов за поставляемые в иные страны энергоресурсы на российский

⁷ Какие меры принимала Россия в ответ на западные санкции // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/18468437> (дата обращения: 25.09.2024).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 года № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2022/05/03/prezident-ukaz252-site-dok.html?ysclid=m1ia8zftb2435114663> (дата обращения: 25.09.2024).

рубль. Немаловажным правовым инструментом стал Указ Президента Российской Федерации от 05.08.2022 № 520⁹, согласно которому преимущественно сфера топливно-энергетического комплекса была защищена от несанкционированных сделок с иностранным участием. Базис стабилизации национальной экономики был дополнен правовым механизмом формирования предельного ценообразования на энергоресурсы, что позволило защитить соответствующие источники дохода от предполагаемых невыгодных подходов со стороны потенциальных покупателей российского сырья.

Наиболее расширенные меры были предприняты при изменении и дополнении национального законодательства, которые стали вынужденной мерой для защиты граждан Российской Федерации и активов, находящихся на территории государства. Отдельно следует отметить, что Банк России, реагируя на приоритеты, устанавливаемые в целях стабилизации экономики государства, до настоящего времени также осуществляет собственную финансовую политику, направленную на укрепление рубля. Одной из существенных мер со стороны регулятора стало постепенное и достаточно экстенсивное увеличение ключевой ставки, что позволяет предупреждать деструктивное влияние инфляции на ценовую политику в стране.

Кроме того, Банк России осуществляет полный контроль над кредитной политикой финансовых организаций в сторону ограничения соответствующей активности по объему выдаваемых кредитов физическим лицам. Согласно оценке руководства Банка России, наиболее предпочтительной тенденцией к снижению давления санкций на экономику государства является актуализация экономических процессов по инициативе коммерческого сектора. Подобная позиция была отражена в Послании Президента Российской Федерации в 2023 году, в котором определены приоритеты в области более доступного кредитования коммерческим организациям на развитие бизнеса¹⁰.

В настоящее время политика по снижению эффективности внешних экономических ограничительных мер в Российской Федерации продолжается, однако прослеживается тенденция к внедрению автономных инструментов в процесс стабилизации. Примером может служить внедрение индивидуальных инвестиционных счетов нового типа (ИИС-3) для граждан, которые заинтересованы в долгосрочных сбережениях¹¹.

Для того, чтобы произвести наиболее объективную оценку предпринимаемых мер по снижению эффективности санкций, в Таблице 1 представлены данные ключевых показателей динамики экономического развития Российской Федерации с 2021 по 2023 годы.

Следует отметить, что ключевые показатели за 2021 год были указаны для сравнительного анализа влияния внешних ограничительных мер на экономику Российской Федерации и способности смягчающих мер со стороны руководства государства преодолеть существующие санкции. Общая оценка ключевых показателей национальной экономики в 2021 году свидетельствует о положительной динамике по стратегическим направлениям, отвечающим за социально-экономическое благополучие и актуализацию стратегических отраслей экономики.

Показатели 2022 года указывают на степень готовности существующих механизмов национальной экономики к смягчению последствий от многочисленных санкционных мер со стороны международных организаций и других государств. Числовые значения также позволяют оценить

⁹ Указ «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 5 августа 2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73680> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 25.09.2024).

¹¹ Минфин внес в правительство проект закона о введении ИИС-3 // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/66f453159a7947371fe6a34b> (дата обращения: 25.09.2024).

первичные результаты после введения смягчающих мер в Российской Федерации. Сопоставление значений за 2021 и 2022 годы предоставляет возможность зафиксировать рост ВВП, хотя инфляция в 2022 году существенно влияла на политику ценообразования. Смягчающие меры стимулировали рынок труда, однако показатели экономической устойчивости промышленных предприятий свидетельствовали о потребности в дополнительных смягчающих мерах и защите коммерческого сектора правовыми инструментами и гарантиями.

Таблица 1. Динамика экономического развития Российской Федерации на фоне масштабного внедрения санкций со стороны международных организаций и других государств в период 2021–2023 гг.¹²

№	Показатель	Период		
		2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	ВВП, трлн руб.	135,77	155,34	171,04
2	Индекс потребительских цен, %	108,39	111,94	107,42
3	Уровень безработицы, %	4,8	3,9	3,2
4	Индекс промышленного производства, %	6,4	0,7	4,1
5	Индекс деловой активности, %: -добыча полезных ископаемых, -обрабатывающее производство	0,4 0,3	- 0,1 - 5,0	3,0 3,4

Числовые значения в 2023 году вновь позволили зафиксировать рост национальной экономики и в то же время смягчение последствий инфляции, что с высокой вероятностью стало возможным благодаря увеличению ключевой ставки Банком России. В обозначенный период рынок труда продолжил тенденцию к стабилизации, что указывает на благоприятное влияние стимулирующих мер при реализации политики импортозамещения и расширения промышленного потенциала, в том числе за счет промышленных кластеров.

Показатель индекса промышленного производства в 2023 году демонстрирует обоснованность предпринятых мер по снижению эффективности санкций, что предоставляет возможность прогнозировать в обозримом будущем тенденцию устойчивого роста. Меры по защите топливно-энергетического комплекса и активов российских предприятий на примере показателей индекса деловой активности оказались оправданными не только с точки зрения обеспечения положительного сальдо, но также на фоне сопоставления идентичных числовых значений по показателю для сферы добычи полезных ископаемых и обрабатывающего производства в 2022 и 2023 годах.

Если рассматривать показатели за 2021 и 2023 годы, то есть с учетом ситуации в Российской Федерации до и после введения внешних экономических ограничительных мер, то следует отметить выраженную трансформацию, обеспечившую дальнейший экономический рост государства. Становится очевидным, что принятие мер для защиты национальной экономики и социально-экономического положения руководством государства не только оказалось положительное влияние, но также стало необходимым источником для стимулирования коммерческой активности.

¹² Составлено автором на основе: ВВП России по годам: 1991–2024 // Ifinance [Электронный ресурс]. URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 25.09.2024); Индекс потребительских цен // КонтурНорматив [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=41&documentId=139128> (дата обращения: 25.09.2024); Уровень безработицы в России по годам // Infotables.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://infotables.ru/statistika/79-ekonomicheskaya-statistika-rossii/1021-uroven-bezrabotitsy-v-rossii> (дата обращения: 25.09.2024); Промышленное производство в России: 1992–2024 // Ifinance [Электронный ресурс]. URL: <http://global-finances.ru/promyshlennoe-proizvodstvo-v-rossii/?scid=m1ibj60o7e579773769> (дата обращения: 25.09.2024); Деловая активность организаций в России в апреле 2023 года // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/68_03-05-2023.pdf (дата обращения: 25.09.2024).

Положительная динамика уровня безработицы и индекса промышленного производства между 2021 и 2023 годами также свидетельствует о наличии общественного запроса на актуализацию и интенсивное развитие российских предприятий, выпуск существенно больших объемов отечественной продукции и обеспечение стабилизационных механизмов за счет собственных ресурсов. Таким образом, вынужденные меры защиты национальной экономики привели к ситуации, при которой Российская Федерация сумела извлечь стратегические выгоды и преимущества, способные обеспечить дальнейшую положительную динамику при прочих неизменных условиях.

На Рисунке 1 представлены показатели общих доходов и расходов России за период 2021–2023 гг.

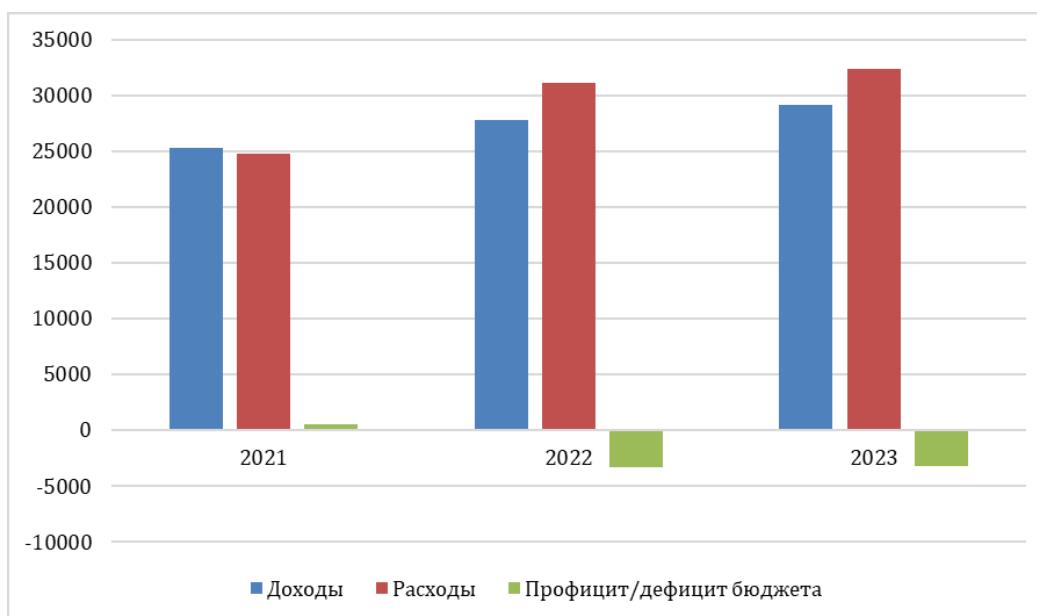

Рисунок 1. Общие доходы и расходы Российской Федерации в период 2021–2023 гг., млрд руб.¹³

Динамика, представленная на Рисунке 1, свидетельствует о тенденции в национальной экономике к увеличению как доходов, так и расходов. Положительным аспектом выступает способность смягчающих мер к удерживанию расходной части в допустимых пределах, что может подтверждаться тенденцией к некоторому снижению долговой нагрузки государства в 2023 году. Несмотря на то, что в 2022 году ситуация в экономике государства дестабилизировалась под влиянием санкций, решение по переходу к российскому рублю во взаиморасчетах с иностранными партнерами и другие меры, направленные на укрепление национальной валюты и повышение стоимости экспортной продукции, оказались обоснованными и демонстрируют способность к постепенному возвращению к ситуации профицита в федеральном бюджете.

В 2024 году, согласно прогнозам Министерства экономического развития Российской Федерации, рост ВВП государства с высокой вероятностью окажется выше на 3,9% по сравнению с 2023 годом¹⁴. Треть структуры данного показателя должна быть обеспечена за счет инвестиционных средств. По сравнению с 2023 годом прирост объема инвестиций в национальную экономику по итогам 2024 года должен составить 7,8%. Ведомство характеризует специфику развития положительно ввиду активизации делового климата и постепенного восстановления инвестиционной привлекательности Российской Федерации.

¹³ Составлено автором на основе: Доходы и расходы федерального бюджета // Статистика стран мира [Электронный ресурс]. URL: <https://svspb.net/rossija/federalnyj-budzhet.php?ysclid=m1idc9m3uh84846937> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁴ Минэкономразвития прогнозирует рост ВВП России за 2024–2027 гг. на 13% // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_prognoziruet_rost_vvp_rossii_za_2024_2027_gg_na_13.html?ysclid=m1idvnw2nf81939045 (дата обращения: 25.09.2024).

В научной среде отмечается, что во многом значительное снижение эффективности санкций в отношении экономики Российской Федерации было достигнуто политикой импортозамещения и переориентацией государства на страны Азии и стимулирование активности таких альянсов, как ШОС, ЕврАзЭС, БРИКС и др. [Носырева 2024].

Многие исследователи считают, что государственная поддержка национальной экономики на фоне санкций привела к окончанию восстановительной фазы уже в середине 2023 года, а впоследствии была нацелена на дальнейшее развитие экономики. Преимущественно ускорение восстановительной фазы осуществлено посредством стимулирования инновационной сферы, в том числе цифровых технологий [Русавская, Кузнецова 2024].

Исследователь А. Ахмади отмечает, что санкционное давление на Российскую Федерацию привело к мобилизации российской экономики, которая была осуществлена вопреки прогнозам международного сообщества. Снижение эффективности санкций, по оценке автора, было зафиксировано за счет использования имеющихся в России экономических ресурсов, накапливаемых государством в последние 15 лет [Ahmadi 2023].

Заключение

Снижение эффективности санкций, вводимых в отношении Российской Федерации в 2022–2024 годы, сопровождается рядом факторов, по разным причинам не учтеным мировым сообществом. Многие исследователи едины во мнении, что Российская Федерация является государством, ориентирующимся на исторический потенциал экономического развития и социально-экономическое благополучие граждан. Позиции мировой экономики в условиях вызовов не представляются для Российской Федерации приоритетной задачей ввиду того, что руководство страны опирается на долгосрочные стабилизационные механизмы. Внедрение защитных мер в национальной экономике при взаимодействии с внешними партнерами позволило актуализировать промышленный потенциал государства и переориентировать вектор сотрудничества преимущественно в пользу стран Азии и государств, входящих в некоторые международные альянсы, к примеру ШОС, БРИКС и ЕврАзЭС.

Анализ показателей экономического развития Российской Федерации до и после внедрения масштабных санкций позволил выявить способность государства к стабилизации положения за счет опоры на человеческий капитал и дальнейшее создание собственных ресурсов. При прочих неизменных условиях и отсутствии существенного усугубления санкционного давления ожидается, что Российская Федерация сумеет изменить собственное позиционирование на мировом рынке за счет балансирования экспорта и импорта, а также стабилизации денежно-кредитной политики в пользу дальнейшего укрепления российского рубля. В случае усугубления в сфере внешних экономических ограничительных мер с высокой вероятностью Российская Федерация оставит существующие защитные экономические инструменты, вновь перейдет к необходимости достижения восстановительной фазы и внедрит уточняющие условия сотрудничества с другими странами на максимально взаимовыгодных условиях, приемлемых на соответствующий период времени.

Список литературы:

Бочкова Т.А., Бакоева З.А. Денежно-кредитная политика России в условиях санкций // Экономика и социум. 2023. № 5–1(108). С. 494–498.

Бырда Н.А., Захарова Т.И. Финансовый сектор России в условиях санкций // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 213–216.

Матыцина Н.П., Булгаков Д.А. Экономические санкции в отношении России, последствия и перспективы // Символ науки. 2023. № 7–1. С. 39–41.

Носырева П.М. Импортерозамещение в России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4–2(110). С. 205–208. DOI: [10.24412/2411-0450-2024-4-2-205-208](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-4-2-205-208)

Русавская А.В., Кузнецова Е.И. Финансовый суверенитет России в условиях экономических санкций // Вестник УМЦ. 2024. № 3(44). С. 115–119. DOI: [10.24412/2587-6236-2024-344-115-119](https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-115-119)

Томина В.О., Сумароков Е.В. Влияние санкций на экономику России: вызовы и перспективы // Инновационная наука. 2023. № 12–1. С. 113–116.

Ahmadi A. The State of the Russia Sanctions Campaign // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. 2023. Is. 24. URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2023-issue-no24/the-state-of-the-russia--sanctions-campaign>

Demarais A. Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U.S. Interests. New York: Columbia University Press, 2022.

Issabayev M., Moldashev K. Sanction Busting Within and Outside Regional Integration // The Journal of Economic Integration. 2024. Vol. 39. Is. 3. P. 671–687. DOI: [10.11130/jei.2024035](https://doi.org/10.11130/jei.2024035)

Weber Y. The Russian Economy. New York: Columbia University Press, 2023.

References:

Ahmadi A. (2023) The State of the Russia Sanctions Campaign. *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. Is. 24. Available at: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-summer-2023-issue-no24/the-state-of-the-russia--sanctions-campaign>

Bochkova T.A., Bakaeva Z.A. (2023) Russia's Monetary Policy under Sanctions. *Ekonomika i sotsium*. No. 5–1(108). P. 494–498.

Byrda N.A., Zakharova T.I. (2023) The Financial Sector of Russia under the Conditions of Sanctions. *Innovatsii i investitsii*. No. 5. P. 213–216.

Demarais A. (2022) *Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U.S. Interests*. New York: Columbia University Press.

Issabayev M., Moldashev K. (2024) Sanction Busting Within and Outside Regional Integration. *The Journal of Economic Integration*. Vol. 39. Is. 3. P. 671–687. DOI: [10.11130/jei.2024035](https://doi.org/10.11130/jei.2024035)

Matytsina N.P., Bulgakov D.A. (2023) Ekonomicheskiye sanktsii v otnoshenii Rossii, posledstviya i perspektivy [Economic sanctions against Russia, consequences and prospects]. *Simvol nauki*. No. 7–1. P. 39–41.

Nosyreva P.M. (2024) Import Substitution in Russia under Sanctions. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 4–2(110). P. 205–208. DOI: [10.24412/2411-0450-2024-4-2-205-208](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-4-2-205-208)

Rusavskaya A.V., Kuznetsova E.I. (2024) Russia's Financial Sovereignty in the Context of Economic Sanctions. *Vestnik UMTs*. No. 3(44). P. 115–119. DOI: [10.24412/2587-6236-2024-344-115-119](https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-344-115-119)

Tomina V.O., Sumarokov E.V. (2023) Vliyaniye sanktsii na ekonomiku Rossii: vyzovy i perspektivy [The impact of sanctions on the Russian economy: Challenges and prospects]. *Innovatsionnaya nauka*. No. 12–1. P. 113–116.

Weber Y. (2023) *The Russian Economy*. New York: Columbia University Press.

Инструменты государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав

Капелюк Зоя Александровна

Доктор экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [9244-7556](#), ORCID: [0000-0002-5503-8570](#), promon@sibupk.nsk.su

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, РФ.

Соловьева Ирина Павловна¹

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [2884-0886](#), ORCID: [0009-0006-5390-6844](#), Id.soloveva@yandex.ru

Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, РФ.

Аннотация

В статье исследуется степень перспективности и уровень реализуемости рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав в контексте политики импортозамещения. В ходе анализа аргументируется необходимость перехода данной продукции из категории пищевых концентратов в статус лекарственных препаратов. Ключевым аспектом подобного перехода является оптимизация государственного регулирования фармацевтической отрасли за счет появления на рынке новых лекарственных средств, снижающих уровень заболеваемости в стране. Рассматриваются правовые особенности регулирования пищевых концентратов и лекарственных препаратов, усиливающие целесообразность смягчения государство-порога входа производителей лекарственной продукции на фармацевтический рынок. В статье представлены данные спроса россиян на лекарственные средства с 2020 по 2023 годы с учетом наиболее значимых общественных событий. Сформулирован вывод о том, что увеличивающийся спрос возможно удовлетворить благодаря новым отечественным участникам фармацевтического рынка. На основе анализа оборота фармацевтического рынка Российской Федерации с 2020 по 2023 годы определена необходимость изменения государственного регулирования в сторону смягчения порога входа для новых лекарственных средств; представлена также динамика фармацевтического рынка Российской Федерации, которая позволяет выделить острую потребность государства в отечественной фармацевтической продукции и обеспечении системы оздоровления населения путем снижения зависимости от импорта лекарственных препаратов, сырья и другой сопутствующей продукции. Изучение теоретической базы позволило определить, что государственное регулирование рынка рассматриваемой продукции должно быть направлено на обеспечение постоянного спроса со стороны россиян, объединение участников рассматриваемого направления отрасли в промышленные кластеры, расширение регулирования вне рамок промышленного потенциала, учет рисков для развития исследуемой лекарственной продукции на основе слабой связи с инструментами государственной поддержки фармацевтической отрасли. В результате проведенного исследования представлены рекомендации для государственного регулирования рынка клеточных концентратов на основе лекарственных трав и описаны положительные последствия для национальной экономики и системы оздоровления россиян.

Ключевые слова

Клеточные концентраты на основе лекарственных трав, инструменты государственного регулирования, национальная экономика, импортозамещение, фармацевтический рынок, оздоровление россиян, промышленный кластер.

Для цитирования

Капелюк З.А., Соловьева И.П. Инструменты государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав //Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 37–46. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-37-46](#)

Instruments for State Regulation of the Market of Plant Cell Concentrates Based on Medicinal Herbs

Zoya A. Kapelyuk

DSc (Economics), ORCID: [0000-0002-5503-8570](#), promon@sibupk.nsk.su

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russian Federation.

Irina P. Solovyova²

Postgraduate student, ORCID: [0009-0006-5390-6844](#), Id.soloveva@yandex.ru

Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russian Federation.

Abstract

The article examines the prospects and marketability of plant cell concentrates based on medicinal herbs in the context of import substitution policy. The need to switch these products from the category of food concentrates to the status of medicines is proved. A key aspect of such a transition is optimization of state regulation for pharmaceutical industry through the introduction of new medicines on the market that reduce the incidence rate in the country. The legal features of food concentrates and medicines regulation

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

are considered, which strengthen the expediency of softening the threshold for the entry of medicinal products manufacturers into the pharmaceutical market by the state. The article presents data on the demand of Russians for medicines from 2020 to 2023, taking into account the most significant social events. The conclusion is formulated that the increasing demand can be satisfied by new domestic participants in the pharmaceutical market. Based on the analysis of the turnover of the Russian Federation pharmaceutical market from 2020 to 2023, the need to change state regulation towards softening the entry threshold for new medicines is defined. The paper also presents the dynamics of the Russian Federation pharmaceutical market, which makes it possible to highlight the urgent need for domestic pharmaceutical products and to provide a system for improving the population's health by reducing dependence on imports of medicines, raw materials and other related products. The study of the theoretical base made it possible to determine that state regulation of the market of the products in question should be aimed at ensuring constant demand from Russians, uniting participants of the industry into industrial clusters, expanding regulation beyond the industrial potential, taking into account risks for the development of the studied medicinal products based on a weak connection with the instruments of state support for the pharmaceutical industry. In conclusion, recommendations for state regulation of the studied products market are provided as well as the positive consequences for the national economy and the health improvement system of Russians are highlighted.

Keywords

Cellular concentrates based on medicinal herbs, government regulation, national economy, import substitution, pharmaceutical market, health improvement of Russians, industrial cluster.

For citation

Kapelyuk Z.A., Solovyova I.P. (2025) Instruments for State Regulation of the Market of Plant Cell Concentrates Based on Medicinal Herbs. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 37–46. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-37-46

Дата поступления/Received: 24.12.2024

Введение

В период восстановительной фазы национальной экономики государственное регулирование отрасли во многом определяет параметры целостности и развития соответствующего направления, а также предоставляет возможность прогнозировать ключевые показатели, непосредственно относящиеся к благополучию населения. Применительно к фармацевтической отрасли государственное регулирование в условиях внешних вызовов особенно важно, так как актуализированная политика импортозамещения способствует интенсификации поиска решений проблем, связанных со многими общественно значимыми заболеваниями. В то же время вне контекста государственного регулирования оказываются сегменты фармацевтического рынка, которые с законодательной точки зрения не попадают под категорию лекарственных препаратов.

Между тем потенциал подобных лекарственных средств достаточен для дальнейшей интенсификации политики импортозамещения в стране при условии усиления участия государства в преодолении правовых и процедурных барьеров, с которыми сталкиваются производители такой продукции. К потенциально перспективной лекарственной продукции относятся клеточные концентраты растений на основе лекарственных трав, промышленное производство и лабораторные исследования которых осуществляются на территории, в частности, Новосибирской области, а сырьевое обеспечение затрагивает сельское хозяйство нескольких субъектов Российской Федерации.

Клеточные концентраты растений на основе лекарственных трав в общей системе фармацевтического рынка Российской Федерации

Согласно декларациям соответствия и документации по итогам сертификации, клеточные концентраты растений на основе лекарственных трав относятся к категории пищевых концентратов по ряду причин: например, для лекарственных препаратов необходимо проведение достаточных клинических испытаний и соблюдение процедуры регистрации, а также согласование. Данная процедура в настоящий момент подразумевает привлечение значительных инвестиционных средств и закупку дорогостоящего оборудования, при помощи которых возможно осуществление клинических испытаний.

Ввиду того, что основной производитель клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав лишь находится на начальном этапе экономического цикла развития, выполнить

весь объем клинических испытаний не представляется возможным. Однако потенциал продукции, как показывает практика среди потребителей, может быть доказан клиническими испытаниями при условии смягчения государственного регулирования на этапе соблюдения процедуры обретения статуса лекарственных препаратов. Подобное смягчение государственного регулирования может быть предусмотрено в качестве временной меры в соответствии с политикой импортозамещения в стране, что предоставит возможность наполнить фармацевтический рынок новыми перспективными лекарственными препаратами отечественного производства наряду с клеточными концентратами растений.

Регулируемое законодательство, которое относится к пищевым концентратам, предполагает достаточным основанием для выхода на рынок наличие у производителя декларации соответствия или факта регистрации в едином реестре³. Отсутствие в рассматриваемой лекарственной продукции токсичных элементов является обязательным базовым требованием для пищевых концентратов, но недостаточным основанием для использования клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав в качестве стратегического лекарственного препарата при укреплении фармацевтического рынка производителями общественно значимой продукции.

Согласно данным статистического отчета фармацевтического рынка Российской Федерации, в период с 2020 по 2023 годы в отрасли наблюдался ряд событийных трендов, что повлияло на спрос среди россиян в отношении лекарственных средств в целом⁴. В Таблице 1 приведено денежное выражение спроса на лекарственные средства в Российской Федерации с учетом наиболее важных трендов.

Таблица 1. Спрос россиян на лекарственные средства в период с 2020 по 2023 годы с учетом ключевых общественно значимых событий⁵

№	Событие	Объем спроса, млн. руб.
1	Пандемия COVID-19	130 000
2	Первый пакет санкций в отношении Российской Федерации	175 000
3	Мобилизация для выполнения государственных задач	182 000

Как показывают представленные в Таблице 1 данные, спрос на лекарственные средства стабильно растет среди россиян, что может объясняться множественными факторами. В случае с участием на фармацевтическом рынке потенциально новых производителей, к примеру клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, возможно предположить оптимальное балансирование рынка за счет увеличения предложения и предоставление конечному потребителю большей вариативности лечения и реабилитации при помощи продукции отечественного производства.

На Рисунке 1 представлен оборот лекарственных средств в соответствии с нозологическими группами в период с 2020 по 2023 годы.

Как показывает Рисунок 1, наибольший спрос в Российской Федерации наблюдается в отношении таких препаратов, как противоопухолевые, противомикробные и препараты, направленные на лечение заболеваний желудочно-кишечного тракта. Спрос на заявленные лекарственные средства среди россиян стабильно увеличивается вне зависимости от характера событий и тенденций общественной значимости.

³ Порядок сертификации пищевых концентратов и крахмала // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=205015661&collection=1&ysclid=m48lx288t922560238 (дата обращения: 03.12.2024).

⁴ Статистический отчет по фармацевтическому рынку РФ компании Alpharm // Alpharm [Электронный ресурс]. URL: https://alpharm.ru/sites/default/files/alpharm_statisticheskii_otchet_po_farm.rynku_vf_0.pdf (дата обращения: 03.12.2024).

⁵ Составлено авторами по: Статистический отчет по фармацевтическому рынку РФ компании Alpharm. С. 4 // Alpharm [Электронный ресурс]. URL: https://alpharm.ru/sites/default/files/alpharm_statisticheskii_otchet_po_farm.rynku_vf_0.pdf (дата обращения: 03.12.2024).

Структура спроса показывает, что ситуация с обозначенными видами заболеваний в Российской Федерации усугубляется, что актуализирует расширение инфраструктуры системы здравоохранения при помощи потенциала отечественной фармацевтической промышленности. Следовательно, государственное регулирование необходимо пересмотреть в пользу снижения порога входа на рынок для таких производителей. В случае с клеточными концентратами растений на основе лекарственных трав, которые производятся на территории Новосибирской области, возможно предложить системе здравоохранения продукцию, направленную на лечение сахарного диабета, системы желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы и многих других заболеваний.

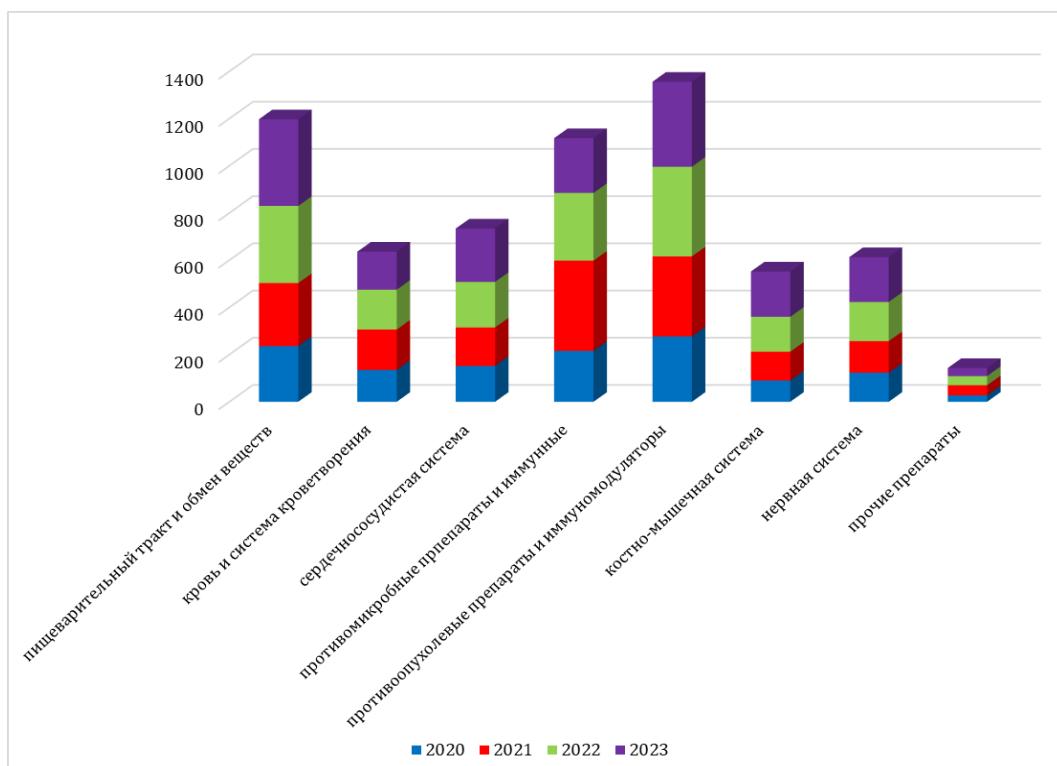

Рисунок 1. Оборот фармацевтического рынка Российской Федерации с учетом нозологических групп в период с 2020 по 2023 годы, млн руб.⁶

В Таблице 2 представлены данные розничного и государственного сегментов на фармацевтическом рынке в период с 2020 по 2023 годы.

Таблица 2. Динамика фармацевтического рынка Российской Федерации с учетом распределения государственного и розничного сегментов, млн руб.⁷

№	Сегмент	Объем закупок лекарственных средств, млн руб.			
		2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	Государственный	600 000	900 000	900 000	800 000
2	Розничный	900 000	1 000 000	1 200 000	1 400 000

Распределение денежных средств с учетом обозначенных в Таблице 2 сегментов демонстрирует значимую социально ориентированную политику государства и высокую заинтересованность профильных органов власти в закупке лекарственной продукции отечественного

⁶ Составлено авторами по: Статистический отчет по фармацевтическому рынку РФ компании Alpharm. С. 6 // Alpharm [Электронный ресурс]. URL: https://alpharm.ru/sites/default/files/alpharm_statisticheskii_otchet_po_farm.rynku_vf_0.pdf (дата обращения: 03.12.2024).

⁷ Составлено авторами по: Статистический отчет по фармацевтическому рынку РФ компании Alpharm. С. 7 // Alpharm [Электронный ресурс]. URL: https://alpharm.ru/sites/default/files/alpharm_statisticheskii_otchet_po_farm.rynku_vf_0.pdf (дата обращения: 03.12.2024).

производства. Кроме того, с учетом ключевых тенденций, вызванных внешними вызовами, закупки лекарственных средств государством остаются приоритетной задачей, несмотря на незначительные колебания в 2022 и 2023 годы. Объем спроса на лекарственные средства со стороны розничного сегмента указывает на потребность государства в балансируемом имеющегося предложения на фармацевтическом рынке.

При снижении государственными механизмами порога входа таких перспективных производителей, как предприятия по производству клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, путем предоставления права маркировки лекарственных препаратов на период восстановительной фазы и стабилизации национальной экономики потребность в средствах лечения многих общественно значимых заболеваний может быть удовлетворена значительно или в полном объеме. Кроме того, в качестве инструмента государственного регулирования с учетом денежного распределения в сегменте, как указано в Таблице 2, может быть предусмотрена возможность государственной закупки базового минимального объема клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав для нужд лечебных учреждений.

В Таблице 3 представлено распределение импортных и отечественных лекарственных препаратов в Российской Федерации среди целевой аудитории в период с 2020 по 2023 годы.

Таблица 3. Распределение отечественных и импортных лекарственных препаратов в Российской Федерации среди целевой аудитории в период с 2020 по 2023 годы, %⁸

№	Лекарственные препараты	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
1	Отечественные	43,7	45,0	44,5	45,1
2	Импортные	56,3	55,0	55,5	54,9

Представленные в Таблице 3 значения демонстрируют существенную зависимость россиян от лекарственных препаратов импортного происхождения. Колебания спроса в 2020–2023 годах в пользу лекарственных препаратов отечественного производства были с высокой вероятностью связаны с налаживанием производства российских лекарственных средств, в том числе при участии сырья или оборудования иностранного происхождения. Об этом свидетельствуют колебания в период с 2021 по 2022 годы в пользу препаратов иностранного происхождения. Необходимо отметить, что введение экономических санкций со стороны других государств и международных организаций повлияло на логистическую цепочку поставок ряда категорий товаров, в том числе сырья и комплектующих для обеспечения непрерывной деятельности некоторых стратегических отраслей национальной экономики.

Становится очевидным, что удовлетворение спроса на лекарственные препараты требует от государства принятия управленческих решений, изначально основанных на сырьевых и промышленных ресурсах отечественного происхождения. Производители как клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, так и других идентичных видов продукции лекарственного назначения зачастую опираются на возможности сельского хозяйства в субъектах государства. С учетом увеличивающейся инфляции и стоимости лекарственных препаратов, а также необходимости снижения зависимости от продукции импортного происхождения в рамках государственного регулирования необходимо принять решение, связанное с инфраструктурной поддержкой производственного цикла перспективных видов продукции лекарственного назначения.

⁸ Составлено авторами по: Статистический отчет по фармацевтическому рынку РФ компании Alpharm. С. 8 // Alpharm [Электронный ресурс]. URL: https://alpharm.ru/sites/default/files/alpharm_statisticheskii_otchet_po_farm.rynu_vf_0.pdf (дата обращения: 03.12.2024).

Перспективы развития и механизмы регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав

Теоретическая основа изучения вопроса относительно перспектив государственного регулирования отраслевого рынка, в частности фармацевтической отрасли, в последние годы преимущественно базируется на выделении промышленности как локомотива стабилизации спроса и предложения, затрагивающего лекарственные средства. Некоторые авторы рассматривают фармацевтическую отрасль в контексте инновационности [Волин и др. 2020].

С данной точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, так как применительно к клеточным концентратам растений на основе лекарственных трав многие необходимые стадии развития продукции можно отнести к выведению инновационного товара на рынок. Однако потенциал клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав не предполагает ограниченную пользу как для потребителей, так и для государства в силу того, что возможности лечения и реабилитации при помощи рассматриваемой продукции могут позволить снизить уровень заболеваемости в долгосрочной перспективе. При этом понятие долгосрочности для такой продукции, как клеточные концентраты растений, не может быть связано с фактором времени, что относит продукцию к товарам постоянного пользования разными категориями населения на разных жизненных стадиях.

Среди представителей научного сообщества есть сторонники государственного регулирования фармацевтической отрасли при помощи промышленных кластеров [Гайдин и др. 2023, 59]. В настоящее время промышленного кластера, специализирующегося на производстве клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав в Российской Федерации, пока нет, несмотря на имеющуюся в целом отечественную инфраструктуру по разработке, производству и последующей реализации конечному потребителю.

Подход в рамках государственного регулирования при помощи промышленных кластеров представляется наиболее оптимальным по причине подходящих организационных характеристик подобных объединений участников идентичной производственной деятельности. Во-первых, все компоненты рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав существуют автономно друг от друга, что затрудняет создание большого числа отраслевых предприятий для удовлетворения спроса среди россиян. Во-вторых, существующие государственные механизмы поддержки промышленных кластеров могут стать катализаторами интенсивного развития рассматриваемого рынка, в структуре которого клеточные концентраты растений постепенно становятся не только лекарственными препаратами, но также продукцией жизненной необходимости.

Среди ученых-экономистов можно выделить также сторонников государственного регулирования фармацевтической отрасли как системы. Следует отметить, что предлагаемая система вновь обращена к промышленным предприятиям и опирается на существующую нормативную базу для фармацевтической промышленности [Эц 2020, 1556–1557]. Несмотря на целостный теоретический взгляд в отношении проблемы государственного регулирования фармацевтической отрасли, целесообразно отметить на примере клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, что система как явление может быть охвачена государством либо на уровне всей фармацевтической отрасли, либо на уровне отдельного направления. Вне зависимости от уровня регулирования государством рассматриваемой отрасли, производство и последующая реализация клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав показывают, что государственное регулирование должно затрагивать не только промышленный аспект.

Среди новых исследований необходимо отметить работу М.В. Кивариной и Д.С. Воронина, которые учитывают два важных фактора рассматриваемой отрасли: ее особенности на фоне

развития технологий и внешнего влияния на экономику Российской Федерации, отразившиеся на государственном регулировании экономических процессов в сфере лекарственного обеспечения [Киварина, Воронин 2024, 136]. Авторы предлагают опираться на финансовые возможности фармацевтических предприятий по снижению вероятных рисков на фоне условий, существующих на рынке. Подход к экономической безопасности отраслевых предприятий может быть справедлив лишь в том случае, если такие предприятия представлены на рынке именно как фармацевтические. Предприятия, которые могут стать участниками фармацевтического рынка, на практике сталкиваются с рисками иного порядка. Находясь фактически вне фармацевтического рынка по причине отсутствия статуса лекарственного препарата у продукции, потенциальные отраслевые предприятия не могут рассчитывать на государственную помощь при смягчении или снижении вероятных рисков.

Себестоимость таких перспективных лекарственных средств, как клеточные концентраты растений на основе лекарственных трав, постепенно увеличивается в результате повышения ключевых экономических показателей национальной экономики, что неизбежно приводит к увеличению стоимости одной упаковки продукции. В результате на фоне недостаточного влияния государственных механизмов на ценообразование в настоящее время рынок клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав находится в состоянии риска, вызванном отсутствием взаимосвязи с инструментами государственного регулирования в сфере фармацевтической отрасли.

В контексте политики импортозамещения необходимо отметить работу А.С. Алеканова, который в основном ориентируется на эффективность государственного регулирования рассматриваемого рынка и опирается на показатель доли отечественной лекарственной продукции, равный 50%, как стратегический план Российской Федерации в отношении внутреннего рынка [Алеканов 2021, 9]. Ранее в Таблице 3 указывались числовые значения, характеризующие достижение государством поставленной цели.

На практике оказалось, что политика импортозамещения может быть реализована лишь при условии превалирующего объема отечественной лекарственной продукции на территории Российской Федерации, что означает необходимость усиления производственных мощностей существующих и потенциальных участников фармацевтического рынка. Если рассматривать развитие рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав при помощи промышленных кластеров, то подобную задачу возможно решить при условии внедрения отдельных мер в структуру существующих государственных механизмов.

Среди зарубежных авторов необходимо выделить М. Бродбент, которая исследует проблему беспрецедентного спроса на некоторые медицинские препараты и другие сопутствующие медицинские изделия в период борьбы с пандемией [Broadbent 2020, 2]. Взгляд данного автора интересен тем, что влияние значительного спроса может изменить структуру глобальных цепочек поставок. Географический и логистический контексты порождают потенциально новые уязвимости для всех стран, вне зависимости от их расположения и способа поставок. Актуальность такого подхода состоит в том, что государственное регулирование отраслевого рынка, в том числе клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, на территории Российской Федерации также должно учитывать уязвимость глобальных цепочек поставок. Соответственно, очередным фактором необходимости снижения порога входа для потенциальных участников на примере производителей клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав является возможность непрерывного обеспечения поставок внутри государства, начиная с сырья и заканчивая готовой продукцией в точке продаж.

Заслуживает также внимания позиция Дж. Брэйтвайта о том, что государство при регулировании рынка должно опираться на благосостояние общества [Braithwaite 2020, 30–31]. Применительно к рынку клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав необходимо отметить, что роль государственного регулирования значительно расширяется и усиливается благодаря фокусированию на жизненных потребностях россиян. Проблема оздоровления нации в Российской Федерации традиционно является приоритетной задачей не только как экономический, но и как социальный фактор. Регулирование рынка по причине обеспечения благосостояния может быть дополнено механизмами контроля качества выпускаемой лекарственной продукции, призванной внести заметный вклад в оздоровление населения.

В то же время следует отметить позитивную тенденцию инструментов государственного регулирования отраслевых рынков в Российской Федерации, для которой не характерны проблемы, присущие другим государствам. В частности, М. Рой рассматривает сложности государственного регулирования фармацевтической отрасли в странах Азии, вызванные отсутствием согласованности всех ее участников и параметров стабилизации внутри рыночной дисциплины [Roy 2020, 357]. Подобная ситуация потенциально создает больше препятствующих факторов для развития узконаправленных рынков фармацевтической отрасли.

Таким образом, в условиях восстановительной фазы национальной экономики рынок клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав Российской Федерации обладает существенными преимуществами по сравнению со странами Азии. Согласованность государственных механизмов, в том числе на уровне программ поддержки, в действительности выступает важным фундаментом развития узконаправленных рынков на территории России также при преодолении внешних вызовов.

Идентичный вывод формируется в результате изучения научных работ сторонников государственного регулирования отраслевых рынков в целях не только повышения благосостояния, но и обеспечения устойчивости капитализма [Flatt, Scott 2024, 199]. Следует отметить, что для экономики Российской Федерации традиционно приоритетным звеном выступает человек и его благополучие и лишь затем — устойчивость экономических механизмов. Развитие системы оздоровления общества происходит на основе понимания, что здоровый человек для экономики более полезен, нежели механизмы экономического стимулирования, преследующие цель интенсивного пополнения бюджета государства вне зависимости от человеческих факторов. Если рассматривать развитие рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав с точки зрения традиционных приоритетов государства и централизации роли человека, то целевое назначение исследуемой продукции и ожидания государства от нее коррелируют друг с другом.

Обобщая теоретическую основу перспектив государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав, необходимо добавить, что данная продукция может оправдать усиленную поддержку со стороны государства по причине содержащихся в ней полезных веществ, превышающих аналогичные свойства в других лекарственных средствах с идентичным целевым назначением в 6–8 раз [Соловьева, Капелюк 2023, 128].

Общая характеристика фармацевтического рынка Российской Федерации и изученная теоретическая база позволяют определить следующие ключевые пути государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав:

- смягчение порога доступа лекарственной продукции к получению статуса лекарственного препарата;
- в соответствии с восстановительной фазой и стабилизацией экономики определение временных рамок для рассматриваемой продукции как лекарственных препаратов в аспекте перспективности и важности для здоровья россиян;

- обеспечение баланса спроса и предложения при помощи государственных инструментов, направленных на обеспечение равного доступа к конечному потребителю для производителей рассматриваемой продукции и других участников отрасли;
- обеспечение гарантированного базового объема закупок продукции государством для дальнейшего распространения исследуемых лекарственных средств среди льготных категорий населения;
- интеграция всех участников производственного цикла продукции в промышленный кластер посредством механизмов профильного законодательства, в том числе в сфере регулирования особой экономической зоны;
- распространение опыта развития промышленного кластера для производства продукции среди субъектов, начиная с Новосибирской области, на основании имеющихся необходимых производственных ресурсов.

Заключение

Таким образом, перспектива государственного регулирования рынка клеточных концентратов растений на основе лекарственных трав становится одним из оптимальных решений стабилизации фармацевтического рынка. Целостная цепочка поставок сырья и готовой продукции фокусируется преимущественно на ресурсах и транспортной системе государства, что уменьшает уязвимость на фоне существующих внешних вызовов национальной экономике.

Политика импортозамещения будет реализована за счет возможности внедрения отечественных лекарственных препаратов, к которым можно отнести клеточные концентраты растений на основе лекарственных трав и другие идентичные лекарственные средства российского производства. Снизится зависимость от лекарственных средств иностранного происхождения, импортного сырья за счет усиления роли сельского хозяйства. Рассматриваемый рынок в действительности означает создание новых рабочих мест и распространение положительного опыта на уровне государства посредством создания промышленных кластеров по производству лекарственных препаратов на основе присущих данной территории научных разработок и природных ресурсов.

Список литературы:

Алеканов А.С. Направления государственного финансового регулирования фармацевтического рынка за рубежом и практика России по импортозамещению // Финансовые рынки и банки. 2021. № 3. С. 7–11.

Волин А.Ю., Беркович М.И., Брагина З.В. Особенности продукта фармацевтической отрасли как инновационного товара // Теоретическая экономика. 2020. № 3(63). С. 85–97.

Гайдин Т.Ю., Геллер Е.В., Рожнова С.А., Гайдина Т.А. Основные меры государственной промышленной политики в фармацевтической отрасли Российской Федерации // Вестник РГМУ. 2023. № 1. С. 59–62.
DOI: [10.24075/vrgmu.2023.007](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2023.007)

Киварина М.В., Воронин Д.С. Группировка показателей финансового состояния предприятий фармацевтической отрасли // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 2. С. 64–69.
DOI: [10.26118/2782-4586.2024.57.72.018](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.57.72.018)

Соловьева И.П., Капелюк З.А. Анализ цепочки создания стоимости растительных лекарственных средств для повышения эффективности деятельности компаний // Всероссийские молодежные научные чтения им. профессора Н.Н. Протопопова: Сборник материалов в двух частях. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2023. Ч. 1. С. 128–130.

Эц А.В. Основные меры системы государственного регулирования фармацевтической промышленности в Российской Федерации // StudNet. 2020. № 9. С. 1556–1560.

Braithwaite J. Meta Governance of Path Dependencies: Regulation, Welfare, and Markets // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2020. Vol. 691. Is. 1. P. 30–49. DOI: [10.1177/0002716220949193](https://doi.org/10.1177/0002716220949193)

Broadbent M. Covid-19 Demand Shock and Preparedness Response: Securing Medical Supply Chains: The Trusted Trade Partner Network. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020.

Flatt V.B., Scott I. Smart Regulation to Enhance Wealth Creation and Sustainable Capitalism // Sustainable Capitalism: Essential Work for the Anthropocene / ed. by I. Scott. Salt Lake City: University of Utah Press, 2024. P. 199–207..

Roy M. Politics, Power, Policy, and a Fair Society: The Failed Promise of the Asian Medicine Market // World Review of Political Economy. 2020. Vol. 11. Is. 3. P. 357–376. DOI: [10.13169/worlrevipoliecon.11.3.0357](https://doi.org/10.13169/worlrevipoliecon.11.3.0357)

References:

Alekanov A.S. (2021) Directions of State Financial Regulation of the Pharmaceutical Market Abroad and Russian Practice of Import Substitution. *Finansovyye rynki i banki*. No. 3. P. 7–11.

Braithwaite J. (2020) Meta Governance of Path Dependencies: Regulation, Welfare, and Markets. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 691. Is. 1. P. 30–49. DOI: [10.1177/0002716220949193](https://doi.org/10.1177/0002716220949193)

Broadbent M. (2020) *Covid-19 Demand Shock and Preparedness Response: Securing Medical Supply Chains: The Trusted Trade Partner Network*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies (CSIS).

Etz A.V. (2020) The Main Measures of the System of State Regulation of the Pharmaceutical Industry in the Russian Federation. *StudNet*. No. 9. P. 1556–1560.

Flatt V.B., Scott I. (2024) Smart Regulation to Enhance Wealth Creation and Sustainable Capitalism. In: Scott I. (ed.) *Sustainable Capitalism: Essential Work for the Anthropocene*. Salt Lake City: University of Utah Press. P. 199–207.

Gaydin T.Yu., Geller E.V., Rozhnova S.A., Gaydina T.A. (2023) Main State Industrial Policy Measures for the Pharmaceutical Industry of the Russian Federation. *Vestnik RGMU*. No. 1. P. 59–62. DOI: [10.24075/vrgmu.2023.007](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2023.007)

Kivarina M.V., Voronin D.S. (2024) Grouping of Indicators of the Financial Condition of Pharmaceutical Industry Enterprises. *Zhurnal monetarnoy ekonomiki i menedzhmenta*. No. 2. P. 64–69. DOI: [10.26118/2782-4586.2024.57.72.018](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.57.72.018)

Roy M. (2020) Politics, Power, Policy, and a Fair Society: The Failed Promise of the Asian Medicine Market. *World Review of Political Economy*. Vol. 11. Is. 3. P. 357–376. DOI: [10.13169/worlrevipoliecon.11.3.0357](https://doi.org/10.13169/worlrevipoliecon.11.3.0357)

Solovyova I.P., Kapelyuk Z.A. (2023) Analiz tsepochki sozdaniya stoimosti rastitel'nykh lekarstvennykh sredstv dlya povysheniya effektivnosti deyatel'nosti kompanii [Analysis of the value chain of herbal medicines to improve the efficiency of the company]. *Vserossiyskiye molodezhnyye nauchnyye chteniya im. professora N.N. Protopopova: Sbornik materialov v dvukh chastyakh*. Novosibirsk: Sibirskiy universitet potrebitel'skoy kooperatsii. Part 1. P. 128–130.

Volin A.Yu., Berkovich M.I., Bragina Z.V. (2020) Product Characteristics of the Pharmaceutical Industry as an Innovative Product. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 3(63). P. 85–97.

Торги по фиксированной цене как перспективный антикоррупционный механизм конкурентного размещения заказа в государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации

Тихомиров Павел Анатольевич

Генеральный директор некоммерческой организации «Союз закупщиков», член правления Ассоциации комплаенс-менеджеров, SPIN-код РИНЦ: [4603-8981](#), pavel-ti@yandex.ru

НКО «Союз закупщиков», Москва, РФ.

Макогонова Надежда Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1946-3804](#), ORCID: [0009-0007-4348-4710](#), n.makogonova@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем коррупциогенности публичных закупок в России. Основными целями и задачами данной статьи являются выявление и описание латентной модели мотивации к подаче заявок участниками закупок, раскрытие существенно значимых предпосылок и (или) процедур в госзакупках, разработка и предложение механизма повышения операционной эффективности закупочной деятельности посредством цифровых технологий соответственно. Авторы выдвигают и тестируют следующие гипотезы: (h1) действующий механизм на рынке публичных закупок по принципу открытых торгов на понижение с фиксированной начальной (максимальной) ценой демотивирует его участников подавать заявки, поскольку они сталкиваются с двойной неопределенностью: во-первых, не могут рассчитать целевую (приемлемую) вероятность победы для обеспечения покрытия прямых издержек в связи с участием и, во-вторых, величину прибыли, следовательно, действующая модель конкурентных госзакупок не позволяет надлежащим образом реализовать преимущества рыночного механизма развитого рынка публичных закупок как способа оптимизации цен и условий поставок; (h2) продолжает h1 и состоит в том, что коррупционные проявления в закупках со стороны участников обусловлены экономической целесообразностью повышения вероятности получения заказа с наименьшими издержками. Неприемлемо высокая коррупциогенность рынка публичных закупок требует корректировки процедуры размещения, во-первых, в целях исключения фактора влияния заказчика на выбор победителя, во-вторых, оптимизации издержек участия в торгах и, в-третьих, повышения привлекательности для поставщиков, чтобы подача заявки стала залогом достижения взаимовыгодных условий для получения госзаказа. Авторы предлагают перейти на новый механизм размещения заказа на рынке публичных закупок по меньшей мере для простой стандартизированной продукции — по фиксированной цене способом голландского аукциона, что гарантированно позволит обеспечить переход на «здоровую» (целевую) модель поведения, включая отказ от токсичных хозяйственных практик, чтобы тем самым существенно декриминализовать и улучшить его конкурентную среду.

Ключевые слова

Государственные закупки, коррупция в государственных закупках, голландский аукцион, механизм размещения заказа в публичных закупках, модернизация закупочной деятельности.

Для цитирования

Тихомиров П.А., Макогонова Н.В. Торги по фиксированной цене как перспективный антикоррупционный механизм конкурентного размещения заказа в государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 47-67. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-47-67](#)

Fixed-Price Bidding as a Prospective Anti-Corruption Mechanism for Competitive Order Placement in Public Procurement in the Russian Federation

Pavel A. Tikhomirov

CEO, member of the Board of the Association of Compliance Managers, pavel-ti@yandex.ru

Non-profit organisation “Union of Purchasers”, Moscow, Russian Federation.

Nadyezhda V. Makogonova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0009-0007-4348-4710](#), n.makogonova@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is devoted to the in-depth study of corruption in public procurement as a complex phenomenon in Russia. The main aim and goals of this article are to identify and describe a latent model of motivation for bidders to submit applications, to disclose essential prerequisites and (or) procedures in public procurement, to develop and propose a mechanism to improve the operational efficiency of procurement activities through digital technologies, respectively. The authors put forward and test the following hypotheses: (h1) the current mechanism in the public procurement based on the principle of open bidding for a reduction with

a fixed initial (maximum) price demotivates its participants to submit applications, since they face double uncertainty: firstly, they cannot calculate the target (acceptable) probability of victory to ensure coverage of direct costs associated with participation, and secondly, the amount of profit, therefore, the current model of competitive public procurement does not allow for the proper and sufficient realization of the advantages of the market mechanism of the developed procurement market as a way to optimize prices and supply conditions; (h2) accompanies h1 and consists in the fact that corruption in procurement on the part of participants is defined by the economic feasibility of increasing the likelihood of receiving an order at the lowest costs. The unacceptably high corruption potential of the public procurement requires adjustment of the placement procedure, firstly, in order to eliminate the factor of the customer's influence on the choice of the winner, secondly, to optimize the costs of participation in tenders, and thirdly, to increase attractiveness for suppliers, so that filing an application becomes the key to achieving mutually beneficial conditions for obtaining a government order. The authors propose to switch to a new mechanism for placing an order in public procurement, at least for simple standardized products — at a fixed price using Dutch auction method, which is guaranteed to ensure the transition to a «healthy» (target) model of behavior at the market, including the rejection of toxic practices in order to significantly decriminalize and improve its competitive environment.

Keywords

Public procurement, corruption in public procurement, Dutch auction, purchase order mechanism in procurement, modernization of procurement activities.

For citation

Tikhomirov P.A., Makogonova N.V. (2025) Fixed-Price Bidding as a Prospective Anti-Corruption Mechanism for Competitive Order Placement in Public Procurement in the Russian Federation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 47–67. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-47-67

Дата поступления/Received: 07.06.2024

Введение

Как известно, в 2024 г. истекает период реализации административных инициатив, предусмотренных Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.¹ (далее — Концепция), в которой впервые появился отдельный раздел, посвященный совершенствованию системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Наряду с установленными мерами по совершенствованию законодательства в Концепции рассматривались также процедурные и сугубо технические вопросы вплоть до автоматизации ключевых функций в госзакупках, что, несомненно, должно было положительным образом повлиять на их результативность и эффективность. Однако в Концепции не было установлено никаких конкретных целевых критериев и (или) показателей повышения результативности и эффективности. Справедливости ради отметим, что в Концепции были указаны немногочисленные базовые (сопоставимые) показатели результативности и прежде всего высокая доля закупок у единственного поставщика, которая составляла в 2017 г. 56% от общего объема заключенных контрактов², что было обусловлено в числе прочих причин, с точки зрения ее разработчиков, чрезмерно усложненной процедурой закупки и избыточными требованиями к формированию заявок. При этом разработчики Концепции усматривали значительный потенциал для улучшений в оптимизации процедур закупок и совершенствовании мер противодействия коррупции в сфере публичных закупок.

В публичном пространстве, например на VIII Московском финансовом форуме — 2024, заместитель министра финансов РФ профессор А.М. Лавров транслирует исключительно позитивную версию о том, что все пункты Концепции в отношении совершенствования систем закупок выполнены³. Однако доли закупок у единственного поставщика и доли несостоявшихся торгов фактически не претерпели существенных изменений, поэтому, по мнению авторов настоящей статьи, сегодня преждевременно говорить об успешности и результативности предпринятых в соответствии с Концепцией мер в части антикоррупционности процедур и, более того, следует

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.01.2019 № 117-р. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах //Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902040007?index=2> (дата обращения: 05.06.2024).

² Там же.

³ Выступление А.М. Лаврова на сессии «Система госзакупок: новая реальность и векторы развития» // VKVideo [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-169401082_456239585 (дата обращения: 21.10.2024).

искать дополнительные меры по повышению привлекательности системы закупок для рынка, снижению влияния заказчика на выбор поставщика при сохранении требуемого качества продукции.

В свою очередь, датацентрическая парадигма предъявляет сравнительно высокие политико-административные и операционные требования субъектам института публичных закупок в России (заказчикам, поставщикам, контролирующими органам и др.) в условиях осуществления цифровой трансформации как одной из ее национальных целей, включая целесообразность формирования и реализации согласованных и скоординированных политик по управлению данными на соответствующем уровне: наднациональном, национальном, региональном, муниципальном и/или организационном, а также повышение операционной эффективности закупок.

Функционирование современного института публичных закупок в РФ, с начала которого прошло больше 10 лет, осуществляется, во-первых, при наличии критических несоответствий, которые включают проблемы несоставившихся закупок, объем которых превышает половину от общего числа торгов, проблемы фиктивных и (или) так называемых договорных (притворных, коррупционных) сделок, на которые, в свою очередь, приходится, по различным оценкам, до 25–30% бюджетов крупных и (крупнейших) закупок; во-вторых, на фоне «институциональных ловушек» (рентоориентированное поведение, коррупция, пр.); в-третьих, в условиях шокового воздействия и перехода к шестому технологическому и интегральному мирохозяйственному укладу, согласно классификации академика, профессора С.Ю. Глазьева [Глазьев 2022].

Экспертное и академическое сообщество справедливо и обоснованно относит рынок публичных закупок в России с точки зрения его конкурентной среды к рынку с неудовлетворительным состоянием последнего, в том числе к рынку с признаками несовершенной и недобросовестной конкуренции, рынку с признаками ограничений конкуренции и рынку с признаками квазиконкуренции⁴. Представляется, что такая сильная фрагментированность конкурентной среды требует от его субъектов нетривиальных инструментов прогностического анализа и эффективных стратегий в ходе осуществления своей деятельности, что экономически обуславливает целесообразность применения лучших практик и профессиональных стандартов в сфере больших данных и управления рисками.

Сдерживающие эндогенные факторы развития публичных закупок в России

Согласно статистике, рынок публичных закупок в среднем составляет 15% мирового ВВП [Fazekas, Blum 2021, 42], при этом в странах ОЭСР он занимает от 12 до 18% ВВП, в США — около 10% ВВП⁵, в России доля общего объема публичных закупок в ВВП (№№ 44-ФЗ и 223-ФЗ) сравнительно выше: по состоянию на 2020 г. — 27% ВВП⁶.

Полагаем, что рекомендация экспертов Секции по вопросам политики в области информационно-компьютерных технологий (далее — секция ЮНКТАД, ЮНКТАД) относительно совершенствования государственной политики в области развития конкуренции особенно актуальна для рынка публичных закупок в РФ, если учитывать неудовлетворительное состояние конкуренции на данном рынке и его долю в ВВП страны. Эксперты секции ЮНКТАД призывают обратить внимание на тот факт, что «цифровая эпоха требует выработки новых государственных политик в области конкуренции и налогообложения. С учетом сетевых эффектов и тенденций к концентрации рынка в цифровой экономике особо важная роль в процессе создания стоимости и получения выгод

⁴ Сергеева С.А. Методология развития конкурентной среды рынка публичных закупок в Российской Федерации: дис... док. экон. наук. М., 2023.

⁵ Government at a Glance 2023 //OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/data/dashboards/government-at-a-glance-2023.html> (дата обращения: 05.06.2024).

⁶ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год» //Счетная палата РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

должна отводиться политике в области конкуренции. В частности, национальный механизм антимонопольного регулирования необходимо ориентировать на формирование конкурентных и состязательных рынков»⁷.

Авторы убеждены, что непредусмотрение процесса размывания границ между секторами в Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года⁸ (далее — Стратегия 2030, Стратегия), обусловлено порождающими систематические отклонения в суждениях когнитивными искажениями со стороны субъекта стратегического планирования в лице ее разработчика, то есть одним из триады мегафакторов рисков (наряду с изменениями и усложнениями) [Kahneman, Tversky 1979]. Ситуация усугубляется тем, что разработчик Стратегии 2030 является субъектом стратегического планирования согласно Федеральному закону от 28.06.2014 № 172-ФЗ⁹. Авторы также склоняются к тому, что обновление предыдущей одноименной Стратегии 2024 от 3 июля 2013 г. без надлежащей достаточной оценки результатов ее осуществления подспудно привносит институциональную неопределенность и предопределяет в целом хаос моделей поведения среди субъектов рынка при том, что в условиях турбулентности и неопределенности требуется доминирование робастных моделей [Купряшин 2023].

К когнитивному искажению со стороны органов государственного регулирования и контроля следует отнести и априорное допущение принципа нормативной (идеальной) состязательности участников рынка за открыто публикуемые заказы (за исключением закупок у единственного поставщика) в системе государственных и муниципальных закупок, а также в схожей по принципам с ней системе регулируемых закупок организаций с госучастием.

Органы государственного регулирования и контроля, по нашему мнению, ошибочно считают, во-первых, что на российском рынке госзакупок присутствуют признаки развитого рынка и добросовестной конкуренции, во-вторых, что у субъектов рынка должна автоматически возникать желаемая (целевая) мотивация непременно бороться за госзаказ (коль скоро главным признаком коммерческой организации формально является достижение прибыли) и, в-третьих, что публичность и ценовая конкуренция — достаточные условия для справедливого распределения заказов и снижения риска коррупции.

Отметим, что такой (весома слабо работающий в российской действительности) подход публичного приглашения к участию в торгах на госзакупки с указанием критериев отбора и присуждения контрактов преподносится как рекомендованный всем государствам — членам ООН в качестве приоритетных мер по борьбе с коррупцией (постулируется в Конвенции ООН против коррупции в пп. «а-б» ч. 1 ст. 9, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.¹⁰).

Коррупционная проблематика в сфере публичных закупок — одна из самых злободневных и актуальных исследовательских тем. В контексте настоящей статьи хотелось бы особо отметить труды А.А. Храмкина [Храмкин 2017], В.Ф. Гапоненко [Гапоненко 2022], Н.С. Бобошко [Бобошко 2020], Э.Х. Рахимова [Рахимов 2018], А.М. Денисенко [Денисенко 2021], авторы которых разделяют

⁷ Доклад о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. С. 14 //UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

⁸ Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6 //Федеральная антимонопольная служба России [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/685792> (дата обращения: 05.06.2024).

⁹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ea7a8f30a40c52c4c3ae8c3220c66a471e37b7b2 (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции //ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

мнение о том, что возможность и действительность коррупции в публичных закупках в России обусловлены противоправными интересами должностных лиц, принимающими решения о закупке у конкретного участника, и которых также объединяет, по сути, единый вектор направления рекомендаций, в частности повышение прозрачности закупочных процедур, снижение влияния человеческого фактора. Среди зарубежных работ особый интерес вызывают исследования М. Фазекаша, Г. Кошиша [Fazekas, Kocsis 2020], Б. Олькена [Olken 2007], П. Колье и его коллег [Collier et al. 2016], Г. Лишана, Г. Фернандеса¹¹, Э. Колоннели, М. Према [Colonelli, Prem 2022] о коррупционной уязвимости государственных закупок, работы Э. Босио и др. [Bosio et al. 2022] о процедурных пределах в закупочной деятельности.

Однако необходимо оговориться, что в большинстве научных публикаций меры по борьбе с коррупцией асимметрично сфокусированы на заказчике, что, с точки зрения авторов настоящей статьи, является несколько опрометчивым, так как инициатором попыток договориться с коррупционными намерениями в основном является поставщик, а не заказчик, что, например, подтверждается в ряде специальных субъект-ориентированных научных исследований [Храмкин 2017].

В качестве подтверждения вышесказанного стоит отметить знаковое эмпирическое исследование уровня коррупции в государственных закупках института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. Согласно данным опроса, 37% респондентов указали в качестве главного фактора для получения госзаказа говор — вертикальный (между заказчиком и поставщиком) или горизонтальный (между компаниями — участниками торгов), что, по мнению экспертов ВШЭ, способствует формированию нездоровой среды, обуславливающей «коррупциогенную» модель поведения у поставщика как наиболее экономически целесообразную, так как сравнительно выгоднее вступать в говор, чем работать над уникальностью или инновационностью товаров, работ или услуг¹². В результате другого референтного исследования автор приходит к выводу, что коммерческие организации далеко не все и не всегда активно противодействуют генерируемым при осуществлении закупочной деятельности дополнительным финансовым потокам, не обусловленным экономическим содержанием сделки, поскольку это способствует получению дополнительных заказов [Крышкин 2017].

Действительно, если рассматривать контракт в качестве инструмента институциализации межорганизационных и межличностных отношений, а также в свете нового институционализма, в рамках которого под «контрактными (договорными) отношениями понимаются не только юридически правомерные соглашения, но и неформальные соглашения между сторонами-участниками» [Купришин, Соловьев 2012, 349], то существующая модель контрактных отношений, во-первых, в принципе не исключает существенно значимых рисков со стороны поставщика (исполнителя, подрядчика), в том числе рисков полного или частичного отказа от взятых обязательств, а во-вторых, требует полного учета всех по совокупности трансакционных издержек как приводящих к заключению контракта, так и не завершающихся подписанием последнего, потому что до получения прибыли участники несут существенные расходы на участие при отсутствии гарантии заключения контракта. Не исключено, что участник не прибегнет к запрещенным законом инструментам и методам, среди которых традиционный коррупционный инструментарий: коммерческий подкуп, картельный говор, всевозможные антконкурентные соглашения, избыточные требования

¹¹ Lichand G., Fernandes G. The Dark Side of the Contract: Do Government Audits Reduce Corruption in the Presence of Displacement by Vendors? //University of Zurich [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.uzh.ch/dam/jcr:ec360d66-9272-4a8d-9e4d-65245e586d32/TheDarkSideOfTheContract.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

¹² Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках //РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 05.06.2024).

в закупочной документации и другие. Таким образом, действующие механизмы защиты в публичных закупках уязвимы и содержат изъяны.

Переходя к раскрытию гипотез h1 и h2, оговоримся, что авторами были использованы эмпирические методы, включая оценку результатов опроса, метод статистического наблюдения, профессиональное суждение и поведенческий анализ участников методом инверсии (обратной аналогии).

Гипотеза h1: действующий механизм на рынке публичных закупок по принципу открытых торгов на понижение с фиксированной начальной (максимальной) ценой демотивирует его участников подавать заявки, поскольку они сталкиваются с двойной неопределенностью, то есть не могут рассчитать, во-первых, целевую (приемлемую) вероятность победы для обеспечения покрытия прямых издержек в связи с участием и, во-вторых, величину ожидаемой прибыли. Следовательно, действующая модель конкурентных госзакупок не позволяет надлежащим образом реализовать преимущества рыночного механизма публичных закупок как способа оптимизации соотношения цены и качества за счет ценовой конкуренции.

Гипотеза h2 продолжает h1 и состоит в том, что коррупционные проявления в закупках со стороны участников обусловлены экономической целесообразностью повышения вероятности получения заказа с наименьшими издержками.

Оценка текущего состояния конкуренции в публичных закупках

По общему правилу состояние конкуренции на рынке госзакупок оценивается по двум показателям: по среднему числу поданных заявок и по долям несостоявшихся торгов. Полученная относительная экономия на торгах вытекает из двух предыдущих и относится к косвенным показателям. Считается, что чем выше число участников на торгах, тем сильнее должны быть конкуренция за заказ и рыночное давление, поэтому прогнозируется значительное снижение минимальной начальной цены контракта (далее — НМЦК).

Имеющиеся данные свидетельствуют о нисходящих трендах и деструктивных процессах на рынке госзакупок, так как за период с 2020 г. по настоящее время показатели среднего числа поданных заявок и долей несостоявшихся торгов не демонстрируют устойчивого роста и имеют продолжительный нисходящий тренд (Рисунок 1).

Рисунок 1. Показатели контрактной системы за период 2019–2023 гг.¹³

¹³ Составлено авторами на основе ежегодных сводных аналитических отчетов Минфина России о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за период 2019–2023 гг.

Авторы разделяют мнение М.В. Шмелевой, что установленный в законе о контрактной системе принцип обеспечения конкуренции носит декларативный характер, а действующие нормы в этой области создают видимость правового регулирования [Шмелева 2021, 332]. Реальная конкурентная борьба среди участников рынка публичных закупок прежде всего на крупных закупках отсутствует.

Доля несостоявшихся торгов в 2023 г. составила 51%, при этом в 70% случаев это произошло по причине подачи единственной заявки, а в 23% — по причине отсутствия заявок¹⁴. Наметившаяся тенденция к сохранению высокой доли несостоявшихся торгов демонстрирует снижение конкуренции на торгах. Среднее число поданных заявок на рынке госзакупок более 2,7 (для удобства восприятия дробное число 2,67 округлено с точностью до десятых) достигается за счет высокой конкуренции на торгах с незначительными суммами (до 10 млн руб.), а в крупнобюджетном секторе с увеличением показателя НМЦК число поданных заявок резко снижается (Рисунок 2).

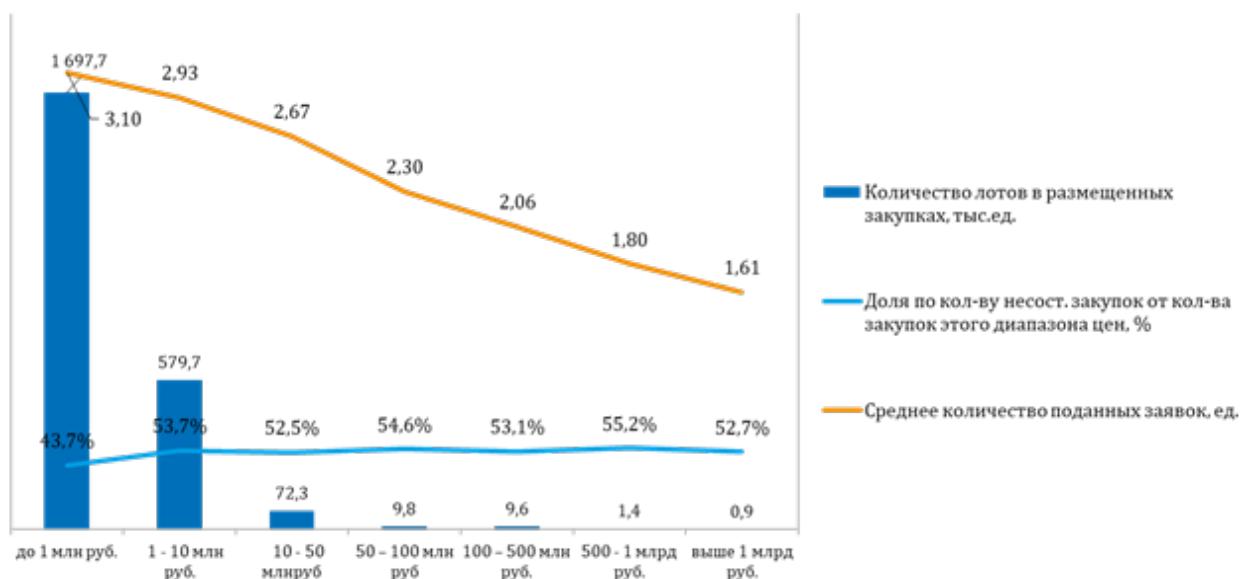

Рисунок 2. Доли несостоявшихся закупок, среднее число поданных заявок в диапазонах НМЦК в 2021 г.¹⁵

Стоит также отметить снижение доли активных участников рынка публичных закупок, подавших хотя бы одну заявку в течение года, по отношению к общему числу зарегистрированных в Единой информационной системе (ЕИС) поставщиков (исполнителей, подрядчиков), следовательно, следует констатировать тенденцию к росту концентрации рынка поставщиков для госзаказа. Заметим, что об увеличении крупнобюджетного сектора рынка публичных закупок и ослаблении на нем конкуренции заявлял заместитель руководителя ФАС России П.В. Иванов на круглом столе по теме «Контркоррупционные меры в сфере закупок»¹⁶. При этом на свободном коммерческом рынке (не включающем госзакупки) подобная тенденция не наблюдается.

¹⁴ Сводный аналитический отчет Минфина России о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2023 г. //Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=30731-svodnyi_analiticheskii_otchet_o_rezulatakh_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obeyscheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_a_takzhe_zakupok_tovarov_rabot_uslug_otdelnymi_vidami_yuridicheskikh_lits_za_2023_g (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁵ Составлено авторами по: В АЦ изучили причины несостоявшихся закупок в контрактной системе //Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/v-ac-izucili-prichiny-nesostoavsihsa-zakupok-v-kontraktnoj-sisteme-27141> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁶ Видеозапись «круглого стола» на тему: «Контркоррупционные меры в сфере государственных закупок» //VKVideo [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video/@reu?z=video-1177_456239829%2Fpl-1177-2 (дата обращения: 05.06.2024).

Вопреки расхожему мнению экономическая целесообразность заключения контрактов на рынке публичных закупок зачастую уступает открытому рынку. В качестве подтверждения приведем результаты экспертного опроса участников рынка ($N = 289$ респондентов), проведенного Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации (далее — АЦ при Правительстве РФ, АЦ при Правительстве, АЦ) в 2022 г.¹⁷, в части причин неучастия в торгах за госзаказы. Так, большинство участников (93% среди зарегистрированных в ЕИС и 98% среди не зарегистрированных в ЕИС) выбирают рынок публичных закупок по остаточному принципу в связи с достаточной обеспеченностью гражданско-правовыми договорами, а также указали другие стоп-факторы заключения контрактов на рынке публичных закупок (Рисунок 3).

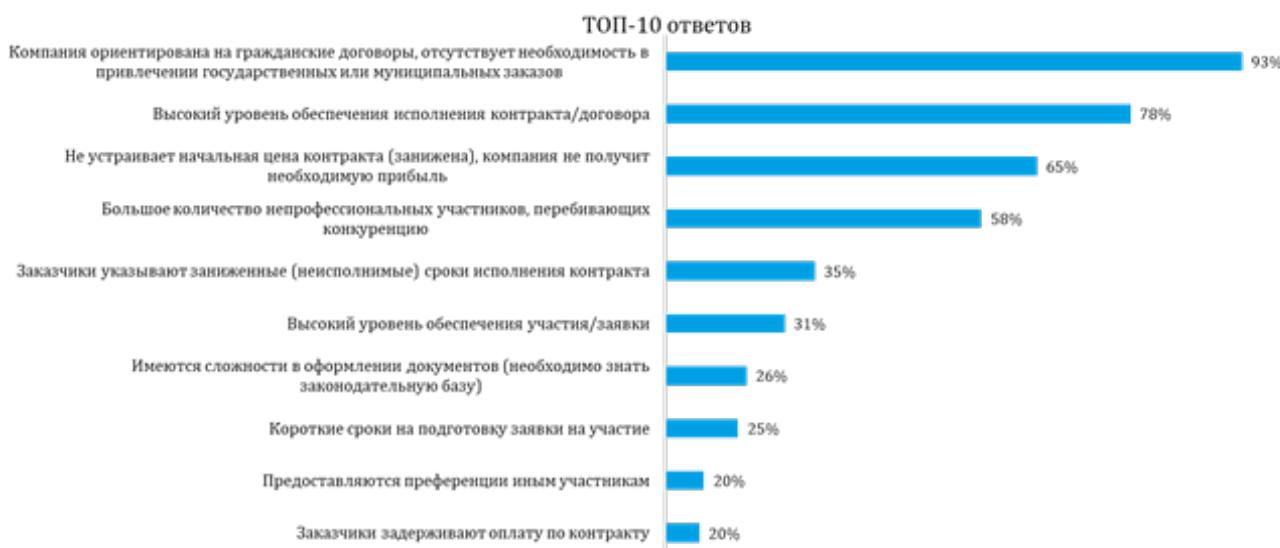

Рисунок 3. Стоп-факторы заключения контрактов на рынке публичных закупок, указанные участниками, зарегистрированными в ЕИС¹⁸

Полагаем, что столь высокая доля несостоявшихся торгов при одновременном наличии двух других сдерживающих факторов развития — слабой мотивации к подаче заявок и высоких барьеров для входа в бюджетоемкую сферу публичных закупок — свидетельствует о нездоровых процессах на рынке контрактной системы.

Концентрация рынка есть результат влияния сложных процессов и может приводить к неблагоприятным последствиям для конкуренции, поэтому требует профессиональной оценки по существу. При интенсивном типе развития (качественное совершенствование факторов производства) концентрация неизбежно приведет к деградации, так как технологические новации могут увеличивать не только среднюю производительность труда, но и предельную производительность труда и в целом сопровождаются повышением стандартов качества товаров (работ, услуг). Однако при экстенсивном типе развития (количественное увеличение факторов производства без обновления основного капитала) концентрация рынка с течением времени обязательно приведет к его деградации за редким исключением (например, когда требуется соблюдение «старых технологий»). Кроме того, коль скоро рынок публичных закупок — это рынок с более жесткими критериями для входа по сравнению с общим рынком, то риск злоупотребления доминирующим положением или попытки вступить в сговор, чтобы занять доминирующее положение, могут стать главной угрозой добросовестной конкуренции.

¹⁷ В АЦ изучили причины несостоявшихся закупок в контрактной системе //Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/v-ac-izucili-priciny-nesostoavsihsa-zakupok-v-kontraktnoj-sisteme-27141> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁸ Составлено авторами по: Видеозапись круглого стола //Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/3niuC8Myb1M?t=4447> (дата обращения: 08.10.2024).

Приведем в качестве примера рынок дорожного строительства в ряде отобранных субъектов РФ по принципу наличия в них тепличных условий для конкуренции среди местных организаций (когда конкуренты из других регионов не являются значительной угрозой), типичных для анклавного и островного типов региональных экономик. Вместо активного развития бизнеса и конкурентной борьбы в наблюдаемом периоде стали заметны обратные процессы, подтверждаемые фактами. Так, в Таблице 1 показано, что с начала 2000-х гг. почти втрое сократилось число действующих организаций на этом рынке, что говорит о концентрации бизнеса. Около трети из действующих организаций получали заказы по результатам несостоявшихся торгов, что выглядит несколько подозрительно при конкурентоспособности данного рынка. Почти в половине торгов у крупных организаций заказчиков подрядчики предпочитают не бороться за госзаказы.

Таблица 1. Рынок дорожного строительства (ОКВЭД 42.11) в отобранных регионах РФ в период с начала 2000 по 2021 гг.¹⁹

№	Показатель	Калининградская область	Сахалинская область
1	Зарегистрировано в регионе юрлиц с таким кодом ОКВЭД по основной деятельности	154	108
	Из них:		
2	действующие на сегодня	63 (41%)	54 (50%)
3	в состоянии ликвидации и (или) в процедуре банкротства	9	11
4	ликвидированы	82	43
5	участвовали в несостоявшихся торгах по государственным или муниципальным закупкам в 2021 г.	24 (на сумму 2 млрд руб.)	15 (на сумму 6 млрд руб.)
6	Закупки отдельных организаций в 2021 г. ²⁰	Гордорстрой Калининградского ГО: всего 3,8 млрд руб., 46% несостоявшихся	ГКУ Сахалинавтодор 2,5 млрд руб., 45% несостоявшихся

Полагаем, что слабая конкуренция в торгах не требует значительных усилий для победы в состязательном процессе и, соответственно, отрицательно стимулирует участников в вопросе снижения цены. Уменьшение величины экономии также можно объяснить повышением точности расчета НМЦК, что отмечал А.М. Лавров в ходе круглого стола на тему «Контркоррупционные меры в сфере закупок»²¹.

Стоит обратить внимание на то, что за период с 2014 по 2020 гг. показатели экономии при осуществлении госзакупок не поднимались выше 10,6% (2016 г.), а в 2022 г. и вовсе упали до 4,9%. По заключению Совета Федерации РФ, «несмотря на тенденцию роста объемов государственных закупок и ориентацию системы закупок на повышение эффективности закупок через усиление целевой конкуренции, на протяжении всего периода функционирования контрактной системы значимых изменений в показателях конкуренции и экономии не происходит»²². В постковидный восстановительный период (по данным за 2021 г.) в 63% торгов по сумме относительная экономия достигла своего исторического минимума — менее 4% [Анчишкина и др. 2022, 28], то есть большая часть госзаказа в принципе размещается с минимальным дисконтом.

¹⁹ Источник: [Тихомиров 2023].

²⁰ Расчет П.А. Тихомирова на основе выгрузки из ЕИС Закупки.

²¹ Видеозапись «круглого стола» на тему: «Контркоррупционные меры в сфере государственных закупок» //VKVideo [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video/@reu?z=video-1177_456239829%2Fpl-1177-2 (дата обращения: 05.06.2024).

²² Закон о контрактной системе в сфере госзакупок: проблемы правоприменения и пути совершенствования // Совет Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/analytics/bulletins/128366/> (дата обращения: 05.06.2024).

Латентная модель мотивации к подаче заявок на торги

Как уже говорилось, в исследованиях, посвященных моделям мотивации участников к подаче заявок на торгах, превалирует нормативная модель, так как в основном авторы пишут об экономической целесообразности (желании) получения прибыли как о ключевом стимуле к участию в торгах за госзаказы. Обращает на себя внимание недостаток эмпирических исследований на предмет детального анализа различных аспектов, факторов и форм мотивации (личная, социальная, структурная) к участию в торгах по госзаказам. Чтобы в определенной мере восполнить данный пробел, мы предприняли попытку анализа причин мотивации участников к подаче заявок на торгах методом инверсии (обратной аналогии) и приводим результаты (относятся к доказательной базе предпосылки (h1)). Его результаты были представлены одним из авторов на XVIII Всероссийской практической конференции-семинаре «Государственные и муниципальные закупки — 2023» [Тихомиров 2023, 253], где получили широкое одобрение экспертов.

Формализуем задачу: во-первых, мы исходим из того, что набор участников на открытую конкурентную закупку является произвольным (случайным), то есть гарантировать численность и состав участников не представляется возможным; во-вторых, формирование состава участников не является строго регламентированной процедурой; в-третьих, окончательный перечень заинтересованных поставщиков определяется к моменту окончания срока подачи заявок. По общему правилу установленные требования торгов являются ясными и открытыми для всех участников рынка, если, конечно, документация «не ориентирована» на конкретного участника.

Переходя к решению данной задачи, разумно оговориться о первом допущении: в основе базовой оценки экономической целесообразности (желания) сторон публичных закупок лежат принципиально разные предпосылки и ожидания: для поставщика — ожидание победы на торгах с приемлемой вероятностью и закрытия контракта с прибылью, а для заказчика — надлежащего выполнения контракта.

И второе допущение: участники рынка умеют считать и склонны прогнозировать вероятность как победы в торгах, так и получения прибыли. Например, при вероятности победы в торгах в рамках математического ожидания (50/50) и такой же вероятности получения прибыли в заключенном контракте (50/50) вероятность положительной маржинальности по результатам исполнения контракта на этапе входа в закупку будет весьма низкой — 25%. А если при этом учитывать сжатые сроки проведения процедуру и другие факторы, то у участника возникает нерадужная перспектива понести некомпенсируемые издержки участия в процедуре, что и демотивирует к подаче заявки.

В качестве обратной аналогии при поведенческом (мотивационном) анализе рассмотрим модель взаимодействия покупателей и продавцов на рынке услуг общественного питания применительно к конечному потребителю — клиентам заведения общественного питания. Зеркальность аналогии заключается в том, что мы поменяли стороны процесса торгов местами: заказчики в госзакупках как бы стали продавцами на рынке общественного питания. Задача — понять, как действуют продавцы на рынке общественного питания, чтобы мотивировать покупателей зайти к ним и заказать блюда. Такое сопоставление с закупками будет симметрично, поскольку заказчик на торгах также заинтересован в привлечении к участию как можно большего числа потенциальных поставщиков.

На рынке госзакупок заказчик публикует свои утвержденные и неизменные условия торгов (публичное предложение) и ожидает появления заявок от заинтересованных участников — продавцов. Продавец находит интересующий его предмет закупки, период поставки и определяет, к кому идти на торги, инициируя процесс участия.

На рынке услуг общественного питания продавец (в инверсии — заказчик) фиксирует условия продажи своих услуг (организует места питания, составляет меню, устанавливает цены за услуги) и также ожидает появления клиентов-покупателей (в инверсии — поставщиков). Относительное позиционное преимущество находится на стороне покупателя, потому что продавцу сложнее реализовать гарантированные обещания (организовать место, составить меню и установить цены), чем покупателю удовлетворить свои гарантированные ожидания (выбрать место, меню и цену).

При этом рестораторы активно прибегают к меню с ценами, которое является своего рода «квалификационными требованиями» к посетителям по критерию финансовой обеспеченности. Кроме того, у всех посетителей есть равные шансы быть накормленными той пищей, за которую они готовы заплатить вне зависимости от их статуса и финансового положения. Торг здесь не будет уместен, поскольку в меню установлены фиксированные цены. Однако это не мешает рестораторам конкурировать друг с другом, привлекая покупателей к посещению путем повышения качества блюд и обслуживания, рекламой, программами лояльности и разовыми акциями, чтобы число посетителей росло и они возвращались снова и снова.

К сожалению, с участниками публичных торгов дело обстоит совсем иначе: одной оценки экономической целесообразности исполнения контракта по ориентировочной цене недостаточно, так как у участников нет надежной гарантии, что их «накормят», если они зайдут на торги, как в ресторан. Более того, им нужно сначала заплатить, чтобы «заказать столик» (зарегистрироваться, купить электронную цифровую печать (ЭЦП), организовать обеспечение, заплатить за участие), а «за столиком» они должны написать, на какую сумму они готовы поесть (указать цену заявки), и ждать, когда же «официант» оценит предложения за разными «столиками» и выберет только одного с наибольшей (но на торгах — с наименьшей), которого он будет обслуживать. Другие же посетители «за столиками» должны будут просто уйти. И при этом участников закупок никто не завлекает (как это делают продавцы общественного питания), например, путем предложения лучших (более высоких) цен и условий торгов. Наоборот, все требования закона и заказчика направлены на жесткий отсев участников, а НМЦК и торги по цене понижают вероятность победы и получения прибыли в случае победы. Иными словами, у участников торгов, в отличие от посетителей ресторана, нет приемлемых (достаточных) гарантий получения заказа, когда они заходят на торги по опубликованным извещениям. Несоразмерность между желаемой вероятностью заработка («голод на прибыль») и низкой расчетной вероятностью победы не побуждает поставщика к широкому участию в торгах. Поэтому закономерно, что при наличии свободного гражданского рынка хозяйствующие субъекты расценивают возможность получения заказов и извлечения прибыли на последнем как более предпочтительный, что и подтвердил вышеприведенный опрос АЦ при Правительстве РФ. Кроме того, благо и бремя участия между участниками (будущими победителем и проигравшим) распределены асимметрично: победитель покрывает издержки участия из цены контракта, а у проигравшего возникают вмененные издержки, которые он может покрыть только из прибыли по иным сделкам, то есть увеличивается общая нагрузка на бизнес. Следовательно, участникам для минимизации некомпенсируемых вмененных издержек участия в торгах на понижение цены экономически целесообразно получать заказы или у единственного поставщика, или на несостоявшихся торгах, куда пришел один участник. Таким образом, проанализировав статистику системы закупок и базовую модель поведения участников торгов, мы подтверждаем гипотезу h1.

Переходя к рассмотрению гипотезы h2, оговоримся, что говоря с заказчиком представляется специфической экономически целесообразной альтернативой фиксации и минимизации трансакционных издержек участия в торгах при наличии достаточной конкуренции на рынке,

так как победа при участии в торгах на общих основаниях представляется маловероятной и сопряженной с довольно высокими издержками. К сожалению, такого рода сговор с заказчиком зачастую сопровождается гарантированными обещаниями коррупционного характера. По оценкам ВШЭ, поставщики сталкиваются с проявлениями коррупции на торгах в 70% случаев²³.

Однако при этом доля выявленных правоохранительными органами преступлений коррупционной направленности составляет долю, равную статистической погрешности, — 0,08–1,4% [Грачев, Сикорская 2022, 326–329]. Именно такая малая доля раскрытия дел, по мнению А.В. Грачева и Л.В. Сикорской, и играет на руку участникам рынка публичных закупок, лишний раз подтверждая правоту Нобелевского лауреата 1992 г. Г. Беккера, раскрывшего «кухню» экономики преступлений. Он предложил рассматривать преступления как вид рациональной деятельности, осознанно выбираемый по причине корыстного интереса, и вывел следующую формулу [Becker 1995]:

$$U = D - pf,$$

где D — доход, получаемый от совершения преступления, p — вероятность наказания преступника, f — денежный эквивалент наказания. Величину pf можно рассматривать в качестве той цены (или «налога»), которую преступник платит за совершение преступления. Иными словами, если преступники рациональны в своем выборе, рост величины pf приведет к снижению экономической целесообразности совершения преступления, что требует предельного завышения цены.

Если вероятность наказания преступника ничтожно мала (например, $p < 0,1$ или даже $p < 0,01$), то существенными становятся следующие два фактора: во-первых, преступник (в том числе и потенциальный) считает себя неуязвимым, так как психологически он склонен интерпретировать вероятность того, что ему удастся остаться непойманным, до единицы. Поэтому строгость наказания здесь не играет существенной роли; во-вторых, у строгости и вероятности наказания есть свои объективные ограничения: строгость наказания не может бесконечно усиливаться, а вероятность последнего — уменьшаться.

Итак, по формуле Беккера, если за получение взятки самое строгое наказание состоит в лишении свободы на срок до 12 лет (ст. 290, ч. 4 УК РФ), а при вышеуказанной вероятности, где $p = 0,014$, ожидаемое наказание составит около двух месяцев заключения, а при $p = 0,0008$ — три-четыре дня. Поэтому Беккер и предлагал штрафовать преступника и применять именно штрафные санкции как наиболее предпочтительный способ воздействия на последнего вместо тюремного заключения, потому что, наказывая преступника лишением свободы, общество наказывает и себя, так как оно несет издержки, связанные с реализацией установленной меры наказания.

Повторимся, что поставщик является инициатором дачи взятки именно по причине экономической выгоды, так как он получает гарантированный заказ при фиксированных издержках, кроме того, меньше всего он заинтересован и в компрометации публичного заказчика. В связи с этим наличие сегодня определенной доли договорных торгов, а значит, и коррупциогенных факторов — неотъемлемая часть современной действительности, ибо все альтернативы практике так называемой «экономики РОЗ» (Распил, Откат, Занос) недостаточно убедительны. Другими словами, если интерпретировать, согласно теории перспектив, выбор альтернатив хозяйствующими субъектами на рынке публичных закупок в РФ, то последние, в связи со склонностью к переоценке низких вероятностей и недооценке высоких вероятностей, по функции коррекции вероятности выбирают применение скрытых дополнительных гарантий выигрыша. Кроме того, если данные субъекты находятся в области получения выгод, то они склонны к неприятию риска и чрезмерной осторожности (например, такие победители будут перестраховываться, демонстрируя слабость

²³ Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках //РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 05.06.2024).

и неуверенность). А если субъекты находятся в области потерь, то, наоборот, они стремятся к риску и агрессивным действиям (например, подавать заведомо проигрышные жалобы со стороны проигравшего).

Совершенствование антикоррупционных процедур

Авторы признают, что законодательно отстроенные на текущий момент процедуры не полностью защищают от сговора и по большому счету соглашаются с мнением разработчика Методических рекомендаций по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд, где прямо указано, что «конкурентные процедуры не исключают коррупционные риски, но повышают открытость и прозрачность, позволяют не допустить совершение коррупционных правонарушений»²⁴.

Процесс закупки строго разделен законодателем на этапы, что делает непосредственный контакт между участниками отложенным до окончания аукциона и препятствует вступлению в сговор по цене, тем не менее сговор не исключен посредством оценки соответствия заявки требованиям документации. Что касается запросов котировок, то они за редким исключением не приводят к коррупционным проявлениям в силу малозначительности их сумм, если только не прослеживается ситуация, когда во множестве котировок выигрывает один и тот же участник.

Следует заметить, что в последнее время весьма популярны стали так называемые электронные магазины, где заказчику предлагается на выбор набор товаров, подходящих под его описание, и цены на них, из которых он выбирает победителя с наименьшей ценой. Хотя такой инструмент все же относится к закупкам у единственного поставщика или к малым закупкам, не подпадающим под регулирование законодательства, он, по мнению авторов, является конкурентным по своей сути, поскольку выбор производится из множества сопоставимых предложений.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что ответственным и заинтересованным лицам, регуляторам, законодателям желательно не останавливаться на достигнутом и продолжать искать новые, исключающие риски сговора механизмы и инструменты закупок. Представляется, что такого рода процедуры закупок должны одновременно соответствовать следующим требованиям:

- в отношении заказчика — обеспечивать гарантированное исполнение заказа в пределах бюджета качественно и в срок;
- в отношении участника — обеспечивать гарантированное получение заказа с минимальными трансакционными издержками при сохранении рыночной цены и получении разумной нормы прибыли по результатам успешного исполнения договора.

Трансакционные издержки в открытых торгах

Как было отмечено выше, трансакционные издержки на рынке публичных закупок весьма существенны. В теории трансакционных издержек, получившей развитие с публикации Нобелевского лауреата 1991 г. Р. Коуза «Природа фирмы», фирма как система экономически целесообразных контрактов — ответ операциям на открытом рынке: «предприниматель должен выполнять свою функцию с меньшими затратами, принимая во внимание тот факт, что он может получить факторы производства по более низкой цене, чем рыночные сделки, которые он заменяет, поскольку всегда есть возможность вернуться к открытому рынку, если он потерпит неудачу» [Coase 1937, 392]. Другими словами, рынок публичных закупок как рынок с повышенными

²⁴ Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Письмо Минтруда России от 30.09.2020 № 18-2/10/П-9716 //КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326041/ (дата обращения: 05.06.2024).

трансакционными издержками предъявляет предпринимателю и повышенные требования к процессу ценообразования, на которые он не может не реагировать, если он не намерен уходить с данного рынка.

Трансакционные издержки принято делить на издержки продавца и издержки покупателя, последними из которых в контрактной системе выступают государственные и муниципальные заказчики. Их издержки детально систематизировал В.В. Кикавец, сделав вывод, что эффективность системы государственных и муниципальных закупок — это не фактическая экономия, получаемая заказчиками на торгах, а разность полученных доходов (результат использования закупки плюс экономия) и понесенных трансакционных издержек. Но в настоящее время ни один орган государственной власти не считает трансакционные издержки самой контрактной системы и их распределение на каждую конкретную сделку [Кикавец 2020, 1058].

Участники рынка не склонны участвовать в торгах на закупки с неопределенным исходом. Что касается защиты интересов общества, то здесь, по мнению В.В. Кикавца, главное — обеспечить соблюдение частных и публичных интересов по паритету блага и бремени рисков [Там же, 1054], что неново для российской практики. Например, подобная норма нашла свое отражение в законе о гособоронзаказе, устанавливающем принцип соблюдения баланса интересов госзаказчика и головного исполнителя при государственном регулировании цен на продукцию. Авторы разделяют позицию М.В. Шмелевой о целесообразности установления в законе о контрактной системе базового принципа соблюдения баланса интересов между участниками закупки и заказчиками, а также ее мнение, что главным негативным фактором для публичных закупок являются торги по критерию наименьшей цены, так как при определенных обстоятельствах значительное снижение цены (например, при «аукционной лихорадке») осуществляется не столько за счет оптимизации трансакционных издержек, сколько за счет качества продукции. Более того, согласно ст. 37 ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», участник рискует навлечь на себя взыскание, если он опускает цену ниже установленного лимита (увеличенное обеспечение в случае снижения цены больше чем на 25%)²⁵. В.В. Кикавец отмечает, что «конкуренция не всегда способна снизить цену без ущерба качеству выполняемого обязательства» [Кикавец 2018, 25].

Стоит подчеркнуть, что в обзоре Совета Федерации также выражен скепсис относительно стратегических ориентиров и результатов нормотворчества в сфере закупок, в частности указывается, что последние направлены преимущественно на жесткое администрирование процесса и выбор контрагента, что не учитывает в полной мере финансовую составляющую процесса обеспечения публичного интереса²⁶.

Для сохранения рыночного уровня цен с учетом себестоимости продукции и присущего коммерческому сектору размера трансакционных издержек, по мнению авторов, целесообразно рассмотреть механизм распределения заказов без возможности снижения расчетной рыночной цены, но с гарантией исполнения заказов участником на требуемом уровне качества.

Переход от торгов по цене к публичному предложению гарантированного заказа

Представляется, что предлагаемый в настоящем исследовании переход к публичному предложению гарантированного заказа по фиксированной цене существенно оздоровит институт публичных закупок в РФ. Реализацию данного предложения мы видим во внедрении в российскую

²⁵ Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» //Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

²⁶ Закон о контрактной системе в сфере госзакупок: проблемы правоприменения и пути совершенствования //Совет Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/128366/ (дата обращения: 05.06.2024).

практику нового механизма распределения заказов по принципу голландского аукциона, когда лот по рассчитанной рыночной цене (фиксированной цене) отдается тому, кто первым согласился его выполнить на предложенных условиях. Для получения предложения с гарантированным заказом по фиксированной цене участник должен быть аккредитован в соответствующей системе и допущен до торгов по выработанным квалификационным критериям. Критерии могут различаться в зависимости от предмета и объема закупки. Технически реализация данного предложения предлагается как отдельным блоком в ЕИС, так и на каждой электронной площадке. Для пилотного внедрения возможно протестировать данный способ в малых закупках, до 600 тыс. руб.

Публичное ценовое предложение состоит в следующем: на основе текущих цен и соотношения спроса с предложением рассчитывается рыночный уровень цен на готовую продукцию и заказ по этой цене, после его акцепта заказчиком контракт предлагается всем аккредитованным участникам, у которых есть в наличии (незаконтрактованная) такая продукция в наибольшей близости к месту доставки с учетом транспортной составляющей. С тем, кто первым акцептует государственную оферту по рассчитанной системой цене, и заключается контракт.

Гарантированность получения заказа заключается в том, что данный заказ достигается путем подтверждения согласия участником с условиями государственной оферты. Если в течение установленного периода ни один из участников рынка не согласился с офертой, то цена или иные условия пересчитываются с учетом колебаний рынка и после подтверждения цены заказчиком с учетом лимитов бюджетных обязательств выставляется новая государственная оferта.

Оговоримся, что расчетный уровень цены такого предложения (оферты) должен учитывать все существенные сопутствующие затраты (например, транспортировку) и трансакционные издержки участника, соответствовать рынку, а методика (алгоритм) расчета должна быть верифицирована (утверждена) государством. По нашему мнению, в результате внедрения данного механизма недостатки так называемой «аукционной лихорадки» будут устранены, поскольку предлагается оferта по фиксированной цене. В связи с этим ничтожно маловероятным станет сценарий, когда участники побеждают с ценами ниже себестоимости и в результате вынуждены перекладывать вмененные затраты на другие заказы, что поддерживает нездоровые стимулы и модели поведения, среди которых скрытие затрат, парafинирование нежелательных последствий, включая снижение качества продукции или неисполнение контракта, и в целом способствует росту институциональной неопределенности.

Институциональное оздоровление пойдет на пользу всем участникам рынка. Экономия на торгах останется в распоряжении субъектов рынка, а цена сделки перестанет быть предметом торга ради торга, что позволит участникам более точно прогнозировать себестоимость и соизмерять свои производственные возможности с загрузкой. Заказчики смогут освободиться от обязанности по расчету НМЦК. Будут утрачены основания для выставления претензий от правоохранительных органов о переговорах или контактах должностных лиц заказчика с участниками по поводу объявленных торгов или расчетной цены контракта, то есть исчезнет ряд составов административных правонарушений в отношении заказчиков.

Не осуществимы будут в этой модели и известные способы срыва торгов, например «таран», поскольку не предполагается подача нескольких заявок и торгов по цене. Критерии допуска к участию в торгах по принципу голландского аукциона, могут включать в том числе опыт, финансовое положение, наличие трудовых и производственных ресурсов, товаров на складе. Для производственных предприятий важно учитывать загрузку их мощностей и портфель заказов, чтобы гарантировать наличие относительно свободных мощностей для производства нового заказа в установленные сроки.

Ниже приведена принципиальная схема размещения заказа по фиксированной цене (Рисунок 4).

По мнению авторов, новый механизм размещения заказа по фиксированной цене применим для стандартизированной и распространенной на рынке продукции, в отношении которой имеется достаточное количество данных для расчета рыночного уровня цен, ее наличие и доступность на складах, доступны возможности организации доставки и т. п. В настоящее время активно развивается система маркировки товаров, которая в случае поэкземплярного учета позволит понимать, какое количество каких товаров в каком месте находится. Это даст возможность автоматически определять объем предложения на рынке, а значит, сопоставлять со спросом, рассчитывать цену и расходы на доставку.

Рисунок 4. Принципиальная схема размещения заказа по фиксированной цене способом голландского аукциона²⁷

По мнению авторов, новый механизм размещения заказа по фиксированной цене применим для стандартизированной и распространенной на рынке продукции, в отношении которой имеется достаточное количество данных для расчета рыночного уровня цен, ее наличие и доступность на складах, доступны возможности организации доставки и т. п. В настоящее время активно развивается система маркировки товаров, которая в случае поэкземплярного учета позволяет понимать, какое количество каких товаров в каком месте находится. Это дает возможность автоматически определять объем предложения на рынке, а значит, сопоставлять со спросом, рассчитывать цену и расходы на доставку.

При наличии этих факторов использование нового механизма размещения заказа, сопоставимого (с определенной долей допущения) с алгоритмом поиска исполнителя, применяемого в агрегаторах такси, может кардинально изменить ситуацию и на рынке закупок малого объема, снизить трудоемкость и сократить издержки обеих сторон, что в итоге приведет к снижению цен и экономии бюджетных средств. Размещение заказов на крупные заказные, специализированные и подрядные контракты, НИОКР и ряд другой продукции должно, как и прежде, осуществляться путем традиционных конкурсов.

На этапе оценки целесообразности перехода на новый способ закупки желательно осуществить pilotный проект, который мог бы быть реализован для закупок малого объема

²⁷ Составлено авторами.

по определенному перечню простой, стандартизированной продукции. В этих целях можно рассматривать сферу лекарственного обеспечения, поскольку здесь действуют утвержденные методики ценообразования, присутствует маркировка и отложены информационные потоки о прохождении фармпрепаратов от производителя до потребителя, включая нахождение на складе. Перспективной областью для применения подобного способа размещения заказа является и исполнение гособоронзаказа, где также есть государственный контроль цен и достаточная глубина взаимодействия с соисполнителями.

По мнению авторов, развитие законодательства о закупках должно стремиться именно в сторону перехода от ценовой конкуренции на торгах к конкуренции квалифицированных производителей за гарантированную загрузку их мощностей и контрактацию готовой продукции на складах по расчетным ценам. Собственно, в предложенной системе отношений в терминологии Бранденбургера — Нейлбахфа [Бранденбургер, Нейлбахф 2012] сеть ценности перестраивается для обеспечения риск-паритета между всеми участниками рынка, в которой государство как институциональный актор переходит от стратегии управления процессами к стратегии управления потоками, что также должно снизить и институциональную неопределенность. В данной системе отношений обеспечивается достижение установленной целевой модели развития конкуренции, поскольку все текущие игроки рынка сохраняют право аккредитоваться в системе и претендовать на получение заказа.

Новый механизм распределения заказов по принципу голландского аукциона позволит существенно снизить угрозу коррупции, поскольку в такой системе весьма сложно вступить в сговор: заказчик не знает, кто первый акцептует предложение, а у участников нет времени на вступление в сговор, так как нет установленного минимального срока акцепта оферты и невозможно препятствовать неизвестному конкуренту первым акцептовать ее. При фиксированной цене участнику нет смысла предлагать заказчику какое-либо денежное вознаграждение, поскольку результат торгов от заказчика не зависит.

Стоит также отметить, что дополнительным преимуществом перехода на вышеописанный гарантированный заказ является сокращение сроков размещения заказа, так как при использовании автоматизированных систем расчета цены и модели голландского аукциона вся процедура размещения заказа от публикации до заключения контракта в целом может занять не более двух дней.

На сегодняшний день для реализации предложенного авторами механизма размещения заказа по фиксированной цене требуется устраниТЬ целый ряд препятствий. Представляется, что регулятору и контролерам целесообразно пересмотреть свою картину мира, где бессмысленная погоня за экономией и конкурентностью (числом заявок) за заказ превратилась в самоцель, а наличие несостоявшихся торгов никого не останавливает, поскольку контракты все равно заключаются и задачи по обеспечению государства продукцией выполняются. Субъектам рынка следует изменить свой подход к конфиденциальности определенных бухгалтерских данных в сторону открытия для госзаказа сведений об учетных записях по складам, текущей и плановой загрузке производственных ресурсов и мощностям, что вполне реализуемо без утраты поставщиками чувствительных сведений, если учитывать устойчиво расширяющуюся практику налогового мониторинга в стране, маркировку товаров и накапливаемые в геометрической пропорции объемы цифровых данных.

Соответственно, регуляторам необходимо уточнить существующее или разработать новое регулирование для внедрения вышеописанной процедуры закупок, операторам — перенастроить автоматизированные системы на сбор и операции с иными (ценовыми, квалификационными,

финансовыми) данными, стремиться к автоматизированной оценке квалификации, участникам рынка — перенастроить учетные системы для предоставления в адрес госзаказа сведений о своих запасах и заключенных сделках на товарную, складскую продукцию. Параллельно необходимо разработать программное обеспечение по автоматизированному расчету цены закупки на основе этих данных и анализа текущего состояния рынка.

И, наконец, принципиально важная задача — обеспечение соответствия расчетной цены заказа рыночному уровню с учетом необходимой нормы трансакционных издержек и прибыли. Безусловно, задача сложная, но решаемая в силу активного развития ЕИС, появления в этой системе новых инструментов и накопления достаточных объемов данных. Именно такой путь и позволит говорить о совершенствовании процедур, а также контркоррупционном направлении развития законодательства о закупках и сохранении высокой конкуренции за государственные и муниципальные заказы.

Заключение

Контрактная система РФ в нынешнем ее виде не привела к существенно значимому росту экономической и операционной эффективности закупок, так как прослеживается тенденция к ослаблению конкуренции по среднему числу участников и снижению экономии на торгах, имеется высокая доля несостоявшихся торгов. Многокритериальный, комплексный и информативный расчет эффективности контрактной системы не проводился и в настоящее время не проводится. Представляется, что экономия бюджетных средств на торгах как единственно значимый критерий в текущих условиях неопределенности и турбулентности утратила свою актуальность при оценке эффективности закупок.

Борьба с коррупционными проявлениями в закупках существующими методами регулирования открытых конкурентных процедур исчерпала себя и требует новых кардинальных решений посредством реализации стратегии исключения человеческого фактора из процесса (процедуры) принятия решения о победителе.

Слабая мотивация для участия в открытых торгах со стороны поставщиков обусловлена неприемлемо низкой оценкой вероятности победы на торгах и впоследствии получения прибыли. При отсутствии гарантированного заказа в открытых торгах поставщики несут некомпенсируемые трансакционные издержки, увеличивающие цену продукции. Поставщик вынужден искать пути снижения и фиксации своих издержек при повышении вероятности получения заказа, включая вступление вговор с заказчиком.

Целесообразно рассматривать переход от открытых ценовых торгов к размещению гарантированного заказа по фиксированной расчетной рыночной цене путем предложения государственной оферты на заключение контракта с первым принявшим ее (принцип голландского аукциона) среди квалифицированных поставщиков, предварительно подтвердивших наличие требуемой продукции или свободных ресурсов для выполнения заказа, что гарантирует его исполнение. Предложенный механизм размещения заказа основан на использовании современных цифровых технологий в госзакупках, сохраняет добросовестную конкуренцию, обеспечивает рыночный уровень цен, сокращает сроки размещения заказа без потерь для качества продукции, а также уменьшает трансакционные издержки сторон.

Список литературы:

Анчишкина О.В., Дьяченко О.Г., Иванов А.Е., Катамадзе А.Т., Лавров А.М., Мельченко И.А., Сухадольский Г.А., Торопов А.А., Шамрин А.Т. «Реформирование системы госзакупок: ожидания, результаты, перспективы». Круглый стол //Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 7-37.

Бобошко Н.М. Коррупция в сфере государственных закупок как угроза экономической безопасности государства //Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 19–25.
DOI: [10.24411/2414-3995-2020-10343](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10343)

Бранденбургер А., Нейлбафф Б. Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: Кейс: Омега-Л, 2012.

Гапоненко В.Ф. Причины и условия коррупции в системе государственных и муниципальных закупок в контексте экономической безопасности //Проблемы экономики и юридической практики. 2022. № 8. С. 240–245.

Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов //Ноономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. №1. С. 43–64.
DOI: [10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64](https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64)

Грачев А.В., Сикорская Л.В. Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок //Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 326–329.
DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-326-329](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-326-329)

Денисенко А.М. Управленческие инструменты противодействия коррупции в сфере муниципальных закупок //Противодействие коррупции в сфере закупок: основные проблемы и стратегии предотвращения коррупционных рисков. Сборник научных докладов. М.: Русайнс, 2021. С. 24–30.

Кикавец В.В. Классификация трансакционных издержек в контрактной системе в сфере закупок // Финансовое право. 2018. № 1. С. 21–25.

Кикавец В.В. Публичный интерес в сфере закупок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020 Т. 24. № 4. С. 1039–1062.
DOI: [10.22363/2313-2337-2020-24-4-1039-1062](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1039-1062)

Крышкин О.В. Настольная книга по внутреннему аудиту: риски и бизнес-процессы. М.: Альпина Паблишер, 2017.

Купряшин Г.Л. Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности //Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 174–189. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-97-174-189](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-174-189)

Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Теория и механизмы современного государственного управления. М.: Издательство Московского университета, 2012.

Рахимов Э.Х. Некоторые вопросы противодействия коррупции в сфере государственных закупок // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 4. С. 47–53.

Тихомиров П.А. Недостаточная мотивация на подачу заявки в открытых торгах как фактор низкой конкуренции в госзакупках //Государственные и муниципальные закупки — 2023. Сборник докладов XVIII Всероссийской практической конференции-семинара. М.: Т8 Издательские Технологии, 2023. С. 246–258.

Храмкин А.А. Антикоррупционный комплаенс-контроль при проведении закупок //Государственные и муниципальные закупки — 2017. Сборник докладов XII Всероссийской практической конференции-семинара. М.: Компания Ладья, 2017. С. 95–100.

Шмелева М.В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация. М.: Юстицинформ, 2021.

Becker G.S. The Economics of Crime //Cross Sections. 1995. Vol. 12. Is. Fall. P. 8–15.

Bosio E., Djankov S., Glaeser E., Schleifer A. Public Procurement in Law and Practice //American Economic Review. 2022. Vol. 89. Is. 4. P. 1091–1117. DOI: [10.1257/aer.20200738](https://doi.org/10.1257/aer.20200738)

Coase R.H. The Nature of the Firm //Economica. 1937. Vol. 4. Is. 16. P. 386–405.
DOI: [10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x)

Collier P., Kirchberger M., Söderbom M. The Cost of Road Infrastructure in Low- and Middle-Income Countries //World Bank Economic Review. 2016. Vol. 30. Is. 3. P. 522–548. DOI: [10.1093/wber/lhv037](https://doi.org/10.1093/wber/lhv037)

Colonelli E., Prem M. Corruption and Firms //The Review of Economic Studies. 2022. Vol 89. Is. 2. P. 695–732. DOI: [10.1093/restud/rdab040](https://doi.org/10.1093/restud/rdab040)

Fazekas M., Kocsis G. Uncovering High-Level Corruption: Cross-National Objective Corruption Risk Indicators Using Public Procurement Data //British Journal of Political Science. 2020. Vol. 50. Is. 1. P. 155–164. DOI: [10.1017/S0007123417000461](https://doi.org/10.1017/S0007123417000461)

Fazekas M., Blum J. Improving Public Procurement Outcomes. Review of Tools and the State of the Evidence Base //Policy Research Working Paper: WPS9690. 2021. DOI: [10.1596/1813-9450-9690](https://doi.org/10.1596/1813-9450-9690)

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk //Econometrica. 1979. Vol. 47. Is. 2. P. 263–291. DOI: [10.2307/1914185](https://doi.org/10.2307/1914185)

Olken B. Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia //Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. Is. 2. P. 200–249. DOI: [10.1086/517935](https://doi.org/10.1086/517935)

References:

Anchishkina O.V., Dyachenko O.G., Ivanov A.E., Katamadze A.T., Lavrov A.M., Melchenko I.A., Sukhadolsky G.A., Toropov A.A., Shamrin A.T. (2022) ‘Reforming the Public Procurement System: Expectations, Results, Prospects.’ Round table. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 3. P. 7–37.

Becker G.S. (1995) The Economics of Crime. *Cross Sections*. Vol. 12. Is. Fall. P. 8–15.

Boboshko N.M. (2020) Corruption in Public Procurement as a Threat to the Economic Security of the State. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. No. 6. P. 19–25. DOI: [10.24411/2414-3995-2020-10343](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10343)

Bosio E., Djankov S., Glaeser E., Schleifer A. (2022) Public Procurement in Law and Practice. *American Economic Review*. Vol. 89. Is. 4. P. 1091–1117. DOI: [10.1257/aer.20200738](https://doi.org/10.1257/aer.20200738)

Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. (2012) *Co-opetition: A Revolution Mindset that Combines Competition and Cooperation*. Moscow: Omega-L.

Coase R.H. (1937) The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. Is. 16. P. 386–405. DOI: [10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x)

Collier P., Kirchberger M., Söderbom M. (2016) The Cost of Road Infrastructure in Low- and Middle-Income Countries. *World Bank Economic Review*. Vol. 30. Is. 3. P. 522–548. DOI: [10.1093/wber/lhv037](https://doi.org/10.1093/wber/lhv037)

Colonelli E., Prem M. (2022) Corruption and Firms. *The Review of Economic Studies*. Vol 89. Is. 2. P. 695–732. DOI: [10.1093/restud/rdab040](https://doi.org/10.1093/restud/rdab040)

Denisenko A.M. (2021) Management Tools for Combating Corruption in the Field of Municipal Procurement. *Protivodeystvie korruptsii v sfere zakupok: osnovnye problemi i strategii predotvratshcheniya korruptsionnykh riskov*. Moscow: Rusayns. P. 24–30.

Fazekas M., Kocsis G. (2020) Uncovering High-Level Corruption: Cross-National Objective Corruption Risk Indicators Using Public Procurement Data. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. Is 1. P. 155–164. DOI: [10.1017/S0007123417000461](https://doi.org/10.1017/S0007123417000461)

Fazekas M., Blum J. (2021) Improving Public Procurement Outcomes. Review of Tools and the State of the Evidence Base. *Policy Research Working Paper: WPS9690*. DOI: [10.1596/1813-9450-9690](https://doi.org/10.1596/1813-9450-9690)

Gaponenko V.F. (2022) Causes and Conditions of Corruption in the System of State and Municipal Procurement in the Context of Economic Security. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. Vol. 18. No. 2. P. 240–245.

Glaziev S.Yu. (2022). Noonomy as the Forming Linchpin for the New Technological and World Economic Order. *Noonomika i noobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.YU. Vitte*. Vol. 1. No. 1. P. 43–64. DOI: [10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64](https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64)

Grachev A.V., Sikorskaya L.V. (2022) Latency as a Factor of Corruption in the Public Procurement System. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. No. 5. P. 326–329. DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-326-329](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-326-329)

Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. Vol. 47. Is. 2. P. 263–291. DOI: [10.2307/1914185](https://doi.org/10.2307/1914185)

Khramkin A.A. (2017) Antikorruptsionnyy komplayens-kontrol' pri provedenii zakupok [Anti-corruption compliance control in procurement]. *Gosudarstvennyye i munitsipal'nyye zakupki — 2017. Sbornik dokladov XII Vserossiyskoy prakticheskoy konferentsii-seminara*. Moscow: Kompaniya Lad'ya. P. 95–100.

Kikavets V.V. (2018) Classification of Transaction Costs in a Contractual System of the Procurement Sector. *Finansovoye pravo*. No. 1. P. 21–25.

Kikavets V.V. (2020) Public Interest in Public Procurement. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. Vol. 24. No. 4. P. 1039–1062. DOI: [10.22236/2313-2337-2020-24-4-1039-1062](https://doi.org/10.22236/2313-2337-2020-24-4-1039-1062)

Kryshkin O.V. (2017) *Nastol'naya kniga po vnutrennemu auditu: riski i biznes-protsessy* [Handbook of internal audit: Risks and business processes]. Moscow: Al'pina Publisher.

Kupryashin G.L. (2023) Political-Administrative Capacities of Governance in Conditions of Turbulence and Uncertainty. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 97. P. 174–189. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-97-174-189](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-174-189)

Kupryashin G.L., Solov'yev A.I. (2012) *Teoriya i mekhanizmy sovremennoogo gosudarstvennogo upravleniya* [The theory and mechanisms of modern public administration]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Olken B. (2007) Monitoring Corruption: Evidence from a Field Experiment in Indonesia. *Journal of Political Economy*. Vol. 115. Is. 2. P. 200–249. DOI: [10.1086/517935](https://doi.org/10.1086/517935)

Rakhimov E.M. (2018) Nekotoryye voprosy protivodeystviya korruptsii v sfere gosudarstvennykh zakupok [Some issues of combating corruption in public procurement]. *Aktual'nyye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina*. No. 4. P. 47–53.

Shmeleva M.V. (2021) *Sistema gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) zakupok: metodologiya i realizatsiya* [System of government (municipal) procurement: Methodology and implementation]. Moscow: Yustitsinform.

Tikhomirov P.A. (2023) Nedostatochnaya motivatsiya na podachu zayavki v otkrytykh torgakh kak faktor nizkoy konkurentsii v goszakupkakh [Insufficient motivation to apply for bids in open tenders as a factor of low competition in public procurement]. *Gosudarstvennyye i munitsipal'nyye zakupki — 2023. Sbornik dokladov XVIII Vserossiyskoy prakticheskoy konferentsii-seminara*. Moscow: T8 Izdatel'skiye Tekhnologii.

Образование и экономический рост: настоящее и взгляд в будущее

Молчанов Игорь Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [1300-2679](#), ORCID: [0000-0003-4252-2387](#), 9392940@gmail.com

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития высшего образования в новой геополитической реальности. Представлены результаты исследований российских и зарубежных ученых по проблемам формирования человеческого потенциала, определена роль в его становлении и развитии ключевого компонента — образования. Систематизирована актуальная информация о состоянии и перспективах реформирования университетского образования. На основе анализа комплекса показателей установлены приоритеты образовательной деятельности и охарактеризованы итоги работы высшей школы в России (2019–2023 годы). При этом выполнена оценка результативности предпринимаемых действий по совершенствованию управления высшей школой. Систематизированы нормативно-правовые основы вузовского образования на этапе реформирования высшей школы, и приведены данные об использовании инноваций в развивающейся цифровой среде российских университетов. Выявлены особенности организации обучения студентов вузов в условиях ускоряющегося процесса цифровизации образовательной деятельности. В результате сделаны выводы о необходимости акцентировать внимание общественности на развитии человеческого потенциала и своевременности принятия мер по формированию цифровой среды в фокусе национальных программ и федеральных проектов. В качестве рекомендаций обобщены приоритетные направления деятельности организаций высшего образования в контексте развития международного сотрудничества с дружественными странами.

Ключевые слова

Человеческий потенциал, образовательная среда, экономическое развитие, деятельность высшей школы, программно-целевой подход, искусственный интеллект.

Для цитирования

Молчанов И.Н. Образование и экономический рост: настоящее и взгляд в будущее // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 68–79. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-68-79

Education and Economic Growth: The Present and a Look into the Future

Igor N. Molchanov

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0003-4252-2387](#), 9392940@gmail.com

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article considers the issues of higher education development in the new geopolitical reality. The results of researches by Russian and foreign scientists on the problems of human potential formation, the role of the key component — education — in its formation and development are presented. Up-to-date information on the state and prospects of reforming university education is systematized. Based on the analysis of a set of indicators, the priorities of educational activities are established and the results of the work of higher education in Russia (2019–2023) are characterized. The assessment of the effectiveness of the actions taken to improve the management of higher education has been completed. The regulatory framework for higher education at the stage of reforming higher education and data on the use of innovations in the developing digital environment of Russian universities are systematized. Features of the organization of training of university students in the context of the accelerating process of educational activities digitalization are identified. Conclusions are made about the need to focus the attention of the Russian public on the development of human potential and the timeliness of taking measures to form a digital environment in the focus of national programs and federal projects. As recommendations, priority areas of activity of higher education organizations in the context of the development of international cooperation with friendly countries are summarized.

Keywords

Human potential, educational environment, economic development, higher education activities, program-targeted approach, artificial intelligence.

For citation

Molchanov I.N. (2025) Education and Economic Growth: The Present and a Look into the Future. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 68–79. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-68-79

Дата поступления/Received: 08.11.2024

Введение

Образование является фундаментальным правом человека и одновременно мощным фактором экономического развития, одним из лучших способов сокращения бедности, улучшения стандартов здравоохранения, продвижения мира к безопасности и стабильности. Образование оказывает значительное положительное влияние на повышение доходов работников, является основным фактором поддержания равенства и инклюзивности. Выявление приоритетов развития российской системы образования в будущем имеет особое значение в условиях современного этапа ее реформирования.

Под влиянием неблагоприятных внешнеполитических условий, созданных рядом недружественных стран Запада, сохраняется вероятность возникновения непредвиденных ситуаций в функционировании национального хозяйства страны. Для обеспечения устойчивых темпов экономического роста необходимо максимальное задействование человеческого потенциала, качество которого эволюционно возрастает. Важнейшие характеристики, из которых складывается качество человеческого потенциала, — уровень образования, состояние здоровья и продолжительность жизни населения (членов общества).

Переход к многополярному мируустройству и активное формирование интеграционных международных союзов государств, в которых Россия занимает лидирующие позиции и играет важную объединительную роль, способствуют укреплению положения страны в глобальном масштабе, активизируют деятельность научного сообщества и органов государственной власти по формированию новой модели функционирования системы обучения в образовательных учреждениях высшего образования.

В 2024/25 и 2025/26 учебных годах в рамках pilotного проекта¹ апробируется принятие Правительством России решение о реформировании системы профессионального образования². Внесены уточнения в классификацию уровней высшего образования: выделены базовый и специализированный уровни высшего образования, установлен уровень профессионального высшего образования — аспирантура. На базовом уровне реализуются образовательные программы бакалавриата и специалитета, на специализированном — магистратуры, ординатуры и ассистентуры-стажировки. Ключевым новшеством является дифференциация сроков освоения образовательных программ в зависимости от направления, специальности и профиля подготовки либо от конкретной квалификации и отрасли экономики, в частности программы базового высшего образования могут длиться от четырех до шести лет, программы специализированного высшего образования — от одного года до трех лет.

Возрастает потребность в переосмыслении государственной образовательной политики, основные положения которой подвергаются трансформации под влиянием происходящих в обществе объективных изменений как глобального, так и регионального характера. Для поддержания положительных темпов экономического роста и увеличения ВВП в странах с формирующейся экономикой остро востребованы квалифицированные специалисты, обладающие обширными знаниями в различных предметных областях и ориентированные на переобучение, повышение квалификации и постоянное совершенствование навыков и умений в выбранной профессиональной сфере деятельности.

¹ Реализация试点ного проекта осуществляется в следующих образовательных организациях высшего образования: ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»; ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»; ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»; ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский горный университет»; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (Указ Президента № 343).

² Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 10.10.2024).

Степень научной разработанности проблемы

Существует обширная научная литература, в которой представлены результаты исследований различных авторов по актуальной тематике экономического развития. Предметом особого внимания являются дискуссионные вопросы формирования и развития человеческого потенциала. В научных публикациях рассматриваются различные точки зрения исследователей на понятие и состав человеческого потенциала, общность и различия применяемой терминологии; раскрывается роль образования и его влияние на развитие человеческого потенциала [Соболева 2007; Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? 2019]. При рассмотрении человеческого потенциала на уровне индивида в первую очередь важны личностные качества, отражающие уровень его активности в социуме и качественные характеристики, подлежащие формализации. Количественные характеристики человеческого потенциала отражаются стоимостными показателями. Масштабирование характеристик индивидуумов на уровне организации позволяет получить обобщенную картину человеческого потенциала применительно к иерархическим ступеням корпоративного (государственного / муниципального) управления [Иванов 2013]. Для представления человеческого потенциала определенной совокупности индивидов значение имеют их «количественные и качественные характеристики... независимо от участия в экономической деятельности» [Федотов 2021, 57]. При этом по мере развития научно-технологического прогресса на передний план выдвигаются качественные характеристики населения, а человеческий потенциал занимает центральное место в ряду категорий, выражющих возможности «для реализации способностей, намерений и потребностей человека» [Там же].

В научном базисе экономики образованию принадлежит ключевая роль, а сам человеческий потенциал формируется в процессе функционирования сферы образования. Миссия исследователей состоит в выявлении базовых характеристик важнейших компонентов человеческого потенциала, важнейшим из которых является образование, и определении на этой основе ключевых задач его развития в будущем. В изменяющихся геополитических условиях «сфера образования становится той сферой, в которой формируется главный ресурс и потенциал социально-экономического развития общества — творческий потенциал человека» [Яковлева 2021, 254–255].

Образование имеет не только узко экономические последствия, но и обеспечивает разные социальные эффекты, связанные с общественным развитием [Российская социально-экономическая система 2021]. Один из типов эффектов относится к личному обогащению человека (так называемый эффект потребления), другой — к приобретению культуры в широком смысле («бескорыстность» получения образования) [Смирнов и др. 2005]. В работах разных авторов разносторонне обосновываются эффекты образовательной деятельности, большая часть из которых не может быть прямо выражена в денежном эквиваленте, поскольку они касаются непосредственно человека и его семьи через изменения в поведении, которые вызывает образование [Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие 2018].

Исторически существовали определенные разногласия между сторонниками ориентированного на результаты, то есть утилитарного, образования, прибыльность которого более очевидна, и сторонниками образования как культурной ценности [Флорида 2007]. Образованные люди более восприимчивы к принятию новых моделей поведения в области гигиены, здоровья, рождаемости, образования детей, детского труда и возраста вступления в брак. Эти эффекты имеют четкую связь с развитием, причем некоторые из них даже являются индикаторами развития, например снижение младенческой смертности или увеличение продолжительности жизни.

По мнению ученых, «социально-экономической системе России присущ социальный тренд, при котором социальные аспекты становятся факторами устойчивого и динамичного развития Системы» [Савченко 2021, 8]. Одним из инструментов, обеспечивающих последовательную реализацию социальной политики государства, является образование. Роль университетов в развитии высшего образования многократно возрастает в периоды глобальной нестабильности, которая стихийно возникает и лавинообразно распространяется во всем мире [Университеты России в эпоху пандемии COVID-19 2022].

В условиях фрагментации мировой экономики многократно возрастает интерес к исследованию вопросов правового обеспечения процесса интеграции на Евразийском континенте. Особая роль отводится социально-гуманитарным аспектам формирования единого образовательного пространства в рамках интеграционных союзов государств: СНГ, ЕАЭС, Союзного государства России и Белоруссии. Внимание исследователей привлекает взаимосвязь образовательной интеграции населения дружественных государств и проблемы формирования единого образовательного пространства [Михалёва 2024, 22]. Однако в условиях дефицита квалифицированных кадров актуальные вопросы подготовки специалистов по востребованным профессиям находятся в сопряжении с функционированием внутреннего рынка свободы движения трудящихся и созданием общего пространства развития человеческого капитала [Pirker, Entin 2020].

Данная проблематика становится еще одной заслуживающей внимания темой, которая в условиях формирования многополярного мира приобретает приоритетное значение в международных экономических отношениях. В качестве примера развития интеграционных процессов в сфере высшего образования можно привести результаты социологического исследования факторов, способствующих росту миграции студентов из стран Африки в Россию. По результатам опроса, причинами миграции обучающихся являются качество образования и качество жизни. Однако «женщины больше заинтересованы в качестве жизни, чем мужчины, в то время как мужчины больше заинтересованы в качестве образования, чем женщины» [Mohammed, Denisenko 2024, 85]. Весомость данных факторов при выборе иностранными гражданами места получения высшего образования свидетельствует, с одной стороны, о привлекательности России как страны пребывания для молодежи из разных регионов мира, с другой стороны, о необходимости повышения внимания высшего менеджмента российских университетов к совершенствованию образовательной политики в целях расширения приема зарубежных абитуриентов.

Методология научной работы и результаты

На основе официальных информационных источников проанализировано состояние системы высшего образования Российской Федерации в 2023 году в разрезе ключевых показателей ее развития; по ряду из них выполнено сравнение с 2019 годом. В процессе анализа были обнаружены приоритетные направления работы высшей школы, которые представлены в Таблицах 1–7³ и характеризуют полученные результаты.

В Российской Федерации 724 самостоятельные образовательные организации высшего образования, число которых не изменилось с 2019 года. Наряду с самостоятельными организациями действуют 524 филиала; филиальная сеть относительно 2019 года сократилась на 39 единиц (Таблица 1).

³ Таблицы 1–7 составлены автором по данным Федерального статистического наблюдения // Росстат. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).

Таблица 1. Динамика количества образовательных организаций и численности студентов по формам обучения, тыс. человек / % (2019–2023 гг.)

Показатель	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
Высшие учебные заведения, единиц			
Самостоятельные организации	724	724	100,0
Из них:			
– государственные /муниципальные	495	497	100,4%
– частные	229	227	99,1%
Филиалы	563	524	93,1%
Всего	-	-	-
Формы обучения студентов, тыс. человек / %			
Очная	2386,6 / 58,7	2670,1 / 61,7	111,9
Очно-заочная	181,5 / 4,4	479,6 / 11,1	264,2
Заочная	1500,3 / 36,9	1175,6 / 27,2	78,4
Всего	4068,4 / 100,0	4325,3 / 100,0	106,3

Для периода 2019–2023 годов характерна неустойчивая динамика численности студентов, которая была обусловлена объективными причинами. Так, в 1999–2002 годах наблюдалось резкое снижение рождаемости, происходившее под влиянием демографических факторов. Последствием этого стало снижение количества поступающих в вузы в 2019–2021 годах. Пандемия COVID-19 также неблагоприятно отразилась на динамике контингента. Однако в 2022 году наметился рост количества обучающихся. Эта тенденция продолжилась в 2023 году: по сравнению с 2022 годом прирост численности студентов составил 4,7% (195,3 тыс. человек). При этом более четко обозначился сдвиг в сторону специалитета в предпочтениях обучающихся: 2,9 млн человек (66,7%) осваивали программы бакалавриата, 864,7 тыс. человек (20%) — программы специалитета. В целом за период с 2019 по 2023 годы наблюдается стабильный темп роста по программам высшего образования: бакалавриата — с 2796,2 до 2884,5 тыс. человек (103,2%); специалитета — с 746,6 до 864,7 тыс. человек (115,8%); магистратуры — с 525,5 до 576,1 тыс. человек (109,6%). Динамика численности студентов по программам высшего образования представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Динамика численности студентов по программам высшего образования, тыс. человек / % (2019–2023 гг.)

Программы высшего образования	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
Бакалавриат	2796,2 / 68,7	2884,5 / 66,7	103,2
Специалитет	746,6 / 18,4	864,7 / 20,0	115,8
Магистратура	525,6 / 12,9	576,1 / 13,3	109,6
Всего	4068,4 / 100,0	4325,3 / 100,0	106,3

В период пандемии COVID-19 применялось электронное обучение, получили широкое распространение дистанционные образовательные технологии, что положительно повлияло на развитие технической базы вузов и отразилось на качестве подготовки студентов всех форм и видов высшего образования (Таблица 3).

Таблица 3. Динамика численности студентов, обучающихся по образовательным программам с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, тыс. человек /% (2019–2023 гг.)

Программы обучения и технологии	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
Электронное обучение	839,9 / 20,6	2211,6 / 51,2	263,3
Дистанционные образовательные технологии	534,4 / 13,1	2010,9 / 46,4	376,3
Итого	1374,3 / 33,7	4222,5 / 97,6	307,2
Всего	4068,4 / 100,0	4325,3 / 100,0	106,3

В 2023 году посредством применения сетевой формы прошли обучение 1,24% (54,3 тыс. студентов) общего контингента обучающихся. Было задействовано 1665 соответствующих сетевых образовательных программ.

Высоко актуальными являются вопросы финансового обеспечения высшего образования. Уровень материальной поддержки вузов в значительной мере определяется наполняемостью федерального бюджета, но также зависит от качества прогнозных расчетов по внебюджетным источникам финансирования на предстоящий период. Динамика численности студентов, обучающихся в вузах за счет бюджетных средств и с полным возмещением стоимости обучения, показана в разрезе источников финансирования (Таблица 4).

Таблица 4. Динамика численности студентов по источникам финансирования обучения, тыс. человек /% (2019–2023 гг.)

Источники финансирования обучения	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
С полным возмещением стоимости обучения	2178,2 / 53,5	2273,5 / 52,6	104,4
За счет бюджетных средств	1890,2 / 46,5	2051,7 / 47,4	108,5
Всего	4068,4 / 100,0	4325,3 / 100,0	106,3

Положительным фактом является последовательный рост как общей численности студентов, так и обучающихся за счет государственного финансирования (см. Таблицу 4). Укрепление финансовой базы высшей школы прослеживается и при рассмотрении структуры контингента поступивших на первый курс в 2023 году (Таблица 5).

Таблица 5. Структура численности студентов 1 курса по программам базового и специализированного высшего образования, тыс. человек/% бюджетных мест (2023 гг.)

Программы высшего образования	2023 год, всего / в % к итогу	2023 год, в том числе на места, финансируемые за счет бюджетных средств / в % к итогу
Бакалавриат	819,6 / 63,7	345,8 / 61,2
Специалитет	202,4 / 15,7	88,7 / 15,7
Магистратура	265,6 / 20,6	130,8 / 23,1
Итого	1287,6 / 100,0	565,3 / 100,0

В 2023 году на 1 курс в вузы России на места, финансируемые за счет бюджетных средств, из общего количества прошедших по конкурсу абитуриентов было зачислено на программы бакалавриата 42,2%, специалитета 43,8%, магистратуры 49,3%. Информация о динамике численности выпускников по программам высшего образования содержится в Таблице 6.

Таблица 6. Динамика численности выпускников по программам высшего образования, тыс. человек / % (2019–2023 гг.)

Программы высшего образования	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
Бакалавриат	621,9 / 68,4	532,7 / 66,1	85,7
Специалитет	104,6 / 11,5	115,0 / 14,3	109,9
Магистратура	182,1 / 20,1	158,2 / 19,6	86,9
Итого	908,6 / 100,0	805,9 / 100,0	88,7

Вопросы подготовки кадров профессорско-преподавательского состава (далее — ППС) обладают высокой актуальностью из-за сохраняющихся проблем обучения молодых исследователей в аспирантуре и докторантуре. В связи с отрицательной динамикой численности ППС, имеющего ученые степени, необходимо уделять больше внимания проблемам организации работы ученых по написанию и защите диссертаций (Таблица 7).

Таблица 7. Динамика численности ППС, имеющего ученые степени, тыс. человек / % (2019–2023 гг.)

Квалификационный состав ППС	2019 год	2023 год	2023 год в % к 2019 году
Кандидаты наук	132,9 / 58,0	123,5 / 57,2	92,9
Доктора наук	36,3 / 15,8	32,0 / 14,8	88,2
Всего лиц с учеными степенями	169,2 / 73,8	155,5 / 72,0	86,9
Итого ППС	229,3 / 100,0	216,1 / 100,0	72,9

На основе анализа данных Федерального статистического наблюдения можно получить развернутую картину состояния сферы высшего образования, разносторонне отражающую результаты деятельности вузов. Полученная информация дает возможность продемонстрировать, каким образом в обществе, в зависимости от этапа развития высшей школы и особенностей периода экономического развития страны, делается оптимальный выбор форм обучения и видов образовательных программ высшего образования. Систематизация приоритетных направлений и инструментов государственной образовательной политики в сфере высшего образования позволяет сформулировать перспективные задачи на будущее с учетом формирующихся тенденций и вызовов, стоящих перед высшей школой.

Обсуждение и выводы

Отрасль «Образование» занимает ключевую роль в социально-экономической системе России. Использование научного инструментария позволило выявить, что предельные полезности различных типов эффектов образования имеют тенденцию к выравниванию, однако не исключается возникновение конфликтных ситуаций. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что точное измерение всех эффектов образования невозможно; с другой стороны, выгоды от различной образовательной политики распределяются между людьми неодинаково (что создает проблему политического выбора).

Если рассматривать отрасль «Образование» в исторической ретроспективе, то в ней до начала 2020-х годов сохранялись такие характерные для социальной сферы пореформенного периода особенности, как ограниченность объемов государственных средств, необходимых для полного удовлетворения потребностей образовательных организаций; неразвитость финансовых инструментов для поддержки обучающихся и развития их творческих способностей; не соответствующая потребностям реформируемой экономики структура обучения и повышения

квалификации кадров и др. В этой связи обращается внимание на «разработку системы мер, заинтересовывающих бизнес в подготовке квалифицированных научных и инженерных кадров, финансировании технологических инноваций, научных исследований и разработок: например, льготы по налогам и долгосрочным кредитам, а также гранты изобретателям и инноваторам» [Федорова 2023, 13].

Следует отметить, что по названным направлениям работа правомочных структур существенно активизировалась, однако предстоит еще больше уделять внимание мобилизации всех возможных источников средств для принятия необходимых действий и закрепления имеющихся успехов. По мере эволюционирования научно-технологического прогресса ограничения экономического развития превращаются в весьма опасные вызовы, которые требуют организационных усилий и комплексного применения разного рода ресурсов для своего преодоления не только традиционных (таких как труд, земля, капитал, предпринимательские способности), но и широко обсуждаемых ресурсов инновационного характера, например информационных, энергетических и др.

До настоящего времени не сложилось единства мнений о перспективах развития системы образования в будущем. Помощник Президента Российской Федерации В.Р. Мединский полагает: «Время диктует сокращение продолжительности среднего образования... Оно должно быть спрессовано, чтобы потом раньше вступать в сферу профподготовки и быть конкурентоспособным... Высшее образование будет рассчитано на ближайшие 10 лет, а потом надо будет переучиваться»⁴. Однако не вызывает сомнения необходимость осмыслиения технологических новшеств и инноваций, новейших тенденций и перспектив, которые открываются перед высшей школой в условиях цифровой трансформации и формирования многополярного мироустройства [Молчанов 2023, 113–117].

Для развития Российской Федерации в перспективном периоде исключительно высокое значение приобретает комплекс вопросов сохранения и повышения качества высшего образования⁵ в увязке со средствами для обеспечения его достижения в онлайн- и офлайн-форматах. Полезный опыт накоплен мировым сообществом в 2020–2021 годах в период пандемии коронавирусной инфекции. Выявлено, что, несмотря на преемственность категорий обеспечения качества в онлайн- и онлайн-форматах, между ними существуют определенные различия. Ведущие мировые университеты вынашивают проекты по массовому обучению студентов в онлайн-среде в расчете на долгосрочную перспективу. Подобные амбициозные планы инициируют кратное повышение интереса исследователей к переосмыслению самого понятия «качество высшего образования», для которого характерны такие признаки, как «эталонность», «полезность», «согласованность», «доверительность» [Корчак, Хавенсон 2024].

За рубежами нашей страны российское образование оценивается исключительно высоко. Так, заместитель министра образования и подготовки кадров Социалистической Республики Вьетнам Хоанг Минь Шон назвал российское образование одним из лучших в мире: «Качество российского высшего образования в настоящее время является одним из лучших в мире, особенно в области науки,

⁴ Мединский назвал 11-летнее обучение в школе роскошью // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/09/2024/66f2d54f9a79470d61d7dc85> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и/или потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.10.2024).

технологий, искусства... поэтому возможность развертывания между двумя странами совместных программ обучения с двумя дипломами очень высока»⁶.

Высшее образование «производит», «генерирует» инструменты, с одной стороны разносторонне развивающие личность обучающегося и на этой основе позволяющие целеустремленно вовлекать его в продуктивную деятельность, с другой стороны максимально содействующие раскрытию творческого потенциала каждого человека и одновременно удовлетворению разносторонних общественных потребностей. Ведущие российские ученые в своих трудах неоднократно возвращаются к дискуссионным вопросам сохранения традиций классического высшего образования, которое было характерно для разных периодов функционирования Российского государства. Накопленный позитивный опыт и характерные для отечественной высшей школы инструменты, традиционно применяющиеся и не потерявшие своего значения для обучения и воспитания молодежи в течение всего переходного периода 1990–2000-х годов, остаются крайне необходимыми и высоко востребованными в современный период глобальных изменений в международных экономических отношениях [Университеты России в эпоху пандемии COVID-19 2022]. Новые перспективы открываются перед учеными и практиками, участвующими в реализации Национального проекта «Наука и университеты». В средствах массовой информации идут оживленные дискуссии по достаточно острым и актуальным для высшей школы вопросам, например о целесообразности применения формулы о триединстве университетов — «наука, образование, индустрия»⁷, о цифровой трансформации вузов, границах применения искусственного интеллекта (ИИ) и др.

Специфика образовательной деятельности в высшей школе в свете ожидаемых от ее функционирования результатов определяет особенности цифровизации отрасли «Образование», скорость трансформационных процессов в обществе и влияет на выбор траектории движения к ожидаемым результатам. Цифровая трансформация высшего образования разворачивается в соответствии с законодательными и подзаконными актами и нормативно-правовыми документами Российской Федерации⁸. Практическое исполнение государственных заданий осуществляется согласно закрепленным в федеральных проектах мероприятиям⁹. Важным элементом цифровизации высшего образования стало проектирование домена «Наука и инновации»¹⁰, которое было обеспечено в 2022 году.

В период создания и продвижения технологий ИИ ученые активно формируют специальную терминологию, систематизируют понятийный аппарат, формулируют базовые определения¹¹.

⁶ Качество высшего образования оценили. Минобразования Вьетнама: российское высшее образование — одно из лучших в мире // Lenta [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/05/11/obrazovaniye-vietnam/> (дата обращения: 12.10.2024).

⁷ «Ничего лучше модели вуза, где образование опирается на науку, пока не придумано» // Ректор говорит [Электронный ресурс]. URL: <https://rectorspeaking.ru/nichego-luchshe-modeli-vuza> (дата обращения: 13.10.2024).

⁸ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 24.06.2023 № 264-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450390/; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/>; Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 13.10.2024).

⁹ См. Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» и Национальный проект «Наука и университеты» // Национальные проекты. РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 13.10.2024).

¹⁰ Домен «Наука и инновации» понимается как единое цифровое пространство, обеспечивающее интеграцию цифровых платформ и сервисов в интересах научных, научных коллективов, регулирующих научную деятельность ведомств, а также предприятий, институтов развития, имеющих научно-технологические запросы.

¹¹ Например, установлены пять ключевых характеристик высшего образования в эпоху ИИ: «1) учитель и ученик продолжают находиться в субъект-субъектных отношениях и учиться друг у друга; 2) высшее образование должно готовить к жизни в условиях взаимозависимости «человек — машина»; 3) эти условия предполагают постоянный выбор в ситуации неопределенности; 4) распространение технологий ИИ несет огромные возможности и 5) плохо просчитываемые опасности, риски и угрозы для человека» [Резаев и др. 2024, 49].

Актуальным вопросом является грантовая поддержка разработчиков образовательных программ высшего образования по профилю «искусственный интеллект»¹². В исследованиях ученых обращается внимание на проблемы, которые появляются у обучающихся в вузах при работе с искусственным интеллектом, предлагаются варианты ограничений его использования в учебном процессе (см., например, [Валенчик, Мелникова 2024]).

Заключение

При рассмотрении перспективных вопросов совершенствования образовательной деятельности важно учитывать, что общественный прогресс опирается на соответствующую макроэкономическую стратегию, наличие стабильной политической ситуации, социальных условий, вызывающих доверие инвесторов и вкладчиков, адекватного налогообложения и в более общем плане благоприятной среды для развития человеческого потенциала.

Один из этапов экономического развития — социализация общества. Образование должно развивать в человеке личную инициативу. Воспитывать кого-то — значит учить думать, хотеть — словом, жить как для себя, так и для развития других. В этом смысле образование — это помочь людям в осознании себя, своих обязанностей, своей ответственности. Оно не только совместимо со свободной инициативой учащегося, но, напротив, обеспечивает необходимую помощь для ее возникновения.

Цель образования состоит в развитии личной инициативы и реализации свободы человека. Обучая других, человек воспитывает себя, и образование ведет его к совершенству, добродетели, компетентности и способностям, позволяющим исследовать собственное когнитивное поле и достигать социального благополучия.

Список литературы:

Валенчик Р., Мелникова Л. Образовательные стратегии в контексте растущей роли искусственного интеллекта // Экономическая наука современной России. 2024. № 2(105). С. 52–62.
DOI: [10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-52-62](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-52-62)

Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013.

Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / под ред. Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина, П.С. Сорокина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие / под ред. Я.И. Кузьминова, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Корчак А.Э., Хавенсон Т.Е. Понятие «качество» в высшем образовании: от онлайн- к онлайн-формату // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 9–27. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27)

Михалёва Т.Н. Правовое обеспечение социально-гуманитарного измерения интеграции и единого образовательного пространства в Евразийском регионе // Журнал международного права и международных отношений. 2024. № 1–2(108–109). С. 22–27.

Молчанов И.Н. Образование и профессиональная подготовка как инструменты формирования человеческого капитала // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 2. С. 108–118.
DOI: [10.26794/1999-849X-2023-16-2-108-118](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-108-118)

Резаев А.В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 49–62. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62)

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 798 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/134694/> (дата обращения: 13.10.2024).

Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. М.: ИНФРА-М, 2021.

Савченко П.В. Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития. М.: ИНФРА-М, 2021.

Смирнов В.Т., Сошников И.В., Романчин В.И., Скоблякова И.В. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование. М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005.

Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблема сохранения и развития. М.: Наука, 2007.

Университеты России в эпоху пандемии COVID-19 / под ред. акад. В.А. Садовничего. М.: Издательство Московского университета, 2022.

Федорова М.Н. Развитие человеческого потенциала в России: сложившиеся тенденции и новые вызовы // Общество и экономика. 2023. № 4. С. 5–20. DOI: [10.31857/S020736760025152-6](https://doi.org/10.31857/S020736760025152-6)

Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 53–65. DOI: [10.19181/population.2021.24.2.5](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5)

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.

Яковлева Н.Г. Социально-экономические трансформации образования в XXI веке. М.: ИД Третьяковъ, 2021.

Mohammed Y.A., Denisenko M.B. The Driving Factors for the Rise of African Student Migration to Russia // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 7. С. 84–99. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-7-84-99](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-84-99)

Pirker B., Entin K. The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiacus and Homo Oeconomicus // European Citizenship under Stress: Social Justice, Brexit and Other Challenges /ed. by N. Cambien, D. Kochenov, E. Muir. Leiden; Boston: Koninklijke Brill NV, 2020. P. 508–532.

References:

Fedorova M.N. (2023) The Development of the Human Potential in Russia: Established Trends and New Challenges. *Obshchestvo i ekonomika*. No. 4. P. 5–20. DOI: [10.31857/S020736760025152-6](https://doi.org/10.31857/S020736760025152-6)

Fedotov A.A. (2021) Quality of Life and Human Potential in the Concepts of Sustainable and Human Development (Part 1). *Narodonaseleniye*. Vol. 24. No. 2. P. 53–65. DOI: [10.19181/population.2021.24.2.5](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.5)

Florida R. (2007) *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Moscow: Classic-XXI; 2007.

Grinberg R.S., Savchenko P.V. (2021) *Rossiyskaya sotsial'no-ekonomiceskaya sistema: realii i vektory razvitiya* [Russian socio-economic system: Realities and development vectors]. Moscow: INFRA-M.

Ivanov O.I. (2013) *Chelovecheskiy potentsial (formirovaniye, razvitiye, ispol'zovaniye)* [Human potential (formation, development, use)]. St. Petersburg: Skifiya-print.

Korchak A.E., Khavenson T.E. (2024). Concept of “Quality” in Higher Education: From Offline to Online Mode. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 33. No. 1. P. 9–27. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-9-27)

Kuzminov Ya.I., Frumin I.D., Sorokin P.S. (eds.) (2019) *Kak sdelat' obrazovaniye dvigatelem sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya?* [How to make education the engine of socioeconomic development?]. Moscow: Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki.

Kuzminov Ya.I., Ovcharova L.N., Yakobson L.I. (eds.) (2018) *Kak uvelichit' chelovecheskiy kapital i ego vklad v ekonomiceskoye i sotsial'noye razvitiye* [How to increase human capital and its contribution to economic and social development]. Moscow: Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki.

Mikhailova T.N. (2024) Legal Support of the Social and Humanitarian Dimension of Integration and Single Educational Space in the Eurasian Region. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. No. 1-2(108–109). P. 22–27.

Mohammed Y.A., Denisenko M.B. (2024) The Driving Factors for the Rise of African Student Migration to Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 33. No. 7. P. 84–99. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-7-84-99](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-84-99)

Molchanov I.N. (2023) Education and Professional Training as Tools for the Formation of Human Capital. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. Vol. 16. No. 2. P. 108–118. DOI: [10.26794/1999-849X-2023-16-2-108-118](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-2-108-118)

Pirker B. Entin K. (2020) The Free Movement of Persons in the Eurasian Economic Union — between Civis Eurasiacus and Homo Oeconomicus. In: Cambien N., Kochenov D., Muir E. (eds.) *European Citizenship under Stress: Social Justice, Brexit and Other Challenges*. Leiden; Boston: Koninklijke Brill NV. P. 508–532

Rezaev A.V., Stepanov A.M., Tregubova N.D. (2024) Higher Education in the Age of Artificial Intelligence. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 33. No. 4. P. 49–62. DOI: [10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62)

Sadovnichiy V.A. (2022) *University Rossii v epokhu pandemii COVID-19* [Russian universities in the era of the COVID-19 pandemic]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Savchenko P.V. (2021) *Sistemnyy metod issledovaniya sotsial'no-trudovykh otnosheniy: chelovek kak dominanta razvitiya* [Systemic method for studying social and labor relations: Man as a dominant of development]. Moscow: INFRA-M.

Smirnov V.T., Soshnikov I.V., Romanchin V.I., Skoblyakova I.V. (2005) *Human Capital: Content and Types, Valuation and Incentives*. Moscow: Mashinostroenie-1, Orel: OrelSTU.

Soboleva I.V. (2007) *Chelovecheskiy potentsial rossiyskoy ekonomiki: problema sokhraneniya i razvitiya* [Human potential of the Russian economy: The problem of preservation and development]. Moscow: Nauka.

Valenchik R., Melnikova L. (2024) Education Strategies in the Context of AI Increasing Role. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 2(105). P. 52–62. DOI: [10.33293/1609-1442-2024-2\(105\)-52-62](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-2(105)-52-62)

Yakovleva N.G. (2021) *Sotsial'no-ekonomicheskiye transformatsii obrazovaniya v XXI veke* [Socio-economic transformations of education in the 21st century]. Moscow: ID Tretyakov.

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

УДК 322

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности

Буданов Максим Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [6885-1524](#), budanov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Полунов Александр Юрьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, SPIN-код РИНЦ: [5065-8701](#), ORCID: [0000-0002-4484-6003](#), polunov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Вопросы межрелигиозного диалога играют особую роль в жизни поликонфессиональных стран, к числу которых принадлежит Россия. Согласно Конституции, религия в России отделена от государства. При этом духовное и идеологическое влияние различных конфессий на жизнь общества достаточно велико. Особую роль играют традиционные религии — православие и ислам, к числу последователей которых себя причисляет основная часть верующих. В России высок уровень доверия к традиционным конфессиям, прежде всего к Русской Православной Церкви (РПЦ). Сложились механизмы взаимодействия между крупнейшими религиозными организациями и государством, законодательство признает особую роль традиционных конфессий в истории страны. Согласно исследованиям последних лет, в рядах последователей РПЦ сформировалось сравнительно небольшое, но сплоченное ядро, отличающееся повышенной активностью и играющее значительную роль в приходской жизни, являющееся инициатором разного рода общественных начинаний. Препятствием к расширению этого ядра служит низкий уровень религиозного образования значительной части россиян — проблема, которая пока не находит удовлетворительного решения. Введение в средних общеобразовательных школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики», включающего в себя модуль «Основы православной культуры», не оправдало возлагавшихся на него надежд. Встающие перед РПЦ проблемы во многом характерны и для исламского сообщества России. Здесь возникают также дополнительные вызовы и угрозы. Они связаны с размытием идентичности российских мусульман из-за массовой миграции их единоверцев из ближнего зарубежья, с влиянием находящихся за рубежом духовных центров ислама. Исследование вопроса показывает, что для преодоления экстремистских тенденций и конфликтов на религиозной почве необходимо дальнейшее развитие межрелигиозного и государственно-конфессионального диалога, повышение религиозной грамотности населения России.

Ключевые слова

Конфессии, государство, ислам, православие, Русская Православная Церковь, религиозное образование, религиозный диалог, религиозные организации.

Для цитирования

Буданов М.А., Полунов А.Ю. Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 80–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities

Maxim A. Budanov

PhD, Associate Professor, budanov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alexander Yu. Polunov

DSc (History), Professor, Head of the Department of Interethnic and Interfaith Relations Management,
ORCID: [0000-0002-4484-6003](#), polunov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Issues of interreligious dialogue play a special role in the life of multi-confessional countries, such as Russia. According to the Constitution, religion in Russia is separated from the state. At the same time, the spiritual and ideological influence of various faiths on the life of society is quite great. A special role is played by traditional religions — Orthodoxy and Islam, which cover the majority of believers in the country. In Russia, there is a high level of trust in traditional confessions, primarily in the Russian Orthodox Church (ROC). Mechanisms of interaction have emerged between the largest religious organizations and the state, and legislation recognizes the special role of traditional faiths in the country's history. According to the recent research, a relatively small but close-knit core emerged among the followers of the Russian Orthodox Church, which is characterized by increased activity and its prominent role in parish life, initiating various kinds of social undertakings. The low level of religious education of Russians society hampers the expansion of this core. And this problem has not been solved yet. The introduction of the subject "Fundamentals of Culture and Secular Ethics" into secondary schools, which includes the module "Fundamentals of Orthodox Culture", did not meet the expectations.

The problems facing the Russian Orthodox Church are in many ways the same for the Islamic community in Russia. But some additional challenges and threats arise here. They are associated with the erosion of the identity of Russian Muslims due to the mass migration of their co-religionists from neighboring countries and the influence of the spiritual centers of Islam located abroad. The study of the issue shows that in order to overcome extremist tendencies and conflicts on religious grounds, it is necessary to further develop interreligious and state-confessional dialogue and increase the religious literacy of the Russian population.

Keywords

Confessions, state, Islam, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, religious education, religious dialogue, religious organizations.

For citation

Budanov M.A., Polunov A.Yu. (2025) The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 80–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

Дата поступления/Received: 31.10.2024

Введение

Несмотря на распространенные представления о преимущественно секулярном характере современного мира, религия играет в нем значительную роль, определяя глубинные поведенческие установки людей, особенности политической культуры, цивилизационное своеобразие различных сообществ. По словам одного из ведущих современных социологов религии Х. Казановы, «мы должны рассматривать тенденции секуляризации, религиозной трансформации и религиозного возрождения как непрерывно развивающиеся взаимосвязанные глобальные процессы, а не как взаимоисключающие направления развития» [Casanova 2011, 64]. Вопросы межконфессионального диалога, взаимодействия различных религиозных структур с государственной властью и общественными организациями играют в связи с этим в жизни современных государств значительную роль. Особенno важны они для поликонфессиональных стран, к числу которых относится Россия. Проблематика государственно-конфессиональных отношений, общественной роли религии особенно актуальна для нашей страны в контексте процессов «религиозного возрождения», ставших яркой приметой постсоветского периода ее истории. В свете вышесказанного анализ роли религиозного фактора в социальной и политической жизни современной России имеет несомненное научное и практическое значение.

Современная религиозно-политическая ситуация в России

Говоря об особенностях религиозно-политической ситуации в России, необходимо в первую очередь отметить, что формально-юридическую рамку для ее развития задает Конституция, в которой последовательно проводится принцип светского характера государства. Статья 14 Основного закона утверждает отделение от государства всех религиозных организаций, отсутствие юридических привилегий у какой-либо из них. Это обстоятельство, разумеется, не снижает роли конфессиональных структур в общественно-политической и особенно в идеино-духовной жизни страны. Будучи отделенными от государства, они оказывают значительное воздействие на сознание и поведение россиян. Отражением этого влияния является тот факт, что большинство населения страны причисляет себя к верующим, главным образом к числу приверженцев двух основных традиционных конфессий — православия и ислама. Согласно данным общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2014–2017 гг., к православным себя причисляет 66–69% населения, к мусульманам — 5–6%; 2% относятся к представителям других религий, 6–9% — к неконфессиональным верующим, 10–13% считают себя атеистами, 5–8% затрудняются с ответом [Мчедлова 2018, 163]. Несколько иные, но в целом близкие данные дает опрос, проведенный в 2022 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ): православные — 63%, другие христианские конфессии — 2%, мусульмане — 8%, иные религии — 2%, атеисты — 23%, не определились — 2%¹.

¹ Пасха. О праздновании Пасхи и пасхальном богослужении // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14719> (дата обращения: 17.10.2024).

Принадлежность большинства верующих к традиционным религиям может рассматриваться как важный фактор обеспечения общественной стабильности, поскольку у этих конфессий есть давний опыт общения друг с другом и наработанная практика взаимоотношений с государством (пусть и несвободная от противоречий и носившая различный характер в разные исторические эпохи). Существенным обстоятельством является и то, что традиционные религии, как правило, не выходят за пределы своих этнических ареалов, а значит, риск их столкновения друг с другом невелик (если он не будет спровоцирован извне). 92% православной паствы — это представители народов православной культуры (русские, украинцы, белорусы, молдаване, грузины, осетины, принявшие христианство народы Поволжья, Севера, Сибири). 88% мусульман — это татары, башкиры, народы Северного Кавказа и иные этнические группы, традиционно принадлежащие к данной конфессии [Там же, 171–173].

Социологические исследования демонстрируют, что население в ходе опросов декларирует доверие к традиционным конфессиям. Лидирует в этом отношении Русская Православная Церковь (РПЦ): ей доверяет 50% респондентов (наивысший уровень среди общественных организаций). С доверием к РПЦ относятся не только православные, но и немалая часть мусульман, внеконфессиональных верующих и даже атеистов [Там же, 167]. Проведенный в 2022 г. опрос ФОМ дал еще более высокие показатели доверия, оказываемого Православной Церкви (66%). Подобный результат подтверждают и ответы респондентов на вопросы сходного характера. Так, 45% опрошенных указали, что РПЦ влияет положительно на общественную жизнь страны (6% — «влияет отрицательно», 27% — «не влияет»); 40% заявили о своем согласии с представителями Церкви по общественно-политическим вопросам (противоположной точки зрения придерживаются 17%)².

Сложившаяся в обществе ситуация, основные особенности которой стали заметны еще в 1990-е гг., побудила руководство страны пойти в тот период на определенную корректировку законодательства, нацеленную на учет существующих реалий. Подчеркивая приверженность принципу светского государства и юридического равенства всех конфессий, принятый в 1997 г. закон «О свободе совести и религиозных объединений» в то же время отметил особую роль православия в истории нашей страны и выразил «уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим часть исторического наследия народов России»³. Постепенно сформировались и определенные механизмы взаимодействия религиозных структур с государством. К их числу, в частности, относится созданный в 1998 г. по инициативе традиционных конфессий Межрелигиозный [совет](#) России. С 1993 г. действует Христианский межконфессиональный консультативный [комитет](#), объединяющий христианские религиозные организации постсоветского пространства. В свою очередь, в рамках системы государственных органов учреждены Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (1995) и Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.

Тенденции развития религиозной ситуации

Безусловно, учреждение подобных структур и особенно принятие закона «О свободе совести и религиозных объединениях» вызвали критику со стороны приверженцев последовательного разделения религий государства, протестовавших против упоминания в законе одних религий, как считалось, в ущерб другим. Сторонники данной точки зрения отстаивали безусловно светский характер государства, полагая, что любая другая модель религиозной политики будет

² Отношение к РПЦ и патриарху. Оценка влияния РПЦ на общественную и политическую жизнь страны // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14717> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (дата обращения: 17.10.2024).

противоречить принципам демократии [Basil 2009, 219–220]. Однако, как показывает мировой опыт, и в демократических государствах вполне возможно активное сотрудничество органов власти с конфессиональными структурами, прежде всего в сфере социальной работы, образовательной деятельности, культуры, миротворчества и др. Объективно в рамках такого сотрудничества выделяются конфессии, объединяющие значительную часть населения данной страны и сыгравшие заметную роль в ее истории, развитии ее культуры. Такая модель государственно-конфессиональных отношений именуется в науке кооперационной или партнерской и не считается противоречащей принципам демократии [Ibid., 227–234]. Как представляется, в России с учетом ее национальных традиций обоснованным является применение именно этих подходов, и они в целом могут способствовать укреплению социально-политической стабильности в стране. В то же время на пути развития религиозной ситуации в позитивном направлении существует ряд препятствий.

Одним из них является недостаточно высокий уровень знаний о религии у значительной части населения, который мешает ему активно и сознательно участвовать в жизни тех конфессий, приверженцами которых они себя объявляют. Подобная ситуация неудивительна с учетом господства в течение свыше 70 лет официального атеизма и жестких ограничений, накладывавшихся в то время на систему религиозного образования. Для большинства россиян, по определению М.М. Мчедловой, характерны в наши дни «размытость» и «неструктурированность» религиозного сознания. Так, около четверти респондентов, объявляющих себя верующими, заявляет в то же время, что не верит в Бога. Под «верованием» они, возможно, понимают представление о наличии неких сверхъестественных сил, стремление следовать приметам, веру в судьбу и т. д. При этом о своей вере в Бога говорят и 12% атеистов [Мчедлова 2018, 164–165]. Значительная часть лиц, причисляющих себя к православным, соблюдает основные религиозные обряды, в частности Великий пост, однако затрудняется указать дату его начала, назвать другие посты, неточно понимает смысл основных молитв и др.⁴

Разумеется, даже при наличии таких данных нельзя утверждать, как это делают В.С. Малахов и Д.Э. Летяков, что в нашей стране не происходит формирование устойчивых религиозных общин и отсутствует религиозно мотивированная социальная мобилизация граждан, поскольку «население практически не посещает храмы на регулярной основе» [Малахов, Летяков 2021, 165]. Исследования, в том числе социологические опросы, показывают, что в среде православных существует пусть и сравнительно небольшое, но сложившееся ядро, активно принимающее участие в церковной жизни, причем оно имеет тенденцию к расширению. По данным опросов ВЦИОМ, около 13% респондентов ежегодно причащаются, посещают храм не менее одного раза в месяц и соблюдают Великий пост. В целом посты (в разной степени) держат 29% опрошенных. Примерно четверть респондентов посещает храмы на большие христианские праздники — Рождество, Крещение, Пасху, то есть эти даты имеют для них религиозный смысл, а не просто являются частью этнокультурного наследия; 42% респондентов бывали в местах, связанных с поклонением православным святыням, а 75% хотели бы их посетить⁵.

Согласно проведенным сотрудниками Института социологии РАН исследованиям, к числу «вовлеченных» в церковную жизнь (в конфессиональной терминологии — «воцерковленных»)

⁴ Великий пост — 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 17.10.2024); Православные россияне высказываются за смену языка богослужения // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnye-rossiyane-vyskazyvayutsya-za-smenu-yazyka-bogosluzheniya> (дата обращения: 17.10.2024).

⁵ Отмечаем крещение — 2023 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmechaem-kreshchenie-2023>; Великий пост-2021. 15 марта 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 17.10.2024); Православные россияне высказываются за смену языка богослужения // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnye-rossiyane-vyskazyvayutsya-za-smenu-yazyka-bogosluzheniya> (дата обращения: 17.10.2024); Святые — люди и места // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svyatye-lyudi-i-mesta> (дата обращения: 17.10.2024); Рождественский пост — 2019 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rozhdestvenskij-post-2019> (дата обращения: 17.10.2024).

православных верующих можно отнести 8% населения. Однако эта сравнительно небольшая группа отличается сплоченностью и повышенной социальной активностью. «Вовлеченные» значительно шире, чем представители других выделенных в ходе исследования групп («церковная периферия» и атеисты), участвуют в деятельности общественных организаций — благотворительных учреждений, волонтерских движений, профессиональных союзов, обществ защиты прав потребителей, охраны памятников истории и культуры и др. По мнению ученых, «именно вовлеченные православные больше демонстрируют гражданскую и социальную активность, что показывает наличие в данной подгруппе большего потенциала солидарности, социального активизма и самоорганизации. Это позволяет говорить о наличии связи между религиозно-мировоззренческими ориентациями, религиозной социализацией и новыми гражданскими формами участия и социальной активности, вопреки расхожим мнениям о пассивности и традиционной покорности верующих» [Мчедлова и др. 2020, 285–286].

«Вовлеченные» православные, согласно данным исследователей, активнее, чем другие, проявляют себя и в политической жизни: участвуют в выборах, общественно-политических акциях, обсуждении политических событий и др. [Там же, 288]. При этом, как показывает исследование Ю. Карпич, активная вовлеченность в жизнь религиозной общины не предопределяет политической позиции верующих, их приверженности конкретной политической программе [Karpich 2023, 240–259].

Православный активизм: достижения и противоречия

Наличие активного ядра в сообществе мирян и духовенства РПЦ ярко проявилось, в частности, в период пандемии COVID-19, который, по словам Р.Н. Лункина, «показал бурное внутреннее развитие российского православия как гражданского института с естественным плюрализмом мнений» [Лункин 2020, 549]. Русская Православная Церковь в этот период развернула активную социально-благотворительную и волонтерскую деятельность в рамках борьбы с пандемией. При этом представители РПЦ достаточно активно выступали и против необоснованных, на их взгляд, ограничений, которые власти налагали на проведение богослужений и возможность посещения храмов. В этом отношении позиция крупнейшей религиозной организации России не отличалась от действий конфессиональных структур на Западе [Там же, 551, 553–556]. В целом можно констатировать, что деятельность РПЦ стала важной составной частью общественного активизма, способствуя тем самым укреплению структур гражданского общества России. Это обстоятельство, разумеется, не отменяет проблем, связанных с низким уровнем религиозного образования значительных масс населения, и необходимости повышения этого уровня.

Наличие серьезных препятствий на пути решения данной проблемы выявила, в частности, ситуация, связанная с введением в средней общеобразовательной школе преподавания основ религиозного учения и культур различных конфессий. Необходимость преподавания школьникам подобного предмета длительное время обсуждалась в связи с низким уровнем знаний населения о религии и порождаемыми данной ситуацией проблемами. Противники введения в школьный курс данной дисциплины вновь указывали на конституционный принцип отделения религии от государства (и, следовательно, от государственной школы), наличие в России множества конфессий и невозможность представить все вероучения в системе школьного преподавания, что было бы несправедливо по отношению к многим из них. В итоге, как известно, было решено ввести в школах несколько образовательных модулей, выбор одного из которых зависел от учащихся (точнее, от их родителей). Данные модули должны были отражать потребности как приверженцев традиционных религий («Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской

культуры», «Основы иудейской культуры»), так и тех, кто хотел узнать о религиях в целом («Основы религиозных культур народов России») или придерживался светских взглядов («Основы светской этики»).

Вся совокупность модулей, получившая название «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), вошла в основную сетку учебного плана за 4 и 5 классы средней общеобразовательной школы и стала преподаваться с 2012 г. Согласно мнению, которое к настоящему времени разделяет значительная часть экспертов, введение ОРКСЭ в систему школьного преподавания оправдало себя далеко не в полной мере. Ярко выразился «промежуточный» характер данного начинания, которое, с одной стороны, не является катехизацией, а с другой — все же порождает подозрения у сторонников светских воззрений, опасающихся, что преподавание примет характер религиозной проповеди. Во многих семьях родители, принадлежащие к православной этнокультурной традиции, но религиозно индифферентные лично, часто отвергают «Основы православной культуры» (ОПК) по этой причине. Что же касается детей из православных воцерковленных семей, то многие из них и так вовлечены в приходские воскресные школы, обладают достаточно широкими знаниями о православии и поэтому избегают лишней учебной нагрузки в школе общеобразовательной.

Следует отметить, что общественная дискуссия на стадии обсуждения целесообразности введения ОПК в школьный учебный план вызвала резонанс, вышедший далеко за рамки православного сообщества. Эта дискуссия дала повод для критики самой роли христианства в современном российском обществе со стороны как атеистов, так и представителей иных конфессий⁶.

Относительная неудача мероприятий, связанных с введением ОПК в систему школьного преподавания, сопровождалась усилением внимания руководства РПЦ к собственно катехизаторской деятельности. Одним из нововведений в этом духе (осмысленном в церковных кругах как возвращение забытой традиции) стали так называемые огласительные беседы — обязательный в приходах РПЦ краткий курс знакомства с основами православного вероучения, культуры и норм поведения для родителей и воспреемников крещаемых детей, а также для взрослых неофитов. С учетом отмеченного выше низкого уровня религиозных знаний основной массы населения, принадлежащего к православной этнокультурной традиции, в церковных кругах это начинание нередко именуется внутренним миссионерством. Однако и эти мероприятия при всей их важности вызвали, в том числе в церковной среде, неоднозначные оценки. На православных форумах можно встретить, в частности, замечания о некотором сокращении числа крещаемых из-за нежелания посещать подобные мероприятия⁷.

К числу актуальных проблем РПЦ можно отнести еще определенный «запрос на радикализм», характерный для пусть и незначительной, но социально активной части православной паствы. Объектом такого запроса и центром притяжения для части верующих оказался в последние годы ряд духовных лиц, в силу разных причин ставших предметом общественного внимания. Среди них: и отлученный от Церкви бывший игумен Сергий (Романов), известный своим фундаментализмом, и клирики, известные, напротив, своими прозападными и оппозиционными настроениями, — бывший ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова игумен Пётр (Еремеев), извергнутые из санаprotoиерей Алексий Уминский и протодиакон Андрей Кураев.

Всех перечисленных бывших священнослужителей, очень далеких друг от друга по своим идеологическим установкам, методам работы с аудиторией, тем не менее объединяет ряд признаков:

⁶ Открытое письмо ученых Президенту Российской Федерации // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/texts/13161/> (дата обращения: 17.10.2024); Преподавание «Основ православной культуры» в государственных школах — бомба замедленного действия — Равиль Гайнутдин // Совет муфтиев Думы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=16360> (дата обращения: 17.10.2024).

⁷ Безответственное крещение: об огласительных беседах и не только // Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове [Электронный ресурс]. URL: https://pokrovchram.ru/kreshenie_oglashenie (дата обращения: 17.10.2024).

протест против церковных (а в ряде случаев и против государственных) властей, информационная активность и вследствие этой активности широкая известность за пределами РПЦ, наличие круга преданных последователей. Публичная деятельность подобных персон хотя и не способна внести раскол в ряды РПЦ, но оставляет негативный информационный след, может внушать нецерковной аудитории ложное представление о неких фундаментальных противоречиях внутри православного духовенства.

Ислам в России: в поисках путей стабилизации

Если говорить о второй по численности приверженцев религии России — исламе, то ситуация с этой религией выглядит заметно более сложной, чем положение дел с православием. По мнению ряда экспертов, к данной конфессии государство пока не выработало целостного, взвешенного подхода, относясь к ней в некоторых случаях с настороженностью, боязнью⁸. Данная ситуация во многом объясняется ролью внешнего фактора — тесной связью российских мусульман с единоверцами из зарубежных стран, а во многом и зависимостью от находящихся в этих странах религиозных центров.

Влияние указанных факторов со всей остротой обозначилось уже в начале 1990-х гг., когда выявившиеся после распада СССР недостатки в сфере подготовки мусульманского духовенства, образования верующих стали восполняться извне, в первую очередь благодаря усилиям проповедников из арабских стран. В Россию, как отмечает Ю.М. Почта, «пошел поток зарубежных миссионеров со своими специфическими трактовками ислама, деньгами, литературой. Государство и не пыталось контролировать этот процесс, что привело к возникновению рисков для формирования государственности. Среди них можно назвать опасения относительно возникновения возможной нелояльности российских граждан-мусульман российскому государству в связи с тем, что они могли приобрести иные идентичности: национально-этническую (турецкую, татарскую), имперскую (неоосманскую), а также глобальную мусульманскую [Почта 2019, 624].

Материалы современных исследований показывают, что для исламских сообществ России (в частности, в Татарстане) характерны многие особенности, присущие и православному миру, со всеми положительными и негативными аспектами. Верующими себя называет значительная часть населения, но при этом религия может восприниматься главным образом как часть этнокультурного наследия, а уровень знания основ вероучения — оставаться невысоким. В то же время исламские структуры и иные религиозные организации в Республике Татарстан стремятся играть стабилизирующую роль: «способствуют сохранению политического строя благодаря своей специфической функции поддержания символического порядка», придают легитимность политической системе [Гузельбаева 2020, 680–682]. В этой обстановке, как отмечает Г.Я. Гузельбаева, Духовное управление мусульман Республики Татарстан «видит одной из основных целей своей деятельности нейтрализацию и профилактику экстремизма» [Там же, 684], в первую очередь с помощью просветительской деятельности.

Особое внимание уделяется молодежи и образовательной работе, прежде всего подготовке квалифицированных имамов. Работа в этих направлениях обозначена государством как наиболее важная задача, поставленная перед Духовным управлением. Для ее реализации ведется деятельность в рамках Совета по исламскому образованию Российской Федерации, а в 2016 году в Татарстане в г. Болгар была создана Болгарская академия как высшее исламское учебное заведение. Принимаются также меры по снижению влияния на мусульманское сообщество выходцев из арабских стран, которые несли и несут идеи, не всегда сочетающиеся с привычной для татар жизнью в светском контексте [Там же, 684–686].

⁸ Малашенко А.В. Российские мусульмане в международном контексте // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste/> (дата обращения: 17.10.2024).

Отдавая должное мерам, предпринимаемым с целью стабилизации ситуации в регионах распространения ислама, следуем в то же время отметить, что мусульманское сообщество в настоящий момент сталкивается в нашей стране с целым рядом противоречий. Об этом сигнализирует большое количество информационных поводов, вызывающих значительный общественный резонанс. Ведутся горячие дискуссии о том, противоречит ли традициям российского ислама ношение никабов — женского головного убора, закрывающего лицо, принятого во многих арабских странах, но не характерного для российского ислама⁹.

Серьезный резонанс вызвали массовые выступления в ряде регионов Северного Кавказа в октябре 2023 г., вызванные обострением арабо-израильского конфликта и нацеленные на выражение солидарности с мусульманами Палестины. Наиболее острый характер данные выступления приняли, как известно, в Дагестане, закончившись попыткой погрома в аэропорту Махачкалы. Подобные события вызвали целый ряд вопросов у общественности, особенно с учетом того, что солидарность со страдающими жителями Донбасса проявлялась в регионе гораздо менее заметно. Порождает неоднозначную реакцию в обществе и резкое осуждение, которое высказывают мусульманские общественные деятели по отношению к выступлениям местных жителей против строительства мечетей в ряде крупных городов России¹⁰.

Важно подчеркнуть, что запрос на усиление трансляции исламских ценностей на общероссийскую аудиторию исходит преимущественно не от экономически мощных Татарстана или Башкирии, а от республик Северо-Кавказского федерального округа, отличающихся в целом неблагополучной социально-экономической обстановкой. Дополнительным источником нестабильности в настоящий момент выступает и стремительное изменение этнического портрета российского ислама. Все большее место в мусульманском сообществе России занимают выходцы из республик Средней Азии, по менталитету и традициям сильно отличающиеся от коренных мусульманских народов России¹¹.

Продолжает сохранять значение фундаментальный факт, связанный с тем, что основные религиозные и духовно-идеологические центры ислама находятся за рубежом. Это создает опасность смещения приоритетов в системе идентичностей у части российских мусульман и вытеснение общероссийской гражданской идентичности¹². Отметим и такой хорошо известный фактор, как очевидные противоречия между целым рядом особенностей зарубежного ислама и традициями российских мусульманских народов. Данным народам в целом чужд занесенный извне радикальный ислам (салафизм), зачастую приобретающий форму политического экстремизма. Тем не менее проникновение этого учения в Россию остается заметной тенденцией, которая усиливается в связи с притоком на территорию нашей страны мигрантов из Средней Азии, многие из которых находятся под влиянием проповедников радикальных доктрина. Подобная ситуация создает серьезную опасность особенно с учетом того, что власти Узбекистана, Таджикистана, Киргизии проводят чрезвычайно жесткую и непримиримую политику по противодействию фундаментализму, выдавливанию из своих стран религиозных экстремистов, многие из которых направляются в Россию¹³.

Укажем и на то обстоятельство, что демографическое поведение выходцев из мусульманских стран ближнего зарубежья существенно отличается от поведения большинства российских мусульман. Даже если принять во внимание высокую рождаемость в Чечне и Дагестане, все равно приходится

⁹ Телеграмм-канал Кирилла Кабанова // Telegram [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/kabanovkv/3228> (дата обращения: 17.10.2024).

¹⁰ Эксперт: конфликт в Москве возник из-за длительного игнорирования вопроса строительства мечетей // Islam.kz [Электронный ресурс]. URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/ekspert-konflikt-v-moskve-voznik-iz-za-dlitelnogo-ignorirovaniya-voprosa-stroitelstva-mechetei-18423/#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.10.2024).

¹¹ Исламовед объяснил снижение числа мусульман в мечетях Москвы // LIFE [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1666320> (дата обращения: 17.10.2024).

¹² Мы слишком заигрались с радикальным исламом // Телеканал «Царьград» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.telegram.org/k/#@tsargradtv> (дата обращения: 17.10.2024).

¹³ Депутат Делягин назвал Россию «местом ссылки» для «преступников» из Средней Азии // Радиостанция «Говорит Москва» [Электронный ресурс]. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/414665/> (дата обращения: 17.10.2024).

признать более высокую демографическую активность мигрантов и большую приверженность семейным ценностям. Например, те же республики Северо-Кавказского федерального округа хоть и отличаются высоким положительным естественным приростом, но на сегодня входят в число лидеров среди российских регионов по количеству семейных разводов.

Все вместе это может оказать негативное влияние на этнокультурный баланс в нашем обществе уже в среднесрочной перспективе (10–15 лет). Основная опасность заключается в том, что в недалеком будущем российский ислам может перестать быть российским. Это создает угрозу серьезной дестабилизации российского общества. Руководители мусульманского сообщества в России оказываются перед серьезной проблемой. Им нельзя терять влияние на аудиторию российских мусульман. Но сама эта аудитория находится под постоянным прицелом иностранных проповедников, предпринимающих идеологические диверсии против межконфессионального мира в нашей стране, навязывающих российскому мусульманскому сообществу, да и всему социуму России, экспансионистскую версию проповеди ислама. Внешними признаками такой экспансии оказываются требования к ужесточению облика и публичного поведения мусульман (обязательное ношение хиджабов, широкий охват системы общественного питания халяльными стандартами, исламский банкинг, исламская ипотека и проч.). С точки зрения социального самочувствия, психологического благополучия российского исламского сообщества многое из перечисленного — это расшатывание культурных устоев и традиций с дальшим прицелом на радикализацию социально активной части данного сообщества. С точки зрения логики развития государства и общества — это явное нарушение статус-кво в межконфессиональном общежитии и очевидный повод для беспокойства представителей различных конфессий.

Заключение

Подводя итог анализу современной религиозной ситуации в России, необходимо отметить, что она носит достаточно противоречивый характер. С одной стороны, существует прочный задел для обеспечения стабильности, устойчивого развития в сфере межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений. Основами этого задела является доверие к традиционным конфессиям со стороны большей части населения, доминирование данных конфессий в религиозной сфере, наличие работающих механизмов государственно-конфессионального взаимодействия. С другой стороны, сохраняется много проблем. Невысоким остается уровень религиозных знаний в обществе, создающий почву для конфликтов, открывающих возможность для воздействия экстремистских идей на сознание населения. По-прежнему острый характер носят дискуссии относительно принципиально важных вопросов, касающихся закрепленного в Конституции Российской Федерации светского характера государства. Особенно серьезной угрозой представляются экстремистские тенденции, в случае с исламом связанные с деструктивным воздействием извне. Решение вопросов, касающихся распространения религиозного образования, формирования в рамках каждой из конфессий активного ядра верующих, нацеленных на гражданскую активность и конструктивный межконфессиональный диалог, должно создать основу для преодоления негативных тенденций.

Список литературы:

Гузельбаева Г.Я. Взаимоотношения исламских структур и государства: случай Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 678–689.
DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689)

Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558.
DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558)

Малахов В.С., Летняков Д.Э. Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колеи» и «правительностью» // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 163–175. DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

Мчедлова М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие в России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 161–190.

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Православие и лояльность: от социальной напряжённости к выбору между властью и церковью // Россия реформирующаяся. 2020. С. 264–298. DOI: [10.19181/ezheg.2020.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.12)

Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620–632. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632)

Basil J. Problems of State and Church in the Russian Federation: Three Points of View // Journal of Church and State. 2009. Vol. 51. Is. 2. P. 211–235. DOI: [10.1093/jcs/csp067](https://doi.org/10.1093/jcs/csp067)

Casanova J. The Secular, Secularizations, Secularisms // Rethinking Secularism / ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. Van Antwerpen. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 54–74.

Karpich Y. “Conservative” Voting in Russia: The Religiosity and the Political Choice of Orthodox Believers // East European Politics. 2023. Vol. 39. Is. 2. P. 240–259. DOI: [10.1080/21599165.2023.2176304](https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2176304)

References:

Basil J. (2009) Problems of State and Church in the Russian Federation: Three Points of View. *Journal of Church and State*. Vol. 51. Is. 2. P. 211–235. DOI: [10.1093/jcs/csp067](https://doi.org/10.1093/jcs/csp067)

Casanova J. (2011) The Secular, Secularizations, Secularisms. In: Calhoun C., Juergensmeyer M., Antwerpen J. Van (eds.) *Rethinking Secularism*. Oxford: Oxford University Press. P. 54–74.

Guzelbaeva G.Ya. (2020) The Relationship between Islamic Structures and the State: The Case of Tatarstan. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 22. No. 4. P. 678–689. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689)

Karpich Y. (2023) “Conservative” Voting in Russia: The Religiosity and the Political Choice of Orthodox Believers. *East European Politics*. Vol. 39. Is. 2. P. 240–259. DOI: [10.1080/21599165.2023.2176304](https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2176304)

Lunkin R.N. (2020) Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 22. No. 4. P. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558)

Malakhov V.S., Letnyakov D.E. (2021) Religious Politics of Post-Soviet States: Between Path Dependence and Governmentality. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 163–175. DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

Mchedlova M.M. (2018) Religioznaya situatsiya v Rossii i eye regionakh [Religious situation in Russia and its regions]. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds.) *Etnicheskoye i religioznoye mnogoobrazie v Rossii*. Moscow: IEA RAN. P. 161–190.

Mchedlova M.M., Kofanova E.N., Shevchenko A.G. (2020) Orthodoxy and Loyalty: From Social Tension to the Choice Between the Government and the Church. *Rossiya reformiruyushchayasya*. P. 264–298. DOI: [10.19181/ezheg.2020.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.12)

Pochta Yu.M. (2019). Religion and Politics in the Post-Soviet Russia (Example of Islam). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 21. No. 4. P. 620–632. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632)

Ценностные ориентиры и государственная служба в условиях новых вызовов и угроз

Гриняев Сергей Николаевич

Доктор технических наук, SPIN-код РИНЦ: [4645-8700](#), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Институт Европы РАН, Москва, РФ.

Аннотация

В статье затронуты важные вопросы развития государственной службы в условиях современных вызовов и угроз. Во введении описываются современные тенденции, характеризующие роль и значение ценностных ориентиров для государственной службы в России; дается оценка сформированной нормативно-правовой основы государственной службы. При этом делается предположение, что в настоящее время происходит трансформация ценностных ориентиров государственных служащих в России, и утверждается, что подобные процессы инициированы главным образом специальной военной операцией и глобальными изменениями современного общества, связанными с переходом к новому технологическому укладу. Далее на основе анализа различных материалов проверяется высказанное предположение: специальная военная операция ярко выясвила ряд значимых изменений, коснувшихся ценностных ориентиров российского общества. Кроме того, описываются формируемые сегодня будущие вызовы и угрозы, связанные с использованием при решении задач государственной службы систем на основе искусственного интеллекта. Описываются множественные проблемы внедрения систем на основе искусственного интеллекта в государственное управление (опыт Великобритании). Важным является то, что приведены оценки рисков, связанных с внедрением систем искусственного интеллекта в государственное управление. Среди нового класса задач, на которые стоит обратить внимание, — задачи обеспечения безопасности систем на основе искусственного интеллекта. Наиболее значимой является задача формирования ценностных ориентиров, которые вносятся в наборы обучающих данных. В результате делается вывод, что ценностные ориентиры в государственной службе сегодня приобретают особое значение в силу происходящих трансформаций и требуют особого внимания к их формулированию и интерпретации.

Ключевые слова

Государственная служба, угрозы, коррупция, специальная военная операция, искусственный интеллект.

Для цитирования

Гриняев С.Н. Ценностные ориентиры и государственная служба в условиях новых вызовов и угроз // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 90–100. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-90-100](#)

Value Orientations and Public Service in the Context of New Challenges and Threats

Sergey N. Grinyaev

DSc (Technical sciences), ORCID: [0000-0001-6511-9553](#), sgreen@csef.ru

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article touches upon important issues of civil service development in the context of modern challenges and threats. In the introduction, current trends characterizing the role and importance of value orientations for public service in Russia are described. The assessment of the formed regulatory framework of the civil service is given. It is suggested that there is currently a transformation of the civil servants' value orientations in Russia. It is argued that such processes are initiated mainly by a special military operation and global changes in modern society associated with the transition to a new technological order. The main part of the article using different sources verifies this assumption. The special military operation has highlighted a number of significant changes affecting the values of Russian society. This part also outlines the future challenges and threats that are being formed today, related to the use of artificial intelligence-based systems in solving public service tasks. The article describes the multiple problems of implementing artificial intelligence-based systems in public administration based on the experience of Great Britain. The paper provides an assessment of the risks associated with the introduction of artificial intelligence systems in public administration. Among the new class of tasks that are highlighted are the tasks of ensuring the security of systems based on artificial intelligence. The most significant task is the formation of value orientations, which are included in the training data sets. As a result, it is concluded that value orientations in the civil service are becoming particularly important today due to the ongoing transformations and require special attention to their formulation and interpretation.

Keywords

Public service, threats, corruption, special military operation, artificial intelligence.

For citation

Grinyaev S.N. (2025) Value Orientations and Public Service in the Context of New Challenges and Threats. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 90–100. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-90-100](#)

Дата поступления/Received: 23.12.2024

Введение

Тема роли и места ценностных ориентиров в государственной гражданской службе достаточно хорошо изучена в трудах таких исследователей, как В.А. Никонов [Никонов и др. 2021; Никонов 2023], Е.Д. Андриянов [Андриянова 2021], А.П. Солдатов, С.Н. Братановский [Солдатов, Братановский 2021], К.А. Демичев [Демичев 2021] и др. Вместе с тем последние годы характеризуются высоким темпом изменений, которые связаны с глубочайшими трансформациями самой природы современного общества [Глазьев 2023]. Сегодняшний мир входит в полосу смены технологического уклада, что сопровождается целым рядом катаклизмов. Для Российской Федерации исторический процесс смены технологического уклада совпал с проведением специальной военной операции — наиболее интенсивного вооруженного конфликта со времен Великой Отечественной войны. Синергия столь значимых явлений не могла не привести к ряду последствий, затронувших, в частности, ценностные ориентиры российского общества и, как следствие, государственных служащих, которые являются значимой частью российского общества.

Согласно принятым правовым актам, государственная гражданская служба Российской Федерации представляет собой профессиональную деятельность, направленную на обеспечение выполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, а также лиц, занимающих государственные должности РФ и субъектов РФ¹. Суть ее заключается в обеспечении выполнения функций государства. Ключевыми аспектами государственной гражданской службы являются ее правовая основа — государственная служба регулируется федеральными законами и законами субъектов РФ. Основополагающий документ — Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»². Согласно принятым подходам, государственные служащие делятся на федеральных и региональных. Классификация проводится по категориям и группам должностей, каждая из которых имеет свой уровень ответственности и задач³. Основными принципами госслужбы являются:

- меритократия — включает в себя принципы профессионализма, компетентности и равенства возможностей при поступлении на службу;
- прозрачность — открытость процедур принятия на работу и продвижения по службе;
- этика — соблюдение норм служебной этики, включая недопущение коррупции.

Государственные служащие обязаны соблюдать законы, эффективно исполнять свои обязанности, уважать права и свободы граждан. Взамен им предоставляются определенные социальные гарантии и привилегии, такие как отпуск, медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение⁴.

Существующая сегодня система аттестации⁵ позволяет оценивать компетентность служащих. Карьерный рост зависит от результатов аттестации, профессиональных достижений и опыта.

¹ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статья 3. Государственная гражданская служба Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/bb6b882db94d272a70c568cf7cee9018c6d42515/ (дата обращения: 10.12.2024).

² Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 10.12.2024).

³ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статья 9. Классификация должностей гражданской службы // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/13935f8c409f17f399cf2cdcf5da0638c9e6fe4/ (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статья 14. Основные права гражданского служащего // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/48e053c5f00a333f8f249d9cf26abd9f26ecc888/ (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статья 48. Аттестация гражданских служащих // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/cc116beecd53c3e805c054112050e9cf869d23187/ (дата обращения: 10.12.2024).

Эти аспекты формируют суть государственной гражданской службы в России, направленную на эффективное и качественное выполнение функций государства для благополучия граждан.

Актуальные проблемы ценностных ориентиров в государственной службе

Безусловно, опираясь на вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что созданная сегодня в России нормативно-правовая система обеспечения государственной службы формирует достаточно привлекательный образ государственного служащего. Но так ли это в жизни? Кто сегодня реальный человек, современный чиновник в России? Как оценить, что тот или иной человек, занимающий должность государственного служащего, отвечает требованиям нормативно-правовых актов?

Именно в этой части крайне важно иметь полное понимание того, что же собой представляет формализованный образ идеального чиновника. Но такого образа сегодня нет. Он не сформирован. Есть отдельные методики оценки эффективности чиновника как руководителя или исполнителя, но нет общей картины его облика.

И здесь одним из критериев оценки могли бы стать как раз ценностные оценки деятельности чиновника. Следует помнить, что любая деятельность целенаправлена. Каждый человек реализует свои интересы через деятельность. При этом важно понимать, что именно средства достижения цели во многом определяют нравственный облик чиновника, его готовность к социальным, а подчас и к антисоциальным действиям [Берзин 2012].

Ценностные ориентиры в широком смысле — это выбор человеком определенных материальных и духовных ценностей, моральных и социальных установок, определяющих его образ жизни, формирующих отношение к окружающему миру [Любцова 2020].

Второй, не менее значимый вопрос состоит в том, готовы ли мы в эпоху активного развития искусственного интеллекта к тому, что доминирующие сегодня в нашем обществе ценности будут вложены и в алгоритмы, лежащие в основе этих уникальных информационных систем.

Современный контекст безопасности и ценностные ориентиры государственной службы

Сегодняшний мир безвозвратно изменился. Угрозы и вызовы современной цивилизации исходят главным образом от нее самой, от прогресса ее развития. Изменился мир не только потому, что в Европе идет вооруженный конфликт, изменился он и в силу целой массы иных причин, главной из которых является смена ценностных ориентиров современной цивилизации, вызванная стремительным переходом к новому промышленному укладу.

Важность выбора ценностных ориентиров и их значение для оценки чиновника как элемента государственной машины хорошо прослеживаются в современной Европе. Сегодня мы все наблюдаем проблему в целом ряде европейских государств, когда миграционный «штурм» захлестывает страны. Но равнение на ценностные ориентиры толерантности, вложенные в головы европейским чиновникам десятилетия назад, не позволяет переосмыслить происходящее и увидеть истинную опасность протекающих процессов для своих стран.

То же можно сказать и о поддержке сегодня европейскими странами Киева. Утрата ценностных ориентиров, заложенных по итогам Второй мировой войны, не позволяет нынешнему поколению европейской элиты адекватно оценивать происходящее.

Специальная военная операция показала, сколь противоречив и двуличен современный западный мир. В своей работе С.А. Модестов [Модестов 2022] емко и доказательно представил обзор международной и национальной нормативной правовой базы, устанавливающей ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, а также против общественной

безопасности со стороны Киева и его западных партнеров. Автор дает всеобъемлющую оценку преступной деятельности военно-политического руководства, вооруженных сил и иных вооруженных формирований Украины с участием иностранных наемников, результатом которой стал острейший кризис в Восточной Европе. Безусловен и справедлив вывод автора о том, что на США и других странах НАТО лежит ответственность за дестабилизацию обстановки в регионе и поощрение международного терроризма, что и вынудило Россию начать специальную военную операцию на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации.

Специальная военная операция во многом изменила отношение общества в России к происходящему, причем как вне, так и внутри страны. Особенно это относится к нетерпимому отношению к проявлениям коррупции в чиновничьей среде. Причем не просто чиновников, а тех, кто связан с обеспечением обороны и безопасности страны.

Чиновники, допустившие факты коррупции в части исполнения государственного оборонного заказа и, что еще страшнее, допустившие нецелевое использование средств государственного оборонного заказа в личных целях, виновны не только в этом — они виновны и в тех потерях, которые понесли российские Вооруженные Силы в ходе проводимой специальной военной операции.

Думаю, что высажу мнение многих: коррупционные преступления во время военных действий или коррупционные преступления, последствия которых повлекли срыв выполнения задач по обороне страны, привели к брешам в обороне, к страданиям и гибели мирного населения, должны наказываться намного серьезнее тех, что совершаются в мирное время.

Помимо коррупционных преступлений, следует обратить внимание на тот факт, что с началом специальной военной операции резко выросло число уголовных дел, связанных с умышленной порчей имущества при совершении диверсионно-террористических актов⁶. Главным образом молодежь за мизерные суммы оказалась готова к совершению диверсий против объектов на территории собственной страны⁷. Что явилось причиной подобного поведения молодежи еще предстоит уточнить, но уже ясно, что необходимо совершенствование молодежной политики именно в вопросах детализации и уточнения форматов и способов донесения до молодежи национальных ценностных ориентиров. Особой оценки требуют подобные случаи, фигурантами в которых являются государственные служащие либо работники государственных корпораций.

Новые вызовы и угрозы, их влияние на значимость ценностных ориентиров в условиях внедрения систем искусственного интеллекта

В современном мире мы сталкиваемся с еще одной крайне важной проблемой: сегодня системы искусственного интеллекта все шире используются в различных секторах национальной экономики. Значимое место начинают они играть и в государственном управлении⁸. Практика показывает, что в целом ряде случаев использование таких систем не отвечает текущим представлениям и ценностным ориентирам в обществе.

Встает закономерный вопрос: а какие ценностные ориентиры заложены создателем этих моделей? Приближаются ли они к образу идеального чиновника? Практика показывает, что нет. Во многих случаях действия систем искусственного интеллекта оказываются предвзятыми.

⁶ Мошенники с Украины поджигают Россию // Украина.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/20241224/1059919227.html> (дата обращения: 10.12.2024).

⁷ Россиянин поджег релейный шкаф за девять тысяч рублей и получил срок // Lenta [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/08/30/rossianin-podzheg-releynyy-shkaf-za-devyat-tysach-rublej-i-poluchil-srok/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁸ 20% крупных российских компаний уже используют генеративный искусственный интеллект // Яндекс [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/news/01-18-12-2023> (дата обращения: 10.12.2024).

Интересно в этом контексте сослаться на опыт применения систем искусственного интеллекта в государственном секторе Великобритании, где сложилась достаточно высокорисковая ситуация, связанная с бесконтрольным применением систем искусственного интеллекта для поддержки принятия решений по целому ряду важных задач, относящихся к компетенции государства.

Данные свидетельствуют о бессистемном и часто неконтролируемом использовании передовых технологий искусственного интеллекта по всему Уайтхоллу. Как показывает анализ, государственные службы по меньшей мере в восьми департаментах правительства и значительное количество полицейских по всей стране используют искусственный интеллект в ряде областей, когда речь идет о помощи им в принятии решений по вопросам социального обеспечения, иммиграции и уголовного правосудия⁹.

Проблема состоит в том, что некоторые из используемых инструментов потенциально могут привести к дискриминационным результатам¹⁰. В частности, эксперты указывают на ряд случаев, получивших огласку: алгоритм, используемый Министерством труда и пенсий Великобритании, ошибочно привел к тому, что десятки людей были лишены заслуженных льгот; инструментарий распознавания лиц, используемый полицией Лондона, допускает больше ошибок при распознавании лиц темнокожих, чем белых, при определенных настройках¹¹.

Среди выявленных проблем особое опасение вызывает предвзятая работа специальных алгоритмов. Министерство внутренних дел Великобритании заявило, что оно использовало искусственный интеллект для контроля паспортов в аэропортах, а также в качестве инструмента, который выявляет потенциальные фиктивные браки для дальнейшего расследования¹². Однако этот инструмент непропорционально выделяет в качестве потенциальных нарушителей людей из Албании, Греции, Румынии и Болгарии. У Министерства юстиции Великобритании есть интегрированная служба анализа рисков, которая использует алгоритм, помогающий выявлять мошенничество и ошибки среди претендентов на получение льгот¹³. Применение этого алгоритма на данных, которые были переданы от Министерства внутренних дел Великобритании, привело к тому, что в последние годы сотням болгар внезапно приостановили выплату льгот после того, как их несправедливо обвинили в потенциально мошеннических действиях на основании решения системы искусственного интеллекта¹⁴.

Эксперты указывают¹⁵, что большинство подобных проблем связано с бесконтрольным процессом обучения нейронных сетей, используемых в специальных приложениях. Искусственный интеллект обучается на большом наборе данных, а затем анализирует входные данные способами, которые даже те, кто разработал инструменты, иногда не до конца понимают. Проблема состоит в том, что подготовленная выборка данных, использовавшаяся для настройки алгоритмов и их обучения, уже содержала недостатки, с которыми в дальнейшем столкнулись чиновники при использовании уже настроенных алгоритмов [Akter et al. 2022].

⁹ UK officials use AI to decide on issues from benefits to marriage licences: Technology // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/oct/23/uk-officials-use-ai-to-decide-on-issues-from-benefits-to-marriage-licences> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁰ UK risks scandal over 'bias' in AI tools in use across public sector: Technology // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/oct/23/uk-risks-scandal-over-bias-in-ai-tools-in-use-across-public-sector> (дата обращения: 10.12.2024).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ DWP algorithm wrongly flags 200,000 people for possible fraud and error: Society // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/society/article/2024/jun/23/dwp-algorithm-wrongly-flags-200000-people-possible-fraud-error> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же

Сегодня процессы обучения ведомственных нейронных сетей, используемых для решения важных государственных задач, выполняются, как правило, сторонними фирмами. Вопросы контроля обучения, отсутствия скрытых ошибок (включая и тенденциозные решения) до настоящего времени не решены системами безопасности [Madan et al. 2023]. На этом фоне руководство Великобритании приняло решение упразднить независимый правительственный консультативный совет, который привлекал органы государственного сектора к ответственности за ненадлежащее использование ими систем искусственного интеллекта для решения стоящих задач¹⁶.

С целью нормализации возникшей ситуации и снижения потенциальных проблем в Британии разработан и запущен «Стандарт отчетности по алгоритмической прозрачности», который поощряет департаменты правительства и полицейские власти добровольно раскрывать, где они используют системы искусственного интеллекта для принятия решений, которые могут оказать существенное влияние на широкую общественность¹⁷.

Риски, связанные с развитием искусственного интеллекта, — подход западных экспертов

Сегодня хорошо известны оценки западных экспертов, которые указывают на то, что развитие систем и методов искусственного интеллекта в ближайшие годы создаст принципиально новый ландшафт угроз безопасности личности, общества и государства, потребовав коренного реформирования существующих систем безопасности [Francisco, Linnér 2023].

В период подготовки к международному саммиту по безопасности искусственного интеллекта, который проходил в начале ноября 2023 года в Великобритании, был выполнен ряд исследований. Их результаты были представлены участникам саммита. В частности, в документах был введен новый термин — «передовой искусственный интеллект»¹⁸. Он означает набор высокоэффективных моделей искусственного интеллекта общего назначения, которые могут выполнять широкий спектр задач из повседневной жизни людей и соответствовать возможностям, имеющимся в самых передовых моделях на сегодняшний день, или превосходить их. По состоянию на октябрь 2023 года это в первую очередь относилось к базовым моделям, состоящим из сверхбольших нейронных сетей, использующих архитектуру Transformer¹⁹.

Сегодня модели передового искусственного интеллекта становятся все более приспособленными к выполнению ряда задач из повседневной жизни людей. В краткосрочной перспективе решаемых ими задач станет еще больше. Однако создавать их будут те немногие компании, которые имеют доступ к необходимым ресурсам (прежде всего это вычислительные кластеры и алгоритмические ноу-хау). Модели с открытым исходным кодом будут совершенствоваться в разных странах и в глубине «свободного» сообщества программистов, что, как полагают эксперты, создаст серьезные проблемы регулирования в области искусственного интеллекта²⁰.

Очевидно, что риски, связанные с будущими системами искусственного интеллекта, будут включать риски, которые очевидны уже сегодня, но с потенциалом и масштабом большего воздействия. К ним относятся: усиление массового манипулирования и дезинформации; создание принципиально новых возможностей для кибератак или мошенничества; снижение барьеров для доступа к вредоносной информации и принятия предвзятых решений. Начало работы

¹⁶ British government quietly sacks entire board of independent AI advisers // The Record [Электронный ресурс]. URL: <https://therecord.media/uk-disbands-ai-advisory-board-cdei-rishi-sunak> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁷ UK government publishes pioneering standard for algorithmic transparency // Gov.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-government-publishes-pioneering-standard-for-algorithmic-transparency> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁸ Frontier AI: capabilities and risks — discussion paper // Gov.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/frontier-ai-capabilities-and-risks-discussion-paper> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

над возможными путями регулирования искусственного интеллекта уже сегодня может несколько снизить уровень угрозы в будущем, но не исключит ее полностью.

Даже самые совершенные модели сегодня имеют ограничения и приводят к ошибкам. Продолжаются споры о том, насколько надежны и масштабируемые некоторые очевидные возможности. Для создания действительно автономных искусственных агентов, способных выполнять задачи без надзора человека, потребуются повышенная точность, способность к рассуждению, планированию, памяти и самокоррекции.

По мере того, как передовой искусственный интеллект становится все более продвинутым, в научной среде активизировались споры о том, может ли быть реализован сильный искусственный интеллект (алгоритм, превосходящий способности человека) (Artificial General Intelligence, AGI) и когда именно [Щербаков 2022]. Британские специалисты считают, что риски и возможности, создаваемые данной моделью, напрямую связаны с ее возможностями и тем, как она используется, а не с широтой задач, в которых она может соответствовать производительности человека. Важно, что модели передового искусственного интеллекта (доступные уже в ближайшем будущем) могут быть разрушительными, полезными, мощными или рискованными, не являясь при этом моделями сильного искусственного интеллекта (создание которого прогнозируется в горизонте до десяти лет).

Следует понимать, что риск и связанные возможности будут определяться неопределенными факторами, включая geopolитику, доступность ресурсов, частную собственность на алгоритмы, меры безопасности и общественное мнение.

Учитывая значительную неопределенность, сегодня недостаточно доказательств, чтобы исключить сценарий, согласно которому будущий сильный искусственный интеллект в случае неправильного использования или неадекватного контроля может представлять угрозу существованию человечества. Однако многие считают это маловероятным [Там же]. Потребуются системы, которые опережали бы меры по смягчению последствий, получали контроль над критическими системами и могли бы избежать отключения.

Некоторые тезисы международно-правового наполнения «рамок ответственного поведения» при использовании систем искусственного интеллекта

Сегодня во многих странах мира обсуждается необходимость и целесообразность инициирования процессов международно-правового регулирования в области разработок, связанных с внедрением систем и методов искусственного интеллекта. Необходимость задействования международно-правовых норм определяется оценками экспертов, согласно которым Пекин в ближайшие годы сможет опередить США в части эффективного использования систем и методов искусственного интеллекта для решения задач, связанных с обеспечением национальной обороны и безопасности²¹. Кроме того, в связи с относительной доступностью таких методов уже сформировался целый пул государств, активно разрабатывающих и внедряющих подобные методы. Причем национальное законодательство сильно различается: от строгого запрета определенных видов исследований до полной свободы, что дает возможность в отсутствие международного регулирования организовывать оффшорные исследования в странах с благоприятным нормативно-правовым климатом, тем самым преодолевая национальные запреты и ограничения.

Обсуждая варианты контроля, обычно исходят из принципиально иной природы технологий на основе систем и методов искусственного интеллекта, отличающей их от традиционных технологий создания систем и средств вооружения: большинство из них являются технологиями двойного назначения и могут одинаково эффективно использоваться как в военных, так и в гражданских

²¹ China will continue to advance its military AI // Oxford Analytica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxan.com/insights/china-will-continue-to-advance-its-military-ai/> (дата обращения: 10.12.2024).

целях. Это делает вопрос контроля крайне сложным: как и каким образом запретить или поставить под контроль то, что может реально или потенциально нанести ущерб безопасности и оставить при этом доступным те работы и внедрения, результаты которых соответствуют интересам государства.

Среди юридических и административных новаций, которые рассматриваются сегодня на Западе как требующие международного регулирования, выделяются следующие.

Внедрение в международную практику алгоритмической подотчетности. Алгоритмическая подотчетность касается того, где следует распределять ответственность за последствия реальных действий, которые были предприняты с учетом алгоритмов, использованных для принятия решения. Алгоритмическая подотчетность возлагает ответственность за вред, который может нанести алгоритм, на операторов (то есть на сторону, ответственную за развертывание алгоритма), а не на разработчиков. Закрепление этой нормы позволяет переложить ответственность с разработчика системы на ее потребителя.

Запрет летального автономного оружия. Эта тема сегодня достаточно широко обсуждается в ряде международных организаций. Главное опасение от внедрения таких систем состоит в том, что они потенциально могут привести к резкой эскалации обстановки вплоть до вооруженного конфликта быстрее, чем когда-либо прежде. На сегодняшний день в этом направлении есть общественная инициатива (возглавляемая Илоном Маском) более сотни американских исследовательских центров и корпораций, производящих системы на основе методов искусственного интеллекта, которые еще в 2017 году подписали письмо в Организацию Объединенных Наций (ООН), в котором содержится настоятельный призыв запретить летальное автономное оружие²². Идея была поддержана в 2018 году Генеральным секретарем ООН. Также в 2018 году члены Европейского парламента приняли резолюцию, в которой обратились с призывом к государствам-членам начать международные переговоры по юридически обязательному документу, запрещающему летальные автономные системы вооружения²³.

Однако этой инициативе активно противостоит военно-промышленный комплекс (ВПК) США. Представители ВПК утверждают, что именно военные разработки всегда лежали в основе технологических прорывов, которые достигали США. Это касается и летальных систем вооружения, которые сегодня находятся на гребне эволюции систем и средств поражения.

Запрет государственным структурам на применение алгоритмов распознавания лиц. В ряде экспертных групп отмечается, что использование методов искусственного интеллекта к системам наблюдения и распознавания лиц может привести к росту социальной напряженности, а хакеры получают новый ресурс для шантажа — базы биометрической информации [Утеген, Рахметов 2023]. Целый ряд американских правозащитных организаций считает, что необходим запрет на использование алгоритмов на основе искусственного интеллекта для решения задачи распознавания. Так, Американский союз защиты гражданских свобод заявил, что должен быть введен мораторий на все виды использования распознавания лиц правоохранительными органами²⁴. Кроме того, Алгоритмическая лига справедливости и Центр конфиденциальности и технологий Юридического центра Джорджтаунского университета сформировали инициативу, в которой предлагается не продавать технологию распознавания лиц правоохранительным органам недружественных стран²⁵.

²² Elon Musk leads 116 experts calling for outright ban of killer robots // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/aug/20/elon-musk-killer-robots-experts-outright-ban-lethal-autonomous-weapons-war> (дата обращения: 10.12.2024).

²³ European Parliament resolution of 12 September 2018 on autonomous weapon systems // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0341_EN.html (дата обращения: 10.12.2024).

²⁴ Hearing On "Facial Recognition Technology: Examining Its Uses by Law Enforcement" // Civil Rights [Электронный ресурс]. URL: <https://civilrights.org/resource/statement-of-bertram-lee-counsel-for-media-and-technology-hearing-on-facial-recognition-technology-examining-its-uses-by-law-enforcement/> (дата обращения: 10.12.2024).

²⁵ Almost everyone involved in facial recognition tech sees problems with it // Los Angeles Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/business/technology/la-fi-tn-facial-recognition-20181212-story.html> (дата обращения: 10.12.2024).

Международный контроль за безопасностью рекомендательных алгоритмов. Исходя из опасений, что системы искусственного интеллекта могут нести угрозу, ряд экспертов выдвинул требование, согласно которому особые классы алгоритмов, способные оказывать влияние на принятие решений человеком, до момента своего внедрения должны проходить процедуру государственной регистрации и одобрения.

Алгоритмическая объяснимость. Учитывая особенности реализации, можно утверждать, что результаты, полученные с помощью методов искусственного интеллекта, сложно верифицируемы. В этой связи высказываются предложения о необходимости внесения законодательных норм контроля со стороны человека над результатами, полученными с помощью средств и методов искусственного интеллекта. Страны Евросоюза также склонны к введению нормативных ограничений, в том числе и для оценки решений в области государственного управления с применением методов искусственного интеллекта. Кроме того, Общий регламент по защите данных ЕС, который регулирует, как организации используют или обрабатывают данные любого лица, проживающего в ЕС, предоставляет гражданам ЕС право на значимую информацию о логике, задействованной в алгоритмическом решении, которое имеет юридические или аналогичные существенные последствия²⁶.

Проблемы, с которыми уже сталкивается британское правительство, являются типовыми и требуют серьезного внимания в случае тиражирования сходных решений на систему государственного управления в Российской Федерации [Кондратьева и др. 2022; Демидов, Лукашов 2021].

Одновременно с этими вопросами мы можем задать себе и другие: а кто и в каких учебных заведениях сегодня готовит специалистов по обучению систем искусственного интеллекта? И не инженеров-программистов, а именно специалистов гуманитарного профиля, способных сформировать и реализовать на практике обучения нейронных сетей именно те ценностные ориентиры, о которых мы сегодня говорим применительно к государственному управлению в Российской Федерации. Так, Альянс в сфере искусственного интеллекта разработал Кодекс этики искусственного интеллекта²⁷.

Другими словами, в современной обстановке, которая характеризуется наличием серьезных вызовов, необходимо продолжать работу по совершенствованию гуманитарного образования, его вовлечению в процессы актуализации жизнедеятельности современного российского общества уже с учетом проблем, с которыми столкнулись специалисты в других странах мира [Ng et al. 2021].

Заключение

Очевидно, что изменения, которые затронули все сферы жизнедеятельности современного общества, кардинально повлияют и на сферу государственной службы.

Очевидно также, что безопасность искусственного интеллекта — это социально-техническая проблема, которую невозможно решить одними техническими мерами. Промышленность, научные круги, гражданское общество, правительства и общественность — все должны быть вовлечены в решение этой проблемы. Универсально согласованных показателей для измерения особо опасных или полезных характеристик пока не существует, однако они были бы полезны.

Во многом ценностные ориентиры могут быть той мерой, которая позволит оценивать не только суть деятельности чиновничьего аппарата, но и во многом подготовиться к широкому внедрению в системы государственного управления новых решений на основе искусственного интеллекта.

²⁶ Legal framework of EU data protection // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/law/law-topic/data-protection/legal-framework-eu-data-protection_en (дата обращения: 10.12.2024).

²⁷ Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).

Список литературы:

- Андрянова Е.Д. Государственная служба в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Молодой ученый. 2021. № 45(387). С. 26–29.
- Берзин Б.Ю. Ценностные ориентации государственных служащих в системе регуляции поведения // Социум и власть. 2012. № 2(34). С. 85–88.
- Глазьев С.Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 27–32. DOI: [10.37930/1990-9780-2023-2\(76\)-27-32](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32)
- Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1(129). С. 28–34. DOI: [10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34)
- Демичев К.А. Государственная служба в России как хронодискретный институт: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 1(59). С. 6–11.
- Кондратьева А.А., Кудинова В.Д., Перова М.В. Цифровизация государственной службы // Международный студенческий научный вестник. 2022. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48447907_88451669.pdf
- Любцова А.В. Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 4. С. 65–79. DOI: [10.21702/rpj.2020.4.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5)
- Модестов С.А. Политико-правовые аспекты специальной военной операции на Украине как стратегической контртеррористической операции // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2(79). С. 53–59.
- Никонов В.А. Специальная военная операция и новый миропорядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 7–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-99-7-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-7-34)
- Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. DOI: [10.17223/1998863X/60/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18)
- Солдатов А.П., Братановский С.Н. Государственная служба: историко-правовое исследование // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3(55). С. 129–139.
- Утеген Д., Раҳметов Б.Ж. Технология распознавания лиц и обеспечение безопасности биометрических данных: компаративный анализ моделей правового регулирования // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. С. 825–844. DOI: [10.21202/jdtl.2023.36](https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.36)
- Щербаков М.Г. О рисках и угрозах создания «сильного» искусственного интеллекта: постановка проблемы // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Казань: Издательство «Познание», 2022. Т. 5. С. 406–413.
- Akter Sh., Dwivedi Y.K., Sajib Sh., Biswas K., Bandara R.J., Michael K. Algorithmic Bias in Machine Learning-Based Marketing Models // Journal of Business Research. 2022. Vol. 144. P. 201–216. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.01.083](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.083)
- Francisco M., Linnér B.-O. AI and the Governance of Sustainable Development. An Idea Analysis of the European Union, the United Nations, and the World Economic Forum // Environmental Science & Policy. 2023. Vol. 150. DOI: [10.1016/j.envsci.2023.103590](https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.103590)
- Madan R., Ashok M. AI Adoption and Diffusion in Public Administration: A Systematic Literature Review and Future Research Agenda // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. Is. 1. DOI: [10.1016/j.giq.2022.101774](https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101774)
- Ng D.T.K., Leung J.K.L., Chu S.K.W., Qiao M.Sh. Conceptualizing AI Literacy: An Exploratory Review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2021. Vol. 2. DOI: [10.1016/j.caeari.2021.100041](https://doi.org/10.1016/j.caeari.2021.100041)

References:

- Akter Sh., Dwivedi Y.K., Sajib Sh., Biswas K., Bandara R.J., Michael K. (2022) Algorithmic Bias in Machine Learning-Based Marketing Models. *Journal of Business Research*. Vol. 144. P. 201–216. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.01.083](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.083)
- Andriyanova E.D. (2021) Gosudarstvennaya sluzhba v Rossiyskoy Federatsii: ponyatiye, printsipy i vidy [Civil service in the Russian Federation: concept, principles and types]. *Molodoy uchenyy*. No. 45(387). P. 26–29.
- Berzin B.Yu. (2012) Value Orientations of Civil Servants in the Behavior Regulation System. *Sotsium i vlast'*. No. 2(34). P. 85–88.
- Demichev K.A. (2021) Public Service in Russia as a Chrono-Discrete Institution: Towards the Formulation of the Problem. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*. No. 1(59). P. 6–11.
- Demidov A.Yu., Lukashov A.I. (2021) Selected Approaches to Digital Transformation of Public Administration. *Gosudarstvennaya sluzhba*. Vol. 23, No. 1(129). P. 28–34. DOI: [10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34)
- Francisco M., Linnér B.-O. (2023) AI and the Governance of Sustainable Development. An Idea Analysis of the European Union, the United Nations, and the World Economic Forum. *Environmental Science & Policy*. Vol. 150. DOI: [10.1016/j.envsci.2023.103590](https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.103590)
- Glazyev S.Yu. (2023) Prospects for the Development of Russia on the Long-Term Wave of Growth in the New Technological Order. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. No. 2(76). P. 27–32. DOI: [10.37930/1990-9780-2023-2\(76\)-27-32](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32)
- Kondratieva A.A., Kudinova V.D., Perova M.V. (2022) Digitalization of Civil Service. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. No. 1. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48447907_88451669.pdf
- Lyubtsova A.V. (2020) Value Orientations of Today's Youth in the Context of Prosocial Behavior. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*. Vol. 17. No. 4. P. 65–79. DOI: [10.21702/rpj.2020.4.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5)
- Madan R., Ashok M. (2023) AI Adoption and Diffusion in Public Administration: A Systematic Literature Review and Future Research Agenda. *Government Information Quarterly*. Vol. 40. Is. 1. DOI: [10.1016/j.giq.2022.101774](https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101774)
- Modestov S.A. (2022) Political and Legal Aspects of Special Military Operation in Ukraine as a Strategic Counter-Terrorism Operation. *Vestnik Akademii voyennyykh nauk*. No. 2(79). P. 53–59.
- Ng D.T.K., Leung J.K.L., Chu S.K.W., Qiao M.Sh. (2021) Conceptualizing AI Literacy: An Exploratory Review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*. Vol. 2. DOI: [10.1016/j.caai.2021.100041](https://doi.org/10.1016/j.caai.2021.100041)
- Nikonov V.A. (2023) Special Military Operation and New World Order. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 99. P. 7–34. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-99-7-34](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-99-7-34)
- Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A., Volodenkov S.V., Rybakova M.V. (2021) Digital Sovereignty of a Modern State: Content and Structural Components (Based on Expert Research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. No. 60. P. 206–216. DOI: [10.17223/1998863X/60/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18)
- Shcherbakov M.G. (2022) About the Risks and Threats of Creating "Strong" Artificial Intelligence: Statement of the Problem. *Tsifrovyye tekhnologii i pravo: Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 6-ti tomakh*. Kazan: Izdatel'stvo "Poznaniye". Vol. 5. P. 406–413.
- Soldatov A.P., Bratanovskij S.N. (2020) Public Service: Historical and Legal Research. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. No. 3(55). P. 129–139.
- Utegen D., Rakhatmetov B.Zh. (2023) Facial Recognition Technology and Ensuring Security of Biometric Data: Comparative Analysis of Legal Regulation Models. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 1. No. 3. P. 825–844. DOI: [10.21202/jdtl.2023.36](https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.36)

Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в странах — членах Евразийского экономического союза: кейс России, Казахстана и Кыргызстана

Турганбек Назым

Аспирант, ORCID: [0009-0005-0249-5486](#), nazymturg@gmail.com

Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Международное сообщество относит изменение климата и глобальное потепление к мировым вызовам современности. Снижение антропогенного воздействия на климат в виде уменьшения выбросов парниковых газов, в частности углекислого газа, выступает в качестве одной из мер в рамках решения проблемы стабилизации климата. Тем самым на национальном, региональном и международном уровнях формируется низкоуглеродная повестка, а государства проводят соответствующую политику. Цель исследования — определить роль некоммерческих экологических организаций (эко-НКО) стран — членов ЕАЭС в формировании низкоуглеродной повестки на национальном уровне. В ходе исследования при помощи качественных методов, в частности интервью с представителями эко-НКО стран — членов ЕАЭС, был проведен анализ механизмов и степени участия эко-НКО в современном политическом процессе исследуемых государств. Климатическая проблематика не всегда является основной тематической направленностью деятельности таких организаций. Это может быть объяснено тем, что сама климатическая повестка в исследуемых странах не выделяется в самостоятельную повестку. Эко-НКО выполняют три основные функции: просветительскую, контролирующую (контроль над политикой государства), а также консультационную. Наиболее эффективно контролирующую и консультационную функции выполняют эко-НКО в Кыргызстане. В Казахстане и России рекомендации эко-НКО государством учитываются реже, несмотря на то, что именно в этих странах функционируют ряд перманентных каналов связи между сторонами.

Ключевые слова

Экологические некоммерческие организации, низкоуглеродное развитие, климатическая политика, ЕАЭС, Россия, Казахстан, Кыргызстан.

Для цитирования

Турганбек Н. Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в странах — членах Евразийского экономического союза: кейс России, Казахстана и Кыргызстана // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 101–116. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-101-116

The Role of Non-Profit Environmental Organisations in Forming Low-Carbon Agenda in Eurasian Economic Union: The Case of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan

Turganbek Nazym

Postgraduate student, ORCID: [0009-0005-0249-5486](#), nazymturg@gmail.com

Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow. Russian Federation.

Abstract

The international community considers climate change and global warming as world challenges. Reducing the anthropogenic impact on the climate, by greenhouse gases decrease, particularly carbon dioxide, is an important measure to solve the climate stabilization problem. Therefore, the low-carbon agenda was formed at national, regional and international levels. The aim of the study is to determine the role of non-profit environmental organisations (eco-NPOs) in forming the low carbon agenda in EAEU member states. By using qualitative methods, particularly interviews with representatives of eco-NPOs of the EAEU member states, the author analyzed mechanisms and participation degree of eco-NPOs in the modern political process of these countries. Climate issues are not always the main thematic area of such organisations because since the climate agenda is not an independent agenda in the analysed countries. Environmental NPOs influence the formation of the low-carbon agenda on the national level through three main types of function — educational, controlling (control over state policy) and consulting. Eco-NPOs in Kyrgyzstan perform the most effective controlling and consulting functions. In Kazakhstan and Russia recommendations of eco-NPOs are taken into account by the state quite rarely, despite the fact that there are number of permanent communication channels between the state and eco-NPOs in these two countries.

Keywords

Environmental non-profit organisations, low-carbon development, climate policy, EAEU, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

For citation

Turganbek N. (2025) The Role of Non-Profit Environmental Organisations in Forming Low-Carbon Agenda in Eurasian Economic Union: The Case of Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 101–116. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-101-116

Дата поступления/Received: 08.09.2024

Введение

Наблюдаемое сегодня повышение внимания к вопросам низкоуглеродного развития на глобальном уровне продиктовано в первую очередь наличием международного политического консенсуса в отношении антропогенного характера климатических изменений¹. Однако в научном сообществе существуют также альтернативные точки зрения по климатической проблематике: речь идет о влиянии природного фактора на изменения климата [Глазьев и др. 2023]. Тем не менее снижение выбросов парниковых газов, в частности углекислого газа, выступает одним из ответов на климатические вызовы, хоть и не единственным в рамках решения проблемы стабилизации климата [Порфириев 2019].

В связи с этим на национальном и региональном уровнях странами реализуется соответствующая политика низкоуглеродного развития, ставятся долгосрочные цели по достижению углеродной нейтральности (УН)², в том числе государствами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Например, Россия и Казахстан нацелены достичь УН к 2060 г. [Panteleev 2022].

При этом исследователи обращают внимание, что, несмотря на то, что УН характеризуется наличием положительных сторон, которые в основном сводятся к инвестиционной привлекательности компаний и ее продуктов, решению экологических задач, технологическому развитию и появлению новых рынков, фактически переход к УН носит скорее политический характер, нежели экологический [Сухарева и др. 2022].

С учетом вышеизложенного возникают несколько важных вопросов: каким образом формируется низкоуглеродная повестка? Кто и в какой мере влияет на процесс формирования низкоуглеродной повестки? Поиск ответов на эти вопросы, безусловно, требует определения и изучения роли, степени влияния различных акторов, вовлеченных в этот процесс, в том числе и гражданского общества.

Как нам видится, одним из таких игроков выступают экологические некоммерческие организации (эко-НКО). Сектор НКО, будучи организационной и экономической основой гражданского общества, выполняет ряд задач. Например, представляет интересы многообразных групп в публично-политическом пространстве, решает проблемы общества, оказывает социальную помощь, предотвращает кризисы, способствует их разрешению [Лившин 2023]. Климатическая проблематика выступает в качестве одной из важных тематических направлений деятельности ряда экологических НКО ввиду того, что изменения климата и их последствия прямо и косвенно влияют на природу и жизнь человека³.

Исследование опыта сектора НКО в рамках формирования низкоуглеродной повестки на пространстве ЕАЭС продиктовано рядом причин. Во-первых, институализация климатической проблематики наблюдается сегодня на региональном уровне в рамках ЕАЭС⁴, что в первую очередь стало возможным благодаря формированию соответствующей повестки на национальном уровне стран, входящих в интеграционное объединение. Вторая причина связана с вопросом о состоятельности институтов гражданского общества на постсоветском пространстве⁵.

¹ Парижское соглашение // UNFCCC [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

² Около 80% стран мира обозначили сроки по достижению углеродной нейтральности // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12812589> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Как изменения климата влияют на природу и человека // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3BoAHS> (дата обращения: 02.09.2024).

⁴ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 10 «О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств - членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки» // Альта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/21mr0010/> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Гражданское общество в странах СНГ: современные тенденции, проблемы и перспективы развития. // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/grans-school/2022/news/686149781.html> (дата обращения: 02.09.2024).

Помимо этого, на фоне украинского кризиса и усиления санкционного давления начиная с 2022 г. на ряд стран — членов ЕАЭС активизировались дискуссии об актуальности низкоуглеродной повестки с учетом новых условий⁶.

Таким образом, исследовательский вопрос заключается в следующем: какова роль экологических НКО в формировании низкоуглеродной повестки на национальном уровне в странах — членах ЕАЭС?

Методы исследования

С ноября 2023 г. по март 2024 г. было проведено двенадцать интервью на русском языке в онлайн-формате с представителями эко-НКО России⁷, Казахстана⁸ и Киргизстана⁹, которые в разной степени касаются проблематики изменения климата и низкоуглеродного развития в своей деятельности. Интервью с представителями эко-НКО Киргизстана было взято за несколько месяцев до принятия в стране Закона об иноагентах¹⁰, который негативно оценивается представителями сектора НКО страны¹¹.

Дополнительно была предпринята попытка связаться с рядом эко-НКО Армении, некоторые из которых отказались принять участие в исследовании, другая часть не вышла на контакт. В Беларусь сектор НКО сегодня ограничен фактическим влиянием на проводимую государственную политику, что в основном связано с массовой ликвидацией НКО по стране за последние годы¹².

В Таблице 1 представлена краткая характеристика участвовавших в исследовании эко-НКО. Отметим, что мнение автора статьи может не совпадать с мнением интервьюируемых представителей эко-НКО стран ЕАЭС.

Таблица 1. Характеристика экологических НКО¹³

Страна	Название НКО	Характеристика
Россия	Межрегиональное ОО «Движение ЭКА»	Направления деятельности: реализация программ и проектов по экологическому просвещению взрослых и детей; направление по формированию ответственного обращения с отходами; направление по защите экологических прав; проекты в сфере лесовосстановления и др. Партнеры НКО: Агентство стратегических инициатив, Координационный совет по экологическому благополучию при Общественной палате РФ, Роскачество, Splat Global, фонд «Экология» «Россельхозбанка», Комитет общественных связей и молодежной политики г. Москвы, Grass, «ВКонтакте», фонд «Второе дыхание», «СБЕР» и др.
Россия	Ассоциация «Охрана природы»	Направления деятельности: тематические направления работы организации включают экологическое просвещение, леса, особо охраняемые природные территории, изменение климата, экономику замкнутого цикла. В работе полагаются на частные пожертвования граждан и поддержку некоммерческих фондов, не принимают финансирования государства и природоразрушающего бизнеса.

⁶ Климатическая стратегия для новых условий // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/blogs/2022/08/01/933857-klimaticheskaya-strategiya-uslovii> (дата обращения: 02.09.2024).

⁷ По состоянию на конец 2022 г. действуют 210 тысяч НКО. На июль 2024 г. социально-ориентированных НКО насчитывалось 53 105. НКО, занимающиеся деятельностью в области «охраны окружающей среды и защиты животных», в том числе содержания животных в приютах для животных», относятся к социально-ориентированным НКО.

⁸ По состоянию на апрель 2023 г. насчитывалось 23 335 зарегистрированных НКО, из которых 18 204 действуют фактически. Только 3,41% таких организаций работают по тематике «охраны окружающей среды».

⁹ По состоянию на июнь 2023 г. общее количество НКО равнялось 29 130 (большая часть приходится на г. Бишкек — 18 500 НКО).

¹⁰ Президент Киргизстана подписал закон об иностранных представителях в республике // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/04/02/prezident-kyrgyzstana-podpisal-zakon-ob-inostranniyh-predstaviteiah-v-respublike.html> (дата обращения: 02.09.2024).

¹¹ Обращение НКО — Ответ на пост Президента Киргизской Республики // Зеленый Альянс [Электронный ресурс]. URL: <https://green-alliance.kg/otvet-presidentu-zakon-nko/> (дата обращения: 19.05.2024).

¹² Мониторинг НКО в Беларусь, находящихся в процессе принудительной ликвидации и принявших решение о самоликвидации // Lawtrend [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawtrend.org/liquidation-nko> (дата обращения: 05.02.2024).

¹³ Составлено автором на основе данных, представленных на официальных сайтах и в социальных сетях эко-НКО, принявших участие в исследовании.

Россия	«Экологический Союз»	<p>Направления деятельности: разработка экостандартов и экологическая сертификация; экопросвещение; экспертные услуги.</p> <p>Партнеры НКО: Российский экспортный центр, Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, Технический комитет по стандартизации «Зеленые» технологии среды жизнедеятельности и «зеленая» инновационная продукция (Росстандарт), Лига зеленых брендов, автономная некоммерческая организация «Собиратор», программа по устойчивому потреблению и производству ООН, Всемирная ассоциация экомаркировки (GEN) и др.</p>
Россия	АНО «Центр Чистой Природы 12-15»	<p>Направления деятельности: вносит вклад в реализацию четырех ЦУР ООН (12 — ответственное потребление и производство, 13 — сохранение климата, 14 — сохранение водных экосистем, 15 — сохранение экосистем суши).</p> <p>Партнеры НКО: ГК «Протектор», Союз эковолонтерских организаций, экоцентр «Сборка», Vegetarian journal и др.</p>
Россия	Ассоциация «Цель номер семь» (ЦНС)	<p>ЦНС — преемница созданного в 2013 г. некоммерческого партнерства «Ассоциация участников рынка ВИЭ». ЦНС ликвидирована в 2022 г.</p> <p>Направления деятельности: содействовала достижению седьмой Цели устойчивого развития ООН — «Недорогостоящая и чистая энергия». Деятельность в области ВИЭ.</p> <p>Сотрудничали со Всемирной ассоциацией ветроэнергетики, Ассоциацией Развития Возобновляемой Энергетики (APBЭ), правительствами Ульяновской и Астраханской областей и др.</p>
Казахстан	ОО «Экообраз»	<p>Направление деятельности: содействие устойчивому развитию Республики Казахстан через внедрение образовательных программ.</p> <p>Взаимодействие с программой малых грантов Глобального Экологического Фонда, реализуемой через ПРООН в Казахстане, Агентством США по международному развитию (USAID), Human Health Institute и др.</p>
Казахстан	ОФ «Социально-экологический фонд»	<p>Направление работы: осуществление деятельности в сфере охраны окружающей среды и продвижения устойчивого развития в Казахстане и Центральной Азии через повышение осведомленности среди населения; продвижение развития диалога среди заинтересованных сторон, развитие экологического лидерства в Казахстане.</p> <p>Партнеры: Казахстанско-немецкий университет, Программа по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий в бассейне Аральского моря (CAMP4ASB), Save Kok-Zhailau, Crude Accountability и др.</p>
Казахстан	ОО «Карагандинский областной экологический музей»	<p>Направления деятельности: экологическое информирование населения и государственных органов; экологическое образование; общественные экологические слушания и экспертиза; экологические исследования и проектирование.</p> <p>Международные доноры: ЕС, ПРООН, ЕЭК ООН и др.</p> <p>Партнеры: Министерство экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан, акимат Карагандинской области и других областей и районов, Германское общество по международному сотрудничеству (GIZ), экологическое общество «Зеленое спасение», Всемирный банк, Natige и др.</p>
Казахстан	Общественное движение Recycle Birge	<p>Направление работы: продвижение осознанного внедрения экодружелюбных привычек через экопросвещение, экологизацию мероприятий, экоконсалтинг.</p> <p>Сотрудничество с Chevron, Leroy Merlin, KWR, Kusto Group, NIS, Coca Cola, Rocker Plastic, Q-lab и др.</p>
Кыргызстан	ОО MoveGreen	<p>Направления работы: деятельность в сфере качества воздуха — гражданский мониторинг качества воздуха, аналитика, экоактивизм, адвокация, изменение климата.</p> <p>Финансовые доноры: Государственный департамент США, Офис по окружающей среде; Университет Дьюк; Международное агентство по развитию и оказанию помощи «Хлеб для мира» (Германия) и др.</p> <p>Партнеры: Посольство США в Республике Кыргызстан, Ассоциация практикующих экологов, Программа ООН по окружающей среде, Urban Hub Bishkek, Международная организация по миграции, CAN ВЕКЦА и др.</p>

Кыргызстан	ЮНИСОН ГРУПП	<p>Направление деятельности: работа на уровне законотворчества, аналитической работы и практической деятельности в области устойчивой окружающей среды и энергетики. Экспертиза проводится в области изменения климата и ресурсосбережении, управлении энергосектором, энергоэффективности и ВИЭ.</p> <p>Партнеры: Всемирный Банк, Всемирная продовольственная программа ООН, ЕС, ЕБРР, АБР, Университет Центральной Азии, Государственный комитет промышленности, энергетики и недропользования Кыргызской Республики и др.</p>
Кыргызстан	ОО «Студенты Кыргызстана за Зеленую Экономику»	<p>Направление деятельности: акции по высадке деревьев в горных районах, экологическое просвещение, экоактивизм.</p> <p>Партнеры: ЕС, ОБСЕ, ПРООН, ОЮЛ «Зеленый Альянс Кыргызстана», Министерство образования и науки Кыргызской Республики, Программа ООН по окружающей среде, Посольство Франции в Республике Кыргызстан, Sputnik Кыргызстан и др.</p>

В рамках интервью был задан ряд опорных вопросов. В Таблице 2 представлен перечень этих вопросов. Помимо этого, для более детального погружения в проблематику был проведен анализ роли и места НКО в политическом процессе.

Таблица 2. Вопросы глубинных интервью с представителями эко-НКО стран ЕАЭС¹⁴

№	Вопрос	Страны
1	Как Вы оцениваете эффективность работы экологических НКО в Вашей стране?	Для всех стран
2	Какую роль Вы отводите экологическим НКО в продвижении низкоуглеродной повестки в Вашей стране сегодня?	Для всех стран
3	Какие каналы взаимодействия между экологическими НКО и государством Вы можете выделить в Вашей стране?	Для всех стран
4	Эти каналы взаимодействия работают постоянно или от случая к случаю?	Для всех стран
5	В рамках формирования и обсуждения содержательной части Стратегии низкоуглеродного развития государство контактировало с Вашей организацией? Если да, то каким образом?	Россия и Казахстан
	В Кыргызстане сегодня разрабатывается Долгосрочная стратегия низкоуглеродного развития до 2050 г. В рамках формирования и обсуждения содержательной части Стратегии государство контактирует с Вами? Если да, то каким образом?	Кыргызстан
6	Как Вы считаете, существует ли в Вашей стране конфликт между экологической и климатической повестками? Если да, то как он проявляется?	Для всех стран

Результаты исследования

НКО в современном политическом процессе

Роль НКО в политическом процессе обуславливается степенью участия в нем. С точки зрения легитимационной модели [Вагапова и др. 2020], где НКО выступают институтом, наделяющим органы государственной власти легитимностью, такие организации могут быть допущены к процессу принятия социально-политических решений, однако на совещательной основе.

Тем не менее существование таких возможностей для вовлечения НКО в политический процесс не исключает барьеров, с которыми сталкиваются НКО, в частности речь идет об ограниченности финансово-экономической базы подавляющей части таких организаций. С учетом этого актуальным становится определение стейкхолдеров НКО.

НКО нередко выступают в качестве поставщиков социальных услуг. Существует несколько механизмов финансовой поддержки государством НКО, например, гранты и соглашения о сотрудничестве, операционные субсидии, государственные контракты, возмещение стоимости

¹⁴ Составлено автором.

оказанных услуг, ваучеры, государственные кредиты, государственные кредитные гарантии, налоговые льготы, освобождение от уплаты налогов [Мерсиянова, Беневоленский 2017].

Отдельно необходимо выделить такие феномены, как GONGO (government-organized non-governmental organization — организованная правительством НПО), GRINGO (government run and initiated NGO — управляемая и инициированная правительством НПО), QUANGO (смешанные НПО, соединяющие черты как государственных организаций, так и НПО, которым передаются те или иные государственные функции), формирование и функционирование которых позволяет создавать имитацию публичных отношений между государством и обществом, фактически вытесняя последнее из сферы политики [Соловьев 2021].

Помимо государства, важной заинтересованной стороной в развитии сектора НКО на национальном уровне выступает бизнес, особенно с учетом внедрения компаниями принципов ESG (Environmental, Social, Governance)¹⁵, соответствие которым определяет конкурентоспособность бизнеса, инвестиционную привлекательность, а также репутацию предприятия как ответственного игрока рынка.

Иногда стейкхолдерами НКО могут выступать как частные лица, например отдельно взятые политические акторы, так и группы интересов, которые не заинтересованы в том, чтобы публично ассоциироваться с той или иной проблематикой, в зависимости от направления деятельности НКО, но одновременно с этим заинтересованы в лоббировании своих интересов посредством таких НКО. Например, среди мер воздействия можно выделить проведения экоакций и кампаний, влияние через СМИ и др.

Отдельно важно выделить международные НКО. Поднимая важные вопросы национального уровня по разным направлениям, такие организации нередко воспринимаются в качестве инструментов влияния одних государств на внутреннюю политику других. Одним из государственных ответов на это выступает принятие соответствующих законов, именуемых зачастую законами об иностранных агентах [Кожевников, Нечкин 2021]. Помимо этого, отдельно необходимо выделить роль транснациональных элит, использующих так называемый «третий сектор» в своих интересах, в том числе политического характера [Кочетков 2020].

Несмотря на наличие такой палитры стейкхолдеров, важно помнить, что деятельность НКО выступает институализированным проявлением именно гражданского общества, поэтому особое место в списке заинтересованных лиц НКО выступают сами люди, сталкивающиеся с той или иной проблемой и заинтересованные в ее решении. Нередки случаи, когда существенное влияние на функционирование НКО оказывают финансовые пожертвования самих граждан страны.

Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в России

Оценка эффективности деятельности эко-НКО варьируется от типа целевой аудитории (ЦА), с которыми эти организации ведут работу. Такой ЦА может быть политическая элита (представители государственной власти, принимающие решения на федеральном и региональном уровнях), общество (местные сообщества, стихийные активисты, волонтеры, молодежь и др.), бизнес (преимущественно крупный бизнес) и экспертное сообщество (исследовательские организации).

Зачастую эко-НКО взаимодействуют с несколькими ЦА одновременно, но встречаются случаи, когда эко-НКО фокусируются на работе с одной основной ЦА. Все принявшие участие в исследовании эко-НКО России проводят работы с различной целевой аудиторией, в основном с политической элитой и обществом.

¹⁵ Е — ответственное отношение к окружающей среде; S — социальная ответственность; G — высокое качество корпоративного управления.

При этом выбор той или иной ЦА отражается и на содержательной направленности эко-НКО России. Так, при работе с обществом эко-НКО в основном проводят просветительскую деятельность, направленную на формирование экологической культуры граждан страны, в том числе и представителей политической элиты.

При работе с политической элитой можно выделить консультационную функцию на федеральном уровне. Отмечалось, что до 2022 г. через прямое общение с представителями политической элиты эксперты эко-НКО могли не только консультировать власть, но и воздействовать на нее посредством вынесения ряда предложений. Обращалось внимание на то, что на региональном уровне возможности такого влияния остались, хотя и существенно сократились в связи с ведением закона об иноагентах.

Выделяется контролирующая функция эко-НКО, которая в большинстве случаев сопровождается использованием запретительных инструментов, направленных на изменение законодательства или проводимой политики государства по той или иной проблематике. Это, в свою очередь, создает конфликты, в том числе политического характера, между государством и эко-НКО.

В рамках работы с бизнесом применим мотивационный принцип, когда эко-НКО создают механизмы экономического характера. Это создает мотивацию для бизнеса, преимущественно крупного (который одновременно выделяется одним из драйверов зеленого развития), обращаться к решениям эко-НКО в связи с экономической выгодой, которую предприниматели могут получить при внедрении этих механизмов.

Юлия Грачева, к.б.н., директор Экологического союза, член совета директоров Всемирной ассоциации экомаркировки (GEN), руководитель центрального органа системы экологической сертификации «Листок жизни», характеризуя работу Экологического союза, отметила: «*В “Листке жизни” стратегия продвижения направлена в основном на крупный бизнес, хотя подать заявку и пройти сертификацию могут любые компании. Это происходит потому, что, как правило, крупному бизнесу необходимо разрабатывать стратегии устойчивого развития в том числе для того, чтобы удовлетворять требованиям инвесторов. Благодаря этому, у таких компаний лучше настроены все процессы с точки зрения экологического менеджмента. Кроме того, у них есть ресурсы этим заниматься. В системе “Листок жизни” довольно строгие стандарты, при этом, даже когда мы проверяем базовое соответствие законодательству, у нас всегда очень много проблем с малым бизнесом. Если у компании приоритет на выживание, выпуск продукции, сохранение доли на рынке, у них просто не хватает сил соответствовать всему, что надо, даже по законодательству, и только крупный бизнес может позволить себе отделы устойчивого развития, экологов на производстве.*

Мотивационный принцип с экономической составляющей также может быть эффективно применен в работе с обществом в рамках формирования общественного запроса на климатическую повестку. Например, граждане также могут получать экономические выгоды при внедрении энергоэффективных технологий (например, установка солнечных панелей).

О том, что в рамках формирования общественного запроса на климатическую повестку существенную роль играет именно «осознательный» фактор (наглядные примеры последствий климатических изменений) подтвердили большинство из опрашиваемых экспертов. Дмитрий Федоров, заместитель председателя Комитета по природопользованию и экологии Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, член Общественного Совета Росприроднадзора, директор АНО «Зеленая цивилизация», директор по региональному развитию «Движения ЭКА», отметил: «*То, что где-то растет температура на полтора или на два градуса, люди это меньше заметят, чем то, что у них стал более грязный воздух или у них вырубили парки, им стало сложнее*

купаться где-то или вода стала грязной и так далее. Конечно, первый запрос — это на чистый воздух. Последующие запросы уже касаются качественных продуктов питания, а их тоже невозможно вырастить в среде вот этих резких колебаний температуры».

Это в некоторой степени подтверждается и результатами соцопросов. Согласно проведенному опросу ФОМ, в апреле 2024 г. среди экологических проблем наиболее опасными и острыми, по мнению 61% респондентов, выступают «рост количества мусора и бытовых отходов, свалок»; 51% опрашиваемых отметили «загрязнение водоемов», 38% — «вырубку лесов», 35% — «загрязнение воздуха», и только 14% выделили «изменение климата, глобальное потепление». Тем не менее 69% респондентов заявили, что замечают изменения климата там, где живут, 28% — что не замечают. В числе тех, кто признает изменения климата, 57% полагают, что они происходят преимущественно из-за деятельности человека, 31% отмечают, что это результат естественных природных процессов¹⁶.

Отдельно представители эко-НКО отмечают связующую функцию экологических организаций между разными ЦА. Учитывая, что политическая элита выступает фактически одной из основных ЦА экологических НКО, важно понять, посредством каких механизмов идет коммуникация между сторонами и на сколько эта связь эффективна. В связи с чем представителям эко-НКО были заданы соответствующие вопросы (вопрос 3, 4 и 5 в Таблице 1). В Таблице 3 представлены результаты.

**Таблица 3. Каналы взаимодействия между государством и эко-НКО
в Российской Федерации¹⁷**

№	Название канала взаимодействия	Количество упоминаний (максимальное количество — 5)
1	Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека	1
2	Общественные советы при федеральных органах исполнительной власти (например, министерствах)	2
3	Мероприятия (круглые столы, конференции, форумы)	4
4	Рабочие группы при федеральных органах власти	1
5	Общественная палата Российской Федерации	1
6	Государственные гранты поддержки	2
7	Общественно-экспертные советы при региональных Министерствах природных ресурсов и экологии	1
8	Общественная палата субъекта Российской Федерации	1
9	Общественные обращения, петиции	1

Наиболее часто представители эко-НКО в качестве канала коммуникации отмечали мероприятия, например круглые столы, форумы, конференции, второе место по упоминанию разделили общественные советы при федеральных органах исполнительной власти (например, министерствах), а также государственные гранты поддержки. Большинство интервьюируемых представителей эко-НКО отметили, что каналы взаимодействия, функционирующие на базе государственных органов, работают регулярно, более того, ряд эко-НКО принимают участие в работе этих механизмов на постоянной основе. Несмотря на это, некоторые интервьюируемые отметили, что такие каналы зачастую характеризуется формальным подходом, а эффективность выделенных в таблице каналов коммуникации с точки зрения фактического учета мнения экологических НКО по той или иной проблематике оценивалась спорно.

¹⁶ Изменения климата // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15067> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁷ Составлено автором.

Например, Мария Горбачева, координатор по лесоклиматическим проектам и арт-субботникам АНО «Центр Чистой Природы 12–15» отмечает: «*Не государство приходит к НКО с запросом: помогите нам и проконсультируйте, скорее НКО продвигает эти темы и вносят правки. Очевидно, что чаще всего законопроекты формируются людьми, которые не в полях, которые не включены в процесс глубоко, и когда появляются такие законопроекты, так как чаще всего база мониторится, тогда уже у НКО и экспертов возникает ряд вопросов и, соответственно, предложений. К сожалению, большинство из этих предложений чаще всего игнорируются, но все равно есть практика, и сейчас опять же меняется кадровый состав на более молодое поколение, которое уже больше в повестке и которое открыто к сотрудничеству. Если в процентном соотношении — 30% на 70%, где 30% воспринимается, 70% игнорируется (не отрицается, а просто пропускается мимо).*

Помимо прочего, отмечалось, что в рамках данных механизмов коммуникации у российских эко-НКО есть возможность влиять на ситуацию с разработкой нормативно-правовых актов верхнего уровня, в том числе стратегического характера. При этом прямого контакта с интервьюируемыми эко-НКО в рамках обсуждения содержательной части Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. не происходило.

Среди упомянутых мероприятий можно выделить Международный форум «Экология», тематические инициативы и мероприятия, организованные Росконгрессом, «Опорой России», Аналитическим центром Правительства Российской Федерации. Однако отмечается, что за последнее время мероприятий такого рода стало меньше, что связано с уменьшением числа экспертов и смещенным фокусом общей политической повестки. При этом практическая ценность данных встреч между заинтересованными лицами может проявляться не только в коммуникативной составляющей, но также и в том, что у эко-НКО появляется возможность представить свои предложения лицам, принимающим решения, но только в случае отсутствия прямого противодействия в государственных органах тому, что эко-НКО предлагают внедрить.

Четыре из пяти интервьюируемых эко-НКО отметили, что фактором, благоприятно влияющим на налаживание процессов коммуникации между государством и эко-НКО, а также на эффективность работы того или иного механизма, являются личностные качества людей, работающих как в самих эко-НКО, так и сотрудников соответствующих структур, а именно степень их вовлеченности, а также интерес к проблематике. Что касается наличия прямого конфликта между экологической и климатической повестками в России, то необходимо отметить, что ни один из пяти экспертов его не видит. Более того, некоторые интервьюируемые и вовсе отметили отсутствие климатической повестки в стране, отличающейся каким-либо образом от экологической повестки. Одновременно с этим есть и иные точки зрения, когда отмечалось, что экологическая и климатическая повестки переплетены между собой, хоть и имеют разную целевую аудиторию.

Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в Казахстане

Функции эко-НКО Казахстана идентичны с функциями российских экологических организаций. Это просветительская работа с населением, контролирующая и консультационная работа с политической элитой.

Так, Дмитрий Калмыков, директор по развитию общественного объединения «Карагандинский областной экологический музей», отвечая на вопрос о роли экологических НКО в продвижении низкоуглеродной повестки в Казахстане, отметил следующее: «*Прежде всего доступ к информации, обеспечение ее достоверности, чтобы хотя бы понимать, сколько у нас этих выбросов. Потому что и бизнес, и государство заинтересованы повторять эти цифры, чтобы в них*

все верили, но мы как представители гражданского общества и экологи, эксперты хотим, чтобы эти цифры действительно отражали реальность. Мы пытаемся, и другие НКО тоже, предотвращать передергивания фактов, информации, выгодные промышленности ископаемых топлив, или наоборот, невыгодные для государства. Классическая роль сторожевых собак — такой вот *watchdogging* в экологической и климатической сферах, чтобы все это было прозрачно, понятно и достоверно. Вторая роль — мы пытаемся продвигать уже опробованные, успешные решения, которые в других странах реализованы. Например, Караганда, угольнозависимый регион, или Павлодарская область. Мы изучаем опыт в других странах. В Чехии, в Германии, Великобритании, в США, где успешно в угольных регионах им удается диверсифицировать, перейти на другие источники заработка. Мы этот опыт сюда переносим, проводим образовательные проекты, публикуем материалы, проводим конференции, семинары, тренинги с местными властями, пытаемся их этому научить, чтобы они поверили во все это. Проводится также работа с населением, повышаем осведомленность населения, чтобы оно правильно воспринимало и понимало, зачем это, что это и почему».

При этом ряд экспертов обратил внимание на следующие проблемы, влияющие на эффективность работы эко-НКО Казахстана. Первая из них связана с человеческим фактором и материализуется в проблеме сменяемости поколений в самих организациях, что фактически приводит к стагнации эко-НКО. Вторая проблема заключается в общем сокращении количества экологических НКО по стране, а также небольшом количестве организаций, занимающихся вопросами низкоуглеродного развития и изменения климата.

Несмотря на наличие экологических организаций в стране, процесс консультирования государства с экспертами, занимающимися проблематикой, не всегда носит институциональный характер, действует также механизм привлечения отдельных ведущих экспертов третьей стороной (например, зарубежными акторами или бизнесом, что повышает риск лоббирования их интересов).

Вадим Ни, директор ОФ «Социально-экологический фонд», характеризует этот процесс следующим образом: «Экспертиза вся для министерств по климатической, по экологической тематике, как правило, не оплачивается нашим государством. Например, государству нужны экспертные услуги, в этом случае они обращаются к международным партнерам за консультацией, и тогда внешняя сторона предлагает нашему государству, чтобы я как эксперт отработал».

В Таблице 4 приведены результаты опроса относительно механизмов, посредством которых идет коммуникация между сторонами.

Таблица 4. Каналы взаимодействия между государством и экологическими НКО в Республике Казахстан¹⁸

№	Название канала взаимодействия	Количество упоминаний (максимальное количество — 4)
1.	Общественные советы при министерствах Республики Казахстан	3
2.	Общественные советы при местных исполнительных органах (например, при акиматах; при управлениях природными ресурсами)	3
3.	Портал «Открытые НПА» (один из компонентов проекта «Открытое правительство»)	1
4.	Экологические комиссии по вопросам экологии и охраны окружающей среды при маслихатах ¹⁹	1
5.	Рабочие группы при министерствах Республики Казахстан	2

¹⁸ Составлено автором.

¹⁹ Местный представительный орган.

6.	Общественные собрания с представителями местных исполнительных органов	1
7.	Общественные обращения, петиции	1
8.	Мероприятия (круглые столы)	1
9.	ОВОЗ на уровне отдельных проектов с общественным слушанием	1

Наиболее часто представители эко-НКО в качестве канала коммуникации отмечали общественные советы при министерствах Республики Казахстан, а также при местных исполнительных органах. На втором месте — рабочие группы при министерствах. Все четыре опрошенных представителя эко-НКО отметили, что большая часть из выделенных каналов взаимодействия работают на регулярной основе, при этом формат «от случая к случаю» применим в ситуациях, когда формируется некий информационный повод для обсуждения.

Одновременно с этим Дмитрий Боргуль, менеджер-координатор экологического движения Recycle Birge и общественного фонда GreenUp, обращает внимание на наличие проблемы своевременного информирования эко-НКО о проведении той или иной встречи в рамках выделенных каналов взаимодействия, так как зачастую оповещения о таких мероприятиях могут прийти неожиданно: «*Бывает, что мероприятия проводятся запланировано, но мы не можем знать, что это произойдет, например, через месяц, точной даты никогда нет.*

Вторая проблема в рамках оценки эффективности данных инструментов коммуникации заключается в том, что практическая ценность диалога с властью оценивается спорно с учетом непринятия многих рекомендаций и предложений со стороны эко-НКО. Так же как и в России, наличие таких каналов характеризуется формальностью подхода.

При этом в рамках обсуждения содержательной части Стратегии по достижению углеродной нейтральности к 2060 г. эко-НКО были привлечены. С одной стороны, отмечается, что предложения со стороны экологических организаций не были приняты в итоговом документе. Это, по предположениям большинства эко-НКО, связано с лоббированием интересов крупной промышленности. С другой стороны, сообщалось о том, что некоторые предложения, которые вносились эко-НКО, были учтены при формировании этой Стратегии, в связи с чем и возник компромиссный вариант текста документа, отвечающий в той или иной мере интересам основных стейххолдеров.

На эффективность работы каналов коммуникации, например общественных советов на региональном уровне, влияет качество представительности. Отмечалось, что встречаются ситуации, когда в общественные советы на уровне местных исполнительных органов входят люди (эксперты, активисты и др.), которые не всегда обладают соответствующими профессиональными компетенциями. На республиканском уровне отмечается заметное влияние бизнес-ассоциаций.

Ни один из четырех интервьюируемых представителей экологических НКО не подтвердил, что в Казахстане существует конфликт между экологической и климатической повестками. С одной стороны, отмечается, что именно экологи стоят в авангарде климатической повестки, с другой стороны, отмечается, что среди некоторых стейххолдеров, например из сектора энергетики, есть люди, скептически относящиеся к антропогенному объяснению климатических изменений.

Одновременно с этим представители эко-НКО отметили, что в Казахстане нет прямого запроса от общества на климатическую повестку (за исключением самих эко-НКО), если только это не проявляется в наглядных последствиях климатических изменений. Это говорит о том, что «осозаемость» климатических изменений также актуальна и для Казахстана. Мария Тюрющева, заместитель директора ОО Центра координации и информации по экологическому образованию

«ЭкоОбраз», отметила: «В связи с другими экологическими проблемами, долгое время в целом климатические вопросы оставались менее видимыми на фоне других проблем. Потому что если загрязнение воды, воздуха мы видим, то проблему климата, особенно обычные люди, не замечают. Потому что видны последствия, а самой проблемы как таковой не видно. И вот тут есть сложность убедить обычных людей и в том числе и государственные структуры и так далее. Сначала нужно убедить в том, что это существует, а потом уже в том, что надо с этим что-то делать. От населения как такового запроса еще нет, от подавляющей части населения. Есть от общественности в виде НПО или от исследовательских организаций, академических сообществ, а от населения пока нет. Поэтому важно повышение осведомленности, чтобы люди знали, что происходит, чем оно грозит, и тогда уже начнется процесс обратный. Хотя, если сравнивать с тем, что было 10 лет назад, уже есть существенная разница». Одним из озвученных в ходе одного интервью механизмов по формированию общественного запроса на климатическую повестку, как и в российском кейсе, выступает внедрение государством мотивационного принципа, когда граждане смогут осознавать экономические выгоды от низкоуглеродного развития.

Тем не менее, как показывают некоторые социологические опросы, например проведенный ПРООН, больше половины респондентов (63%) осведомлены о проблемах изменения климата и его последствиях. Среди всех последствий изменения климата казахстанцев больше всего беспокоят проблемы, связанные с «загрязнением воздуха и выбросами вредных веществ в атмосферу» (61,5%); проблемы, связанные со «скоплением промышленных и твердых бытовых отходов» (16%), «с загрязнением водных ресурсов» (9%), а также «опустыниванием и деградацией земель» (8,5%)²⁰.

Роль некоммерческих экологических организаций в формировании низкоуглеродной повестки в Кыргызстане

Функции эко-НКО Кыргызстана, так же как и в России и Казахстане, можно разделить на три категории: просвещение граждан страны по вопросам экологии и климата, а также консультация государства по советующим темам и контроль над деятельностью государства в сфере экологии.

Однако актуальность консультационной деятельности эко-НКО в Кыргызстане заметно выше, согласно результатам интервью, что обусловлено большим опытом НКО в сфере экологии. На это значительное влияние оказала частая сменяемость власти в Кыргызстане, что, в свою очередь, приводило к частой сменяемости власти в природоохранных ведомствах. Как отмечалось интервьюируемыми, не всегда накопленный институциональный потенциал, который был у предыдущего состава, переходит к новой команде. Одновременно с этим разный уровень компетенций между сторонами иногда вносит блокирующий элемент в сотрудничество, что отражается в непринятии некоторых предложений эко-НКО политической элитой.

Тем не менее эко-НКО Кыргызстана действительно активно привлекаются к разработке законодательных и стратегических документов и являются в определенной степени соавторами таких документов. То, что «Зеленый Альянс»²¹ Кыргызстана, активно привлекается в рамках разработки Долгосрочной Стратегии низкоуглеродного развития до 2050 г., подтвердили все интервьюируемые представители эко-НКО.

²⁰ Социологическое исследование оценки базового уровня информированности по вопросам изменения климата // UNDP Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/rezulaty-sociologicheskogo-oprosa-ob-izmenenii-klimata-i-ekologicheskikh-problemakh> (дата обращения: 02.09.2024).

²¹ «Зеленый Альянс» Кыргызстана объединяет более 50 организаций-членов и граждан, представляющих различные сектора, включая гражданское общество, частный сектор (бизнес, фермеры), академические круги (университеты и исследователи), независимых экспертов и др.

Так, Жаныбек Кулумбетов, инженер ЮНИСОН ГРУПП, поделился следующим примером: «Наша организация является одним из авторов закона об энерго- и ресурсоэффективности. Этот закон помогает улучшить энергоэффективность зданий, а у нас в Кыргызстане зданий около 3 млн, из них 1,44 млн — это жилищные здания, около 10000 — общественные здания. По нашим представлениям, если мы переведем все эти здания до уровня энергоэффективности, то мы можем внести серьезный вклад по уменьшению выбросов CO₂».

Важно отметить, что такая эффективная коммуникация между государством с одной стороны и эко-НКО с другой наблюдалась не всегда. В частности, представители экосообщества обращают внимание, что именно за последние годы работа в связке эко-НКО и государства претерпела положительные изменения, что в том числе связано с человеческим фактором, а именно ролью личности. Так, Мария Колесникова, председатель ОО MoveGreen, отмечает: «Все очень сильно зависит от того человека, который пришел как *decision maker*²² на определенную политическую позицию. С прошлым министром нам было сложно найти общий язык, с ней не было как такового контакта, сложно, например, было встречу какую-то назначить, было сложно интервью согласовать и т. д. Сейчас пришел новый министр в марте прошлого года, и началось движение.»

Не менее важным фактором в рамках привлечения экологических НКО к разработке тех или иных государственных документов выступает международная поддержка экологического сообщества. Международные партнеры выступают в качестве моста между государственными органами и НКО, поскольку привлекают последних к разработке тех или иных государственных документов.

При этом важно отметить, что в сравнении с Россией и Казахстаном в Кыргызстане отсутствуют перманентные каналы коммуникации между эко-НКО и государством в виде общественных советов при государственных органах. Они были упразднены в начале 2021 г.²³, но при этом в качестве канала коммуникации был отмечен Экологический совет при мэрии г. Бишкека, членами которого является ОО Move Green. Среди каналов коммуникации между сторонами выделялись официальная переписка, организация мероприятий (например, круглых столов, конференций), в частности по инициативе самих эко-НКО, переписка через социальные сети. Однако в общем смысле взаимодействие между сторонами скорее характеризуется как «от случая к случаю».

Так же как и в России и Казахстане, представители эко-сообщества Кыргызстана не видят конфликта между экологической и климатической повестками, относя климатические вопросы к экологической проблематике, но, несмотря на это, один из интервьюируемых подтвердил, что наблюдается тенденция доминирования климатической повестки над экологической на глобальном уровне.

Согласно результатам анкетирования, проведенного общественным фондом «Зеленая энергетика» в четырех основных сообществах с отличающимися условиями жизни, местом расположения, климатическими особенностями и др., 40–72% жителей всех целевых регионов отметили, что лето стало жарче, 30–60% респондентов отметили, что летних дождей стало меньше, а засуха стала случаться чаще. Тем не менее авторы исследования обращают внимание на некоторые расхождения между оценкой опрашиваемых и фактической климатической картиной в стране. Более того, подчеркивается, что на результаты опроса влияет род деятельности респондентов: наиболее точным мнением обладают земледельцы, наименее — жители городских

²² Лицо, принимающее решения.

²³ В Кыргызстане упразднили общественные советы при госорганах. // Sputnik Кыргызстан [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240111/kyrgyzstan-obschestvennyi-sovet-likvidatsiya-1081874498.html> (дата обращения: 02.09.2024).

жилмассивов, деятельность которых не зависит от погоды, а также состояния окружающей среды²⁴. Это в определенной степени свидетельствует о том, что на формирование общественного понимания проблематики в Кыргызстане также влияет фактор «осозаемости», то есть наглядности изменения климата. Например, Мария Колесникова отметила следующее: «*Если говорить о регионах, сектор сельского хозяйства, где есть нехватка воды. Там люди просто требуют воду, такие базовые вещи и так далее, но они просто обозначают проблему, а государство уже вместе с экспертами начинают задаваться вопросами, а почему проблема воды возникла? Какие есть прогнозы? Что нам нужно делать?*»

Заключение

Таким образом, экологические НКО рассмотренных стран, безусловно, оказывают влияние на формирование низкоуглеродной повестки государств, хоть и климатическая проблематика не всегда является основной тематической направленностью деятельности таких организаций. По всей видимости, это может быть объяснено тем, что сама климатическая повестка в исследуемых странах не существует самостоятельно на данном этапе, а зачастую выступает в качестве составной части экологической повестки или вовсе отсутствует, даже несмотря на определенный уровень общественной осведомленности по климатической проблематике. На осознание гражданами климатических изменений влияет фактор «осозаемости», когда последствия изменения климата наглядны.

Одной из мер, направленных на повышение уровня вовлеченности общества в климатическую повестку, называлось внедрение таких инструментов, от использования которых граждане могут получать экономические выгоды. Сегодня вопросы изменения климата и низкоуглеродного развития находятся в основном в фокусе внимания бизнес-сектора, в первую очередь крупного, в частности в России.

Такое положение дел повышает актуальность дальнейших исследований о роли и заинтересованности различных групп общества стран — членов ЕАЭС в продвижении климатической проблематики, в том числе степени вовлеченности малого и среднего бизнеса в низкоуглеродную повестку на национальном уровне.

Среди основных функций эко-НКО стоит выделить контролирующую (общественный контроль за политикой государства), просветительскую и консультационную. Одновременно в России и Казахстане существуют перманентные каналы связи с такими организациями при государственных органах (например, общественные советы, рабочие группы и др.), где большинство эко-НКО принимают участие на регулярной основе, что не наблюдается в Кыргызстане, где такие инструменты коммуникации были упразднены. Однако, несмотря на это, именно в Кыргызстане наблюдается фактический учет рекомендаций эко-НКО государством, что отражается в первую очередь в привлечении таких организаций на регулярной основе к разработке законодательных и стратегических документов, в частности при посредничестве международных акторов.

В то время как в России и Казахстане, несмотря на общую положительную оценку самого существования таких каналов коммуникаций некоторыми интервьюируемыми, практическая ценность данного диалога оценивалась спорно ввиду непринятия многих рекомендаций и предложений. В связи с чем наличие таких механизмов взаимодействия между государством и эко-НКО во многом характеризуется как формальное.

²⁴ Отчет исследования воздействия изменения климата на разные группы населения. Выводы. Рекомендации // Зеленый Альянс [Электронный ресурс]. URL: <https://green-alliance.kg/report-green-energy-2023/> (дата обращения: 02.09.2024).

Список литературы:

Вагапова Ф.Г., Вагапов Р.Н., Устинкин С.В. Некоммерческая организация (НКО) в социально-политических процессах современной России: теоретический аспект // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 170–177. DOI: [10.31171/vlast.v28i1.7071](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7071)

Глазьев С.Ю., Безруков Л.Б., Долголаптев А.В., Ларин Н.В., Сывороткин В.Л., Федоров В.М. Климатические изменения и энергопереход // Экономические стратегии. 2023. № 6(192). С. 16–29. DOI: [10.33917/es-6.192.2023.16-29](https://doi.org/10.33917/es-6.192.2023.16-29)

Кожевников О.А., Нечкин А.В. Некоммерческие организации-иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 242–249. DOI: [10.17223/15617793/471/28](https://doi.org/10.17223/15617793/471/28)

Кочетков А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 1. С. 19–30.

Лившин А.Я. Некоммерческие организации в системе межнациональных отношений: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 119–139. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-119-139](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-119-139)

Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.

Порфирьев Б.Н. Климатический фактор экономического роста в России: императивы и эффективность адаптации // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении. Материалы конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. М.: Наука, 2019. Т. 1. С. 29–36.

Соловьев А.И. Фронтовые зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 183–204. DOI: [10.31249/poln/2021.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.08)

Сухарева М.А., Ленков И.Н., Пуюй Ч. Углеродная нейтральность: перспективы развития и влияние на мировую экономику // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 3. С. 101–121.

Panteleev A. Challenges and Risks of the “Green” Transformation of the Countries Participating in the Integration Blocks: The Case of the Eurasian Economic Union // Global Challenges of Climate Change. Vol. 2: Risk Assessment, Political and Social Dimension of the Green Energy Transition / ed. by T.C. Devezas, J.C. Leitão, Yu. Yegorov, D. Chistilin. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 199–221.

References:

Glaz'ev S.Yu., Bezrukov L.B., Dolgolaptev A.V., Larin N.V., Syvorotkin V.L., Fedorov V.M. (2023) Climate Change and Energy Transition. *Ekonomichekie strategii*. No. 6(192). P. 16–29. DOI: [10.33917/es-6.192.2023.16-29](https://doi.org/10.33917/es-6.192.2023.16-29)

Kochetkov A.P. (2020) Transnational Elites and Civil Society: Aspects of Interaction. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki*. No. 1. P. 19–30.

Kozhevnikov O.A., Nechkin A.V. (2021) Nonprofit Organizations — foreign Agents: Experience of Russia and Other CIS Countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 471. P. 242–249. DOI: [10.17223/15617793/471/28](https://doi.org/10.17223/15617793/471/28)

Livshin A. (2023) Nonprofit Organizations in the System of Interethnic Relations: History and Contemporary Developments. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. Vol. 20. No. 4. P. 119–139. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-119-139](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-119-139)

Mersianova I.V., Benevolenski V.B. (2017). NPOs as Social Services Providers: Organizational Weaknesses Verifying. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 83–104.

Panteleev A (2022) Challenges and Risks of the “Green” Transformation of the Countries Participating in the Integration Blocks: The Case of the Eurasian Economic Union. In: Devezas T.C., Leitão J.C., Yegorov Yu.,

Chistilin D. (eds.) *Global Challenges of Climate Change. Vol. 2: Risk Assessment, Political and Social Dimension of the Green Energy Transition*. Cham: Springer International Publishing. P. 199–221.

Porfir'yev B.N. (2019) Klimaticheskiy faktor ekonomicheskogo rosta v Rossii: imperativy i effektivnost' adaptatsii [The climatic factor of economic growth in Russia: Imperatives and effectiveness of adaptation]. *Ekonomiceskaya politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii. Materialy konferentsii INP RAN i IEOPP SO RAN po mezhotraslevomu i regional'nому analizu i prognozirovaniyu*. Moscow: Nauka. Vol. 1. P. 29–36.

Solov'yev A.I. (2021) Frontier Zones of Public Policy. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 183–204. DOI: [10.31249/poln/2021.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.08)

Suhareva M.A., Lenkov I.N., Puyuy Ch. (2022) Carbon Neutrality: Prospects for Development and Impact on the Global Economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 3. P. 101–121.

Vagapova F.G., Vagapov R.N., Ustinkin S.V. (2020) Non-Profit Organization in Social and Political Processes of Modern Russia: The Theoretical Aspect. *Vlast'*. Vol. 28. No. 1. P. 170–177. DOI: [10.31171/vlast.v28i1.7071](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7071)

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

УДК 327+796.03

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-117-126

Хрущев — Франко — 1:1 (на футбольных полях холодной войны)

Наумов Александр Олегович

Доктор исторических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](#), ORCID: [0000-0002-8366-5934](#), naumovao@my.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Петрунин Юрий Юрьевич

Доктор философских наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [2206-8155](#), ORCID: [0000-0003-4218-2255](#), petrunin@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Сагомонян Александр Артурович

Доктор исторических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [4100-2502](#), ORCID: [0000-0001-9346-5402](#), scobochka@mail.ru

Факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена одной из важнейших форм современной спортивной дипломатии — футбольной дипломатии — в один из наиболее сложных периодов послевоенной истории — эпоху холодной войны. Показано, что футбольная дипломатия может способствовать как процессам преодоления межгосударственных противоречий, смягчения и сглаживания конфликтных ситуаций, так и приводить к обратным результатам. Утверждается, что СССР с момента своего образования старался использовать эту набиравшую популярность игру для достижения своих внешнеполитических целей. Методика исследования включала сбор данных, метод анализа документальных источников, сравнительный подход, компаративный и ситуационный анализ. В центре исследования — жесткое противостояние в рамках чемпионатов Европы по футболу Советского Союза и Испании, у которых с конца 1930-х годов не просто отсутствовали дипломатические отношения, но имела место откровенная вражда. Отказ испанского руководства направить национальную команду на матч в Москву в 1960 году и неудача советской сборной в Мадриде четыре года спустя, одной из причин которой было «психологическое воздействие» местных властей, вызвали не только волну негативных эмоций у Ф. Франко и Н.С. Хрущева, но и глубокое разочарование у болельщиков обеих стран. В результате делается вывод, что футбольный фактор убедил лидеров двух государств в необходимости снижения градуса политической конфронтации, и, когда жребий опять свел обе команды на отборочном этапе Евро-72, футболисты и болельщики уже не ощущали былой враждебности. Тем не менее события того времени в очередной раз доказали, что лозунг «Спорт вне политики» зачастую остается лишь лозунгом.

Ключевые слова

СССР, Испания, Хрущев, Франко, холодная война, Чемпионат Европы по футболу, спортивная дипломатия, футбольная дипломатия.

Для цитирования

Наумов А.О., Петрунин Ю.Ю., Сагомонян А.А. Хрущев — Франко — 1:1 (на футбольных полях холодной войны) // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 117-126. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-117-126

Khrushchev — Franco — 1:1 (on the Football Fields of the Cold War)

Aleksandr O. Naumov

DSc (History), Professor, ORCID: [0000-0002-8366-5934](#), naumovao@my.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Yuriy Yu. Petrunin

DSc (Philosophy), Professor, ORCID: [0000-0003-4218-2255](#), petrunin@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Aleksandr A. Sagomonyan

DSc (History), Professor, ORCID: [0000-0001-9346-5402](#), scobochka@mail.ru

Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article concerns one of the most important forms of modern sports diplomacy — football diplomacy in one of the most difficult periods of post-war history — the era of the Cold War. It is shown that this diplomacy can contribute both to the processes of overcoming interstate contradictions, mitigating and smoothing conflict situations, and lead to the opposite results. It is claimed that since its formation, the USSR has tried to use this increasingly popular game to achieve its foreign policy goals. The research

methodology included data collection, the method of analyzing documentary sources, a comparative approach, comparative and situational analysis. The study focuses on the fierce confrontation within the framework of the European Football Championships between the Soviet Union and Spain, which have not only had no diplomatic relations since the late 1930s, but outright hostility took place. The refusal of the Spanish leadership to send the national team to Moscow in 1960 and the failure of the Soviet national team in Madrid four years later, one of the reasons for which was the “psychological impact” of local authorities, caused not only a wave of negative emotions among Franco and Khrushchev, but also deep disappointment among fans of both countries. As a result, it is concluded that the football factor convinced the leaders of the two states to reduce the degree of political confrontation, and when the draw brought both teams together again at the qualifying stage of Euro-72, the players and fans no longer felt the former hostility. Nevertheless, the events of that time proved once again that the slogan “Sport is out of politics” is often just a slogan.

Keywords

USSR, Spain, Khrushchev, Franco, Cold War, European Football Championship, sports diplomacy, football diplomacy.

For citation

Naumov A.O., Petrunin Yu.Yu., Sagomonyan A.A. (2025) Khrushchev — Franco — 1:1 (on the Football Fields of the Cold War). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 117–126. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-117-126

Дата поступления/Received: 21.12.2024

Введение

О, спорт, ты — мир! И правда, спорт — это целый мир: тут и человек во всей своей красоте, силе и слабости, и наука, и политика, и растущие с каждым годом денежные потоки... Сколько бы ни говорили, что спорт должен быть вне политики, но, когда речь идет о престиже государства, прекраснодушные призывы не работают. И начинают действовать законы «Большой игры». «Спортивная борьба на международной арене “больше, чем спорт” — это продолжение политической борьбы», — справедливо замечает отечественный исследователь Е.Г. Малышева [Малышева 2009, 332]. Сегодня спорт действительно является мощным инструментом политического воздействия с громадным потенциалом и уникальными возможностями. Особую роль в современном мире играет спортивная дипломатия, которую можно определить как деятельность правительственные и негосударственных структур в рамках реализации внешнеполитического курса страны путем организации, проведения и участия в международных спортивных мероприятиях.

В последние годы тема спортивной дипломатии стала чрезвычайно актуальной в отечественном научном дискурсе. Только в начале 2020-х годов было выпущено несколько учебных пособий и опубликован целый ряд концептуальных статей. Достойна упоминания, например, публикация С.Е. Мартыненко и Н.П. Пархитко, в которой авторы анализируют историю феномена спортивной дипломатии с правовой точки зрения [Мартыненко, Пархитко 2020]. Е.Г. Пономарева и Л.В. Макарова, свою очередь, делают акцент на изучении политических технологий спортивной дипломатии, позволяющих использовать ее как инструмент для продвижения национальных интересов того или иного государства [Пономарева, Макарова 2020]. Е.Д. Леонтьев уделяет внимание роли спортивной дипломатии в системе международных отношений, справедливо считая ее одним из важных элементов дипломатической деятельности, формирующей международную повестку [Леонтьев 2021]. Заслуживает внимания также статья Ю.С. Кузюры и А.Л. Рычковой, где авторы рассматривают спортивную дипломатию как элемент стратегии «мягкой силы» [Кузюра, Рычкова 2022].

Футбольная дипломатия

Особую роль в спортивной дипломатии, ввиду чрезвычайной популярности футбола как вида спорта, играет дипломатия футбольная. Ее предназначение заключается в использовании футбола как инструмента реализации внешнеполитических целей и задач государства, включая конструирование позитивного образа за рубежом. Это осуществляется в первую очередь путем организации и проведения крупных международных турниров и выступлений национальных команд на региональной и глобальной арене. Футбольная дипломатия может быть использована в процессе

преодоления межгосударственных противоречий и урегулирования конфликтов, способствовать развитию межкультурного сотрудничества и укреплению взаимодействия между странами и народами. Ярким примером в этом плане выступает, например, футбольный матч сборных Советского Союза и Федеративной Республики Германия в 1955 году, ставший определенным триггером установления дипломатических отношений между Москвой и Бонном [Наумов 2017, 37]. В истории, однако, есть и обратные примеры. Порой события на футбольных полях приводили к негативным последствиям, как это произошло в 1969 году, когда именно футбольные баталии между Гондурасом и Сальвадором стали непосредственным поводом к реальному вооруженному конфликту между двумя центральноамериканскими государствами, неслучайно получившему название «футбольной войны» (другое название — «война ста часов») [Мельников 2022, 66].

В данной статье рассматривается конкуренция в первой половине 1960-х годов двух футбольных европейских сборных приблизительно равного уровня¹, в которых большую роль сыграла политическая сторона. Речь идет о драматических коллизиях соперничества национальных сборных команд СССР и Испании в борьбе за первое место в табели о рангах при активном участии первых лиц государств — Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Н.С. Хрущева и каудильо (диктатора/вождя) Испании Ф. Франко.

Наша страна имеет в своем активе богатую историю достижений на ниве футбольной дипломатии. Как известно, в 2018 году в Российской Федерации триумфально прошел Чемпионат мира по футболу, который, как справедливо заметила Н.Н. Устюхова, значительно содействовал улучшению имиджа России в мире и стал «элементом “мягкой силы” российской внешней политики, причем инструментом весьма успешным» [Устюхова 2018, 78]. При этом мало кто знает, что подобные технологии «мягкой силы» и публичной дипломатии (которые, конечно, в то время так не назывались) применялись еще Союзом Советских Социалистических Республик.

С момента своего возникновения СССР пытался использовать футбол как инструмент для достижения внешнеполитических целей и задач. Так, уже во второй половине 1923 года сборная команда РСФСР провела несколько матчей со шведскими, норвежскими и эстонскими коллегами, что в некотором роде стало свидетельством прорыва дипломатической блокады, которую пытались установить в отношении молодого советского государства западные державы. 16 ноября 1924 года сборная СССР по футболу сыграла со сборной Турции (которая, между прочим, незадолго до того принимала участие в летней Олимпиаде 1924 года). Эта игра имела явный геополитический подтекст, так как укладывалась в общую линию официальной Москвы на выстраивание доверительных отношений с Турецкой Республикой во главе с Кемалем Ататюрком.

Но в целом в межвоенный период соперников у советских футbolистов на международной арене было немного. В значительной степени это объясняется господствующей в это время в СССР моделью спорта: в отличие от западной буржуазно-националистической модели, в Советском Союзе до конца 1930-х годов развивалась альтернативная ей пролетарская (массовая, инклузивная) модель [Адельфинский 2024, 114]. Можно отметить лишь матчи с чехословацкой командой «Жиденице», французским клубом «Рэсинг» и сборной Басконии (командой «Баски»). Характерно, что первые два спортивных коллектива представляли страны, заключившие с Советским Союзом в 1935 году Пакт о взаимопомощи, а третий — республиканскую Испанию, которой СССР в то время оказывал активную помощь в борьбе против франкистов и итalo-германских интервентов. В этой связи серия из девяти матчей, которую провели «Баски» на территории нашей страны с местными командами летом 1937 года, имела важное политico-психологическое значение.

¹ По классификации (рейтингу) авторитетного французского журнала «Франс Футбол» в 1960–1964 гг. сборная СССР в среднем (округленно) занимала 3-ю позицию, а Испания — 5-ю.

Золотыми буквами в историю отечественной (и не только) футбольной дипломатии, безусловно, вписан легендарный вояж московского «Динамо» в Великобританию, состоявшийся осенью 1945 года. Целью визита к родоначальникам футбола и союзникам по Антигитлеровской коалиции было установление тесных спортивных контактов с западными государствами, а также позиционирование СССР как державы, способной даже после ужасающих потрясений, вызванных Великой Отечественной войной, демонстрировать впечатляющие достижения в области спорта. Подготовка к турне велась под контролем высшего руководства страны и расценивалась как возможность продемонстрировать перед самой широкой аудиторией (она составила почти 300 тысяч зрителей) преимущества социалистического пути развития. И, надо сказать, динамовцы не подвели: в ходе четырех матчей с ведущими профессиональными командами Англии, Шотландии и Уэльса советские футболисты ни разу не проиграли, дважды победив и два раза сведя матч вничью, причем общая разница мячей составила 19:9 в пользу московского клуба. Именно после этого триумфа спортсменов из СССР стали приглашать к участию в международных соревнованиях. В 1946 году Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта дал согласие на вступление Секции футбола в ФИФА, что положило начало дальнейшему признанию отечественного спорта в мире и интеграции Советского Союза в международное, в том числе олимпийское, движение. Стоит отметить, что образы советской пропаганды (как части «мягкой силы») иногда прочно проникали в зарубежный футбольный лексикон. В частности, в английской прессе уже несколько десятилетий используется (без перевода!) слово «стахановец». Стахановцем называли великого английского футболиста Стэнли Мэттьюза², который первым из футболистов был удостоен рыцарского титула, а в не менее знаменитом Дэвиде Бекхэме британская газета «Гардиан» увидела после тяжелого матча, измучившего игрока, «стахановское свечение Бекхэма». Объяснение было таким: «в мочках ушей Бекхэма сверкали драгоценные камни, а на лбу выступили бусины пота»³.

СССР и Испания на футбольных полях холодной войны

Первый Чемпионат (Кубок) Европы по футболу не сразу обрел тот статус, какой имеет сейчас. Ряд сильных европейских команд отказались от участия в турнире 1960 года, сославшись на загруженность футболистов на внутренних соревнованиях; среди них оказались такие гранды мирового футбола, как Италия, Англия, ФРГ и др. В чемпионате согласились участвовать лишь 17 европейских сборных. Получилось так, что явным фаворитом стала команда СССР, завоевавшая за четыре года до этого золотые медали на Олимпийских играх в Мельбурне (необходимо отметить, что в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х годов прошла серьезная реформа системы управления футболом, имевшая определенные позитивные результаты [Петрунин 2020]). Другим претендентом на золото была команда Испании, отличавшаяся звездным составом (в нее входил, например, Альфредо Ди Стефано, дважды награжденный «Золотым мячом» как лучший футболист Европы). Обе сборные без проблем прошли 1/8 финала, и жеребьевка в декабре 1959 года определила их друг другу в соперники в четвертьфинале. Были установлены и даты матчей в следующем 1960 году — 29 мая в Москве и 9 июня в Мадриде.

Однако была проблема: между СССР и Испанией не было не только дипломатических отношений, но и вообще никаких контактов, более того, сохранялась кровенная вражда. Советские лидеры всегда воспринимали режим генерала Франко в Испании, существовавший до 1975 года, как абсолютно неприемлемый. Причины этого известны: итоги испанской гражданской войны 1936–1939 годов и последовавшие репрессии против проигравших республиканцев, которых

² Magician, Stakhanovite, Stanley Matthews: A Brief History of English Football's Anxiety — Part 3 // Football Paradise [Электронный ресурс]. URL: <https://www.footballparadise.com/merlin-miner-stakhanovite-stanley-matthews-a-brief-history-of-english-footsballs-anxiety-part-3/> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Beckham a shining captain of industry. How England's players rated // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/football/2001/oct/08/sportengland1> (дата обращения: 06.12.2024).

поддерживал Советский Союз; воевавшая на нашей земле на стороне Гитлера испанская «голубая дивизия»; резкие антикоммунистические эскапады самого каудильо и многое другое. Сразу после окончания Второй мировой войны И.В. Сталин даже пытался устраниТЬ (в рамках санкций ООН) «последний реликт фашизма», однако начавшаяся конфронтация между недавними союзниками по Антигитлеровской коалиции спасла испанского диктатора [Сагомонян 2002]. Сменивший Сталина Хрущев относился к «гитлеровскому последышу» ничуть не лучше. Например, знаменитая сцена с ботинком на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1960 года произошла как раз в связи с выступлением представителя франкистской Испании. И вот интересы двух стран пересеклись в такой, казалось бы, далекой от политики сфере, как футбол.

Во всей Европе, да и не только, многие задавались вопросом: что же будет? Как пройдет символическое «сражение» Москвы и Мадрида? Два влиятельных испанских политика, министр-секретарь Л. Карреро Бланко и министр внутренних дел К. Алонсо Вега специально встретились с Франко и высказали ему свое общее мнение: Испанию может устроить только победа. Поражение или даже ничья будут представлены Кремлем всему миру как «очередное поражение фашистского режима Франко» [Престон 1999, 519]. Срочно запросили мнение главного тренера «красной фурии» (так называли испанскую сборную) Э. Эррера. Он ответил, что должен посмотреть русских «в деле». 19 мая Эррера прибыл в Москву — формально для того, чтобы оценить, где придется жить и тренироваться его подопечным, а на самом деле — чтобы увидеть назначенный на этот день товарищеский матч между сборными СССР и Польши. Эта игра потрясла испанца: сборная СССР победила 7:1; на поле он увидел настоящих звезд — Льва Яшина, Виктора Понедельника, Валентина Иванова и других.

Тем не менее испанский тренер готов был померяться силами с таким сильным соперником. Вернувшись домой, он подал список из 20 футболистов для поездки в Москву. Однако в Европе уже поползли слухи, что испанским игрокам запретят лететь в СССР. Это крайне беспокоило и советскую сторону, ведь всё было готово к проведению матча в Лужниках, а билеты на него распроданы. 25 мая ожидалось прибытие «красной фурии» в Москву, в мадридском аэропорту для испанской делегации уже были готовы два самолета. Но в это самое время в Барселоне шло внеочередное заседание правительства, на котором верх одержали противники «контактов с коммунистами». Прямо оттуда в УЕФА ушла телеграмма-молния: «Команда Испании отказывается от проведения матча в Москве». И решение это можно понять, только если представить, насколько испанские власти опасались ответного визита сборной СССР в Мадрид. На рабочем столе Франко лежали донесения полиции, где говорилось о возможных массовых выступлениях в поддержку советской команды. Радиостанции многих стран, прежде всего социалистических, предсказывали, что простые испанцы примут советских спортсменов с огромным подъемом, выразив тем самым негативное отношение к Франко и его режиму. Кроме того, по регламенту УЕФА, перед матчем должен был быть исполнен гимн СССР и поднят советский флаг, что было неприемлемо для франкистов.

Советская пресса взорвалась негодованием. Газеты выходили с такими заголовками: «Испанское фашистское правительство боится советской команды», «Политиканство в футболе», «Холуйская солидарность», «Тайны мадридского двора». А Федерация футбола СССР выступила с официальным заявлением, в котором говорилось, что она «глубоко возмущена грубым вмешательством франкистских властей, сорвавших встречу советских и испанских футболистов. Фашист Франко и его приспешники давно известны своей враждебностью к дружеским контактам... Акт произвела и насилия, совершенный в отношении испанских футболистов, желавших провести игры с командой СССР, свидетельствует о том, что фашистский диктатор Испании попирает принципы олимпийского движения. Повинуясь воле своих хозяев — империалистов США, он пытается внести в спорт элементы “холодной войны”»⁴.

⁴ Футбол. Еженедельник. 1960. № 1. С. 15.

Еженедельник «Футбол» в своем первом номере (1960 год) опубликовал открытое письмо советских футболистов испанским коллегам, которое во многом перекликалось с заявлением Федерации, а местами и повторяло его. «Мы с большой радостью ожидали вашего приезда и готовили вам достойную встречу. Не ваша вина в том, что она не состоялась. Мы знаем, как вы искренне хотели совершить поездку в Москву и принять нас у себя на родине. Мы не сомневаемся, что вместе с нами вы сожалеете о несостоявшихся встречах, суливших всем любителям футбола интересные спортивные соревнования... Акт произвола франкистского правительства свидетельствует о том, что оно, повинуясь воле своих американских хозяев, пытается внести элементы “холодной войны” в спорт...», — говорилось в нем⁵.

Даже Н.С. Хрущев, выступая 28 мая на Всесоюзном совещании передовиков производства, не смог обойти эту тему: «И в большом и в малом Франко пресмыкается перед своими хозяевами. Весь мир смеется сейчас над его последним спортивным трюком. Это он с позиции правого защитника американского престижа забил гол в свои ворота, запретив испанским футболистам встречу с советской командой»⁶. Хрущев явно имел в виду состоявшийся в конце декабря 1959 года визит президента США Д. Эйзенхауэра в Мадрид и сердечные объятия лидеров двух стран.

В результате Оргкомитет Кубка Европы исключил испанскую команду из розыгрыша. Сборная СССР была признана победительницей в четвертьфинале, а вскоре стала золотым призером первого чемпионата континента, обыграв в Париже югославов 2:1. Победа сборной Советского Союза на Чемпионате Европы по футболу 1960 года, безусловно, стала одним из главных достижений отечественного футбола. А вот в Испании вся эта история вызвала огромное разочарование, ведь испанский футбол находился тогда на подъеме, а официального разъяснения так и не последовало [Престон 1999, 519].

Таким образом, в этом раунде футбольного противостояния с Хрущевым Франко проиграл. Но стал планировать реванш, и для этого у него хватало изощренности и умения строить многоходовые комбинации. Это он продемонстрировал еще в годы Второй мировой войны: успешно лавируя между Великобританией и нацистской Германией, каудильо не позволил Гитлеру втянуть себя в войну (его «голубая дивизия» имела статус «добровольческой»). А то, что Франко сумел удержаться у власти после 1945 года, многие называли не иначе, как «испанским чудом». В данном случае испанский диктатор добился проведения финальной части (полуфиналов и финала) второго Чемпионата Европы 1964 в Мадриде и Барселоне, что было очень престижно. На этот раз в турнире участвовало уже 29 команд. Сборная СССР без труда прошла в полуфинал. Советское руководство, несмотря на некоторые колебания, приняло решение разрешить главной футбольной команде страны отправиться в Испанию. Главным аргументом был, конечно, очень сильный состав нашей сборной; тренеру К.И. Бескову было прямо указано: «Нужна только победа!»

Надо сказать, что к этому времени Испания начала преображаться: экономические реформы дали толчок развитию, появился турпоток из Европы... И Франко «осмелел»: накануне чемпионата, желая продемонстрировать миру «демократизацию» своего режима, он даже разрешил вернуться на родину некоторым категориям беженцев — тем, кто покинул Испанию после гражданской войны. Прибыло много репатриантов и из Советского Союза. Прилетевшие в Барселону советские футболисты были приятно удивлены теплым приемом испанцев, их радушием и гостеприимством, обилием русской речи. В полуфинальном матче сборная СССР обыграла Данию 3:0. Футболист Виктор Понедельник вспоминал: «Мы вышли на поле и неожиданно поняли, что нас поддерживают все зрители... Кто бы мог подумать, что такое возможно при фашистском режиме Франко... Когда мы

⁵ Там же.

⁶ Футбол. Еженедельник. 1960. № 2. С. 11.

уходили со стадиона, образовалась толпа болельщиков... Каждый просил автограф... Потом испанцы нам сказали следующее: "Ребята, сегодня вы выиграли у Дании, но следующим вашим соперником будет Испания. Вы уж извините, но мы будем болеть за своих"»⁷.

В финальном матче 21 июня 1964 года на мадридском стадионе «Сантьяго Бернабео» действительно встретились команды Испании и СССР. Футболисты долго разминались на поле, а судья все не давал отмашку к началу игры. Ждали прибытия каудильо, а он опаздывал. По-видимому, Франко действовал по сценарию октября 1940 года, когда на франко-испанской границе была назначена его встреча с Гитлером. На ней фюрер хотел принудить своего визави вступить в войну. Франко, понимая, что на него будет оказываться мощное давление, специально опоздал более чем на час. Сопровождавшим его генералам объяснил: «Я должен прибегнуть ко всяkim ухищрениям... Если я заставлю Гитлера ждать, он будет психологически подготовлен с самого начала» [Payne 1997, 30, 32; Пожарская 2007, 98]. Похоже, что и в этом случае генералиссимус хотел оказать психологическое давление на советских спортсменов. Наконец, каудильо прибыл на стадион с группой генералов и министров. Среди них был, кстати, и генерал Муньос Грандес, бывший командир «голубой дивизии». Над стадионом разнеслось хорошо отрапортованное скандирование «Франко! Франко!». Однако диктатор вместе со всеми вынужден был стоя слушать гимн Советского Союза.

Этот драматический матч испанцы выиграли со счетом 2:1 и стали чемпионами. Решающий гол они забили за 5 минут до конца. Франко устроил официальный прием, куда были приглашены все причастные к победе. Каудильо пожал каждому руку, произнес пафосную речь, начав ее с того, что гордится своей командой. В ответном слове тренер сборной Х. Вильялонга заявил: «Мы прежде всего посвящаем эту победу каудильо, который в этот вечер почтил нас своим присутствием и вдохновил игроков». А официальные испанские СМИ разразились целой серией статей и репортажей, представляя этот футбольный матч как «логическую кульминацию победы Франко в гражданской войне» [Престон 1999, 540].

Какова же была реакция Кремля? Сейчас серебряные медали чемпионата Европы по футболу посчитали бы триумфальным достижением, а тогда такой результат назвали провальным (правда, советские СМИ объясняли победу испанцев фактором «своих стен» и наличием «чересчур возбужденной толпы... шумно поддерживавшей своих фаворитов»)⁸. Считается, что Хрущева вывела из себя присланная из Испании газета, на которой был запечатлен широко улыбающийся Франко на фоне ликующего стадиона. Был немедленно отстранен от руководства сборной старший тренер. Официальное постановление звучало так: «В связи с невыполнением поставленной перед сборной командой задачи и крупными ошибками, допущенными в организации подготовки сборной, освободить от работы... Бескова К.И.». Вместе с ним был уволен и начальник команды А.П. Старостин⁹. Правда, и сам Хрущев пробыл после этого на своем посту всего лишь два с небольшим месяца.

Надо сказать, что сменивший Хрущева Л.И. Брежnev попытался смягчить остроту враждебности между двумя странами. В советских СМИ Испания упоминалась не часто, а имя каудильо практически исчезло со страниц газет и из телерепортажей. Франко для советских людей ассоциировался с гражданской войной 1936–1939 годов, и из молодого поколения лишь немногие знали, что он продолжает управлять пиренейской страной. В 1971 году жребий опять свел сборные обеих стран в отборочной группе Евро-72. Первый матч должен был состояться в Москве 30 мая. В этот раз никаких проблем с прибытием испанской команды не возникло. Этот матч в Лужниках был очень напряженным и зрелищным, и сборная СССР победила со счетом 2:1. Решающим стал матч

⁷ Понедельник В.В. Штрафная площадка. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 112–113.

⁸ Футбол. Еженедельник. 1964. № 26. С. 4–5.

⁹ Бесков К.И. Моя жизнь в футболе. М.: Турбо-Принт, 1994. С. 18.

в Севилье 27 октября, в котором нас устраивала и ничья, а испанцам была нужна только победа. Престарелый Франко на этот раз на стадионе не появился, и игра началась в назначенное время. Весь матч хозяева поля неистово атаковали, но забить так и не смогли. Игра завершилась нулевой ничьей. Блестяще сыграл наш вратарь Евгений Рудаков. В результате команда Советского Союза вышла в четвертьфинал и позднее стала серебряным призером Чемпионата Европы 1972 года.

Заключение

Конечно, тогда еще не было в ходу понятие «мягкая сила», но, как видим, борьба на спортивных полях в годы холодной войны разворачивалась нешуточная. Напомним, что «мягкая сила» позволяет добиваться целей на международной арене с помощью убеждения и притягательности, а не путем подачек или принуждения. Обычно данная стратегия ассоциируется с популяризацией собственной культуры и ценностей, продвижением в мире родного языка, достижений в области, науки, образования, спорта. В этом случае «мягкую силу» следует рассматривать как позитивную технологию. Однако существует и другой путь, когда ресурсы и технологии «мягкой силы» используются для нанесения ущерба противникам на международной арене. Это делается с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы, через навязывание определенных стереотипов в массовом сознании общества, а целью является реализация исключительно собственных своекорыстных внешнеполитических установок, не несущих стране — объекту такого воздействия ничего продуктивного.

Подобная амбивалентность характерна и для спорта высших достижений. В нем, безусловно, заложен значительный миротворческий потенциал, поскольку он пропагандирует взаимное уважение соперников и терпимость вне зависимости от национальной принадлежности и политической конъюнктуры вокруг межгосударственных отношений. Он создает условия для контактов между различными участниками спортивного движения, что позволяет уменьшать враждебность друг к другу, разрушать межкультурные стереотипы и создавать условия для создания благоприятного климата и партнерских отношений между странами и народами. Но при этом спорт неоднократно использовался и как инструмент geopolитического противостояния. Ярким примером последнего является рассмотренный в данной статье кейс советско-испанского противоборства на футбольных полях холодной войны.

В заключение приходится констатировать, что лозунг «Спорт вне политики» на протяжении XX века в основном оставался просто лозунгом. Еще в середине прошлого столетия знаменитый британский писатель Дж. Оруэлл иронизировал на эту тему, утверждая, что «серьезный спорт — это война минус убийство». А спустя несколько десятилетий 40-й президент США Р. Рейган (1981–1989) заявлял: «Спорт — это выражение ненависти друг к другу... Это последняя возможность, которую наша цивилизация предоставляет двум людям для физической агрессии. Спорт — наиболее близкая к войне область человеческой деятельности» [Столяров 1997]. Следует признать, что спортивная (в частности, футбольная) дипломатия как неотъемлемая часть стратегии «мягкой силы» в годы холодной войны использовалась не только для налаживания добрососедских отношений и укрепления взаимопонимания между государствами, но и выступала как мощное средство политических манипуляций, давления на geopolитического соперника и решения собственных внутри- и внешнеполитических целей и задач. И если сегодня ситуация изменилась, то лишь в худшую сторону.

Список литературы:

Адельфинский А.С. Утраченная многополярность: генезис олимпийского миропорядка // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3. С. 104–115. DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-3-104-115](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-104-115)

Кузюра Ю.С., Рычкова А.Л. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» внешней политики государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12(93). С. 4792–4798. DOI: [10.35775/PSI.2022.93.12.040](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.93.12.040)

Леонтьев Е.Д. Спортивная дипломатия в системе современных международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2. С. 91–100. DOI: [10.52070/2500-347X_2021_2_843_91](https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_2_843_91)

Малышева Е.Г. Универсальная идеологема «спорт» в политическом дискурсе СССР и современной России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 1(46–47). С. 330–337.

Мартыненко С.Е., Пархитко Н.П. История развития спортивной дипломатии: правовой аспект // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 13–16.

Мельников Н.Д. Футбольная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Новые подходы к исследованию влияния «мягкой силы» в международных отношениях: сборник научных статей по итогам межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва: РУДН, 2022. С. 62–76.

Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. 2017. № 4. С. 32–43. DOI: [10.25136/2409-8671.2017.4.24852](https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.24852)

Петрунин Ю.Ю. Оценка реформы управления советским футболом 1959 года // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2020. № 4. С. 3–30.

Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Пономарева Е.Г., Макарова Л.В. Политические технологии спортивной дипломатии // Обозреватель. 2020. № 8. С. 30–44.

Престон П. Франко: биография. М.: Центрполиграф, 1999.

Сагомонян А.А. Испанский вопрос в ООН в 1946 году // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 32–50.

Столяров В.И. Спорт и современная культура: методологический аспект // Теория и практика физической культуры. Научно-теоретический журнал. 1997. № 7. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/tpfk/1997N7/p2-5.htm>

Устюхова Н.Н. Чемпионат мира по футболу — 2018 как эффективный инструмент «мягкой силы» // Власть. 2018. № 9. С. 77–79. DOI: [10.31171/vlast.v26i9.6155](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6155)

Payne S.G. El primer franquismo: los años de autarquía. Madrid: Temas de hoy, 1997.

References:

Adelfinsky A.S. (2024) Lost Multipolarity: The Genesis of the Olympic World Order. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 22. No. 3. P. 104–115. DOI: [10.31278/1810-6439-2024-22-3-104-115](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-104-115)

Kuziura Yu.S., Rychkova A.L. (2022) Sports Diplomacy as an Instrument of “Soft Power” in the Foreign Policy of States. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. Vol. 12. No. 12(93). P. 4792–4798. DOI: [10.35775/PSI.2022.93.12.040](https://doi.org/10.35775/PSI.2022.93.12.040)

Leontyev E.D. (2021) Sports Diplomacy in the System of Modern International Relations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* No. 2. P. 91–100. DOI: [10.52070/2500-347X_2021_2_843_91](https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_2_843_91)

Malysheva E.G. (2009) Universal'naya ideologema “sport” v politicheskem diskurse SSSR i sovremennoy Rossii [The universal ideology of “sport” in the political discourse of the USSR and modern Russia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. 11. No. 1(46–47). P. 330–337.

Martynenko S.E., Parkhitko N.P. (2020) The History of the Development of Sports Diplomacy: A Legal Aspect. *Yuridicheskaya nauka*. No. 3. P. 13–16.

Melnikov N.D. (2022) Futbol'naya diplomatiya kak instrument "myagkoy sily" [Football diplomacy as a tool of soft power]. *Novye podhody k issledovaniyu vliyaniya «myagkoj sily» v mezhdunarodnyh otnosheniyah: sbornik nauchnyh statej po itogam mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyyh uchenyh*. Moscow: RUDN. P. 62–76.

Naumov A.O. (2017) Sports Diplomacy as a "Soft Power" Tool. *Mirovaya politika*. No. 4. P. 32–43.
DOI: [10.25136/2409-8671.2017.4.24852](https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.24852)

Payne S.G. (1997) *El primer franquismo: los anos de autarquía*. Madrid: Temas de hoy.

Petrunin Yu.Yu. (2020) Evaluation of the Soviet Football Management Reform of 1959. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 4. P. 3–30.

Ponomareva E.G., Makarova L.V. (2020) Political Technologies of Sports Diplomacy. *Obozrevatel'*. No. 8. P. 30–44.

Pozharskaya S.P. (2007) *Fransisko Franko i ego vremya* [Francisco Franco and his time]. Moscow: Olma Media Grupp.

Preston P. (1999) *Franco: A Biography*. Moscow: Centrpolygraf.

Sagomonyan A.A. (2002) Ispanskiy vopros v OON v 1946 godu [The Spanish question at the United Nations in 1946]. *Voprosy istorii*. No. 3. P. 32–50.

Stolyarov V.I. (1997) Sport and Modern Culture: Methodological Aspect. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. No. 7. Available at: <http://lib.sportedu.ru/press/tpfk/1997N7/p2-5.htm>

Ustyukhova N.N. (2018) World Cup 2018 As an Effective Tool of Soft Power. *Vlast'*. No. 9. P. 77–79.
DOI: [10.31171/vlast.v26i9.6155](https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6155)

Организация деятельности РГАК/РАИМК в первые послереволюционные годы (1917–1919): вклад академика П.П. Покрышкина

Нikitina Анастасия Анатольевна

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [1047-6205](#), ORCID: [0009-0008-9917-3070](#), anastasiya.anik@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Первые послереволюционные годы (1917–1919) были периодом глубоких перемен во всех сферах жизни, включая сферу культуры. Цель данной статьи — обозначить вклад академика архитектуры реставратора П.П. Покрышкина в организацию деятельности первого советского государственного учреждения, ответственного за охрану памятников культурного наследия, — РГАК, а также преобразование его в крупный научный центр — РАИМК. В качестве основных методов исследования были использованы метод исторического анализа, историко-сравнительный, хронологический и ретроспективный методы. С опорой на эти методы была проведена комплексная историческая реконструкция деятельности П.П. Покрышкина в Археологической комиссии с акцентом на его вклад в создание крупного реставрационного и научно-исследовательского центра на базе учреждения. Краткое знакомство с рядом archivalных документов открыло, что преобразование Археологической комиссии в РАИМК и создание при ней ИАТ в августе 1919 г. было инициировано и подготовлено в значительной степени П.П. Покрышкиным. Попутно ученый занимался вопросами определения места РГАК и РАИМК в системе советских учреждений охраны культурного наследия. В результате расширения деятельности РГАК, а также трудов, связанных с разработкой Устава будущей Академии, П.П. Покрышкин зарекомендовал себя как представитель строгого научного подхода к организации деятельности по охране памятников. Изучение вклада П.П. Покрышкина проведено в культурно-историческом контексте времени, однако представленная информация не может полностью раскрыть той огромной работы ученого, способствовавшей организации деятельности первых советских учреждений охраны памятников на научных началах, потому требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова

История России, история науки, культурное наследие, органы охраны памятников, академик П.П. Покрышкин, реформирование советской системы охраны культурного наследия, Российская Государственная Археологическая комиссия, Российская Академия истории материальной культуры.

Для цитирования

Нikitina A.A. Организация деятельности РГАК/РАИМК в первые послереволюционные годы (1917–1919): вклад академика П.П. Покрышкина //Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 127–137.
DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-127-137

Russian State Archives of Historical and Cultural Monuments (RSAC/RAHMC) in the First Post-Revolutionary Years (1917–1919): The Contribution of Academician P.P. Pokryshkin

Anastasia A. Nikitina

PhD applicant, ORCID: [0009-0008-9917-3070](#), anastasiya.anik@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The first post-revolutionary years (1917–1919) were a period of profound changes in all spheres of life, including the cultural sphere. This article aims to outline the contribution of the restorer, academician of architecture P.P. Pokryshkin, to the organization of the first Soviet state institution responsible for the protection of cultural heritage monuments — the Russian State Archaeological Commission (RSAC), as well as its transformation into a major scientific center — the Russian Academy of the History of Material Culture (RAHMC). The main research methods used were the method of historical analysis, historical-comparative, chronological and retrospective methods. Based on these methods, a comprehensive historical reconstruction of P.P. Pokryshkin's activities in the Archaeological Commission was carried out, with an emphasis on his contribution to the creation of a large restoration and research center based at the institution. A brief acquaintance with a number of archival documents revealed that the transformation of the Archaeological Commission into RAHMC and the creation of the Institute of Archaeological Technology within it in August 1919 was initiated and prepared to a significant extent by P.P. Pokryshkin. At the same time, the scientist worked on issues of determining the place of the RSAC and the RAHMC in the system of Soviet institutions for the protection of cultural heritage. As a result of the expansion of the activities of the RSAC, as well as the work associated with the development of the Statute of the future Academy, P.P. Pokryshkin established himself as a representative of a strictly scientific approach to the organization of activities for the protection of monuments. The study of P.P. Pokryshkin's contribution was conducted in the cultural and historical context of the time, however, the information presented cannot fully reveal the enormous work of the scientist, which served to organize the activities of the first Soviet institutions for the protection of monuments on a scientific basis, and therefore requires further research.

Keywords

History of Russia, history of science, cultural heritage, monument protection authorities, academician P.P. Pokryshkin, reform of the Soviet system of cultural heritage protection, Russian State Archaeological Commission, Russian Academy of the History of Material Culture.

For citation

Nikitina A.A. (2025) Russian State Archives of Historical and Cultural Monuments (RSAC/RAHMC) in the First Post-Revolutionary Years (1917–1919): The Contribution of Academician P.P. Pokryshkin. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 127–137. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-127-137

Дата поступления/Received: 08.10.2024

Введение

Академик архитектуры реставратор Петр Петрович Покрышкин (1870–1922) оставил неизгладимый след в истории государственных органов охраны памятников. Его творческий и профессиональный путь начался в дореволюционное время.

П.П. Покрышкин родился 22 июля 1870 г. в г. Иркутске. Его увлечение архитектурой началось еще в юности. В возрасте 11 лет он поступил в Иркутское Техническое училище, а в 1888 г. переехал в г. Санкт-Петербург, чтобы продолжить обучение на архитектурном отделении Императорской Академии художеств [Платонова 2015, 252]. Сразу же после окончания обучения, в 1895 г. началось сотрудничество молодого архитектора с Императорской археологической комиссией (ИАК), а в 1902 г. П.П. Покрышкин был официально принят в штат¹. Здесь он начал свою профессиональную карьеру в области реставрации памятников архитектуры и произведений живописи, возглавив вновь созданный реставрационный отдел, который ознаменовал собой начало отделения в России от археологии такой отрасли знаний, как охрана и реставрация культурного наследия.

П.П. Покрышкин, наряду с такими известными зарубежными теоретиками реставрации, как сторонник естественного процесса гибели памятников Джон Рёскин [Ruskin 1889, 28], автор концепции «стилистической реставрации» Эжен Виолле-ле-Дюк [Viollet-le-Duc 1863; Viollet-le-Duc 1875], а также идеологи «археологической реставрации» Камилло Бойто [Boito 1886, 504–506] и Густаво Джованни [Giovannoni 1913, 509–511; Foramitti, Bulfone Gransinigh 2019], провозглашает новую идею «художественно-археологической реставрации», в основу которой положено выявление исторической и эстетической ценности памятника с одновременным его укреплением [Никитина 2023, 314]. Исследуя основные работы П.П. Покрышкина, мы, по сути, обращаемся к новому направлению реставрационной мысли, во многом опередившему тенденции, получившие развитие в XX веке, а также актуальному и в XXI веке.

Кроме этого, П.П. Покрышкин быстро заслужил репутацию не только талантливого теоретика реставрации, но и выдающегося организатора. В ИАК, которая в сфере охраны и реставрации историко-культурного наследия получила широкие полномочия, П.П. Покрышкин плодотворно трудился, налаживая организацию ее деятельности, без малого 15 лет [Никитина 2021, 274–297]. Он по праву заслужил звание ведущего администратора и специалиста в сфере охраны культурного наследия России начала XX в., а также первых послереволюционных лет.

Деятельность новых советских учреждений охраны культурного наследия, возникших после 1917 года, стала предметом исследования для ряда историков. Труд Б.В. Фармаковского представляет собой самую раннюю попытку осветить их деятельность [Фармаковский 1921, 9]. В.М. Рославский рассматривает динамику развития системы охраны памятников культурного наследия в России на примере взаимоотношений двух реставрационных центров: в Москве и Петрограде, что дает более полную картину ее эволюции. Однако в работе упор делается на исследовании структуры и функционирования зарождающейся системы охраны памятников, а не на вкладе отдельных действующих лиц реставрационной отрасли [Рославский 2015, 39]. Исследование В.А. Горончаровского представляет собой ценный вклад в изучение истории

¹ ИАК, точнее, ее реставрационный отдел и реставрационные совещания был единственным в России государственным контролирующим учреждением в области сохранения памятников истории и культуры.

Российской Академии истории материальной культуры. Оно включает краткий обзор жизни и основных достижений в области реставрации и археологии ключевых фигур, участвовавших в ее работе [Горончаровский 2022]. Недавний труд О.В. Яхонта предлагает новый взгляд на становление системы охраны культурного наследия. Автор сосредотачивается на периоде 1917–1920-х гг., что позволяет проследить становление системы охраны и реставрации памятников в условиях революционных и послереволюционных изменений [Яхонт 2023]. Исследование Н.И. Платоновой представляет собой самое актуальное исследование этой темы [Платонова 2014]. Автор не только описывает самые первые шаги новой советской власти в деле охраны культурного наследия, но также рассматривает роль П.П. Покрышкина в развитии законодательной базы, новых методов и подходов в реставрации. Тем не менее в упоминаемых работах не был произведен подробный анализ вклада историка древнерусского зодчества и живописи академика архитектуры П.П. Покрышкина в становление и функционирование всей системы охраны и реставрации памятников в этот период, а также роли ученого в восприятии новыми зарождающимися реставрационными учреждениями последних достижений археологической науки.

В задачи данной статьи входит комплексная историческая реконструкция деятельности П.П. Покрышкина по охране отечественных объектов культурного наследия в рамках его службы в Российской Государственной Археологической комиссии (РГАК) в 1917–1919 гг. с акцентом на его роль в создании научно-исследовательского центра и организации деятельности крупной реставрационной мастерской при ней. Кроме этого, важной задачей является определение вклада П.П. Покрышкина в преобразование Комиссии в Академию. Методы исследования включают документальный анализ, базирующийся на изучении архивных документов, историко-сравнительный, хронологический и ретроспективный методы.

Исследование прежнего опыта организации деятельности по охране памятников искусства представляет значительный интерес по той причине, что в истории российской реставрации еще много малоизученных вопросов. Это побуждает ученых и практикующих реставраторов обращаться к тщательному изучению опыта предыдущих столетий в области сохранения историко-культурного наследия, а также пытаться восстановить отдельные утраченные нити преемственности с прошлым отечественной реставрационной школы.

Реорганизация Российской Государственной Археологической комиссии

Свою деятельность П.П. Покрышкин продолжил и после революции, превратив Археологическую комиссию в эти драматичные годы в своего рода центр реставрационной деятельности России.

С учетом новых обстоятельств, после смены политического строя в стране возникла необходимость изменить название археологической службы, ранее известной как Императорская Археологическая комиссия. С этой целью в мае 1917 г. было составлено положение о Российской Государственной Археологической комиссии, которое, однако, не было утверждено Временным правительством [Горончаровский 2022, 9]. Тем не менее организационная структура Археологической комиссии вплоть до осени 1918 г. оставалась неизменной. Она по-прежнему являлась единственным руководящим учреждением охраны памятников в стране, да и в целом единственным действующим на тот момент органом, который, несмотря на прекращение финансирования, продолжал заниматься «охраною, реставрацией и ремонтом памятников старины и искусства народов, живших на территории России»². В то время в составе Комиссии было лишь восемь штатных членов [Платонова 1989, 7].

² Сведения о деятельности бывшей ИАК. 1917–1918 гг. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (РА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.

П.П. Покрышкин в этот период работал в отделе монументального зодчества РГАК и продолжал самостоятельно выезжать в различные губернии для исследования памятников старины, отчитываясь о своей работе перед Комиссией [Медведева 2004, 384]. На основании этих отчетов, которые он делал на заседаниях Комиссии, снова возобновилось обсуждение актуальных вопросов сохранения древних памятников³. П.П. Покрышкин составил подробный обзор деятельности реставрационного отдела ИАК с осени 1907 по 1917 г., подготовил проект об улучшении организации дела по охране памятников в Комиссии, а также возобновил выпуск приобретшего широкую известность издания «Вопросы реставрации» [Рославский 2015, 39].

Ситуация усугубилась после Октябрьского переворота. Петроград накрыла волна массовых восстаний, грабежей и вандализма, при которых уничтожались уникальные произведения искусства и старинные памятники архитектуры. Начался голод, который вынуждал горожан продавать за бесценок предметы старины, чтобы хоть как-то прокормиться [Яхонт 2023, 65]. Свидетель тех событий, М. Горький оставил 19 мая 1918 г. такие воспоминания: «Умирает Петроград как город, умирает как центр духовной жизни. [...] Голод в Петрограде начался и растет с грозной силой. Почти ежедневно на улицах подбирают людей, падающих от истощения»⁴. В таких условиях дальнейшее существование Археологической комиссии находилось под вопросом⁵.

Непосредственную связь с РГАК должна была поддерживать с ноября 1917 г. Государственная комиссия по народному просвещению во главе с А.В. Луначарским, которая была создана совместным Декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР⁶. Тесное сотрудничество П.П. Покрышкина с новым государственным органом началось в первые месяцы 1918 г., когда он вошел в состав формирующейся Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [Платонова 2014, 495].

Спустя шесть месяцев, 21 марта 1918 г., была образована Коллегия по делам музеев [Горелова 1990, 203–216], а 18 июня 1918 г. был официально учрежден Наркомпрос РСФСР⁷. При нем был создан орган, на который были возложены полномочия по руководству работой всех учреждений, занятых вопросами учета, охраны и реставрации древних памятников, — Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате просвещения РСФСР (далее — Всероссийская коллегия) с двумя отделениями — Петроградским и Московским [Там же, 203–216].

Возглавивший Петроградское отделение Всероссийской коллегии комиссар Петросовета Г.С. Ятманов в июне 1918 г. посетил очередное заседание Комиссии и сообщил [Иванов 2018, 29], что для принятия окончательного решения о ее судьбе необходимо произвести инспекционную проверку, а также выяснить дальнейшие планы руководства и предположения о необходимых реформах⁸.

Поскольку к этому времени руководитель Комиссии граф А.А. Бобринский покинул страну, заменил его П.П. Покрышкин, который на встрече с Г.С. Ятмановым рассказал о планах предстоящей

³ Краткий отчет о деятельности РГАК с 25 октября 1917 г. по первую треть 1918 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.

⁴ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 147–148.

⁵ Покрышкин П.П. Обзор деятельности архитектурного отдела Российской Государственной Археологической Комиссии по печатным протоколам заседаний, т.е. с осени 1907 по 1917 г. и предложения о его развитии на ближайшее время // РА ИИМК. Ф. 21. Д. 11.

⁶ 9 (22) ноября 1917 года совместным Декретом ВЦИК и СНК РСФСР была учреждена Государственная комиссия по народному просвещению. 26 (13) июня 1918 г. был опубликован декрет СНК за подписью В.И. Ленина, М.Н. Покровского и В.Д. Бонч-Бруевича «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике», более детально определивший функции Государственной комиссии по просвещению и Наркомата просвещения. 18 июня 1918 г. был создан Наркомпрос РСФСР. Председателем был назначен А.В. Луначарский.

⁷ 26 мая 1918 г. эта Коллегия была преобразована в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. При нем начала работу с июня 1918 г. Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. 15 ноября 1918 года в связи с реорганизацией Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины был переименован в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины.

⁸ С октября 1918 г. название бывшей Императорской Археологической комиссии — Российская Государственная Археологическая комиссия. Членами Всероссийской Коллегии стали И.Э. Грабарь, Н.И. Троцкая, хранители Румянцевского музея Н.И. Романов и Т.Г. Трапезников, сотрудник Третьяковской галереи Н.Г. Машковцев.

деятельности РГАК и представил к рассмотрению свою докладную записку. Примечательно, с каким вниманием в докладной записке он останавливается на вопросах изучения памятников, на перспективах их охраны и в целом дальнейшей работе отделов Комиссии и их сметах на второе полугодие 1918 г. [Платонова 1989, 5–16; Фармаковская 1988, 51, 63, 66–73]. П.П. Покрышкин разработал предложения по реформированию реставрационного отдела в рамках Комиссии и поставил в известность Г.С. Ятманова [Рославский 2015, 46], что «проект предварительного расширения в Комиссии реставрационного дела им уже составлен и внесен в Коллегию...»⁹. Как впоследствии напишет Н.П. Сычев, его коллега и друг, «тяжелые условия жизни, холод, голод, расшатанное здоровье не ослабили энергии П.П. Покрышкина, и он по-прежнему, без шума, со скромностью и терпением вел свою колossalную работу»¹⁰.

На основании всего вышесказанного Н.И. Платонова сделала обоснованный вывод, что «инициатива в деле намеченной реорганизации, несомненно, исходила от самой Комиссии и отнюдь не была подсказана ей извне» [Платонова 1989, 8]. Однако возникает другая проблема — оценка степени научной зрелости, которая сопровождала предполагаемое «расширение деятельности». В качестве показателя и наглядного свидетельства этой степени мы можем привести программу П.П. Покрышкина, выделив лишь важнейшие ее положения.

Так, П.П. Покрышкин предложил в рамках Комиссии организовать самостоятельный реставрационный отдел. При этом он отметил, что в создаваемом отделе планируется продолжение работы по художественно-историческому изучению памятников старины, коллегиальному обсуждению вопросов их ремонта и реставрации и одновременно контролю за тем, насколько точно выполняются указания совещаний по реставрации [Рославский 2015, 46]. Он предлагал расширить состав реставрационных заседаний, в которых до революции принимали участие в качестве «сверхштатных» членов и членов-корреспондентов представители Академии художеств, Святейшего Синода, Общества защиты памятников и другие специалисты. Кроме того, он указывал, что ранее имевшиеся у Археологической комиссии полномочия недостаточны. Это приводило к тому, что «наблюдение за выполнением постановлений реставрационных заседаний обстояло наименее благополучно» и «можно по пальцам перечесть те работы, которые проведены под действительным наблюдением председателя Комиссии»¹¹.

Особое значение в работе отдела реставрации П.П. Покрышкин придавал изучению стенописи и икон. В этой связи он считал необходимым привлечь к этой работе в отдел группу профессиональных реставраторов, специализирующихся на реставрации древней живописи. При этом он отмечал, что «до сего времени комиссии приходилось обращаться» для исполнения таких реставрационных работ «к подрядчикам иконописцам, что никак нельзя признать нормальным»¹². Если эта проблема будет решена, указывал докладчик, то Археологическая комиссия в Петрограде сможет преобразоваться в эффективный научный центр реставрации в стране.

П.П. Покрышкин понимал необходимость расширения состава и изменения структуры РГАК, потому что учреждению предстояло решать многочисленные вопросы исследования памятников и организации деятельности по их охране и реставрации на научных началах, что свидетельствует о высокой степени научной зрелости ее сотрудников [Равдоникас 1930, 38-40].

Г.С. Ятманов внимательно выслушал П.П. Покрышкина, одобрил его начинания, в результате чего РГАК продолжила свою деятельность в Петрограде наряду с Петроградским отделом Коллегии.

⁹ Журнал общих заседаний Российской Государственной Археологической комиссии в 1918 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1918. № 1.

¹⁰ Сычев Н.П. Некролог П.П. Покрышкина // РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 1616.

¹¹ Обзор деятельности Отдела монументальных памятников древности РГАК с 1917 гг. по 5 июня 1918 г. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.

¹² Там же. Л. 68

В связи с этим П.П. Покрышкин как руководитель реставрационного центра Петрограда проявил стремление сохранить лидирующее положение в вопросах охраны культурного наследия Археологической комиссии, а также создать на ее основе крупную научно-исследовательскую организацию¹³. С этой целью он плотно занялся разработкой Устава для нее и фактически в одиночку подготовил его¹⁴.

Много сил положил П.П. Покрышкин на то, чтобы создать эффективный орган, отвечающий последним достижениям науки и ведающий охраной и реставрацией памятников зодчества и произведений иконописи. Вот что он писал в июле 1918 г. киевскому архитектору В.Г. Леоновичу: «Я привлечен к большой организационной работе: реформы и объединение всех научных учреждений в Ком[иссариа]те Народного Просвещения. Заседания ежедневно, весьма утомительные, для меня работа непривычная, я очень утомляюсь; приходится просиживать ночи напролет, потому что правительство наседает с срочною выработкою реорганизаций. Очень досталась мне реорганизация Археологической Комиссии, теперь самое трудное и спешное выполнение. Работы я не чуждаюсь, но питание крайне плохое, уехать же нельзя: не на что существовать, да и надо дорожить возможностью сделать что-либо для дорогой моему сердцу Археологической Комиссии...»¹⁵.

18 октября 1918 г. деятельность Российской Государственной Археологической комиссии была официально узаконена, что ознаменовало собой завершение первого этапа реорганизации¹⁶. Народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским был утвержден ее новый Устав, над составлением которого трудился П.П. Покрышкин [Платонова 2014, 495].

С этого времени Комиссия официально была включена в число учреждений, которые осуществляли контроль за «научным охранением, за исследованиями и реставрацией древних памятников»¹⁷. Кроме того, согласно новому Уставу, Археологическая комиссия была реорганизована в советское государственное учреждение. В научной сфере это открывало для нее широкие перспективы, частично освобождая при этом от обязанностей административного характера. Таким образом, как указывает Н.И. Платонова, в результате преобразования РГАК «по своей структуре, задачам и научному составу приобрела все черты исследовательского института, очень крупного для своего времени» [Платонова 1989, 9]. В составе совета РГАК теперь числилось не менее 23 человек, которые регулярно принимали участие в ее заседаниях¹⁸. Это против 8 человек, включая председателя и его товарища, которые числились в штате Археологической комиссии на начало 1918 г.¹⁹

Хотя при реорганизации Археологической комиссии на первый план выходили вопросы археологии, авторитет ее специалистов в сфере охраны и реставрации древних памятников также был подтвержден. Об этом может свидетельствовать то, что в задачи комиссии теперь официально входили «теоретическая разработка вопросов... истории искусства и художественно-историческая оценка как вновь открываемых памятников древности, так и изучение вообще всех памятников, особенно найденных в России»²⁰.

¹³ Устав РГАК. // РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 350.

¹⁴ В период 1918–1919 гг. П.П. Покрышкин активно участвовал в реорганизации Комиссии в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК).

¹⁵ Письмо П.П. Покрышкина В.Г. Леоновичу // РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 1611.

¹⁶ С октября 1918 г. название бывшей Императорской Археологической комиссии. Сведения о деятельности бывшей ИАК. 1917–1918 гг. // РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22.

¹⁷ Устав РГАК. 17 октября 1918 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 29. Оп. 1. Д. 10.

¹⁸ В сентябре 1918 г. в состав совета РГАК, помимо ее штатных членов, вошли А.А. Марков, М.В. Фармаковский, С.Ф. Ольденбург, Ф.А. Браун, А.И. Малеин, С.А. Жебелев. В октябре штат расширился за счет В.В. Бартольда, А.А. Ильина, В.К. Шилейко, Б.А. Тураева, А.А. Миллера, С.Ф. Платонова, К.К. Романова, А.А. Васильева и Н.П. Сычева (в декабре). Кроме того, это были только лица, которые реально принимали участие в заседаниях совета РГАК.

¹⁹ К 1918 г. в Петрограде еще находились А.А. Бобринский (председатель), В.В. Латышев (товарищ), А.А. Спицын, Н.И. Веселовский, Б.В. Фармаковский, П.П. Покрышкин, А.П. Удаленков (и.о. члена с мая 1918 г.).

²⁰ Устав РГАК. 17 октября 1918 г. // ЦГАЛИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 10.

Кроме этого, в октябре 1918 г. был расширен отдел монументальных памятников. Председателем назначен П.П. Покрышкин, которому с этого момента было поручено заниматься исследованием древностей разных регионов России [Медведева 2004, 384]. В состав Отдела вошли также единомышленники П.П. Покрышкина: К.К. Романов, курировавший вопросы реставрации, ремонта и охраны памятников северных губерний, и А.П. Удаленков, в ведении которого находились памятники нового времени²¹.

Преобразование Российской Государственной Археологической комиссии в Российскую Академию истории материальной культуры

После того как Археологическая комиссия заняла свое место в системе учреждений охраны памятников в качестве научно-консультативного органа²², который стал работать в сотрудничестве с Петроградским отделом Коллегии, П.П. Покрышкин приступил ко второму этапу реорганизации РГАК: он предпринял меры, чтобы закрепить достигнутое положение путем преобразования Комиссии в Академию по типу Академии наук²³. Как свидетельствуют материалы личного архива П.П. Покрышкина, а также протоколы заседаний учреждения 1918 – начала 1919 г., председатель отдела монументальных памятников был одной из ключевых фигур преобразования Комиссии в Академию [Платонова 2014, 495]. Позже к этой работе подключились новый председатель РГАК Н.Я. Марр, а также ученый секретарь Б.В. Фармаковский.

Предполагалось, что новая Академия станет научным центром и завоюет такой авторитет, который поможет ей возвыситься над Всероссийской коллегией, обладающей сугубо административно-распорядительными полномочиями. Авторитет был необходим не ради славы, а потому что «без него Академия не сможет сделаться учреждением, с которым власть на местах могла бы считаться» [Рославский 2015, 71]. От самих же государственных властей требовалось, чтобы их распоряжения, преследующие цели сохранения памятников старины, обязательно «основывались на научных данных» [Фармаковский 1921, 9]. В подготовленном П.П. Покрышкиным проекте Устава было прописано одно из самых главных требований, предъявляемых к новому научному центру: Академия должна находиться на высоте современного знания и иметь необходимое количество ученых специалистов [Рославский 2015, 71]. Однако рассмотрение в различных инстанциях проекта реорганизации РГАК задерживалось, не в последнюю очередь из-за отсутствия финансовых средств.

В начале 1919 г. Отдел художественно-исторических имуществ, финансировавший (хотя и опосредованно²⁴) РГАК, был расформирован, что ставило под вопрос ее дальнейшее существование²⁵. В таких условиях П.П. Покрышкин понимал, что никак не сможет повлиять на дальнейшую судьбу РГАК, а также на завершение ее реформирования.

Критикуя положение дел в России с охраной культурного наследия, он не без основания полагал, что одной из важнейших причин этого является отсутствие обобщающего закона об охране памятников. В императорской России обращались к Указу от 11 марта 1889 г., выполнявшему роль закона, но, как писал П.П. Покрышкин, «вследствие ли равнодушия, непонимания или вообще “русского добродушия” закон этот исполняется до крайности неаккуратно»²⁶. Со сменой власти в России этот нормативно-правовой акт вообще прекратил действовать, а на смену ему до сих пор не был принят новый. Потому П.П. Покрышкин решил сам возглавить разработку нового проекта закона об охране памятников [Платонова 2014, 495].

²¹ Археологическая комиссия реорганизована // Газета «Жизнь искусства». 1918. № 14. С. 4.

²² Устав РГАК. // РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 350.

²³ В период 1918–1919 гг. П.П. Покрышкин активно участвовал в реорганизации Комиссии в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК).

²⁴ Через Наркомпрос.

²⁵ Протокол заседания Коллегии Наркомпроса. 7 января 1919 г. // ЦГАЛИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 207.

²⁶ Покрышкин П.П. Разработка законоположений об охране древних памятников искусства и их учета в обществе художников-архитекторов. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (РА ИИМК). Ф. 21. Д. 6.

В январе 1919 г. подготовленный им законопроект уже обсуждался в РГАК [Медникова 1995, 309]. Текст проекта в архиве не сохранился, но, судя по запротоколированным комментариям сотрудников Археологической комиссии, а также по тому, что еще в 1917 г. П.П. Покрышкин писал, что «историческое наследие — это собственность государственная»²⁷, он предлагал огосударствление всей сферы охраны памятников и передачу ее в ведение новой государственной структуры наподобие Археологического отдела Всероссийской коллегии Петрограда, которая взяла бы на себя административные функции. В полномочия будущей Академии входила бы в таком случае исключительно научно-исследовательская работа. Таким образом, во время подготовки Устава будущей Академии П.П. Покрышкин попутно занимался вопросами определения ее места в системе советских учреждений охраны культурного наследия и зарекомендовал себя как представитель строго научного подхода к организации деятельности по охране и реставрации памятников.

Однако Н.Я. Марр как руководитель РГАК посчитал, что из-за этого будет иметь место ущемление прав Археологической комиссии. Чтобы воспрепятствовать такой реформе, он срочно предпринял меры с целью преобразования РГАК в Академию [Рославский 2015, 109]. Было принято решение об образовании комиссии, которая бы разграничила полномочия РГАК и Археологического отдела Всероссийской коллегии по делам музеев.

Работа по реорганизации Археологической комиссии велась в течение полугода, начиная с февраля 1919 г. В результате на основании подписанного председателем Совнаркома В.И. Лениным Декрета 18 апреля 1919 г. закончилась история РГАК и была учреждена Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК)²⁸ [Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника 1976, 98]. За это время был доработан проект Устава Академии, ранее составленный П.П. Покрышкиным.

В новом Уставе значилось, что РАИМК ведет «наблюдение за научностью направления деятельности всех установлений Академии и учреждений; и обществ, входящих с нею в объединение, всех раскопок, экспедиций, а также работ по ремонту и реставрации и охране памятников древнего искусства и старины»²⁹. С этой целью в учреждении был создан особый отдел, называемый «Практика и консервация». Свое повторение это требование нашло в Проекте Положения, принятом Советом Академии. В нем подчеркивалось, что «ведению Академии принадлежит научная сторона работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины в пределах Республики»³⁰.

Исключительное право Академии на частичный ремонт или работы по реставрации было закреплено также в «Правилах по исследованию и хранению исторических и художественно-исторических предметов, найденных на территории России» [Рославский 2015, 110]. Теперь РАИМК, согласно ее новым замыслам и планам, устанавливала общие научные требования реставрации. Ею же обсуждались и утверждались все планируемые ремонты и предстоящие реставрационные работы древних памятников. Академия осуществляла постоянный контроль над всей реставрационной деятельностью в стране.

Уставом Академии предусматривалось также, что при ней должно быть организовано научное учреждение, в задачи которого войдет исследование в лабораторных условиях новых технологий, а также разработка научных методов консервации и реставрации, что было еще задолго

²⁷ Покрышкин П.П. Обзор деятельности архитектурного отдела Российской Государственной Археологической комиссии по печатным протоколам заседаний, т. е. с осени 1907 по 1917 г. и предложения о его развитии на ближайшее время. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (РА ИИМК). Ф. 21. Д. 11.

²⁸ Постановление Наркомпроса по организации Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины // ЦГАЛИ. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 12.

²⁹ Проект Положения РАИМК 1919 г. // Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф. 106. Оп. 6. Д. 13663.

³⁰ Там же.

до его принятия принципиально важным для П.П. Покрышкина условием функционирования будущей Академии [Там же, 111]. В октябре 1919 г. при РАИМК был создан Институт археологической технологии (ИАТ), который впоследствии значительно повлиял на становление научной деятельности по охране и реставрации памятников в РСФСР³¹. О.В. Яхонт в своем исследовании деятельности института рассматривает его как предшественника ГОСНИИР (Государственный научно-исследовательский институт реставрации) по поставленным целям, задачам, методам и принципам своей деятельности [Яхонт 2023, 60].

В.М. Рославский пишет, что принципиальные установки ИАТ опирались на предреволюционные достижения теоретической мысли в сфере охраны памятников и послужили тому, что уже в начале двадцатых годов XX столетия институт стал единственным и уникальным научным учреждением страны, где совершенствовалась реставрационная практика [Рославский 2015, 544]. Возглавил институт коллега по бывшей ИАК и единомышленник П.П. Покрышкина — Б.В. Фармаковский.

В связи с образованием Академии вскоре был упразднен отдел монументальных памятников, возглавляемый П.П. Покрышкиным. Его полномочия передали вновь созданному отделу искусств древнерусского и славянского народов, в штате которого ученый будет числиться вплоть до увольнения из РАИМК. В декабре 1920 г. из г. Лукоянова Нижегородской области П.П. Покрышкин отправил письменный отказ от членства в учреждении, который был зачитан 3 января 1921 г. на заседании совета [Медведева 2004, 385]. С этого момента закончилась его самоотверженная служебная деятельность в рамках Археологической комиссии, которой он посвятил ровно 18 лет своей жизни.

Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что преобразование Археологической комиссии в РАИМК и создание при ней ИАТ в августе 1919 г. было инициировано и подготовлено в значительной степени П.П. Покрышкиным. Уже в процессе этого преобразования промежуточным этапом стало основание крупного и авторитетного реставрационного центра на базе РГАК, главным направлением деятельности которого стали научное изучение и практическое решение проблем охраны и консервации древних памятников. Заключительным этапом стало основание нового научного учреждения в сфере охраны памятников по типу Академии наук. Попутно П.П. Покрышкин занимался вопросами определения места РГАК и РАИМК в системе советских учреждений охраны культурного наследия.

Таким образом, высказанная инициатива, а также работа по созданию крупного научно-реставрационного центра в условиях хаоса послереволюционного периода свидетельствуют о высокой степени научной зрелости коллектива Археологической комиссии, а также главного идеолога реформы — П.П. Покрышкина. В результате расширения деятельности РГАК, а также в рамках работы, связанной с разработкой Устава будущей Академии, П.П. Покрышкин зарекомендовал себя как представитель строгого научного подхода к организации деятельности по охране памятников.

³¹ ИАТ в 1935 г. переименован в Институт исторической технологии (ИИТ). Задачами института являлись физико-химические исследования предметов археологии и истории, а также их реставрации и консервации. В первые годы своей деятельности институт оставил заметный след в научной постановке реставрационной деятельности. Большое участие в создании института как проводника новых методов исследования и обработки реставрируемых объектов принял выдающийся ученый М.В. Фармаковский. К середине 1920-х гг. институт претендовал на роль центрального научного учреждения страны по вопросам реставрации. Однако конкуренция с дублирующими его работу учреждениями, организованными в Москве, не позволила институту занять это место. В 1937 г. ГАИМК наравне с другими институтами была включена в систему АН СССР.

Список литературы:

Владимир Ильич Ленин: биографическая хроника, 1870–1924. Т. 7 / под ред. Г.Н. Голикова. М.: Политиздат, 1976.

Горелова С.И. Музейный фонд в первые годы Советской власти (1917–1925) // Художественное наследие: хранение, исследования, реставрация. М.: ГосНИИР, 1990. № 13. С. 203–216.

Горончаровский В.А. Введение. Создание Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) и ее отцы-основатели // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 9–15.

Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музеиного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН, 2018.

Медведева М.В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // Археологические Вести. 2004. № 11. С. 379–386.

Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии // Археологические вести. 1995. № 4. С. 303–311.

Никитина А.А. П.П. Покрышкин — основоположник художественно-археологического подхода в реставрации // Богословский вестник. 2023. № 2(49). С. 293–317. DOI: [10.31802/GB.2023.49.2.014](https://doi.org/10.31802/GB.2023.49.2.014)

Никитина А.А. Священник Петр Покрышкин — хранитель духовного и культурного наследия России. К 150-летию со дня рождения // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 274–297. DOI: [10.24412/2224-5391-2021-33-274-297](https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-33-274-297)

Платонова Н.И. Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // Краткие сообщения института археологии РАН. 2015. № 241. С. 422–437.

Платонова Н.И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов личного архива П.П. Покрышкина) // Российский археологический ежегодник. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014. № 4. С. 480–498.

Платонова Н.И. Российская Академия Истории Материальной Культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 5–16.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры. Л.: тип. им. И.Е. Котлякова, 1930.

Рославский В.М. Москва — Петроград: два центра отечественной реставрации. М.: Индрик, 2015.

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наук. думка, 1988.

Фармаковский Б.В. К истории учреждений Российской Академии истории материальной культуры. Петроград, 1921.

Яхонт О.В. Из истории становления системы охраны и реставрации памятников искусства и культуры в России в 1917–1920-х годах // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. 2023. № 1. С. 60–74.

Boito C. I nostri vecchi monumenti. Conservare o restaurare? // Nuova antologia. 1886. № 87. P. 480–506.

Foramitti V., Bulfone Gransinigh F. L'influenza degli archeologi francesi della prima metà dell'Ottocento sul pensiero di Boito e Giovannoni // Gustavo Giovannoni e l'architetto integrale: convegno internazionale / ed. by G. Bonaccorso, F. Moschini. Roma: Accademia Nazionale di San Luca, 2019. P. 113–118.

Giovannoni G. Restauro dei monumenti // La tutela delle opere d'arte in Italia. Roma: E. Calzone, 1913. P. 509–511.

Ruskin J. The Seven Lamps of Architecture. Kent: Published by George Allen, 1889.

Viollet-le-Duc E. Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XII au XVI siècle. Paris: B. Bance, 1875.

Viollet-le-Duc E. Entretiens sur l'architecture. Paris: P. Mardaga, 1863.

References:

- Boito C. (1886) I nostri vecchi monumenti. Conservare o restaurare? *Nuova antologia*. No. 87. P. 480-506.
- Farmakovskaya T.I. (1988) *Boris Vladimirovich Farmakovskiy* [Boris Vladimirovich Farmakovsky]. Kiev: Nauk. dumka.
- Farmakovsky B.V. (1921) *K istorii uchrezhdennyi Rossiyskoy Akademii istorii material'noy kul'tury* [On the history of institutions of the Russian Academy of the History of Material Culture]. Petrograd.
- Foramitti V., Bulfone Gransinigh F. (2019) L'influenza degli archeologi francesi della prima metà dell'Ottocento sul pensiero di Boito e Giovannoni. In: Bonaccorso G., Moschini F. (eds.) *Gustavo Giovannoni e l'architetto integrale: convegno internazionale*. Roma: Accademia Nazionale di San Luca, 2019. P. 113-118
- Giovannoni G. (1913) Restauro dei monumenti. In: *La tutela delle opere d'arte in Italia*. Roma: E. Calzone. P. 509-511.
- Golikov G.N. (eds.) (1976) *Vladimir Il'ich Lenin: biograficheskaya khronika, 1870-1924. T. 7.* [Vladimir Ilyich Lenin: Biographical chronicle, 1870-1924. Vol. 7.]. M.: Politizdat.
- Gorelova S.I. (1990) Activities of the Museum Fund during the First Years of the Soviet Rule (1917-1925). *Khudozhestvennoye naslediye: khraneniye, issledovaniya, restavratsiya*. Moscow: GosNIIR. No. 13. P. 203-216.
- Goroncharovskiy V.A. (2022) Introduction. Establishment of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAHMČ) and its Founding Fathers. *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyj put' i vklad v nauku*. Saint Petersburg: IIMK RAN. P. 9-15.
- Ivanov D.V. (2018) *Revolyutsii i kollektsi: Petrogradskoye (Leningradskoye) otdeleniye Gosudarstvennogo muzeynogo fonda i Muzej antropologii i etnografii* [Revolutions and collections: Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. Saint Petersburg: MAE RAN.
- Mednikova E.Yu. (1995) Deyatel'nost' akademika arkitektury P.P. Pokryshkina v Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii [Activities of the academician of architecture P.P. Pokryshkin in the Imperial Archaeological Commission]. *Arkheologicheskiye vesti*. No. 4. P. 303-311.
- Medvedeva M.V. (2004) Petr Petrovich Pokryshkin and Problems of the Preservation of Architectural Sites (on the Basis of Materials from Archives of IIMK RAS). *Arkheologicheskiye Vesti*. No. 11. P. 379-386.
- Nikitina A.A. (2021) Priest Petr Pokryshkin as a Guardian of the Spiritual and Cultural Heritage of Russia. To the 150-th Anniversary of His Birth. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. No. 33. P. 274-297. DOI: [10.24412/2224-5391-2021-33-274-297](https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-33-274-297)
- Nikitina A.A. (2023) P.P. Pokryshkin — The Founder of the «Artistic-Archeological» Restoration Method. *Bogoslovskiy vestnik*. No. 2(49). P. 293-317. DOI: [10.31802/GB.2023.49.2.014](https://doi.org/10.31802/GB.2023.49.2.014)
- Platonova N.I. (1989) The Russian Academy of the History of Material Culture. The History of Its Setting Up (1918-1919). *Sovetskaya arkheologiya*. No. 4. P. 5-16.
- Platonova N.I. (2014) First Steps in the Area of Monument Protection in the Post-Revolutionary Petrograd (on the Publication of Documents from the Personal Archive of P.P. Pokryshkin). *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*. No. 4. P. 480-498.
- Platonova N.I. (2015) Biography of P. P. Pokryshkin, the Architect and Archaeologist. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii RAN*. No. 241. P. 422-437.
- Ravdonikas V.I. (1930) *Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury* [For the Marxist history of material culture]. Leningrad: tip. im. I.E. Kotlyakova.
- Roslavskiy V.M. (2015) *Moskva — Petrograd: dva tsentra otechestvennoy restavratsii* [Moscow — Petrograd: Two centers of domestic restoration]. M.: Indrik.
- Ruskin J. (1889) *The Seven Lamps of Architecture*. Kent: Published by George Allen.
- Viollet-le-Duc E. (1863) *Entretiens sur l'architecture*. Paris: P. Mardaga.
- Viollet-le-Duc E. (1875) *Dictionnaire raisonné de l'architecture française di IX au XVI siècle*. Paris: B. Bance.
- Yakhont O.V. (2023) From the History of the Formation of the System Protection and Restoration of Monuments of Art and Culture in Russia in the 1917-1920's. *Khudozhestvennoye naslediye. Issledovaniya. Restavratsiya. Khraneniye*. No. 1. P. 60-74.

Подотчетность как объект правовой оценки

Рой Олег Михайлович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: 2404-7079, ORCID: 0000-0003-1885-7865,
roi_omsk@mail.ru

Институт философии и права Уральского отделения РАН; Уральский федеральный университет имени первого
президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ.

Аннотация

Подотчетность является важнейшей функцией публичного управления, предусматривающей создание устойчивых и прозрачных правил во взаимодействии органов власти и гражданского общества. В то же время воплощению этой функции в практике муниципального управления не придается должного внимания. Это проявляется в недостаточном количестве контрольных параметров, представленных в законодательстве и используемых для более полного обеспечения ответственности власти перед населением. Целью статьи является правовая оценка функции подотчетности на муниципальном уровне. Поставленная цель предполагает решение ряда исследовательских задач, в том числе выделение основных признаков подотчетности, выявление особенностей подотчетности на муниципальном уровне, формулировку критериев реализации этой функции. В качестве методов исследования использован сравнительный анализ, при помощи которого было проведено сопоставление функции подотчетности на государственном и местном уровне. Объектом исследования выступили Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Основным результатом исследования можно назвать выявленную на основе анализа нормативных документов асимметричность в реализации функции подотчетности в деятельности органов государственной и муниципальной власти. Эта асимметричность проявляется в явном доминировании государственных параметров подотчетности местной власти по сравнению с ее ответственностью перед населением. Преодоление асимметричности возможно за счет расширения ответственности административных органов местной власти перед населением, установления простых и прозрачных правил ведения документооборота и отчетности, а также внедрения новых цифровых технологий.

Ключевые слова

Подотчетность, местное самоуправление, нормативно-правовые акты местного самоуправления, правоприменение, муниципальная реформа, функции муниципального управления, цифровые технологии.

Для цитирования

Рой О.М. Подотчетность как объект правовой оценки // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 138-147. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-138-147

Accountability as an Object of Legal Assessment

Oleg M. Roy

DSc (Sociology), Leading researcher, ORCID: 0000-0003-1885-7865, roi_omsk@mail.ru

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.

Abstract

Accountability is the most important function of public administration, which involves the creation of sustainable and transparent rules in the interaction of government bodies and civil society. At the same time, the implementation of this function in the practice of municipal administration is not given due attention. This is manifested in the insufficient number of control parameters presented in the legislation and used to more fully ensure the responsibility of the authorities to the population. The aim of the article is to assess legal aspects of the accountability function at the municipal level. The stated aim involves solving a number of research problems, including identifying the main features of accountability, identifying the features of accountability at the municipal level, and formulating criteria for the implementation of this function. As research methods, comparative analysis was used, with the help of which a comparison of the accountability function at the state and local levels was carried out. The object of the study was the Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008 No. 607 "On the assessment of the effectiveness of the activities of local government bodies of municipalities, municipal, urban districts and municipal districts" and 131-FL "On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation". The main result of the study is the asymmetry in the implementation of the accountability function in the activities of state and municipal authorities, identified on the basis of the analysis of regulatory documents. This asymmetry is manifested in the obvious dominance of state parameters of accountability of local authorities compared to their responsibility to the population. Overcoming the asymmetry is possible by expanding the responsibility of local government to the population, establishing simple and transparent rules for maintaining document flow and reporting, as well as introducing new digital technologies.

Keywords

Accountability, local government, local government regulations, law enforcement, municipal reform, municipal management functions, digital technologies.

For citation

Roy O.M. (2025) Accountability as an Object of Legal Assessment. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 138-147. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-138-147

Дата поступления/Received: 10.09.2024

Введение

Подотчетность является одной из важнейших категорий государственного и муниципального управления, характеризующая ответственность (юридическую или экономическую) личности или органов власти за свои действия. Подотчетность выступает важнейшим институтом конституционного права, выражая его способность обеспечивать доверие населения к власти [Княгинин 2008]. Актуализация подотчетности соразмерна значению демократии, выступая ее составной частью, способом ответственности власти перед представляющим ее населением [Keane 2009]. Особенно актуальной проблематика подотчетности представляется для западных демократий, являясь частью системы управленческого контроля (management control systems, MCS), характерной чертой которой является определение способа установления ответственности лиц, принимающих решений, за их последствия и соответствие заданным целям [Merchant, Otley 2006]. Такая функция управления определяется термином accountability (подотчетность), выражающим набор правовых и этических требований к действиям ответственных лиц по отношению к обществу. Подотчетность подразумевает готовность к тому, чтобы о результатах принимаемых решений можно было судить, обсуждать их. И поэтому ключевым условием подотчетности является прозрачность и максимальное информирование о результатах со всеми сторонами, которые могут быть затронуты¹

В то же время подотчетность выступает составной частью правоприменительной практики, в рамках которой она воплощается в жизнь на основе сформированной нормативно-правовой базы. Поэтому важно понять, насколько существующая в законодательстве модель подотчетности соответствует общественным ожиданиям и установкам законодателей.

Обзор литературы. Общая характеристика подотчетности

В научной литературе раскрываются различные аспекты подотчетности. Если в одних подходах это понятие означает обязанность отчитываться, то в других оно используется в широком понимании, с точки зрения того, как уполномоченные лица или органы способны осуществлять государственную власть, несут ответственность за свои действия [Сынкова 2012, 37]. Общим признаком подотчетности, выделяемым в разных подходах, является обязательство органов государственной и муниципальной власти исполнять взятые ими функции в соответствии с действующими нормами и правилами [Аржанов, Пашенько 2021]. Такое обязательство должно быть обеспечено набором инструментов, содействующих открытости и предсказуемости действий административных органов как перед контролирующими органами, так и непосредственно перед населением.

Подотчетность публичной власти также является важнейшим фактором, способствующим противодействию коррупции [Артеменко 2023; Нисневич 2013], поддержанию оперативности и распределению ответственности между исполнителями принимаемых общественно значимых решений [Romzek, Dubnick 2018].

В России подотчетность часто представляется как функция контроля — совокупность мер, предусматривающих исполнение заданных норм и стандартов, а также оценку последствий и реакцию при отклонении от них. Однако содержание подотчетности выходит за пределы функции контроля, поскольку предполагает более широкое толкование следования нормам и стандартам, проявляясь в содержании политической культуры общества, характере взаимоотношений между различными уровнями публичного управления [Волкова 2015; Pelizzo 2021].

Подотчетность присуща как государственным, так и муниципальным органам власти. Для муниципальной власти, в свою очередь, подотчетность может быть разделена на внешнюю

¹ Accountability: Definition, Types, Benefits, and Example // Investopedia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/accountability.asp> (дата обращения: 10.09.2024).

и внутреннюю. Если подотчетность перед государственной властью (внешняя) определяется законодательными и неформальными нормами по регулированию взаимодействия органов местной власти с органами государственной власти, то внутренняя подотчетность — соответственно уставу местного сообщества, а также другим принятым местным сообществом документам и установленным правилам. Во внешнюю подотчетность следует включать отчетность органов и должностных лиц местного самоуправления по реализации переданных государственных полномочий, исполнению на территории муниципального образования государственных программ, статистическую информацию и пр. Перечень соответствующих документов обусловлен вхождением органов местного самоуправления в структуру публичной власти и объемом реализуемых на территории муниципального образования государственных услуг. Содержание внутренней подотчетности определяется рамками реализуемого на территории муниципального образования перечня вопросов местного значения, а также обязательств, взятых на себя органами местной власти в форме муниципальных нормативно-правовых актов и реализуемых на территории муниципальных программ и проектов.

На муниципальном уровне у подотчетности имеются специфические признаки. Здесь она определяется тем, что обращена преимущественно к населению, исполнению его наказов и предписаний, тогда как на государственном уровне эта функция связывается главным образом с прозрачностью и открытостью во взаимоотношениях с государственной властью. Подотчетность муниципальной власти предполагает сопричастность населения к принятию общественно значимых решений и гражданское участие. Поэтому одним из значимых теоретических вопросов является следующий: должна ли подотчетность на муниципальном уровне носить симметричный характер и обеспечивать баланс внутренней и внешней подотчетности и насколько они могут сочетаться друг с другом?

Ответ на этот вопрос является предметом практического интереса со стороны органов муниципальной власти, поскольку предусматривает формирование баланса местных и национально-государственных интересов, составляющего проблематику муниципального управления — комплекса научно-исследовательских компетенций, ориентированных на формирование способности лидеров местных сообществ удовлетворять потребности общества и способствовать его комплексному и всестороннему развитию.

Признаки муниципальной подотчетности

Подотчетность как функция муниципального управления призвана привить деятельности органов местной власти свойства публичности и определенности, которые обеспечиваются правилами ведения делопроизводства и устойчивыми схемами реагирования на поступающие в систему власти сигналы. Внешне механизмы подотчетности в органах государственной и муниципальной власти могут совпадать, поскольку базируются на универсальной природе власти, определяющей единые требования к управляемости и легитимности. Однако в механизмах подотчетности между государственными и муниципальными органами власти можно увидеть заметные различия. Эти различия вызваны некоторым несоответствием в содержании двух уровней публичной власти, когда одна из них занята формированием макроэкономической стабильности общества, повышением уровня благосостояния граждан и недопустимостью разбалансированности в развитии территориальных сообществ, а другая обеспечивает удовлетворенность граждан условиями проживания, бесперебойность поступления в локальные сообщества жизненно значимых ресурсов.

Одним из ключевых методологических вопросов в исследовании подотчетности также является вопрос ее измерения и оценки. Наиболее ожидаемым признаком подотчетности

выступает объем обязательств, которые несут органы власти в осуществлении своих функций. Эти обязательства представлены в правовых документах разных уровней, требующих от органов власти определенных действий по их исполнению. По этому признаку объем обязательств органов муниципальной власти в России перед государственными структурами значительно выше, нежели перед населением, что обусловлено незначительным перечнем оказываемых муниципалитетом услуг населению. Такая асимметрия вызвана главным образом отсутствием со стороны населения специализированных структур, способных осуществлять профессиональный контроль в отношении качества предоставляемых услуг, слабостью институтов консолидации интересов населения. Кроме того, сфера ответственности местной власти перед населением очерчена менее операционально и является предметом доверия и недоверия администрации, выражаемых преимущественно в электоральных предпочтениях населения.

Структура подотчетности органов местного самоуправления

Перечень параметров административной отчетности определяется нормативно-правовыми документами, устанавливающими предельные значения для исполнения органами власти своих обязательств. В России Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 установлен перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов, служащий ориентиром для глав муниципальных образований в осуществлении своей текущей деятельности². Эти показатели можно условно разделить на две группы: показатели внутренней и внешней подотчетности (Таблица 1). Основным критерием разделения внутренней и внешней подотчетности выступает способность населения влиять на исполнение администрацией контрольных обязательств и его вовлеченность в процедуры участия в реализации административных функций. Показатели внутренней подотчетности имеют больше социальный, чем экономический, характер и являются предметом взаимодействия органов местного самоуправления и населения по вопросам социального обеспечения населения, удовлетворения его базовых потребностей. Несмотря на то, что оценка показателей может осуществляться административными органами, бенефициаром их исполнения выступает население, локализованное в определенных границах. Показатели внешней подотчетности отражают стремление органов местной власти сформировать условия для раскрытия экономического потенциала поселения. Достижение показателей этой группы напрямую не отображается на повышении качества жизни местного населения, но служит одним из факторов развития поселения, свидетельством удовлетворенности текущих потребностей его жителей. Оценка реализуемых органами местной власти функций, воплощаемых в значении этих показателей, носит для населения косвенный и усредненный характер, что не всегда может быть свидетельством позитивных изменений в качестве жизни для жителей локальных сообществ.

² Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/193208/> (дата обращения: 10.09.2024).

Таблица 1. Распределение перечней показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов³

Показатели внутренней подотчетности	Показатели внешней подотчетности
Доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения	Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения
Доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального, городского округа (муниципального района), в общей численности населения городского округа (муниципального района)	Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций
Доля детей в возрасте от одного года до шести лет, состоящих на учете для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения, в общей численности детей в возрасте от одного года до шести лет	Доля площади земельных участков, являющихся объектами налогообложения земельным налогом, в общей площади территории муниципального, городского округа (муниципального района)
Удельная величина потребления энергетических ресурсов (электрическая и тепловая энергия, вода, природный газ) в многоквартирных домах (из расчета на 1 кв. метр общей площади и (или) на одного человека)	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя
Удельная величина потребления энергетических ресурсов (электрическая и тепловая энергия, вода, природный газ) муниципальными бюджетными учреждениями (из расчета на 1 кв. метр общей площади и (или) на одного человека)	Доля организаций коммунального комплекса, осуществляющих производство товаров, оказание услуг по водо-, тепло-, газо- и электроснабжению, водоотведению, очистке сточных вод, утилизации (захоронению) твердых бытовых отходов и использующих объекты коммунальной инфраструктуры на праве частной собственности, по договору аренды или концессии, участие субъекта Российской Федерации и (или) муниципального, городского округа (муниципального района) в уставном капитале которых составляет не более 25 процентов, в общем числе организаций коммунального комплекса, осуществляющих свою деятельность на территории городского округа (муниципального района)
Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления муниципального, городского округа (муниципального района) (процент от числа опрошенных)	Доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет
Результаты независимой оценки качества условий оказания услуг муниципальными организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и иными организациями, расположенными на территориях соответствующих муниципальных образований и оказывающими услуги в указанных сферах за счет бюджетных ассигнований бюджетов муниципальных образований	

Состав показателей представленного перечня свидетельствует о том, что их оценка со стороны населения является опосредованной деятельностью множества учрежденных органами власти специализированных служб, влияние которых на повышение качества предоставляемых населению услуг является вспомогательным.

Анализ представленного в Указе перечня показателей свидетельствует, что большей частью сферу ответственности органов местной власти составляют функции, которые население не всегда способно адекватно оценить, полагаясь на контроль со стороны вышестоящих уровней публичной власти. Реализация муниципальных функций, предполагающих исполнение действий власти своих обязательств, не выступающих в форме готового продукта или услуги, потребляемого гражданами,

³ Составлено автором на основе: Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления, муниципальных, городских округов и муниципальных районов» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/193208/> (дата обращения: 10.09.2024).

осуществляется в административном режиме во взаимодействии с другими уровнями публичной власти. Эти функции преимущественно финансируются за счет межбюджетных трансфертов, тогда как объемы муниципальных услуг (бесплатных или частично оплачиваемых) зависят от бюджетной обеспеченности муниципалитета, его финансовой самостоятельности. Поэтому чем ниже бюджетная обеспеченность муниципалитета, тем ниже его готовность к расширению участия в удовлетворении текущих потребностей членов сообщества, тем выше стремление развивать сферы, не привязанные непосредственно к решению актуальных проблем местного значения.

Доминирование внешних факторов над внутренними было подтверждено данными мониторинга, проведенного в 2023 г. социологической лабораторией Ассоциации сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) и посвященного социальному-экономической ситуации в муниципальных образованиях, на основе экспертного опроса руководителей муниципальных образований России. В качестве главного источника улучшения современной ситуации муниципальные руководители рассматривают именно внешние источники: национальные проекты (90,3% опрошенных), государственные дотации и субсидии (80,7%), централизованные капвложения (31%), налоговые и иные льготы (26,5%). А представительные органы местной власти среди субъектов влияния на решение местных вопросов, по мнению самих руководителей муниципальных образований, были поставлены на 9-е место — после главы администрации, губернатора, президента страны и пр.⁴

Образующаяся в реализации функции подотчетности асимметрия, вызванная смещением внимания в сторону вышестоящих уровней публичной власти, является недопустимой и требует корректировки, которая возможна при расширении самостоятельности органов местной власти, повышении роли местного сообщества в процессе принятия административных решений местного значения.

Критерии подотчетности

Подотчетность реализуется в перечне критериев, позволяющих обеспечить встроенность действий органов власти в сложившуюся систему принятия решения, учета необходимых требований к исполнению этих решений. Подотчетность позволяет обеспечить предсказуемость и упорядоченность действий органов власти относительно сторон, интересы которых эти действия затрагивают. Актуализация подотчетности как функции муниципального менеджмента обусловлена необходимостью обеспечивать единые правила во взаимодействии власти с другими участниками общественной системы. Эти правила воплощаются в подборе образцов деловой отчетности, процедурах проведения плановых мероприятий и чрезвычайных сессий, способах и методах административного контроля и пр.

Основными критериями подотчетности являются доверие, ответственность за принятые решения, прозрачность, подконтрольность, информационная полнота и др.

Доверие обеспечивается уверенностью граждан в том, что представители власти достойно исполняют свои обязательства, представляют интересы жителей в диалоге с другими субъектами. Степень доверия может измеряться в результатах общественной поддержки органов власти на муниципальных выборах, в проведении гражданских акций в их поддержку.

Подконтрольность выступает критерием, раскрывающим способность граждан осуществлять контроль за служебной деятельностью официальных лиц, наличие обоснованных стандартов оценки их деятельности. Подконтрольность может воплощаться в формализованных процедурах принятия управлеченческих решений, подборе превентивных мер по нейтрализации действия негативных факторов.

⁴ Мониторинг социальному-экономической ситуации в муниципальных образованиях России. С. 26–27 // АСДГ [Электронный ресурс]. URL: https://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XL/Monitoring_23.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

Роль прозрачности проявляется в наборе условий, обеспечивающих свободное и открытое для всех желающих прохождение документов и проектов решений по необходимым для их утверждения и исполнения инстанциям. Прозрачность в качестве критерия подотчетности служит основой публичности административных действий, предсказуемости в порядке рассмотрения рабочих вопросов.

Ответственность за принятые решения воплощается в определении контрольных сроков, устанавливаемых для проектов административных решений, в течение которых возможно их обсуждение и корректировка. Одним из институтов, используемых для реализации этого критерия, выступает практика оценки регулирующего воздействия, применяемой во многих странах мира для предварительной экспертизы выносимых на утверждение представительных органов законодательных актов [Рахмеева 2020].

Информационная полнота придает подотчетности максимальную осведомленность в рассмотрении проблемных вопросов со стороны ответственных лиц, достоверность источников информации, задействованных в этом рассмотрении, а также означает доступность баз данных, используемых при подготовке принятия административных решений.

Оценка подотчетности органов местного самоуправления

Двойственная природа подотчетности базируется на диалектике взаимодействия общественных и индивидуальных проблем, лежащей в основе гармонизации отношений между уровнями публичной власти и консолидации общественных и индивидуальных интересов.

Можно составить условные группы проблем, актуализированных человеком по степени их индивидуализации (Таблица 2).

Таблица 2. Индивидуальные и общественные проблемы⁵

Проблемы индивидуальные	Проблемы общественные
Состояние систем жизнеобеспечения поселения, дома	Развитие отрасли ЖКХ в регионе
Занятость в поселении	Безработица в регионе
Здоровьесбережение и медицинское обслуживание	Состояние социальной инфраструктуры
Качество предоставляемых социальных услуг	Обеспеченность социальными учреждениями и кадровым составом
Уличная безопасность	Общественная безопасность
Состояние и перспективы градообслуживающих предприятий	Состояние и перспективы градообразующих и регионаобразующих предприятий

Общественные проблемы имеют, как правило, долгосрочный характер и не привязаны к локальной территории. Однако эти проблемы могут проявляться и на индивидуальном уровне, что заставляет местную власть вырабатывать меры для решения локальных задач и противодействия влиянию внешних факторов. Самоуправление предполагает минимальное соответствие индивидуального и общественного интереса посредством выработки механизма их сближения.

Основу этого механизма составляет право граждан на решение определенного перечня вопросов, определяющих их положение в границах локального территориального образования. Это право позволяет им вступать во взаимоотношения с другими субъектами для исполнения совместных проектов, имеющих для них равное значение. Однако действие этого механизма тормозится вследствие различий в активности членов сообщества, когда далеко не все испытывают желание действовать в условиях самообеспеченности и активной кооперации с другими. Такое ограничение способствует тенденции на централизацию местного управления, которое начинает подменять собой местное самоуправление.

⁵ Составлено автором.

Регулирующая вопросы ответственности перед населением статья 71 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не раскрывает содержание ответственности органов власти перед населением⁶. Ответственность, которую органы власти несут перед населением, может быть уголовной, административной и гражданской. Однако в законодательстве не раскрывается содержание понятия «основания наступления ответственности», вследствие чего трудно определить механизм возмещения возможного ущерба, нанесенного муниципальной казне или имуществу со стороны виновных лиц.

Единственным способом влияния общественности на органы местного самоуправления является право населения отзывать депутатов, членов выборных органов местного самоуправления или выборных должностных лиц местного самоуправления. Но этот способ имеет достаточно сложную процедуру реализации и используется крайне редко.

Что касается подотчетности органов местного самоуправления перед органами государственной власти, то здесь имеют место более строгие и определенные механизмы. Этим вопросам в 131-ФЗ посвящено три статьи федерального закона — с 72 по 74. Ключевым участником, определяющим ответственность органов местного самоуправления перед органами государственной власти, выступает суд, который дает квалификационное заключение о способности исполнительных и представительных органов местной власти выполнять свои конституционные обязательства.

Таким образом, можно говорить об определенной асимметрии в реализации функции подотчетности в системе муниципального менеджмента, обусловленной дефицитом регулирующих механизмов в стимулировании ответственности органов местного самоуправления перед населением. Такая асимметрия не соответствует природе местного самоуправления, не способствует установлению доверительных отношений между властью и населением, ограничивает способности локальных поселений к самоорганизации. Компенсировать образовавшийся дефицит вряд ли возможно внесением в законодательство дополнительных предписаний, устанавливающих более жесткие и детализированные нормы ответственности органов местной власти перед населением. Природа местного самоуправления требует использования более гибких мер установления диалога местной власти и граждан, основу которой может составить открытая публичная площадка подготовки и принятия общественно значимых решений на местном уровне. Такая площадка может быть сформирована на уже созданных электронных платформах и регулироваться на основе специально разработанного регламента [Руденко 2003], определяющего порядок ее работы и процедуру реализации принятых на ее основе решений. Далеко не исчерпанными представляются перспективы создания в России виртуальных площадок открытого правительства, предполагающих формирование интернет-порталов и технологических механизмов реализации общественно значимых проектов [Цинченко, Поминов 2022], развитие системы партисипативного (инициативного) бюджетирования [Ardigó 2019] и пр.

Асимметрия функции подотчетности должна быть преодолена посредством установления простых и прозрачных правил ведения документооборота и отчетности, внедрения механизмов общественного контроля за деятельностью органов местной власти, а также включения новых цифровых технологий в систему принятия общественно значимых решений.

Заключение

Представленный нами анализ одной из функций муниципального управления свидетельствует о наличии очевидной асимметрии в ее реализации, что позволяет говорить

⁶ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.12. 2024).

о неполном воплощении права граждан на самоуправление и недостаточных государственных гарантиях по соблюдению этих прав. Эвристические возможности функции подотчетности в осуществлении государственной политики в области местного самоуправления далеко не исчерпаны и предполагают более активное участие государства в разработке мер социальной поддержки локальных социальных сообществ. Корректировка территориальной организации местного самоуправления, связанная с созданием одноуровневой формы организации местной власти, требует расширения ответственности административных органов перед населением, установления четких и прозрачных правил во взаимодействии гражданского общества и власти, более активного участия граждан в решении вопросов местного значения.

Список литературы:

Аржанов В.В., Пашенько С.Б. Отчетность органов и должностных лиц местного самоуправления как один из элементов выстраивания единой системы публичной власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3(140). С. 72–80. DOI: [10.24412/2227-7315-2021-3-72-80](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-3-72-80)

Артеменко Е.А. Механизмы открытого правительства как способ повышения открытости, подотчетности и противодействия коррупции в России // Общество и экономика. 2023. № 10. С. 64–77. DOI: [10.31857/S086904990023198-9](https://doi.org/10.31857/S086904990023198-9)

Волкова О.Н. Прозрачность, подотчетность и доверие в обществе // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 141–148. DOI: [10.32609/0042-8736-2015-2-141-148](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-141-148)

Княгинин Д.К. К вопросу о понятии публичной подотчетности // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13. С. 9–14.

Нисневич Ю.А. Подотчетность и контроль деятельности публичной власти как основа противодействия коррупции // Вопросы политологии. 2013. № 1(9). С. 52–62.

Рахмееева И.И. Оценка регулирующего воздействия в качестве институционального фактора развития региональной социально-экономической системы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 1. С. 218–235.

Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2003.

Сынкова Е.М. К проблеме исследования понятия подотчетности в конституционном и административном праве // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 29–42.

Цинченко Г.М., Поминов М.А. Основы реформ открытого правительства // Управленческое консультирование. 2022. № 5(161). С. 108–115. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-5-108-115](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-108-115)

Ardigó I.A. Local Government Accountability Mechanisms // U4 Helpdesk Answer 2019:09. 2019. URL: <https://www.u4.no/publications/local-government-accountability-mechanisms.pdf>

Keane J. The Life and Death of Democracy. London: Simon and Schuster, 2009.

Merchant K.A., Otley D.T. A Review of the Literature on Control and Accountability // Handbooks of Management Accounting Research. 2006. Vol. 2. P. 785–802. DOI: [10.1016/S1751-3243\(06\)02013-X](https://doi.org/10.1016/S1751-3243(06)02013-X)

Pelizzo R. Culture and Accountability // Public Administration and Civil Service. 2021. Vol. 4. Is. 79. P. 24–37. DOI: [10.52123/1994-2370-2021-558](https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-558)

Romzek B.S., Dubnick M.J. Accountability // Defining Public Administration. Selections from the International Encyclopedia of Public Policy and Administration / ed. by Jay M. Shafritz. New York: Routledge, 2018. P. 382–395.

References:

- Ardigó I.A. (2019) Local Government Accountability Mechanisms. *U4 Helpdesk Answer 2019:09*. Available at: <https://www.u4.no/publications/local-government-accountability-mechanisms.pdf>
- Artemenko E.A. (2023) Open Government Mechanisms as a Way to Increase Openness, Accountability and Anti-Corruption in Russia. *Obshchestvo i ekonomika*. No. 10. P. 64–77. DOI: [10.31857/S086904990023198-9](https://doi.org/10.31857/S086904990023198-9)
- Arzhanov V.V., Pashenko S.B. (2021) Reporting of Local Government Bodies and Officials as One of the Elements of Building a Unified System of Public Power. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. No. 3(140). P. 72–80. DOI: [10.24412/2227-7315-2021-3-72-80](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-3-72-80)
- Keane J. (2009) *The Life and Death of Democracy*. London: Simon and Schuster.
- Knyaginin D.K. (2008) K voprosu o ponyatii publichnay podotchetnosti [On the concept of public accountability]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. No. 13. P. 9–14.
- Merchant K.A., Otley D.T. (2006) A Review of the Literature on Control and Accountability. *Handbooks of Management Accounting Research*. Vol. 2. P. 785–802. DOI: [10.1016/S1751-3243\(06\)02013-X](https://doi.org/10.1016/S1751-3243(06)02013-X)
- Nisnevich Yu.A. (2013) Accountability and Control over the Activities of Public Authorities as the Bases for Fighting Corruption. *Voprosy politologii*. No. 1(9). P. 52–62.
- Pelizzo R. (2021) Culture and Accountability. *Public Administration and Civil Service*. Vol. 4. Is. 79. P. 24–37. DOI: [10.52123/1994-2370-2021-558](https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-558)
- Rakhmeeva I.I. (2020). Regulatory Impact Assessment as the Institutional Factor of the Development of Regional Socio-Economic System. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. No. 1. P. 218–235.
- Romzek B.S., Dubnick M.J. (2018) Accountability. In: Shafritz J.M. (ed.) *Defining Public Administration. Selections from the International Encyclopedia of Public Policy and Administration*. New York: Routledge. P. 382–395.
- Rudenko V.N. (2003) *Direct Democracy: Models and Constitutional-Legal Institutions*. Yekaterinburg: Ural'skoye otdeleniye RAN.
- Synkova E.M. (2012) The Problem of Research Concepts of Accountability in a Constitutional and Administrative Law. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. No. 1. P. 29–42.
- Tsinchenko G.M., Pominov M.A. (2022) Fundamentals of Open Government Reforms. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. No. 5(161). P. 108–115. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-5-108-115](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-108-115)
- Volkova O.N. (2015) Transparency, Accountability and Trust in Society. *Voprosy ekonomiki*. No. 2. P. 141–148. DOI: [10.32609/0042-8736-2015-2-141-148](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-141-148)

Патриотизм в представлениях российской молодежи: политico-психологический анализ¹

Тулегенова Динара Дархановна

Аспирант, научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [3460-5323](#), ORCID: [0000-0003-0566-5688](#), tulegenova.dinara1998@yandex.ru

Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; ИНИОН РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Проблема патриотизма является актуальной как в политической науке, так и в российской публичной политике. В отечественном академическом дискурсе нет однозначного понимания феномена патриотизма, он трактуется по-разному: как элемент национального самосознания, как нравственное чувство, как политическая ценность. Патриотизм определяет поведение человека и социальных групп, регулирует общественные отношения, поэтому замечается особенное внимание государства к патриотическому воспитанию, формированию патриотических ориентаций российских граждан. Целью исследования является описание представлений о патриотизме у современной российской молодежи, выявление структурных и содержательных особенностей патриотизма в системе политических ценностей молодых людей. Работа основывается на материалах семи фокус-групповых дискуссий с молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет, проведенных осенью 2023 г., и материалах проведенного в 2022 г. опроса молодежи в возрасте от 14 до 30 лет с многоступенчатой пропорциональной районированной (стратифицированной) выборкой общим объемом 2500 человек, представляющих все федеральные округа Российской Федерации. Полученные данные свидетельствуют о том, что значимость патриотизма высока для российской молодежи, а представления об Отечестве носят преимущественно социокультурный характер. Молодые люди считают себя патриотами, но патриотизм не выражается в действиях. Результаты отражают эмоциональное отношение молодых людей к своей стране, в то время как деятельностная трактовка остается менее выраженной. В качестве выводов мы отмечаем поколенческие различия в представлениях о патриотизме у опрошенных молодых людей и рассогласованность между декларируемыми принципами и поведенческими установками респондентов, реализуемыми в процессе социальных взаимодействий.

Ключевые слова

Патриотизм, молодежь, политические ценности, политическая психология, политическая культура.

Для цитирования

Тулегенова Д.Д. Патриотизм в представлениях российской молодежи: политico-психологический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 148-159. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159

Patriotism in the Views of Russian Youth: A Political and Psychological Analysis²

Dinara D. Tulegenova

Postgraduate student, Research Fellow, ORCID: [0000-0003-0566-5688](#), tulegenova.dinara1998@yandex.ru

Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; INION RAN, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The problem of patriotism is relevant in political science and public policy in modern Russia. There is no unified understanding of patriotism phenomenon in Russian academic discourse, it is interpreted in different ways: as an element of national identity, as a moral feeling, as a political value. Patriotism determines the behavior of a person and social groups, regulates public relations, therefore, the special attention of the state to patriotic education and the formation of patriotic orientations of Russian citizens is noticed. The aim of the study is to describe the ideas of patriotism among modern Russian youth, to identify the structural and substantive features of patriotism in the system of political values of young people. The analysis is based on the materials of seven focus group discussions with young people aged 14 to 30 years, conducted in the fall of 2023, and materials from a 2022 survey of youth aged 14 to 30 years with a multi-stage proportional zoned (stratified) sample of 2,500 people representing all Federal Districts of the Russian Federation. The data obtained indicate that the importance of patriotism is high for Russian youth, and ideas about the Fatherland are predominantly socio-cultural in nature. Young people consider themselves patriots, but the manifestation of their patriotism occurs in the absence of action. The results reflect the emotional attitude of young people towards their country, while the activity interpretation remains less pronounced. As conclusions, we note generational differences in the ideas of patriotism among the young people surveyed and the inconsistency between the declared principles and the behavioral attitudes of the respondents implemented in the process of social interactions.

Keywords

Patriotism, youth, political values, political psychology, political culture.

For citation

Tulegenova D.D. (2025) Patriotism in the Views of Russian Youth: A Political and Psychological Analysis. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 148-159. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159

Дата поступления/Received:30.10.2024

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Политico-психологические особенности патриотических ориентаций молодежи в контексте реализации молодежной политики в современной России».

² The research was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Political and psychological features of patriotic orientations of youth in the context of youth policy implementation in modern Russia”.

Введение

Актуальность исследования обусловлена проблемами как теоретического, так и практического характера. Несмотря на широкий диапазон исследований патриотизма, в научной литературе нет однозначной общепринятой трактовки этого понятия. Во многом это объясняется сложной природой данного явления, многоаспектностью его содержания и многообразием форм проявления. Патриотизм в отечественном академическом дискурсе понимается по-разному: как элемент национального самосознания, как нравственное чувство или социальная ценность, как способ духовного развития личности или как инструмент социально-политического управления [Кольцова, Соснин 2005; Звездина, Звездина 2015; Донгаузер 2022]. Однако вне фокуса анализа остаются неосознаваемые и эмоциональные его аспекты.

Практическая актуальность данного исследования обусловлена особым вниманием к патриотическому воспитанию, формированию патриотических ориентаций российских граждан. Так, патриотизм сегодня провозглашается одним из ключевых элементов российской государственности и «важнейшей ценностью для нашего общества»³. Это вызвано происходящими сегодня процессами цивилизационного самоопределения России, социокультурными угрозами утраты национальной идентичности. Особое внимание в этих условиях сосредоточено на молодежи, ее политической социализации и воспитании. С начала 2021 года только по результатам реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в мероприятиях патриотической направленности приняло участие 1660000 человек, а в программы патриотического воспитания вовлечена практически четверть граждан страны⁴. Несомненно, выстраивание государственной молодежной политики должно основываться на понимании социально-психологических свойств и политических ориентаций молодых людей, их ценностей, потребностей и представлений. Особо значимым становится вопрос патриотизма молодежи в контексте событий прошлого и настоящего, построения образа будущего.

Теоретико-методологические основания и методы исследования

Исследовательская проблематика носит междисциплинарный характер и входит в предметное поле различных социогуманитарных наук.

Патриотизм, являясь сложным феноменом, изучается современными исследователями через призму разных методологических подходов. В российском и зарубежном научном дискурсе анализируются соотношения таких понятий, как патриотизм, национализм, экстремизм, гражданственность, гражданская идентичность [Dekker et al. 2003; Хухлаев 2012; Калинина 2014; Рожкова, Васильева 2014; Лубский 2019; Вагина 2021], рассматриваются структура и исторические типы патриотизма [Schatz et al. 1999; Spry, Hornsey 2007; Livi et al. 2014; Храброва 2016; Грибунин, Канарский 2017; Schatz 2018], отдельно ученых интересует дискурс патриотизма в социально-политическом пространстве [Фан 2013; Кузнецов 2016; Пуликовский 2020]. Определение понятия патриотизма можно рассмотреть как отдельное направление исследований. И.Б. Фан отмечает, что специфика этого явления не позволяет дать однозначного определения, поскольку патриотизм историчен и контекстуален, всегда направлен на конкретный субъект [Фан 2013, 150]. Однако некоторые исследователи подчеркивают его устойчивость на сущностном уровне [Трифонов 2017].

Значительный интерес для понимания проблемы патриотизма, особенностей его формирования и роли в современной российской культуре представляет научно-исследовательская литература разных отраслей знания. В политической науке патриотизм рассматривается как фактор

³ Встреча с Советом законодателей // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68297> (дата обращения 10.10.2024).

⁴ Патриотическое воспитание // Министерство Просвещения [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения 10.10.2024).

политического процесса. В отдельных исследованиях гражданское участие понимается как элемент патриотического поведения. Ряд работ посвящен проблематике роли патриотизма в политической идентификации граждан. Политологи исследуют также отдельные аспекты государственной политики в сфере патриотического воспитания. В ряде работ изучаются патриотические представления и практики отдельных социальных групп [Huddy, Khatib 2007; Straughn, Andriot 2011; Абрамов 2016; Резаков 2017; Селезнева 2017; Селезнева 2020; Шашкова 2023; Касамара 2023].

В рамках психологической науки патриотизм предстает как одно из основных качеств, требуемых для развития личности, ее активной гражданской позиции. Большое значение имеют научные работы, посвященные основным направлениям и формам работы по патриотическому воспитанию граждан [Sekerdej, Roccas 2016; Юревич 2018; Болдырев, Бережная 2019].

В социологии патриотизм рассматривается как социокультурный механизм и компонент общественного сознания, изучаются ценностное содержание патриотизма, патриотические установки и настроения различных социальных групп [Санина 2016; Ивченко, Сайганова 2019].

В современных условиях, когда на построение и ход политического процесса все большее влияние оказывают его субъективные (неинституциональные) компоненты, актуальным видится политико-психологический подход. В его рамках патриотизм, выполняя в структуре личности регулирующую, смысловую и мотивационную функции и выступая в качестве детерминанты политического восприятия и поведения, рассматривается в качестве политической ценности — устойчивого компонента политического сознания [Селезнева 2017].

Как отмечают исследователи, смысловое наполнение такого явления, как патриотизм, подвержено изменениям со временем. Каждое поколение придает свое значение этому понятию, а накопленный исторический опыт оказывает влияние на особое понимание патриотизма [Фан 2013; Магарил 2016]. Это ставит перед исследователями задачу поиска тех смысловых линий в интерпретации патриотизма, которые предлагают современные молодые люди. Методологией исследования выступает политико-психологический подход, в контексте которого в работе предпринимается попытка описания представлений о патриотизме современной российской молодежи. Для этого большое значение имеют наработки А.В. Селезневой по концептуализации понятия «патриотизм» как политической ценности. Изучая представления о патриотизме у молодых людей в России, мы будем опираться на концепцию фундаментальной психологической триады, согласно которой в структуре личности можно выделить следующие компоненты: когнитивный, аффективный и поведенческий. На когнитивном уровне рассматривается система представлений об объекте патриотических чувств. Таковым может выступать страна, общество, его язык, традиции и культура. Как чувство патриотизм понимается на эмоциональном уровне, а на поведенческом уровне учитывается внешнее проявление патриотизма, то есть гражданская активность или политическое поведение, реализуемое на практике в социально значимых формах [Селезнева 2017].

Эмпирическую базу исследования составили данные всероссийского репрезентативного опроса молодежи в возрасте 14–30 лет, проведенного осенью 2022 г. В исследовании была использована многоступенчатая пропорциональная районированная (стратифицированная) выборка общим объемом 2500 человек. Основные параметры для построения выборки — пол, возраст и регион проживания. В рамках данного исследования проходило осмысление патриотических ориентаций молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет. Поскольку нам представляется важным изучить специфику патриотических ориентаций молодых людей в возрастном разрезе, мы разделили респондентов на четыре группы по возрастному признаку, опираясь на представление о структуре молодежи как поколенческой общности, включающей в себя две когорты — миллениалов (поколение Y, 1982–2000 гг. рождения) и центениалов (поколение Z, рожденные в 2000-х годах). В выборку

включались также респонденты, представляющие разные типы субъектов России из всех федеральных округов.

Помимо этого, был использован качественный метод исследования — фокус-групповые дискуссии с представителями российской молодежи. Данный метод позволил выявить структуру и содержание патриотических ценностных ориентаций российской молодежи, определить смысловые линии в интерпретации патриотизма у молодых людей. В фокус-группах применялись проективные методики для выявления неосознаваемых компонентов политического сознания. В рамках исследования было проведено семь фокус-групп. В основе расчета выборки лежал квотный метод, составленный по двум критериям: возраст и место проживания.

Результаты исследования

По данным проведенного нами опроса молодых людей, патриотизм является актуальной политической ценностью, но не входит в число наиболее значимых категорий. Патриотизм занимает девятое место в структуре политических ценностей, лишь 39% респондентов отметили патриотизм как «очень значимую» категорию (Таблица 1).

Таблица 1. Политические ценности российской молодежи (результаты оценочного шкалирования, %)⁵

Вариант ответа	-1 (отрицательное значение)	0 (не имеет значения)	1 (имеет небольшое значение)	2 (довольно значимо)	3 (очень значимо)
Равенство	1,9	14,4	21,3	26,8	35,5
Демократия	3,5	14,3	24	26,6	31,6
Частная собственность	2,2	9,2	21,9	32,5	34,3
Национализм	25,5	25,7	21,2	15	12,6
Традиционность	10,1	19,6	26,6	21,6	22,1
Стабильность	2,6	6,1	19	26,3	46
Солидарность	2,1	11,5	20,1	28,8	37,5
Толерантность	7	12,6	21,2	21,3	37,9
Мир	1,4	5,1	12	10,8	70,7
Порядок	0,9	6	14,7	20,7	57,7
Свобода	1,8	4,5	15,8	18,2	59,7
Законность	1,5	5	13,6	16,1	63,8
Патриотизм	5,1	14,5	20,8	20,6	39
Безопасность	2,1	4,1	12,3	13,6	68
Справедливость	0,7	4,7	11,9	14,9	67,8
Коллективизм	7,5	19,1	23,6	24,1	25,7
Индивидуальная инициатива	1,3	11,8	21,1	35,6	30,1
Права человека	1,5	4,4	12,8	14	67,3

Что касается специфики патриотических ориентаций молодых людей в зависимости от возраста респондентов, то заметно выделяется группа в возрасте от 27 до 30 лет. Среди респондентов от 14 до 17 лет показатель значимости патриотизма составляет лишь 35,6%, а среди респондентов старше (от 27 до 30 лет) — 47,1% (Таблица 2).

⁵ Таблицы 1–4 составлены автором на основе проведенного опроса.

Таблица 2. Патриотизм в структуре политических ценностей российской молодежи, возрастные различия, %

Возраст	-1 (отрицательное значение)	0 (не имеет значения)	1 (имеет небольшое значение)	2 (довольно значимо)	3 (очень значимо)
14–17 лет	5,3	14,9	18,6	25,5	35,6
18–22 лет	5,7	16,1	24,5	17,9	35,9
23–26 лет	5,5	18	23,4	17,3	35,9
27–30 лет	3,9	10	17,2	21,8	47,1

Содержательное наполнение патриотизма в сознании молодых людей выражается в чувствах, которые они испытывают по отношению к своей стране: 52,9% опрошенных респондентов понимают патриотизм как любовь к Отечеству, 31,5% считают патриотизмом заботу об Отечестве, 18,5% ответили, что патриотизм — это служение Отечеству. Полученный результат отражает эмоциональное отношение молодых людей к своей стране, в то время как деятельностная трактовка остается менее выраженной. Такая тенденция отражалась и в репликах респондентов в ходе проведения фокус-групповых дискуссий: «Я патриот, но я никак это не проявляю» (жен., 23 года, Москва).

Заметно, как респонденты в возрасте 27–30 лет более ориентированы на деятельностное проявление патриотизма — 25,6%, тогда как у младшей группы молодежи этот показатель составляет 19,5% (14–17 лет) и 16,8% (18–22 лет). Представители младших возрастных групп патриотизм преимущественно понимают как любовь к Отечеству: 60,4% у школьников, 58,5% у респондентов 18–22 лет (Таблица 3).

Что касается объекта патриотических чувств, то для молодых людей это прежде всего страна и Родина, место, где человек родился и вырос. Представления об Отечестве носят в основном социокультурный характер — страна, территория, народ, культура. Важно отметить, что в некоторых ответах респонденты фокус-групповых дискуссий делали акцент на объекте патриотических чувств: «Для меня патриотизм в первую очередь — это не любовь к государству, а любовь к природе своего края и изучение истории, экологичное отношение к окружающей среде» (жен., 30 лет, Санкт-Петербург); «Патриотизм — это такое заезженное понятие, что это любовь к Родине, к месту, где ты родился, по идее. Я согласен с этим определением, это поддержка. Не знаю, стоит ли тут разделять понятия Родины, страны и государства, потому что вроде как патриотизм больше относится к стране целиком. То есть необязательно именно к государственному строю, к политикам, а вот именно к полям, лесам, где ты живешь, людям, которые тебя окружают» (муж., 27 лет, Москва).

Таблица 3. Понимание патриотизма российской молодежью, возрастные различия, %

Вариант ответа	Все опрошенные	Возрастные различия			
		14–17 лет	18–22 лет	23–26 лет	27–30 лет
Любовь к Отечеству	52,9	60,4	58,5	49,5	44,2
Забота об Отечестве	31,5	30,5	29,5	45,4	23,2
Служение Отечеству	18,5	19,5	16,8	10,8	25,6
Затрудняюсь ответить	8,4	7,2	6,3	9,9	10,3
Другое	7,2	5,4	6,8	5,9	10,2

Рассуждая о том, в каких действиях проявляется патриотизм, большинство молодых людей говорили о любви, защите, развитии, работе на благо. Если ответ «любовь к Родине» можно считать устоявшимся словосочетанием по отношению к патриотизму, то ответы, касающиеся преданности и верности месту, где родился человек, отмечаются нами как особенные и достойные

внимания. Некоторые респонденты отвечали, что патриотизм проявляется в способности быть верным стране, семье, Родине: «Патриотизм проявляется в преданности Родине — какое бы ни было давление извне, я буду защищать свою страну и никуда не уеду. Патриотизм проявляется в том, что я живу в своей стране несмотря на трудности, проживая с ней все проблемы и помогая (как могу) в их решении» (жен., 23 года, Санкт-Петербург); «Патриотизм проявляется в способности быть верным и преданным своей стране, своему делу, своей семье, своим взглядам и идеям, своей мечте» (жен., 19 лет, Кировская область).

Другим важным моментом является объект, то есть на кого конкретно направлены эти действия. Преимущественно молодые люди отвечали, что это Родина, страна и Отечество, а следующими по частоте ответами являются государство, народ, история и культура. Отметим особое у респондентов эмоциональное переживание принадлежности не просто к своей стране, а к ее истории, народу, культуре, языку и традициям: «Патриотизм проявляется не в словах, а в действиях. В любви к своей истории, культуре, в заботе о каждой травинке. В желании народа развиваться в культурном плане, чтобы делать страну лучше» (жен., 19 лет, Смоленская область); «Патриотизм проявляется в бережном отношении к культуре, людям и поддержании среди людей памяти об ужасных ошибках прошлого, которых нельзя допускать в будущем» (жен., 18 лет, Москва).

Особенно интересными нам показались ответы молодых людей на вопрос об образцовом патриоте в истории и современности. Патриот, по мнению современной молодежи, должен не только любить Родину, но и представлять собой личность, быть ответственным, честным, обладать определенными качествами. Образовыми патриотами в истории молодые люди называли преимущественно политических и военных деятелей Российской Империи: Петра I, М.М. Сперанского, Александра II, А.В. Суворова, П.А. Столыпина. Патриоты советского периода, участники Великой Отечественной войны также назывались респондентами, но значительно реже.

В качестве основания считать образцовым патриотом названных личностей, молодые люди отмечали работу на благо и развитие страны, ее защиту и проявленный героизм: «Образцовый патриот — это Петр I. Он за все времена правления сделал очень многое для своего государства, и этим стоит гордиться» (жен., 18 лет, Республика Крым); «[Образцовый патриот] Александр II, который отдавал все усилия на улучшение жизни своих граждан» (жен., 19 лет, Ставропольский край), «[Образцовый патриот] Кутузов. Потому что под угрозой жизни, невзирая на упреки других людей, он следовал той тактике, которая была направлена на защиту России» (жен., 17 лет, Республика Крым).

В качестве образовых патриотов современности молодые люди в основном называли Президента России. Заметно меньше упоминали военных деятелей и деятелей культуры: «Патриотом можно назвать Константина Хабенского, который старается использовать свой авторитет, положение и любовь поклонников для решения насущных социальных проблем, проблем борьбы за жизнь людей с онкологическими заболеваниями, находя при этом поддержку как во властных кругах, элите культурной, так и у обычных граждан, осуществляющих разные формы поддержки его благотворительному фонду» (муж., 24 года, Санкт-Петербург); «Исполнитель Тимати, он всегда готов выйти на поддержку нашей страны, никогда не отворачивается от своей Родины» (жен., 18 лет, Иркутская область); «Для меня это Юрий Шевчук (в целом некоторые музыканты советской рок-сцены, но он в большей мере), так как я через его творчество воспринимаю его позицию как скорее положительную к своей стране, несмотря на некоторые ее пороки» (жен., 16 лет, Санкт-Петербург).

Молодые люди часто называли в качестве образовых патриотов простых людей и людей из близкого окружения — родственников, друзей, учителей: «Патриотом является любой человек, который любит свое Отечество, предан своему народу, готов на жертву и подвиги во имя интересов

своей Родины» (жен., 17 лет, Свердловская область); «Для меня примером патриотизма является моя бабушка, которая 40 лет проработала в школе и учила детей. Она очень полезна для нашего государства. Многое сделала. Полностью отдаётся своей работе и любит свою страну» (муж., 20 лет, Санкт-Петербург); «Один мой хороший знакомый, который обычно желает остаться неизвестным. Потому что он просто делает мир вокруг себя чуточку лучше в рамках честности и справедливости. Если бы каждый вел себя как он, то мир был бы заметно добрее» (муж., 25 лет, Москва). Респонденты часто также упоминали себя как образцовых патриотов: «Я, потому что продолжаю делать свою работу, несмотря на происходящее, потому что считаю, что результаты моего труда расширят границы Отечества» (муж., 30 лет, Москва); «Я, т.к., несмотря на существующие в государстве проблемы, не спешу от него отказаться» (жен., 19 лет, Томская область).

Необходимо отметить обозначенные критерии для отнесения личностей прошлого и современников к образцовым патриотам. В данном вопросе вновь можно отметить важность оставаться преданным и верным месту, где человек родился. Часто молодые люди причисляли к образцовым патриотам за верность и преданность Отечеству: «Любой, кто в тяжелые времена остался верен своему Отечеству» (муж., 30 лет, Москва); «Анна Ахматова. Несмотря на все перипетии, которые ей предоставила судьба, она все равно осталась в своей стране, хотя у нее была возможность эмигрировать, и любила свою страну, хотя не чествовала советскую власть. “Не с теми я, кто Родину покинул...”» (жен., 18 лет, Москва); «Владимир Владимирович Путин. Именно он в трудные минуты для своей родины не бросает ее» (жен., 18 лет, Луганская Народная Республика). Другие респонденты считают, что патриоты — это те, кто защищают Родину и готовы пожертвовать ради нее жизнью: «Я могу назвать патриотом каждого героя Великой Отечественной войны. Это наши деды и прадеды, которые сражались за Родину, не жалея себя» (жен., 16 лет, Санкт-Петербург); «Александр Ярославич Невский — отдал всю жизнь на защиту родины. На Родине родился, на Родине и умер» (жен., 17 лет, Ростовская область). Респонденты считают также образцовыми патриотами тех, кто работает на благо Родины, стремится развивать страну и улучшать качество жизни ее граждан: «Александр II, так как он проводил реформы, направленные на улучшение качества жизни в стране» (жен., 18 лет, Санкт-Петербург); «Екатерина II. Благодаря ее преобразованиям и развитию российского государства» (муж., 21 год, Москва); «Не знаю, нет у меня ответа. Хотя, может, М.М. Сперанский. Очень умный, трудолюбивый, образованный, внутренне свободный человек, который действительно старался делать нужные и полезные действия для страны» (жен., 20 лет, Москва).

Стоит обратить внимание на подчеркнутое отрицание молодыми людьми существования патриотов в современной России. Значительную долю среди ответов респондентов занимает ответ «таких нет». Приведем в пример ответ одного из респондентов: «Мне кажется в истории России нет достойного примера достойного патриота, в настоящее время значение этого слова сильно извращено...» (муж., 19 лет, Кировская область).

Патриотизм как политическая ценность актуализирована в сознании молодых людей. Как показывают результаты исследования, большинство опрошенных считают себя патриотами, но здесь вновь можно заметить поколенческие различия в ценностных ориентациях молодых людей. У респондентов от 14 до 22 лет (поколение Z) этот показатель составляет немногим более 35%, у молодых людей старше, в возрасте от 23 до 30 лет (поколение Y), этот показатель заметно выше (Таблица 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?», %

Вариант ответа	Все опрошенные	Возрастные различия			
		14–17 лет	18–22 лет	23–26 лет	27–30 лет
Да	40,7	35,2	35,4	44,5	47,0
Скорее да, чем нет	38,9	41,6	40,4	30,6	41,9
Скорее нет, чем да	8,0	9,1	10,5	6,2	6,1
Нет	6,5	5,8	6,6	12,9	1,8
Затрудняюсь ответить	6,0	8,2	7,0	5,8	3,2

Интересным видится то, что молодые люди считают себя патриотами, но их патриотизм не проявляется в действии, респонденты отмечали, что их патриотизм выражается в ненанесении вреда стране: «Я *вроде как считаю себя патриотом, но вот задумался и понял, что особо как-то это не проявляется. То есть скорее это все на словах и на собственном ощущении. То есть по крайней мере я стараюсь не вредить своей стране, тому месту, к которому я привязан, культуру стараюсь как-то изучать, хранить ее*» (муж., 27 лет, Москва); «Я считаю себя патриотом. Я смело могу и хочу говорить о том, что я русская. Я общаюсь на русском языке. Так как я много общаюсь с иностранцами, я всегда хвалю страну, показываю, какая она прекрасная. Я думаю, что я как гражданин своей страны демонстрирую лучшие качества этой страны: я образованная, я не делаю ничего плохого, наоборот, готова знакомиться с другими культурами и рассказывать о нашей» (жен., 24 года, Республика Татарстан).

Заключение

Таким образом, на основе приведенных эмпирических данных можно сделать ряд выводов. Значимость патриотизма высока для российской молодежи, а представления об Отечестве носят в основном социокультурный характер, и объектом патриотических чувств у молодых людей выступают страна, общество, культура.

Фокус восприятия патриотизма частично сместился с общественно-политической сферы на частную, где патриотами стали считать не только политических или военных деятелей, публичных персон, но и себя, своих близких и родных. Это говорит о том, что у молодого поколения ценность патриотизма актуализировалась, он «зашел» и в их частную жизнь. Респонденты считают себя патриотами, но представления о патриотизме не связаны с его деятельностным проявлением. В их сознании отсутствует прямая связка «ценности — поведение». Данные проведенного исследования фиксируют рассогласованность между декларируемыми принципами и поведенческими установками, реализуемыми в процессе социальных взаимодействий.

Выражением содержательной специфики патриотизма в представлениях респондентов являются критерии для определения образцового патриота современности. Молодые люди стали причислять к таковым не только за защиту и работу на благо Отечества, но и за преданность и верность. Эти качества становятся важными атрибутами образцового патриота в современном обществе, что является отражением влияния политического контекста, трансформационных процессов в мире политики.

Другая линия рассуждений сводится к принципам, на которых должна основываться работа с молодежью сегодня. Представляется, что ее следует проводить, с учетом как психологических особенностей молодого поколения, так и внутренней неоднородности и многослойности этой возрастной группы. Так, по результатам проведенного исследования видна разница в представлениях о патриотизме у совсем юных респондентов в возрасте 14–17 лет и молодых людей старшей возрастной группы от 27 до 30 лет. Государственную молодежную политику в целом и стратегию патриотического воспитания в частности следует выстраивать, опираясь на эти различия и учитывая внутреннюю дифференциацию молодого поколения.

Список литературы:

Абрамов А.В. Российский патриотизм: история и современность. М.: Московский государственный областной университет, 2016.

Болдырев И.И., Бережная И.Ф. Гражданственность и патриотизм подростков: сущность, факторы и уровни сформированности // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 1(282). С. 55–58.

Вагина В.О. Патриотизм vs национализм в современном российском обществе // Caucasian Science Bridge. 2021. № 2(12). С. 157–161. DOI: [10.18522/2658-5820.2021.2.15](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.15)

Грибунин В.В., Канарский Д.И. Три вида патриотизма в контексте русского культурного архетипа // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 3–7.

Донгаузер Е.В. К вопросу о патриотическом воспитании: понятийный аспект // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 33–40.

Звездина Г.П., Звездина Е.Ю. Особенности осмыслиения патриотизма современной молодежью // Таврический научный обозреватель. 2015. № 1. С. 91–95.

Ивченко С.Г., Сайганова И.В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 105–119. DOI: [10.19181/vsi.2019.28.1.558](https://doi.org/10.19181/vsi.2019.28.1.558)

Калинина И.А. Представления о патриотизме как «заряжающая» идея молодежного экстремизма // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3(22). С. 115–120.

Касамара В.А. Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 3. С. 201–233. DOI: [10.31119/jssa.2023.26.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.8)

Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–98.

Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. № 7. С. 164–171.

Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 2. С. 47–66. DOI: [10.23683/2227-8656.2019.2.3](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3)

Магарил С.А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.

Пуликовский С.К. Дискурс патриотизма в политическом процессе современной России // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 4. С. 71–85. DOI: [10.31429/26190567-21-4-71-85](https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-71-85)

Резаков М.Р. К вопросу о политических механизмах формирования патриотизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3(52). С. 151–156.

Рожкова Л.В., Васильева Н.Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3(121). С. 123–129. DOI: [10.14515/monitoring.2014.3.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08)

Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5(385). С. 44–53.

Селезнева А.В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208. DOI: [10.17223/1998863X/38/20](https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20)

Селезнева А.В. Ценностные ориентации и гражданско-политическая активность молодых российских патриотов // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 62–70. DOI: [10.33693/2658-4654-2020-2-3-62-70](https://doi.org/10.33693/2658-4654-2020-2-3-62-70)

Трифонов Ю.Н. Смыслы и парадоксы патриотического дискурса в современной России: политико-философский ракурс // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2017. Т. 17. № 1. С. 86–91. DOI: [10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91)

Фан И.Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // Дискурс-Пи. 2013. № 11–12. С. 147–153.

Храброва К.Г. Виды патриотизма и их влияние на внутриполитические потери лидера // Вестник социально-политических наук. 2016. № 15. С. 21–22.

Хухлаев О.Е. Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Ученые записки Российской государственного социального университета. 2012. № 10(110). С. 66–70.

Шашкова Я.Ю. Патриотические практики в поведении и установках старшеклассников сибирских регионов // Социально-политические исследования. 2023. № 2(19). С. 49–65. DOI: [10.20323/2658_428X_2023_2_19_49](https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_49)

Юревич А.В. Психологическая многогранность патриотизма // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 86–94. DOI: [10.31857/S020595920002253-4](https://doi.org/10.31857/S020595920002253-4)

Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. Vol. 24. Is. 2. P. 345–376. DOI: [10.1111/0162-895X.00331](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00331)

Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51. Is. 1. P. 63–77. DOI: [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x)

Livi S., Leone L., Falgares G. Values, Ideological Attitudes and Patriotism // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 64. P. 141–146. DOI: [10.1016/j.paid.2014.02.040](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.02.040)

Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20. Is. 1. P. 151–174. DOI: [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140)

Schatz R.T. A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism // Handbook of Patriotism / ed. by M. Sardoc. Cham: Springer, 2018. P. 1–19. DOI: [10.1007/978-3-319-30534-9_30-1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1)

Sekerdej M., Rocca S. Love versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. Is. 3. P. 499–521. DOI: [10.1111/bjso.12142](https://doi.org/10.1111/bjso.12142)

Spry C., Hornsey M. The Influence of Blind and Constructive Patriotism on Attitudes Toward Multiculturalism and Immigration // Australian Journal of Psychology. 2007. Vol. 59. Is. 3. P. 151–158. DOI: [10.1080/00049530701449489](https://doi.org/10.1080/00049530701449489)

Straughn J.B., Andriot A.L. Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement // Sociological Forum. 2011. Vol. 26. Is. 3. P. 556–580. DOI: [10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x](https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x)

References:

Abramov A.V. (2016) *Rossiyskiy patriotizm: istoriya i sovremennost'* [Russian patriotism: History and modernity]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvenny universitet.

Boldyrev I.I., Berezhnaya I.F. (2019) Citizenship and Patriotism of Teenagers: Essence, Factors and Formation Levels. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1(282). P. 55–58.

Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. (2003) Nationalism and Its Explanations. *Political Psychology*. Vol. 24. Is. 2. P. 345–376. DOI: [10.1111/0162-895X.00331](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00331)

Dongauzer E.V. (2022) To the Question of Patriotic Education: Conceptual Aspect. *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya*. No. 26. P. 33–40.

Fan I.B. (2013) The Discourse of Patriotism: From Diversity to Monopoly. *Diskurs-Pi*. Vol. 11–12. P. 147–153.

Gribunin V.V., Kanarsky D.I. (2017) Tri vida patriotizma v kontekste russkogo kul'turnogo arkhetipa [Three types of patriotism in the context of the Russian cultural archetype]. *Osnovnyye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*. No. 1. P. 3–7.

Huddy L., Khatib N. (2007) American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*. Vol. 51. Is. 1. P. 63–77. DOI: [10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x)

Ivchenko S.G., Saiganova I.V. (2019) Patriotism as a Component of Public Consciousness: A Generational Measurement Perspective. *Vestnik Instituta sotsiologii*. Vol. 10. No. 1. P. 105–119. DOI: [10.19181/vi.2019.28.1.558](https://doi.org/10.19181/vi.2019.28.1.558)

Kalinina I.A. (2014) Notions of Patriotism as a Charging Idea for the Youth Extremism. *Aktual'nyye problemy psikhologicheskogo znanija*. No. 3(22). P. 115–120.

Kasamara V.A. (2023) Multifaceted Patriotism: From Concept to Research on Youth Representations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 26. No. 3. P. 201–233. DOI: [10.31119/jssa.2023.26.3.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.8)

Khrabrova K.G. (2016) Types of Patriotism and Their Influence on the of Domestic Policy Losses of Leader. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*. No. 15. P. 21–22.

Khukhlaev O.E. (2012) Natsionalizm i patriotizm kak sotsial'nyye ustavovki: teoreticheskiy analiz i eksperimental'nyye issledovaniya [Nationalism and patriotism as social attitudes: theoretical analysis and experimental research]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. No. 10(110). P. 66–70.

Koltzova V.A., Sosnin V.A. (2005) Social-psychological Problems of Patriotism and Features of its Education in Modern Russian Society. *Psichologicheskiy zhurnal*. No. 4. P. 89–98.

Kuznetsov I.M. (2016) Variability of Patriotism Discourses in Everyday Consciousness of Russians. *Vlast'*. No. 7. P. 164–171.

Livi S., Leone L., Falgares G. (2014) Values, Ideological Attitudes and Patriotism. *Personality and Individual Differences*. Vol. 64. P. 141–146. DOI: [10.1016/j.paid.2014.02.040](https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.02.040)

Lubsky A.V. (2019) Patriotism and Citizenship in Russian Society, or How to Overcome the Deficiency of Citizenship in Russian Patriotism. *Gumanitariy Yuga Rossii*. Vol. 8. No. 2. P. 47–66. DOI: [10.23683/2227-8656.2019.2.3](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3)

Magaril S.A. (2016) Meanings of Patriotism — Historical Transformation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 142–151.

Pulikovsky S.K. (2020) The Discourse of Patriotism in the Political Process of Modern Russian. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. Vol. 21. No. 4. P. 71–85. DOI: [10.31429/26190567-21-4-71-85](https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-71-85)

Rezakov M.R. (2017) On the Question of Political Mechanisms for the Formation of Patriotism. *Kaspinskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. No. 3(52). P. 151–156.

Rozhkova L.V., Vasilyeva N.D. (2014) Citizenship and Patriotism as a Base for Social Consolidation of the Russian Society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 3(121). P. 123–129. DOI: [10.14515/monitoring.2014.3.08](https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08)

Sanina A.G. (2016) Patriotism of Russians and Patriotic Education in Modern Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5(385). P. 44–53.

Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*. Vol. 20. Is. 1. P. 151–174. DOI: [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140)

Schatz R.T. (2018) A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism. In: Sardoc M. (ed.) *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer. P. 1–19. DOI: [10.1007/978-3-319-30534-9_30-1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1)

Sekerdej M., Roccas S. (2016) Love versus Loving Criticism: Disentangling Conventional and Constructive Patriotism. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. Is. 3. P. 499–521. DOI: [10.1111/bjso.12142](https://doi.org/10.1111/bjso.12142)

Selezneva A.V. (2017) Patriotism as a Political Value: Political-psychological Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 38. P. 200–208. DOI: [10.17223/1998863X/38/20](https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20)

Selezneva A.V. (2020) Value Orientations and Civil-political Activity of Young Russian Patriots. *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye*. Vol. 2. No. 3. P. 62–70. DOI: [10.33693/2658-4654/-2020-2-3-62-70](https://doi.org/10.33693/2658-4654/-2020-2-3-62-70)

Shashkova Ja.Ju. (2023) Patriotic Practices in Behavior and Attitudes of High School Students in Siberian Regions. *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya*. No. 2(19). P. 49–65. DOI: [10.20323/2658-428X-2023-2-19-49](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2023-2-19-49)

Spry C., Hornsey M. (2007) The Influence of Blind and Constructive Patriotism on Attitudes Toward Multiculturalism and Immigration. *Australian Journal of Psychology*. Vol. 59. Is. 3. P. 151–158. DOI: [10.1080/00049530701449489](https://doi.org/10.1080/00049530701449489)

Straughn J.B., Andriot A.L. (2011) Education, Civic Patriotism, and Democratic Citizenship: Unpacking the Education Effect on Political Involvement. *Sociological Forum*. Vol. 26. Is. 3. P. 556–580. DOI: [10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x](https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x)

Trifonov Yu.N. (2017) Meanings and Paradoxes Patriotic Discourse in Modern Russia: Political and Philosophical Foreshortening. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya»*. Vol. 17. No. 1. P. 86–91. DOI: [10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-86-91)

Vagina V.O. (2021) Patriotism vs Nationalism in Modern Russian Society. *Caucasian Science Bridge*. No. 2(12). P. 157–161. DOI: [10.18522/2658-5820.2021.2.15](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.15)

Yurevich A.V. (2018) Psychological Versatility of Patriotism. *Psikhologicheskiy zhurnal*. Vol. 39. No. 6. P. 86–94. DOI: [10.31857/S020595920002253-4](https://doi.org/10.31857/S020595920002253-4)

Zvezdina G.P., Zvezdina E.Yu. (2015) Osobennosti osmysleniya patriotizma sovremennoy molodezh'yu [Peculiarities of understanding patriotism by modern youth]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*. No. 1. P. 91–95.

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategy

УДК 331.5

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-160-171

Механизм функционирования и перспективы развития гиг-экономики. Часть 2

Гаврилюк Артём Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1567-0820](#), ORCID: [0000-0002-3583-6698](#), Gavriliuk@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Чжао Аньжань

Аспирант, ORCID: [0009-0002-3230-8184](#), anran.zhao@mail.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья является второй частью исследования, опубликованного ранее в журнале. Несмотря на наличие большого количества исследований, посвященных гиг-экономике, основная их часть опирается на опыт отдельных стран, что затрудняет формирование общего представления об особенностях развития экономики новых трудовых отношений. С учетом того, что современные теоретические исследования гиг-экономики отстают от практики, существует острая необходимость в расширении понимания ее природы и разработке конструктивных рекомендаций для эффективного использования возможностей, возникающих на рынке труда. На основе содержания и особенностей экономики с частичной занятостью в работе раскрыта специфика функционирования и перспективы развития гиг-экономики; определены ее структурные элементы. В работе обобщены теоретические и практические подходы к вопросу формирования и развития экономики новых форм занятости, уточнены участники гиг-экономики и определена специфика их функционирования. Особое внимание удалено платформенным компаниям, выступающим в качестве интеграторов рыночных отношений. Компании-платформы выполняют свои обязательства на основе алгоритмического управления на пяти ключевых этапах: доверие, соответствие, контроль, стимулирование и обратная связь. Отмечено, что алгоритмическое управление позволяет осуществлять воздействие на поведение гиг-работников и обладает функциями, позволяющими реализовать эффективный механизм взаимодействия субъектов социально-экономических отношений. В заключении обозначены полученные результаты и возможные направления будущих исследований гиг-экономики. Представленные в работе результаты исследования экономики новых трудовых отношений имеют не только теоретическую ценность, но и практическую значимость и могут выступать в качестве ориентира при разработке и реализации перспективных механизмов развития гиг-экономики на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова

Гиг-экономика, цифровые платформы, макросреда, государственные органы и ведомства, гиг-работники, потребители, компании, алгоритмическое управление, трудовые отношения.

Для цитирования

Гаврилюк А.В., Чжао А. Механизм функционирования и перспективы развития гиг-экономики. Часть 2 // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 160–171. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-160-171](#)

Mechanism of Functioning and Prospects of Gig Economy Development. Part 2

Artyom V. Gavrilyuk

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-3583-6698](#), Gavriliuk@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Zhao Anran

Postgraduate student, ORCID: [0009-0002-3230-8184](#), anran.zhao@mail.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is the second part of a study published earlier in the journal. Despite the abundance of studies on the gig economy, the majority of these studies are based on the experiences of individual countries, which makes it challenging to develop a comprehensive understanding of the unique characteristics of the emerging economy of new labor relations. Given that current theoretical research on the gig economy lags behind practice, there is an urgent need to expand understanding of its nature and develop constructive recommendations for effectively taking advantage of opportunities arising in the labor market. The paper identifies the specifics of functioning and development prospects of the gig economy based on the content and characteristics of the part-time economy. Its structural elements are defined. The article summarizes theoretical and practical approaches to the issue of emergence and development of the economy of new forms of employment. It specifies the participants of the gig economy and defines the peculiarities of its functioning process. Platform companies, which act as integrators of market relationships, receive special attention in this paper. Platform companies fulfill their commitments based on algorithmic management in five key stages:

trust, compliance, control, stimulation and feedback. It is noted that algorithmic management allows influencing the behavior of gig workers and has functions that allow implementing an effective mechanism of interaction between subjects of socio-economic relations. The conclusion outlines the results obtained and possible directions for future research in the gig economy. The findings of the research into the economics of new labor relations presented in this article are both of theoretical and practical significance. They can therefore be regarded as a reference point for the further development and implementation of promising mechanisms for the growth of the gig economy in the longer term.

Keywords

Gig economy, digital platforms, macroenvironment, government agencies and departments, gig workers, consumers, companies, algorithmic management, labor relations.

For citation

Gavrilyuk A.V., Zhao A. (2025) Mechanism of Functioning and Prospects of Gig Economy Development. Part 2. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 160–171. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-160-171

Дата поступления/Received: 05.01.2024

Введение

Гиг-экономика открывает новые возможности для участников социально-экономических отношений, формируемые на основе расширения спектра технологических решений и изменения мотивации и предпочтений работников и работодателей. Целью данной работы является определение состава и ключевых характеристик стейкхолдеров (гиг-работники, потребители, компании, государства) и особенностей функционирования гиг-экономики (инструменты, механизмы). В качестве объекта исследования определена гиг-экономика. Задачами работы выступают систематизация имеющихся результатов научных исследований по гиг-экономике, формирование теоретико-методологической основы для выявления специфики взаимодействия стейкхолдеров в экономике с частичной занятостью, раскрытие особенностей ее функционирования и определение возможных направлений будущих исследований для привлечения внимания ученых к оценке значимости гиг-экономики и внесению вклада в ее стратегическое развитие [Гаврилюк, Чжао 2024].

В первой части работы отмечено, что методология исследования выстроена на основе обзора результатов, опубликованных за последнее десятилетие в научных исследованиях на русском, английском и китайском языках [Там же]. Для достижения поставленной цели исследования были использованы индуктивный и дедуктивный методы, методы сравнения, обобщения, синтеза и аналогии, а также применен системный подход.

Как было отмечено в первой части работы, субъектами гиг-экономики являются гиг-работники, потребители (заказчики и приобретатели результатов выполненных работ и услуг), компании (компании-платформы, компании, нанимающие гиг-работников, и компании смешанного формата) и государственные органы и учреждения [Там же]. Мотивация участия в гиг-экономике у каждого субъекта различна.

Состав стейкхолдеров гиг-экономики

Гиг-работники. Мотивы участия гиг-работников в гиг-экономике обусловлены экономическими и неэкономическими факторами. Решение людей стать гиг-работниками вызвано необходимостью обеспечить базовые потребности на основе новых возможностей построения социально-экономических отношений. В условиях экономического спада такие социальные проблемы, как сокращение заработной платы, увольнения, высокие цены на жилье, выход на пенсию и уход за детьми, оказывают большое экономическое давление на работников, что заставляет их искать выходы из сложившейся ситуации с помощью гиг-работы. Предприниматели используют гиг-занятость в качестве стратегического механизма для смягчения финансового бремени во время реализации стартапа [Zhang et al. 2019]. Группа работников в период поиска работы и трудоустройства использует гиг-занятость как трамплин для постоянной работы, поскольку

гиг- занятость позволяет улучшить финансовое положение при развитии профессиональных навыков и снизить экономический стресс [Bogatyreva et al. 2023].

Под влиянием неэкономических факторов работники выбирают гиг-работу для удовлетворения своих потребностей в социализации, самоуважении и самореализации. Во-первых, гиг-работники взаимодействуют с большим количеством потребителей в процессе оказания услуг, что может удовлетворить их ежедневные социальные потребности [Yao et al. 2021]. Во-вторых, некоторые платформы используют механизмы анонимности для синхронизации спроса и предложения. Такие механизмы позволяют обойти стороной дискриминацию в социально-экономических отношениях и тем самым повышают чувство личной безопасности таких гиг-работников, как иммигранты и меньшинства, а гиг- работа, в свою очередь, может удовлетворить потребность гиг-работников в уважении и самореализации [Joshi et al. 2024]. Наконец, гибкость гиг-экономики дает гиг-работникам автономию в принятии решений об организации работы, а компании-платформы подчеркивают, что гиг-работники работают на себя, а значит, гиг- занятость может удовлетворить потребность гиг-работников в самореализации [Коршунова, Моцная 2022].

Потребители. Потребителей в гиг-экономике можно разделить на просьюмеров и собственно потребителей. Просьюмеры представлены лицами, одновременно получающими доход как производитель и выступающими потребителями в гиг-экономике. Потребители участвуют в гиг-экономике только через процесс потребления. Цифровые платформы позволяют потребителям преодолевать временные и пространственные ограничения, предлагая широкий выбор услуг и сервисов, скорректированный с учетом индивидуальных предпочтений и финансовых ожиданий клиентов. В гиг-экономике потребители обладают возможностью получать гибкий, комфортный и удобный доступ к разного рода услугам и товарам. Использование цифровых платформ значительно оптимизирует потребительские расходы, а также определенным образом влияет на трансформацию потребительских привычек и ожиданий. Обозначенные выше факторы стимулируют повышение интереса к использованию данных платформ со стороны потребителей.

Широкий и гибкий выбор услуг и товаров в условиях гиг-экономики выражается в возможности потребителей удовлетворить свои запросы и потребности в любое время и в любом объеме без привязки к конкретному месту оказания услуг.

Гиг-экономика позволяет потребителям значительно оптимизировать механизм поиска услуг и реализации запросов. На этапе получения информации потребители могут быстро найти товары или услуги в онлайн-формате благодаря продвижению рекламы, фильтрации, позиционированию и поиску по ключевым словам, что снижает временные затраты. На этапе размещения заказа потребители могут быстро завершить покупку с помощью мобильного платежа, что упрощает процесс приобретения. На этапе приемки потребители могут понять динамику продвижения товара или услуги через платформу на протяжении всего процесса, что усиливает клиентское доверие и лояльность. На этапе послепродажного обслуживания потребители имеют возможность в любое время связаться со службой поддержки для защиты своих законных прав и интересов.

Сокращение расходов на потребление отражается в регулировании ценового механизма (цены на товары и услуги), снижении транзакционных (информационные издержки, платежные издержки и т. д.) и побочных издержек (расходы на иные сопутствующие товары и услуги, которые необходимо приобрести в процессе покупки основных товаров и услуг).

Смена моделей потребления отражается в изменении потребительских взглядов и привычек, объектов потребления и методов совершения сделок в связи с развитием новых форм экономических отношений. В частности, изменение взглядов на потребление отражается в том, что потребители

уделяют больше внимания праву пользования товарами и услугами, а не праву собственности. Изменение фокуса в привычках потребления отражается в большей готовности потребителей совершать покупки онлайн, а не офлайн. Изменения в объектах потребления выражаются в большей готовности потребителей платить за виртуальные товары и услуги, такие как знания, контент, ценность и социальное взаимодействие. Наконец, изменения в методах осуществления транзакций представлены постепенной заменой расчетов через кассу банков и наличных платежей мобильными платежами.

Компании. В условиях гиг-экономики действуют несколько типов компаний, включающих в себя платформенные компании, компании, прибегающие к аутсорсингу за счет использования труда фрилансеров, и компании, использующие комбинированный подход. Компании-платформы — это фирмы-посредники, которые предоставляют цифровые платформы для взаимодействия спроса и предложения. Компании, использующие гиг-работников, — это компании, которые нанимают работников в гибком формате по запросу на цифровых платформах. Смешанные компании — это комбинация первых двух типов. Учитывая краткосрочное сокращение расходов и повышение эффективности, а также реагируя на долгосрочную тенденцию цифровой трансформации и модернизации, компании активно участвуют в гиг-экономике.

Складывающаяся в условиях гиг-экономики ситуация позволяет компаниям оптимизировать бюджет, выделяемый на оплату труда работников, систему управления и продвижение оказываемых услуг. Согласно сложившейся практике, компании выделяют значительную часть средств на оплату труда сотрудников, включая процедуры найма и увольнения, отчисления в различные фонды и стажировки. Однако особенности гиг-экономики, предполагающие гибкий характер занятости, позволяют компаниям использовать труд работников ситуативно, минимизируя функциональные затраты.

Гиг-экономика предоставляет компаниям инструменты цифрового управления, которые позволяют эффективно сокращать избыточный персонал в отделах управления и требуют лишь небольшого количества технических специалистов для обновления и обслуживания цифровых систем, тем самым снижая затраты на управление. Наконец, компании могут использовать цифровые платформы для управления данными пользователями, создания их профилей, персонализации промоакций и точной рекламы для них, а также для значительной экономии маркетинговых расходов.

Кроме того, гиг-экономика может повысить эффективность бизнеса за счет расширения спектра услуг и предоставления комплексного обслуживания [Чжао, Воронов 2023].

В долгосрочной перспективе гиг-экономика позволяет направлять цифровую трансформацию компаний и реагировать на меняющиеся тенденции рынка. В процессе участия в формировании и развитии гиг-экономики компании могут улучшать свои возможности применения цифровых технологий и управления, что может привести их к оптимизации бизнес-процессов, обновлению и совершенствованию продуктов и услуг, трансформируя бизнес-модели и ускоряя организационные и операционные изменения. Организационное и операционное изменение компаний позволяет им достичь полной цифровой трансформации и повысить конкурентоспособность. Сначала оптимизация бизнес-процессов проявляется в интеграции процессов разработки, производства и дистрибуции продукции. Далее инновационные методы в сфере обслуживания продукции выражаются в ориентации на современный рынок и предоставлении потребителям персонализированных продуктов и услуг. Затем изменение бизнес-модели проявляется в трансформации, ориентированной на спрос интернет-модели организации бизнеса. Наконец, ускорение организационных изменений находит выражение в экспериментализации членов организаций, цифровизации организационного управления, платформизации организационной формы и упрощении организационной структуры компаний.

Государственные структуры и ведомства. Быстрое расширение гиг-экономики в отсутствие должного надзора привело к ряду проблем, таких как асимметрия власти между пользователями и компаниями-платформами, что стало причиной недостатка переговорной силы у гиг-работников, утечки информации потребителей и т. д. Как регулятор государство должно активно решать проблемы, связанные с развитием гиг-экономики.

Как пользователь государство активно внедряет цифровые возможности в свою деятельность, улучшая организационное функционирование и обеспечивая большую финансовую устойчивость при сокращении расходов. Кроме того, государство может передать часть своих государственных услуг платформенным компаниям или напрямую нанимать гиг-работников, тем самым повышая скорость предоставления государственных услуг. Двойная роль в формате регулятора и пользователя побуждает государство к активному участию в формировании и развитии гиг-экономики [Там же].

Функционирование гиг-экономики

Изменения в макроэкономической среде и эволюция моделей поведения участников гиг-экономики существенно трансформируют специфику ее функционирования, влияя на все аспекты: от формы найма и системы оплаты труда до регулирования и социальной защиты работников. Расширение возможностей цифровых платформ и алгоритмического управления побуждает гиг-работников адаптироваться к текущим условиям, сопротивляясь им, объявлять о прекращении работы или же выбирать другие модели поведения.

Инструмент функционирования. Цифровая платформа является средством коммуникации, инструментом для совершения сделок, а также системой упорядочения деятельности субъектов социально-экономических отношений в гиг-экономике. Соответственно, как владелец цифровой платформы платформенная компания берет на себя функцию гиг-экономики, обеспечивая агрегирование информации, обмен данными и решение других комплексных задач. В процессе функционирования платформенные компании создают платформенную экосистему, поступательно расширяют свое влияние на всех участников и постепенно берут на себя ответственность управления, доминируя в гиг-экономике. Поэтому в гиг-экономике платформенные компании имеют двойную идентичность: экономическое лицо в коммерческой организации и социальное лицо в общественной сфере.

Двойная идентичность обязывает платформенные компании брать на себя множество корпоративных обязательств. Для платформенных компаний особое значение имеет количество пользователей платформы. Поэтому компания как экономическое лицо обязана улучшать процесс взаимодействия с пользователями платформы, повышая тем самым свою привлекательность для клиентов. Как социальное лицо компании-платформы должны нести ответственность за управление поведением пользователей цифровой информационной системы. В частности, устанавливая стандарты, нормы и руководства для процесса функционирования и предоставляя серию онлайн-инструкций, компании-платформы могут практически «контролировать» пользователей платформы, которые распределены в разном времени и пространстве и не находятся под прямым контролем организации, чтобы их поведение соответствовало законам, правилам и этическим нормам. Благодаря динамическому ценообразованию пользователи получают стимулы к более активному использованию возможностей платформы, а на основе алгоритмов обратной связи пользователям платформы выставляются оценки для улучшения инструментария управления ими. Таким образом, компании-платформы выполняют множество обязанностей на пяти ключевых этапах: доверие, соответствие, контроль, стимулирование и обратная связь.

Механизм функционирования. Платформенные компании выполняют многочисленные обязанности, в основном посредством алгоритмического управления. На пяти этапах выполнения компаниями-платформами своих обязанностей алгоритмическое управление обладает функциями, позволяющими выстраивать эффективный механизм взаимодействия субъектов социально-экономических отношений.

На этапе доверия система репутации выполняет функцию управления построением доверия между пользователями платформы. С помощью системы репутации компании-платформы объективно и тщательно собирают и раскрывают информацию о пользователях платформы как со стороны спроса, так и со стороны предложения, уменьшая информационную асимметрию между ними. В то же время, чтобы усилить зависимость пользователей от платформы, компании-платформы скрывают часть идентификационной информации своих клиентов, чтобы предотвратить «деплатформирование». Пользователи платформы устанавливают доверительные отношения через систему репутации, благодаря которой они проверяют и уравновешивают друг друга [Köbis et al. 2021].

На этапе соответствия система планирования выполняет функцию управления согласованием задач между спросом и предложением. Платформа получает задания со стороны спроса через систему планирования и объединяет существующие и обновленные данные, а также цифровые технологии, такие как машинное обучение, для быстрого распределения заданий между гиг-работниками, которые соответствуют определенному спросу [Liu et al. 2024].

На этапе контроля сенсорная система выполняет функцию управления поведением пользователей платформы. Платформа контролирует и направляет эндогенные процессы и действия с помощью «мягкого» и «жесткого» управления через сенсорную систему. «Мягкий» контроль представляет собой определение характеристик пользователей платформ для формирования их профиля и последующей рассылки персонализированной информации. «Жесткий» контроль относится к алгоритмическим санкциям, таким как обязательная деактивация пользователей платформы, нарушающих нормы и цели организации [Waldkirch et al. 2021].

На этапе стимулирования система цен выполняет функцию управления, повышая вовлеченность пользователей платформы и склоняя пользователей к увеличению использования платформы с помощью динамических ценовых стратегий, основанных на текущих характеристиках спроса и предложения на рынке. Система цен использует стратегию низких цен, чтобы побудить сторону спроса увеличить свое потребительское поведение в период сокращения количества транзакций, и стратегию субсидирования цен, чтобы способствовать стороне предложения увеличить время работы в период пикового спроса, тем самым координируя действия участников рыночных отношений. В то же время система цен добавляет игровые элементы, такие как очки, уровни и медали, в процесс получения экономических выгод, превращая торговлю на платформе в игровой процесс, что способствует повышению привлекательности платформ среди пользователей [Wei et al. 2021].

На этапе обратной связи рейтинговая система выполняет функцию управления отзывами пользователей платформы. Система рейтингов позволяет потребителям оценить качество обслуживания на основании выполненных заказов. Исполнители заказов, в свою очередь, с помощью рейтинговой системы могут сделать вывод о надежности своих клиентов. В случае самих платформенных компаний рейтинговая система может использоваться для стимулирования и ограничения пользователей платформы. Однако основная ее функция заключается в управлении эффективностью работы исполнителей заказов [Durlauf 2019].

Алгоритмическое управление позволяет регулировать поведение гиг-работников на основе координации спроса и предложения. Управленческие функции переходят к потребителям, а объектом управления являются гиг-работники. В этой ситуации гиг-работники могут адаптироваться к текущим условиям, оказать им сопротивление или закончить работу на платформе, отказавшись от предоставления услуг. На первоначальном этапе алгоритм передает гиг-работникам стандарты и нормы работы, установленные платформой, и большинство гиг-работников будут следовать указаниям алгоритма, вести себя в соответствии с требованиями платформы и адаптироваться к обновлениям алгоритмов. В дальнейшем некоторые гиг-работники могут использовать уязвимости алгоритмической системы, чтобы добиться выгодных для себя условий труда. В некоторых ситуациях интенсивный и непрерывный мониторинг со стороны алгоритма может привести к «деплатформированию», переходу гиг-работников к деятельности в других аналогичных компаниях-платформах и аннулированию своих аккаунтов [Are, Briggs 2023].

Повышение значимости исследования гиг-экономики

Гиг-экономика играет важную роль в усилении занятости и стимулировании экономического роста и в последние годы привлекает к себе широкое внимание научной общественности. С учетом накопившегося опыта изучения гиг-экономики в данной работе намечены ключевые направления для будущих исследований этой относительно новой области.

Отсутствие должных теоретических исследований гиг-экономики привело к возникновению таких проблем, как отставание нормативно-правовой базы от процессов цифровой трансформации социально-экономических отношений и несовершенство системы регулирования процессов реализации инновационных решений на практике. Однако наличие большого количества практических кейсов, возникающих в процессе функционирования гиг-экономики, позволяет исследователям проводить анализ ряда проблем, проявляющихся в экономике с частичной занятостью в разных странах, выявлять общие принципы и правила развития современных трудовых отношений и формировать обоснование новых теоретических подходов к гиг-экономике в будущем. В ближайшей перспективе вероятно расширение сферы исследований гиг-экономики и расширение методологической и теоретической базы с учетом национальных особенностей.

Важно отметить, что разработка теории развития гиг-экономики должна быть тесно интегрирована с особенностями практической деятельности субъектов социально-экономических отношений в цифровой среде. Представители бизнеса, научная общественность и государственные структуры и ведомства должны укреплять трансграничную связь и сотрудничество в целях содействия эффективному функционированию гиг-экономики.

Инновационные методы исследования гиг-экономики

Опираясь на результаты научных исследований, посвященных гиг-экономике, следует обратить внимание на преобладание качественных исследований над количественными. Такая ситуация связана со сложностью анализа и оценки формирующейся сферы гиг-экономики и с отсутствием подходящих инструментов и методов для ее измерения. Уже сейчас возникает острая необходимость в проведении количественных исследований, чтобы расширить теоретические и практические основы формирования и развития гиг-экономики.

Что касается макроизмерений, то был определен индекс онлайн-работы (OLI¹) для англоязычных стран, собраны данные с пяти крупнейших англоязычных онлайн-платформ по трудоустройству [Kässi, Lehdonvirta 2018]. На этой основе другие авторы рассчитали OLI

¹ Online Labour Index (OLI) // ILO [Электронный ресурс]. URL: <https://ilabour.ox.ac.uk/online-labour-index/> (дата обращения: 20.05.2024).

для русскоязычных и испаноязычных стран [Stephany et al. 2021]. Однако OLI игнорирует другие важные языковые области, такие как рынок Китая.

Среди имеющихся эмпирических исследований гиг-экономики можно выделить работу, где авторы определили ее влияние на предпринимательство, используя разницу во времени между появлением UberX и Lyft в городах США с помощью асимптотического метода [Barrios et al. 2022]. Китайские ученые использовали внештатных работников из China Labor Force Dynamics Survey в качестве косвенной переменной для гиг-работников и проанализировали взаимосвязь между размером города, развитием цифрового инклюзивного финансирования и гиг-экономикой [Chuanyong, Qimeng 2021].

Однако гиг-экономика включает в себя различные сферы, такие как мгновенная доставка и вызов попутчиков, а ее участниками являются потребители, компании и государственные структуры в дополнение к гиг-работникам. Существует проблема «эффекта ореола», если в качестве косвенных переменных гиг-экономики использовать только платформы takeaway или внештатных работников. В будущем может возникнуть острая необходимость в создании международной базы данных с широким охватом информации в каждой стране для точного измерения масштабов формирования и развития гиг-экономики. В дальнейшем появится возможность для более детального определения структурных аспектов и характеристик гиг-экономики на основе понимания механизмов ее функционирования и создания системы показателей для измерения ключевых параметров построения социально-экономических отношений в цифровой среде.

На основе макроскопических измерений можно сочетать такие методы эмпирических исследований, как машинное обучение и моделирование данных, чтобы определить влияние гиг-экономики на микросубъекты и оценить механизм ее воздействия на разных уровнях для более точного определения правил алгоритмизации процессов управления. Кроме того, исследователи в основном рассматривают влияние гиг-экономики на отдельных микросубъектов и не всегда учитывают особенности их взаимодействия. В дальнейших исследованиях гиг-экономики целесообразно сосредоточиться на специфике взаимодействия микросубъектов в гиг-экономике и включить их в механизм алгоритмического управления, чтобы определить первичные и вторичные уровни воздействия гиг-экономики на микросубъектов.

Углубленное развитие междисциплинарных исследований

Широкое внедрение инструментов гиг-экономики в социально-экономическую среду позволило увеличить масштабы междисциплинарных исследований. Например, влияние гиг-экономики на предпринимательство постепенно становится центральным вопросом экономических дискуссий [Yiqing, Lixing 2022]. Перестройка ценностей работников под влиянием гиг-экономики привлекла внимание менеджмента [Möhlmann et al. 2023]. Изменения в трудовых процессах, обусловленные развитием гиг-экономики, стали предметом изучения в социологическом поле исследований [Milkman et al. 2021]. Размытие трудовых отношений и несвоевременное обновление налогового законодательства представляют особый интерес для юридического сообщества [Миронова и др. 2022]. Наконец, гиг-экономика нарушает временные и пространственные ритмы транзакционных процессов, что привлекло внимание географов [Keller 2023].

Исследования гиг-экономики осуществляются в разных отраслях науки, в связи с чем важно проводить междисциплинарные исследования, которые будут способствовать углублению представления об этом феномене и позволят решать сложные социально-экономические проблемы.

Перспективы развития гиг-экономики

Гиг-экономика активно трансформирует рынок труда и открывает новые возможности для участников социально-экономических отношений. Эффективное развитие гиг-экономики

зависит от способности акторов адаптироваться к технологическим и социальным изменениям и своевременного государственного регулирования рынка труда.

Потенциал роста и развития гиг-экономики можно разделить на три основные области. Первое направление развития — это квалификация гиг-работников, которая включает в себя диверсификацию типов цифровых навыков, высокий уровень цифровой грамотности и гибкость форм осуществления удаленной работы. Второе направление развития — платформизация системы управления трудовыми процессами, которая включает в себя обмен внутренними и внешними данными на основе функционирования онлайн-систем, упрощение трудового процесса, диверсификацию способов организации трудовых отношений и адаптацию компаний к изменениям на рынке труда. Третье направление развития — систематизация государственного и социального управления цифровыми процессами, включающая стандартизацию правовой системы, комплексное социальное обеспечение и интеграцию систем управления в цифровую среду.

Заключение

С учетом того, что все большее количество индивидов вовлекаются в гиг-экономику, ее изучение имеет как теоретическую, так и практическую значимость. В настоящее время активно расширяется спектр исследований, посвященных гиг-экономике. Они основываются на конкретных странах и национальных особенностях. При этом до настоящего времени не было выполнено комплексного исследования, которое бы позволило объединить различные национальные условия и типы организации труда, чтобы определить общие правила развития экономики новых трудовых отношений. На этом фоне данная статья представляет собой комплексный обзор и анализ содержания и особенностей функционирования и развития гиг-экономики, а также формирует основу для ее дальнейших исследований.

Результаты выполненного исследования показывают, что гиг-экономика привлекает внимание заинтересованных лиц благодаря целому ряду преимуществ. При этом в процессе своего развития она сталкивается с рядом сложностей и рисков, ограничивающих возможности цифровизации трудовых отношений. Для того чтобы обеспечить благоприятное и устойчивое развитие гиг-экономики, необходимо на перманентной основе выявлять и использовать открывающиеся технологические, организационные иправленческие возможности, а также эффективно снижать риски, присущие этой экономической модели.

Чтобы использовать возможности гиг-экономики, во-первых, необходимо уделять первостепенное внимание ускорению экономических преобразований и активному развитию новых отраслей сферы услуг. Во-вторых, следует укреплять инфраструктуру платформ, модернизировать цифровые технологические решения и устранять цифровое неравенство. Для этого крайне важно сформировать многомерную систему управления платформами и подготовить профессиональный кадровый состав в области управления гиг-экономикой. В конечном счете необходимо усовершенствовать транснациональные платформы и виртуальную рабочую среду, чтобы способствовать глобальному совместному продвижению инструментов и механизмов гиг-экономики.

В целях снижения рисков, присущих гиг-экономике, необходимо, чтобы гиг-работники имели прозрачные и согласованные с нормами права трудовые отношения и работали в упорядоченной среде алгоритмического управления. Аналогичным образом потребители должны рационально и осознанно совершать покупки и защищать свои права и интересы. Компании должны совершенствовать виды бизнеса, которыми они занимаются, и выполнять свои социальные обязательства в полном объеме. Кроме того, государственным структурам и ведомствам целесообразно уточнить свои полномочия

и обязанности в области администрирования трудовых отношений в гиг-экономике, а также пересмотреть действующие правила и нормы, регулирующие рынок труда.

Таким образом, в данной работе определен состав участников гиг-экономики и раскрыта специфика ее функционирования и развития. Результаты выполненного научного исследования могут быть положены в основу разработки механизмов управления устойчивым развитием гиг-экономики. В работе определены мотивы участия субъектов в формировании и развитии гиг-экономики, изложена специфика ее функционирования, идентифицированы инструменты и механизмы гиг-экономики. Определены перспективные направления будущих исследований, которые могут внести значительный вклад в развитие и углубление существующих теоретических и практических знаний о гиг-экономике. Реализация этих исследований позволит выявлять новые тенденции и отслеживать тренды развития гиг-экономики, а также разрабатывать инструменты прогнозирования возможных трансформаций сфер занятости и рынка труда.

Список литературы:

Гаврилюк А.В., Чжао А. Формирование и развитие гиг-экономики в условиях цифровизации общества. Часть 1. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 106. С. 213–227. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-106-2024-213-227](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-106-2024-213-227)

Коршунова Т.Ю., Моцная О.В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 76–91. DOI: [10.21638/spbu32.2022.107](https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.107)

Миронова С.М., Кожемякин Д.В., Пономарченко А.Е. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 314–329. DOI: [10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).314-329](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329)

Чжао А., Воронов А.С. Парадокс реальности в гиг-экономике: возможности, проблемы и пути прорыва // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 2. С. 27–45. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45)

Are C., Briggs P. The Emotional and Financial Impact of De-Platforming on Creators at The Margins. Social Media + Society. 2023. Vol. 9. Is. 1. DOI: [10.1177/20563051231155103](https://doi.org/10.1177/20563051231155103)

Barrios J.M., Hochberg Y., Yi H. Launching with a Parachute: The Gig Economy New Business Formation // NBER Working Paper 27183. 2020. DOI: [10.3386/w27183](https://doi.org/10.3386/w27183)

Bogatyreva K., Verkhovskaya O., Makarov Y. A springboard for entrepreneurs? Gig and sharing economy and entrepreneurship in Russia // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. 2023. Vol. 15. Is. 4. P. 698–726. DOI: [10.1108/JEEE-03-2021-0128](https://doi.org/10.1108/JEEE-03-2021-0128)

Chuanyong Z., Qimeng C. Urban Scale, Digital Financial Inclusion Development and Gig Job Economy // Journal of Shanghai University of Finance and Economics. 2021. Vol. 23. Is. 2. P. 34–45. DOI: [10.16538/j.cnki.jsufe.2021.02.003](https://doi.org/10.16538/j.cnki.jsufe.2021.02.003)

Durlauf M. The Commodification of Digital Labor in the Gig Economy: Online Outsourcing, Insecure Employment, And Platform-Based Rating and Ranking Systems // Psychosociological Issues in Human Resource Management. 2019. Vol. 7. Is. 1. P. 54–59.

Joshi A., Jain S., Gupta P.K. Challenges and Impact of the Gig Economy // Sustainable Economies. 2024. Vol. 2. Is. 2. P. 1–10. DOI: [10.62617/se.v2i2.96](https://doi.org/10.62617/se.v2i2.96)

Kässi O., Lehdonvirta V. Online Labour Index: Measuring the Online Gig Economy for Policy and Research // Technological Forecasting and Social Change. 2018. Vol. 137. P. 241–248. DOI: [10.1016/j.techfore.2018.07.056](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.056)

Keller M. Getting the First Gig: Exploring the Affective Relations of Accessing Place-Based Platform Labour // Digital Geography and Society. 2023. Vol. 5. DOI: [10.1016/j.diggeo.2023.100067](https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100067)

Köbis N.C., Soraperra I., Shalvi S. The Consequences of Participating in the Sharing Economy: A Transparency-Based Sharing Framework // Journal of Management. 2021. Vol. 47. Is. 1. P. 317–343. DOI: [10.1177/0149206320967740](https://doi.org/10.1177/0149206320967740)

Liu Y., Lou B., Zhao X., Li X. Unintended Consequences of Advances in Matching Technologies: Information Revelation and Strategic Participation on Gig-Economy Platforms // Management Science. 2024. Vol. 70. Is. 3. P. 1729–1754. DOI: [10.1287/mnsc.2023.4770](https://doi.org/10.1287/mnsc.2023.4770)

Milkma R., Elliott-Negri L., Griesbach K., Reich A. Gender, Class, and the Gig Economy: The Case of Platform-Based Food Delivery // Critical Sociology. 2021. Vol. 47. Is. 3. P. 357–372. DOI: [10.1177/0896920520949631](https://doi.org/10.1177/0896920520949631)

Möhlmann M., Alves de Lima Salge C., Marabelli M. Algorithm Sensemaking: How Platform Workers Make Sense of Algorithmic Management // Journal of the Association for Information Systems. 2023. Vol. 24. Is. 1. P. 35–64. DOI: [10.17705/1jais.00774](https://doi.org/10.17705/1jais.00774)

Stephany F., Kassi O., Rani U., Lehdonvirta V. Online Labour Index 2020: New Ways to Measure the World's Remote Freelancing Market // Big Data & Society. 2021. Vol. 8. Is. 2. DOI: [10.1177/20539517211043240](https://doi.org/10.1177/20539517211043240)

Waldkirch M., Bucher E., Schou P.K., Grünwald E. Controlled by the Algorithm, Coached by the Crowd — How HRM Activities Take Shape on Digital Work Platforms in the Gig Economy // The International Journal of Human Resource Management. 2021. Vol. 32. Is. 12. P. 2643–2682. DOI: [10.1080/09585192.2021.1914129](https://doi.org/10.1080/09585192.2021.1914129)

Wei W., Beini L., Yaru L. The "Double-Edged Sword" Effect of Platform Work Gamification on Online Delivery Workers' Work Involvement: The Role of Mind-Flow Experience and Overwork // Nankai Management Review. 2021. Vol. 1–18. URL: <https://kns-cnki-net-443.webvpn.las.ac.cn/kcms/detail/12.1288.F.20210910.0901.002.html>

Yao Z., Weden S., Emerlyn L., Zhu H., Kraut R.E. Together but Alone: Atomization and Peer Support Among Gig Workers // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2021. Vol. 5. P. 1–29. DOI: [10.1145/3479535](https://doi.org/10.1145/3479535)

Yiqing M., Lixing L. The Impact of Gig Job Economy on Entrepreneurship: The Rise of Takeaway Platforms as an Example // Management World. 2022. Vol. 38. Is. 2. P. 31–45+3.

Zhang T., Bufquin D., Lu C. A Qualitative Investigation of Microentrepreneurship in the Sharing Economy // International Journal of Hospitality Management. 2019. Vol. 79. P. 148–157. DOI: [10.1016/j.ijhm.2019.01.010](https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2019.01.010)

References:

Are C., Briggs P. (2023) The Emotional and Financial Impact of De-Platforming on Creators at The Margins. *Social Media + Society*. Vol. 9. Is. 1. DOI: [10.1177/20563051231155103](https://doi.org/10.1177/20563051231155103)

Barrios J.M., Hochberg Y., Yi H. (2020) Launching with a Parachute: The Gig Economy New Business Formation. *NBER Working Paper 27183*. DOI: [10.3386/w27183](https://doi.org/10.3386/w27183)

Bogatyreva K., Verkhovskaya O., Makarov Y. (2023) A Springboard for Entrepreneurs? Gig and Sharing Economy and Entrepreneurship in Russia. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. Vol. 15. Is. 4. P. 698–726. DOI: [10.1108/JEEE-03-2021-0128](https://doi.org/10.1108/JEEE-03-2021-0128)

Chuanyong Z., Qimeng C. (2021) Urban Scale, Digital Financial Inclusion Development and Gig Job Economy. *Journal of Shanghai University of Finance and Economics*. Vol. 23. Is. 2. P. 34–45. DOI: [10.16538/j.cnki.jsufe.2021.02.003](https://doi.org/10.16538/j.cnki.jsufe.2021.02.003)

Durlauf M. (2019) The Commodification of Digital Labor in the Gig Economy: Online Outsourcing, Insecure Employment, And Platform-Based Rating and Ranking Systems. *Psychosociological Issues in Human Resource Management*. Vol. 7. Is. 1. P. 54–59.

Gavriluk A.V., Chzhao A. (2024) Emergence and Development of Gig Economy in the Context of Society Digitalization. Part 1. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 106. P. 213–227. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-106-2024-213-227](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-106-2024-213-227)

Joshi A., Jain S., Gupta P.K. (2024) Challenges and Impact of the Gig Economy. *Sustainable Economies*. Vol. 2. Is. 2. P. 1–10. DOI: [10.62617/se.v2i2.96](https://doi.org/10.62617/se.v2i2.96)

Kässi O., Lehdonvirta V. (2018) Online Labour Index: Measuring the Online Gig Economy for Policy and Research. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 137. P. 241–248. DOI: [10.1016/j.techfore.2018.07.056](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.056)

Keller M. (2023) Getting the First Gig: Exploring the Affective Relations of Accessing Place-Based Platform Labour. *Digital Geography and Society*. Vol. 5. DOI: [10.1016/j.diggeo.2023.100067](https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2023.100067)

Köbis N.C., Soraperra I., Shalvi S. (2021) The Consequences of Participating in the Sharing Economy: A Transparency-Based Sharing Framework. *Journal of Management*. Vol. 47. Is. 1. P. 317–343. DOI: [10.1177/0149206320967740](https://doi.org/10.1177/0149206320967740)

Korshunova T.Yu., Motsnaya O.V. (2022) Platform Work and the Changing of Definitions of Employee and Employer. *Ezhegodnik trudovogo prava*. No. 12. P. 76–91. DOI: [10.21638/spbu32.2022.107](https://doi.org/10.21638/spbu32.2022.107)

Liu Y., Lou B., Zhao X., Li X. (2024) Unintended Consequences of Advances in Matching Technologies: Information Revelation and Strategic Participation on Gig-Economy Platforms. *Management Science*. Vol. 70. Is. 3. P. 1729–1754. DOI: [10.1287/mnsc.2023.4770](https://doi.org/10.1287/mnsc.2023.4770)

Milkman R., Elliott-Negri L., Griesbach K., Reich A. (2021) Gender, Class, and the Gig Economy: The Case of Platform-Based Food Delivery. *Critical Sociology*. Vol. 47. Is. 3. P. 357–372. DOI: [10.1177/0896920520949631](https://doi.org/10.1177/0896920520949631)

Mironova S.M., Kozhemyakin D.V., Ponomarchenko A.E. (2022) Adaptation of the Legal Regulation of Labor, Civil, Tax Relations to the Gig Economy. *Pravoprimeneniye*. Vol. 4. No. 6. P. 314–329. DOI: [10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).314-329](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329)

Möhlmann M., Alves de Lima Salge C., Marabelli M. (2023) Algorithm Sensemaking: How Platform Workers Make Sense of Algorithmic Management. *Journal of the Association for Information Systems*. Vol. 24. Is. 1. P. 35–64. DOI: [10.17705/1jais.00774](https://doi.org/10.17705/1jais.00774)

Stephany F., Kassi O., Rani U., Lehdonvirta V. (2021) Online Labour Index 2020: New Ways to Measure the World's Remote Freelancing Market. *Big Data & Society*. Vol. 8. Is. 2. DOI: [10.1177/20539517211043240](https://doi.org/10.1177/20539517211043240)

Waldkirch M., Bucher E., Schou P.K., Grünwald E. (2021) Controlled by the Algorithm, Coached by the Crowd — How HRM Activities Take Shape on Digital Work Platforms in the Gig Economy. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 32. Is. 12. P. 2643–2682. DOI: [10.1080/09585192.2021.1914129](https://doi.org/10.1080/09585192.2021.1914129)

Wei W., Beini L., Yaru L. (2021) The “Double-Edged Sword” Effect of Platform Work Gamification on Online Delivery Workers’ Work Involvement: The Role of Mind-Flow Experience and Overwork. *Nankai Management Review*. Vol. 1–18. Available at: <https://kns.cnki.net-443.webvpn.las.ac.cn/kcms/detail/12.1288.F.20210910.0901.002.html>

Yao Z., Weden S., Emerlyn L., Zhu H., Kraut R.E. (2021) Together but Alone: Atomization and Peer Support Among Gig Workers. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Vol. 5. P. 1–29. DOI: [10.1145/3479535](https://doi.org/10.1145/3479535)

Yiqing M., Lixing L. (2022) The Impact of Gig Job Economy on Entrepreneurship: The Rise of Takeaway Platforms as an Example. *Management World*. Vol. 38. Is. 2. P. 31–45+3.

Zhang T., Bufquin D., Lu C. (2019) A Qualitative Investigation of Microentrepreneurship in the Sharing Economy. *International Journal of Hospitality Management*. Vol. 79. P. 148–157. DOI: [10.1016/j.ijhm.2019.01.010](https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2019.01.010)

Zhao A., Voronov A.S. (2023) The Paradox of Reality in the Gig Economy: Opportunities, Challenges and Breakthrough Paths. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. P. 27–45. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-27-45)

Управление образованием
Education management

УДК 331.1; 334

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-172-184

Университет как организация-амбидекстр

Сидорова Александра Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [5015-4707](#), ORCID: [0000-0003-1166-4980](#), Sidorova_A@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье проводится анализ деятельности университетов (на примере МГУ имени М.В. Ломоносова) с позиций концепции организационной амбидекстрии, в основе которой лежит поиск оптимального баланса между базисными и приростными инновациями. Выявлены основные предпосылки для четырех типов амбидекстрии: последовательной (обеспечение прерывистого равновесия), структурной (создание дуальных структур, развитие системы менеджмента качества), контекстуальной (организационная культура и поведенческие факторы, поддержка метарутин, система стимулирования труда и карьерного роста) и межорганизационной (рыночная ориентация и проактивность, создание альянсов). Отличительной чертой амбидекстрии в университетах является органичное соединение трех ее основных типов: структурной, контекстуальной и межорганизационной, развитию каждого из которых служат свои поддерживающие механизмы. Такое переплетение трех типов амбидекстрии позволяет обеспечивать эффективность деятельности вуза и минимизировать вероятность конфликта между исследовательской и эксплуатационной составляющей. При этом определяющую роль играют поведенческие факторы — единство руководства университета, стимулирующего не только научных сотрудников, но также преподавателей, аспирантов и студентов к созданию инноваций, а также особенности индивидуального поведения самих сотрудников, способных гибко адаптироваться к изменяющейся внешней и внутренней среде посредством периодического смещения фокуса с исследовательской на эксплуатационную деятельность, и наоборот. Предпосылки и поддерживающие механизмы, рассмотренные в статье, могут служить ориентиром для создания и развития амбидекстрии в организациях, функционирующих в других отраслях экономики. При этом особое значение оптимальный баланс между исследованием и эксплуатацией приобретает в организациях — партнерах университетов, так как позволяет создавать более эффективные отношения сотрудничества. Развитие организационной амбидекстрии, таким образом, будет оказывать положительное влияние на повышение эффективности деятельности исследовательских консорциумов.

Ключевые слова

Организационная амбидекстрия, университет, стратегический менеджмент, исследования и эксплуатация, управление инновациями, предпосылки организационной амбидекстрии.

Для цитирования

Сидорова А.А. Университет как организация-амбидекстр // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 172–184. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-172-184](#)

University as an Ambidextrous Organization

Aleksandra A. Sidorova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0003-1166-4980](#), Sidorova_A@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the university activities (using the example of Lomonosov Moscow State University) from the standpoint of the organizational ambidexterity concept, which is based on the search for an optimal balance between basic and incremental innovations. The main prerequisites for four types of ambidexterity are identified: sequential (ensuring punctuated equilibrium), structural (creation of dual structures, development of a quality management system), contextual (organizational culture and behavioral factors, support for meta-routines, a system of labor incentives and career growth) and interorganizational (market orientation and proactivity, creation of alliances). A distinctive feature of ambidexterity at the university is the organic combination of its three main types: structural, contextual and interorganizational, the development of which is achieved by its own supporting mechanisms. Such interweaving of three types of ambidexterity allows ensuring the efficiency of the university activities and minimizing the likelihood of conflict between exploration and exploitation. In this case, the decisive role is played by behavioral factors — the unity of the university management, stimulating not only researchers, but also lecturers, postgraduates and students to create innovations, as well as the specifics of the individual behavior of the employees themselves, who are able to flexibly adapt to the changing external and internal environment by periodically shifting the focus from exploration to exploitation activities, and vice versa. The prerequisites and supporting mechanisms discussed in the article can serve as a guide for the creation and development of ambidexterity in organizations operating in other sectors of the economy. At the same time, the optimal balance between exploration and exploitation is of particular importance in partner organizations of the university, as it allows for the creation of more effective collaborative relationships. The development of organizational ambidexterity will thus have a positive impact on increasing the effectiveness of research consortia.

Keywords

Organizational ambidexterity, university, strategic management, exploration and exploitation, innovation management, organizational ambidexterity prerequisites.

For citation

Sidorova A.A. (2025) University as an Ambidextrous Organization. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik.* No. 108. P. 172–184. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-172-184](#)

Дата поступления/Received: 13.09.2024

Введение

В Концепции технологического развития России до 2030 года ставится задача усиления роли образовательных и научных организаций в качестве драйверов технологического развития за счет дополнения функциями в сфере исследований и разработок: расширения сети центров трансфера технологий на базе ведущих университетов и научно-исследовательских организаций, объединения научных организаций при участии бизнеса в национальные лаборатории и исследовательские консорциумы¹. Университеты традиционно играют важную роль в создании и трансфере технологий, выступая своего рода катализатором изменений в промышленной сфере [Воронов, Цзоу 2024, 139]. Наряду с реализацией своей третьей миссии (трансфер технологий и социальное участие) университет также уделяет большое внимание образовательной и научной деятельности, обеспечивая их развитие и взаимное усиление. Вместе с тем сотрудничество университетов и бизнеса далеко не всегда бывает продуктивным и взаимовыгодным [Сидорова 2021]. Одной из причин низкой эффективности взаимодействия научных и образовательных организаций с предприятиями являются принципиальные отличия в подходе к управлению инновационными процессами. И если в университетах исследовательские и образовательные функции взаимодополняют друг друга, то на предприятиях производство и НИОКР зачастую конфликтуют.

В этой связи представляется перспективным изучить возможности применения концепции организационной амбидекстрии, предлагающей широкий инструментарий поиска оптимального равновесия между исследовательской и эксплуатационной деятельностью (другими словами — созданием нового знания и использованием уже существующего в процессе разработки инноваций), для организаций высшего образования. Целью настоящей статьи является анализ деятельности университета с позиций организационной амбидекстрии и выявление особенностей управления научно-исследовательской и образовательной деятельностью, позволяющих находить оптимальный баланс между ними.

Обзор литературы

Проблематика инновационной деятельности университетов остается чрезвычайно популярной и востребованной на протяжении уже более полувека. «Тройная спираль» Г. Ицковица [Ицковиц 2010], «предпринимательские университеты» Б. Кларка [Кларк 2011], экосистема сотрудничества университетов и бизнеса В. Галан-Мьюрос и Т. Девея [Galan-Muros, Davey 2019], коммерциализация образования и инноваций в работах Р.Л. Гайгера [Гайгер 2018] и Д. Бока [Бок 2012] — труды, в которых отражены эти базовые закономерности реализации третьей миссии университета, стали классическими. Множество работ посвящено исследованию роли университетов в укреплении регионального инновационного потенциала [Воронов, Цзоу 2024], системе трансфера знаний и технологий в высшей школе [Сидорова 2021], проблеме коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в различных отраслях (например, концентрация НИОКР в научно-исследовательских институтах рассматривается в качестве драйвера коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в фармацевтической отрасли) [Кононкова, Полавская 2024, 199].

Вместе с тем лишь в небольшом числе зарубежных и отечественных публикаций проводится анализ особенностей управления организационной амбидекстрией в сфере высшего образования. В частности, исследователи определили приоритетные направления развития ведущих университетов мира исходя из анализа показателей главных мировых рейтингов университетов с позиций

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р. Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. П. 3 р. 5 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/147621/> (дата обращения: 01.07.2024).

разграничения исследовательской и эксплуатационной деятельности [Peris-Ortiz et al. 2023], а также выявили факторы, оказывающие влияние на успех реализации организационной амбидекстрии в вузе в целом [Hajjou, Soebagio 2023]. В.Г. Чаплыгин, Е.В. Карапина и В.Н. Мороз подчеркивают важную роль, которую играет трансфер технологий в обеспечении и росте конкурентоспособности инновационно-промышленного кластера [Чаплыгин и др. 2021]. В.И. Буренина и Я.С. Митрофанова, рассматривая деятельность вуза с позиций проектного подхода и экономики знаний, отмечают, что большое значение для трансформации классического университета в смарт-университет будет иметь создание «проектного офиса», в котором «управление проектами и управление знаниями становятся взаимосвязанными процессами» [Буренина, Митрофанова 2020, 52]. Тем не менее проблематика организационной амбидекстрии в данных работах затрагивается лишь косвенно. В этой связи проведение анализа деятельности университета с позиций организационной амбидекстрии представляется актуальным.

Предпосылки развития организационной амбидекстрии в университете

Исследовательский университет традиционно объединяет в себе преподавательскую и научную деятельность. В XX веке особое внимание стали уделять развитию третьей миссии университета — трансферу знаний и технологий (в узком смысле) и развитию общественно значимых инициатив университета (в широком понимании данного термина). В Уставе Московского университета неоднократно отмечается высокое значение «неразрывного единства учебного процесса и научных исследований»², которое лежит в основе его деятельности, направленной на всестороннее удовлетворение интеллектуальных и творческих потребностей личности и общества в целом.

Организационная амбидекстрия — это способность организации эффективно выполнять два вида деятельности: исследовательскую (разработка базисных инноваций) и эксплуатационную (разработка приростных инноваций). Принято выделять четыре основных подхода к реализации организационной амбидекстрии: последовательный, структурный, контекстуальный и межорганизационный [O'Reilly, Tushman 2013, 328–330; Сидорова 2023, 89–92]. Рассмотрим основные предпосылки развития амбидекстрии в университете (на примере деятельности МГУ имени М.В. Ломоносова) в рамках данных подходов.

Последовательная амбидекстрия

Для анализа организационной амбидекстрии многие исследователи применяют инструментарий концепции динамических способностей³. Предпосылками развития амбидекстрии в рамках данной концепции являются прерывистое равновесие (характерно для последовательной амбидекстрии, предполагающей чередование во времени периодов исследовательской и эксплуатационной деятельности), а также метарутины, рыночная ориентация и проактивность организации, которые в большей степени содействуют развитию контекстуальной и межорганизационной амбидекстрии соответственно.

Прерывистое равновесие описывает последовательное чередование периодов исследований и эксплуатации в организации: за длительными периодами эксплуатации, обеспечивающими относительную стабильность, следуют короткие периоды фокусирования на исследовательской деятельности, за которыми идет интеграция новых разработок в организационные процедуры

² Постановление Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 223 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». П. 10 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6386587/> (дата обращения: 12.08.2024).

³ Динамические способности организаций (dynamic capabilities) — это процессы, направленные на адаптацию, интеграцию и реконфигурацию организационных ресурсов в высоко турбулентных условиях внешнего окружения [Asif 2017, 1494; Yunita et al. 2023, 2–3].

[Asif 2017, 1495]. Вероятно, именно поэтому считается, что последовательная амбидекстрия больше подходит для небольших организаций, функционирующих в условиях стабильной внешней среды [O'Reilly, Tushman 2013, 328].

Деятельность любого университета связана с жестким образовательным ритмом, повторяющимся ежегодно: приемная кампания, осенний семестр, сессия, весенний семестр, сессия, выпускные испытания и вручение дипломов — и снова приемная кампания. Исследовательская деятельность также ритмична, так как подразумевает, помимо непосредственного выполнения технического задания, его ежегодное бюрократическое оформление. И оба вида деятельности — образовательная и научно-исследовательская — реализуются сотрудниками университета параллельно. В этой связи говорить о полном переключении образовательной организации с одного вида деятельности на другой просто не представляется возможным.

Структурная амбидекстрия

Структурная дифференциация (создание дуальных структур) и система менеджмента качества считаются главными предпосылками развития структурной амбидекстрии в организации, отличительной чертой которой является обособление исследовательской и эксплуатационной деятельности путем создания автономных подразделений.

Дуальные структуры. Преимущество дуальных структур (параллельно функционирующие бизнес-единицы, фокусирующиеся на исследованиях и эксплуатации) заключается в том, что каждое из подразделений может сосредоточиться на своих основных компетенциях. Одновременно такое жесткое разделение является и их главной слабостью, так как может привести к изоляции данных бизнес-единиц, стимулированию конкуренцию за ограниченные ресурсы, а также неспособности продуктивно объединять усилия для достижения общеорганизационных целей и извлекать выгоду из синергии исследовательской и эксплуатационной деятельности [Asif 2017, 1492–1493].

Минимизировать изоляцию исследовательских и эксплуатационных подразделений помогают общее стратегическое видение и организационные ценности, а также наличие целевых связующих механизмов. В МГУ имени М.В. Ломоносова обеспечивается параллельное функционирование подразделений, ориентированных в большей степени на эксплуатацию (факультеты, учебные центры), и исследовательских структурных единиц (научно-исследовательские институты, научные центры). Принципиальное значение для Московского университета имеет обеспечение неразрывного единства учебного процесса и научных исследований, что находит свое отражение в Уставе, а также иных нормативных документах, принятых на уровне МГУ и его структурных подразделений, например в Положении об организации научно-исследовательской деятельности факультета государственного управления⁴. Одним из связующих механизмов между исследовательской и эксплуатационной деятельностью являются научно-образовательные [школы](#) МГУ, целью деятельности которых является объединение учебного процесса университета и его научного потенциала для создания новых образовательных программ и развития перспективных междисциплинарных направлений современной науки.

При этом следует отметить, что структурные предпосылки могут варьироваться от создания полноценных бизнес-единиц (например, научно-исследовательских институтов в составе Московского университета) до каких-либо организационных элементов на микроуровне (создание лабораторий и научно-исследовательских центров в рамках структуры факультетов).

⁴ Положение об организации научно-исследовательской деятельности факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова от 26 декабря 2023 г. // ФГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://spa.msu.ru/nauka/> (дата обращения: 10.08.2024).

Система менеджмента качества. Исследователи сходятся во мнении, что управление качеством в организации оказывает положительное влияние не только на эксплуатационную деятельность (как считалось ранее), но также способствует развитию инноваций и, таким образом, является одной из предпосылок амбидекстрии [Asif 2017, 1493; Kafetzopoulos 2021, 926–927]. Например, базовые инструменты контроля качества (контрольные листки, гистограммы, диаграмма Исиавы, анализ Парето, контрольные карты), использующиеся для оптимизации процессов и повышения эффективности, в большей степени оказывают влияние на эксплуатационную составляющую. Кружки качества, мозговой штурм и кайдзен, в основе которого лежит непрерывное улучшение всех процессов производства, способствуют развитию исследовательской деятельности [Asif 2017, 1494].

В Московском университете создана система управления качеством образования, в которой также прослеживаются возможности положительного влияния на развитие организационной амбидекстрии. В частности, комплексная проверка качества образовательной деятельности в МГУ включает в себя три направления. Первое — это систематическое проведение самооценки качества образования (что в большей степени влияет на эксплуатационную составляющую). Ее важными элементами являются ежегодная проверка уровня остаточных знаний студентов по базовым дисциплинам, перекрестная проверка факультетами образовательных программ на предмет их соответствия образовательным стандартам, а также работа с обращениями студентов и сотрудников через Электронную приемную. Данные мероприятия по контролю качества образования оказывают непосредственное влияние на повышение эффективности деятельности университета и реализации его образовательной миссии, поэтому могут быть отнесены к эксплуатационной деятельности.

Второе направление комплексной проверки качества образовательной деятельности в МГУ — мониторинг, разработка и систематизация потребностей рынка труда на основе проведенных исследований. Третье — выявление требований потребителей к качеству образовательных услуг, а также создание системы непрерывного совершенствования образовательной деятельности⁵. Данные направления в большей степени влияют на исследовательскую составляющую, способствуя формированию общего стратегического видения и повышению степени адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

Контекстуальная амбидекстрия

Главными предпосылками развития контекстуальной амбидекстрии, в рамках которой сотрудники самостоятельно определяют соотношение исследовательской и эксплуатационной составляющих в своей деятельности, являются организационная культура, поддерживающая самостоятельность и ответственность сотрудников, поддержка метарутин, а также система стимулирования труда и карьерного роста.

Организационная культура играет посредническую роль в развитии контекстуальной амбидекстрии. Ее становлению и укреплению способствуют социальный контекст (поддержка инициативности сотрудников руководством) и контекст управления эффективностью (поиск и распространение лучших практик, обновление стандартов и проч.) [Úbeda-García et al. 2020, 364; Сидорова 2023, 90–91].

В основе научной деятельности Московского университета лежат принципы обеспечения органичной связи научных исследований и учебного процесса, а также реализации совместных научно-исследовательских программ с другими отечественными и зарубежными научными и

⁵ Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2022 год. С. 42 // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/upload/pdf/2023/samoobsli2023.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

образовательными организациями⁶. Важным инструментом реализации целей, задач и принципов деятельности МГУ является Программа развития Московского университета до 2030 года⁷, в рамках реализации которой на регулярной основе проводятся семинары, а также конкурсы работ, способствующих решению задач Программы развития МГУ. В Московском университете был также принят Этический кодекс⁸, в котором конкретизируются морально-этические нормы поведения и обязанности профессорско-преподавательского и научного состава, а также учащихся. Распространению новых знаний и лучших научных практик служат также общеуниверситетские проекты и мероприятия (например, [проект «Вернадский»](#), направленный на формирование научно-образовательных консорциумов; экспертная [площадка](#) МГУ «Диалог о настоящем и будущем» и др.). Все это можно рассматривать в качестве предпосылок развития амбидекстрии как на организационном, так и на межорганизационном уровне (речь о котором пойдет ниже).

Структурный аспект также оказывает влияние на особенности организационной культуры и, как следствие, на развитие амбидекстрии. Принято считать, что эксплуатация тяготеет к механистическим структурам, отличительными чертами которых являются жесткая иерархия, прочные взаимосвязи между элементами и большая ориентация на внутренние процессы, а исследовательская деятельность — к органическим, которым свойственны новаторство, принятие риска, гибкость и ориентация на внешнюю среду [Asif 2017, 1499]. Действительно, традиционно в университете линейно-функциональная структура (деятельность основных структурных единиц которой связана с обеспечением полноценной реализации трех миссий университета: образовательной, научно-исследовательской и трансфера знаний и технологий) совмещается с элементами матрично-сетевой (например, создание временных творческих коллективов для реализации научно-исследовательских проектов), что является дополнительным фактором, положительно влияющим на развитие амбидекстрии в вузе.

Метарутины. Организационные рутины представляют собой «привычные, предсказуемые, нормальные образцы деятельности», «неизменные структурно-поведенческие комплексы» [Хмелькова, Попов 2005, 23–24], облегчающие выполнение задач и способствующие повышению организационной эффективности. Метарутины представляют собой процедуры более высокого уровня и являются генераторами внутрифирменных изменений. Они помогают оценить и модифицировать старые процедуры, а также создавать новые как для исследовательской, так и для эксплуатационной деятельности [Asif 2017, 1495]. В качестве примера можно привести организацию системы управления качеством образования в Московском университете. Так, на факультетах на постоянной основе действуют комиссии по внутреннему контролю оценки качества образовательной деятельности, причем более половины состава комиссии — это студенты факультета, то есть непосредственные потребители образовательных услуг. Студенческий совет МГУ, в свою очередь, проводит регулярную работу над предложениями по совершенствованию системы контроля за качеством образования⁹. Таким образом, на уровне метарутин происходит координация, синхронизация и взаимная интеграция исследовательской и эксплуатационной деятельности, что способствует укреплению динамических способностей Московского университета.

⁶ Устав МГУ, п. 95.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.06.2021 № 1494-р. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» до 2030 года // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106100014?index=1> (дата обращения: 01.07.2024).

⁸ Этический кодекс Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // Юридический факультет МГУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.msu.ru/uploads/files/eticheskij_kodeks_MSU%281%29.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

⁹ Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2022 год. С. 46, 116 // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/upload/pdf/2023/samoobsl2023.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

Система стимулирования труда и карьерного роста. Принято считать, что сотрудники, занимающиеся исследовательской деятельностью, обладают высокой внутренней мотивацией, в то время как сотрудники, чья деятельность в большей степени связана с эксплуатацией, нуждаются во внешней мотивации [Asif 2017, 1498]. Использование единой системы стимулирования может, таким образом, привести к фокусированию сотрудников на эксплуатации, результаты которой легко предсказуемы и поддаются оценке в краткосрочной перспективе, в отличие от исследовательской деятельности, что может негативно повлиять на развитие организации в будущем.

Система стимулирования труда в любом университете направлена на поддержку и исследовательской, и эксплуатационной деятельности. Например, для прохождения конкурса на замещение должностей педагогических работников необходимо одновременное соблюдение трех условий: наличие достаточного объема аудиторной нагрузки (чтение лекций и проведение семинарских занятий), а также учебно-методических изданий и научных публикаций¹⁰. В МГУ разработана своя система учета и анализа научной деятельности сотрудников (ИСТИНА — Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных), которая, в свою очередь, создает определенные ориентиры для профессорско-преподавательского состава. Помимо этого, в МГУ проводятся различные конкурсы, которые также побуждают сотрудников совершенствовать свою деятельность в определенных направлениях. Например, на ежегодной основе проводится конкурс работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета, который направлен на стимулирование как исследовательской, так и эксплуатационной деятельности.

Межорганизационная амбидекстрия

Межорганизационная амбидекстрия проявляется в сотрудничестве разных организаций в рамках своей исследовательской и (или) эксплуатационной деятельности. Главными ее предпосылками выступают рыночная ориентация и проактивность (анализ возможностей внешней среды и готовность организации к их использованию), а также непосредственно создание различных форм альянсов.

Создание альянсов. Принято считать, что недостаточное развитие эксплуатационной или исследовательской деятельности в организации может быть компенсировано развитием данных видов деятельности на межорганизационном уровне — через создание альянсов с партнерами. Такое разведение ресурсов уменьшает взаимозависимость исследований и эксплуатации и позволяет обойти необходимость поддержки конфликтующих организационных процедур в рамках каждого из данных видов деятельности [Stettner, Lavie 2014, 1907–1909]. Более того, создание альянсов дает организации возможность получить непосредственный контроль над знаниями, которые полностью отличаются от ее внутренних знаний, не требуя родства, сходства или комбинаторности [Сидорова 2023, 92].

Вместе с тем создание межорганизационной амбидекстрии несет в себе и определенные риски. К ним относятся риск потери автономии в области НИОКР из-за сильной зависимости от внешних источников знаний; риск, что текущие партнеры могут стать конкурентами в будущем; диссинергия внешних и внутренних знаний и технологий (приобретенные внешние ресурсы и технологии могут не подходить для внутренних инноваций) [Hwang et al. 2023, 868]. Помимо этого, ряд исследователей пришли к выводу, что межорганизационная амбидекстрия

¹⁰ Приказ № 1466 от 20 ноября 2023 года «Об утверждении Положения о порядке проведения избрания по конкурсу на замещение должностей педагогических и научных работников Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова». П. 4.7 // Исторический факультет МГУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/upload/iblock/436/Pr-MSU_1466_20112023.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

сама по себе оказывает негативное влияние на производительность компании в случае отсутствия амбидекстрии на организационном уровне. И только при одновременном развитии и организационной, и межорганизационной амбидекстрии производительность компании будет возрастать [Solís-Molina et al. 2022, 45].

В Московском университете традиционно уделяется большое внимание налаживанию партнерских связей с российскими и зарубежными университетами, научно-исследовательскими институтами, а также другими организациями коммерческого и некоммерческого секторов. Содействие развитию международного сотрудничества, а также формирование и выполнение совместно с другими вузами и научными организациями научных программ — это базовые принципы научной деятельности МГУ¹¹. Важным инструментом интернационализации образования и научно-технического сотрудничества является развитие института международных ассоциаций совместно с Российским Союзом ректоров (межвузовские ассоциации с университетами Китая, Ирана, Кубы, Индии, Белоруссии, стран Арабского мира)¹². На регулярной основе проводятся форумы ректоров российских и зарубежных университетов, на полях которых достигаются договоренности о реализации совместных проектов в области образования и науки¹³.

На многих факультетах Московского университета (факультете государственного управления, химическом, историческом, экономическом, юридическом и др.) реализуется программа двойных дипломов, позволяющая параллельно проходить обучение в двух вузах. Например, в 2024 году факультет государственного управления открыл дочерний факультет — факультет управления в Совместном университете МГУ-ППИ в г. Шэнъчжэнь (КНР). Студенты имеют возможность пройти обучение на трех языках (русский, китайский и английский) и по завершении обучения получают два диплома: ФГУ (диплом МГУ) и факультета управления МГУ-ППИ (китайский диплом государственного образца)¹⁴.

Активно развиваются программы академической мобильности для студентов, аспирантов и преподавателей, причем одной из основных форм международной академической мобильности в МГУ является включенное обучение, позволяющее не прерывать образовательный процесс студента в МГУ. Большое внимание уделяется развитию сетевой формы реализации образовательных программ, в рамках которой базовые дисциплины читаются в МГУ, а научно-исследовательская работа выполняется студентами в институтах РАН¹⁵. Все это свидетельствует о высокой степени развития амбидекстрии как на организационном, так и на межорганизационном уровнях, что подтверждается высокими результатами, которые достигают студенты и профессора МГУ.

Важными предпосылками развития межорганизационной амбидекстрии являются также *рыночная ориентация и проактивность*. Рыночная ориентация подразумевает постоянный мониторинг внешней среды организации, анализ ее изменений и обеспечение своевременного реагирования со стороны всей организации [Asif 2017, 1496]. Проактивность отражает стратегический потенциал и готовность организации к использованию возможностей внешней среды [Kafetzopoulos 2021, 925].

¹¹ Постановление Правительства РФ от 28 марта 2008 г. N 223 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». П. 10 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6386587/> (дата обращения: 12.08.2024).

¹² Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2022 год. С. 8–12, 111–112 // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/upload/pdf/2023/samoobsl2023.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

¹³ По данным за 2022 год, МГУ имени М.В. Ломоносова имел более 600 действующих соглашений об академическом и научном сотрудничестве с зарубежными образовательными организациями из 88 стран мира; по данным на 2024 год, — более 700. Источник: Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2022 год. С. 100 // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/upload/pdf/2023/samoobsl2023.pdf>; Зарубежные партнеры МГУ // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/int/partn/> (дата обращения: 14.07.2024).

¹⁴ Факультет управления в Совместном университете МГУ-ППИ (КНР) // ФГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://spa.msu.ru/spamsu-shenzhen/> (дата обращения: 27.08.2024).

¹⁵ Отчет о самообследовании Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова за 2022 год. С. 94–96 // МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://msu.ru/upload/pdf/2023/samoobsl2023.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

В Московском университете большое внимание уделяется взаимодействию с ключевыми стейкхолдерами и отслеживанию изменений во внешней среде. Например, представители бизнеса и некоммерческого сектора привлекаются к разработке и реализации образовательных программ, что позволяет повысить степень соответствия формируемых у студентов знаний и компетенций запросам со стороны будущих работодателей. Помимо этого, в университете постоянно ведется работа по актуализации образовательных стандартов, самостоятельно устанавливаемых МГУ¹⁶. Реализация совместных научно-исследовательских проектов Московского университета и организаций бизнеса и некоммерческого сектора также позволяют актуализировать стратегическое видение МГУ в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды.

Выводы и результаты

Проведенный анализ деятельности Московского университета с позиций организационной амбидекстрии позволил выявить основные предпосылки и поддерживающие механизмы ее развития в исследовательском университете (Таблица 1).

Таблица 1. Предпосылки развития организационной амбидекстрии в университете¹⁷

Тип амбидекстрии	Предпосылки и поддерживающие механизмы	Предпосылки и поддерживающие механизмы в МГУ имени М.В. Ломоносова
Последовательная	Обеспечение прерывистого равновесия	Не свойственно на организационном уровне; на индивидуальном — творческий отпуск
Структурная	Создание дуальных структур	Наличие подразделений, ориентированных преимущественно на эксплуатацию (факультеты, учебные центры), и исследовательских структурных единиц (научно-исследовательские институты, научные центры)
	Система менеджмента качества	Комплексная проверка качества образовательной деятельности: самооценка качества образования; мониторинг и систематизация потребностей рынка труда; выявление требований потребителей и система непрерывного совершенствования образовательной деятельности
Контекстуальная	Организационная культура и поведенческие факторы	Важность органичной связи научных исследований и учебного процесса, постоянного самосовершенствования (Устав МГУ, Этический кодекс МГУ). Общеуниверситетские проекты и мероприятия (Программа развития МГУ, проект «Вернадский» и др.)
	Поддержка метарутин	Деятельность комиссий по внутреннему контролю оценки качества образовательной деятельности
	Система стимулирования труда и карьерного роста	Условия прохождения конкурса на замещение должностей педагогических работников; система учета и анализа научной деятельности сотрудников (ИСТИНА); система премирования; конкурс работ, способствующих решению задач программы развития МГУ, и проч.

¹⁶ Там же. С. 27–35, 41.

¹⁷ Составлено автором по: [Asif 2017; O'Reilly, Tushman 2013; Stettner, Lavie 2014; Úbeda-García et al. 2020].

Межорганизационная	Рыночная ориентация и проактивность	Актуализация образовательных стандартов МГУ; привлечение представителей бизнеса и НКО к разработке образовательных программ; мониторинг изменений запросов работодателей и проч.
	Создание альянсов	Межвузовские ассоциации для реализации совместных проектов в области образования и науки (более 700 действующих договоров и соглашений); программа двойных дипломов; включенное обучение

Таким образом, можно сделать вывод, что МГУ имени М.В. Ломоносова является организацией-амбидекстром, успешно осуществляющей как исследовательскую, так и эксплуатационную деятельность. Отличительной чертой амбидекстрии в университете является органичное соединение трех ее основных типов: структурной, контекстуальной и межорганизационной, развитию каждого из которых служат свои поддерживающие механизмы. Можно сделать вывод, что именно такое переплетение трех типов амбидекстрии позволяет обеспечивать эффективность деятельности вуза и минимизировать вероятность конфликта между исследовательской и эксплуатационной составляющей. При этом определяющую роль играют поведенческие факторы: единство руководства университета, стимулирующего не только научных сотрудников, но также преподавателей, аспирантов и студентов к созданию инноваций, а также особенности индивидуального поведения самих сотрудников, способных гибко адаптироваться к изменяющейся внешней и внутренней среде посредством периодического смещения фокуса с исследовательской на эксплуатационную деятельность, и наоборот.

Заключение

Университет традиционно объединяет процессы создания нового знания и использования уже существующего при разработке инноваций, в связи с чем проведение всестороннего анализа деятельности университетов с позиций организационной амбидекстрии может быть полезным не только с точки зрения повышения эффективности организаций высшего образования. Исследование дает возможность уточнить концептуальные особенности и углубить понимание закономерностей развития организационной амбидекстрии в целом.

Предпосылки и поддерживающие механизмы, рассмотренные в статье, могут также служить ориентиром для создания и развития амбидекстрии в организациях, функционирующих в других отраслях экономики. При этом особое значение оптимальный баланс между исследованием и эксплуатацией приобретает в организациях — партнерах университета, так как позволяет создавать более эффективные отношения сотрудничества, облегчить взаимодействие и выстроить двусторонние процессы так, чтобы максимизировать взаимную выгоду. Развитие организационной амбидекстрии, таким образом, будет оказывать положительное влияние на повышение эффективности деятельности исследовательских консорциумов, а также будет способствовать достижению целостности инновационного цикла.

Список литературы:

Бок Д. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Буренина В.И., Митрофанова Я.С. Применение гибридного подхода в управлении проектами создания и развития смарт-университета // Технологии разработки и отладки сложных технических систем. VII Всероссийская научно-практическая конференция: сборник трудов. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2020. С. 50–55.

Воронов А.С., Цзоу С. Взаимосвязь научно-технологических достижений университетов и региональной инновационной системы в обеспечении устойчивого экономического развития мезоуровня // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 137–151. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151)

Гайгер Л.Р. Знания и деньги. Исследовательские университеты и парадокс рынка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.

Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.

Кононкова Н.П., Полавская Н.В. Государственная поддержка коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в социально значимых отраслях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 196–207. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207)

Сидорова А.А. Сотрудничество университетов и бизнеса в цифровую эпоху. М.: Аргамак-Медиа, 2021.

Сидорова А.А. Организационная амбидекстрия: концептуальные основы и современные подходы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 86–95. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-86-95](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-86-95)

Хмелькова Н.В., Попов Е.В. Полидинамичность организационных рутин внутренней среды предприятия // Известия Уральского государственного экономического университета. 2005. № 10. С. 22–30.

Чаплыгин В.Г., Каранина Е.В., Мороз В.Н. Влияние трансфера технологий на реализацию инновационных проектов в инновационно-промышленном кластере (на примере АО «Объединенная судостроительная корпорация») // Морские интеллектуальные технологии. 2021. № 2–1(52). С. 160–167. DOI: [10.37220/MIT.2021.52.2.023](https://doi.org/10.37220/MIT.2021.52.2.023)

Asif M. Exploring the Antecedents of Ambidexterity: A Taxonomic Approach // Management Decision. 2017. Vol. 55. Is. 7. P. 1489–1505. DOI: [10.1108/MD-12-2016-0895](https://doi.org/10.1108/MD-12-2016-0895)

Galan-Muros V., Davey T. The UBC Ecosystem: Putting Together a Comprehensive Framework for University-Business Cooperation // Journal of Technology Transfer. 2019. Vol. 44. P. 1311–1346. DOI: [10.1007/s10961-017-9562-3](https://doi.org/10.1007/s10961-017-9562-3)

Harjono D.K., Soebagio A. Legal Analysis of Development in Organizational Ambidexterity in Higher Education Institutions // Al-Manhaj: Jurnal Hukum dan Pranata Social Islam. 2023. Vol. 5. Is. 1. P. 695–704. DOI: [10.37680/almanhaj.v5i1.2565](https://doi.org/10.37680/almanhaj.v5i1.2565)

Hwang B.-N., Lai Y.-P., Wang C. Open Innovation and Organizational Ambidexterity // European Journal of Innovation Management. 2023. Vol. 26. Is. 3. P. 862–884. DOI: [10.1108/EJIM-06-2021-0303](https://doi.org/10.1108/EJIM-06-2021-0303)

Kafetzopoulos D. Organizational Ambidexterity: Antecedents, Performance and Environmental Uncertainty // Business Process Management Journal. 2021. Vol. 27. Is. 3. P. 922–940. DOI: [10.1108/BPMJ-06-2020-0300](https://doi.org/10.1108/BPMJ-06-2020-0300)

O'Reilly C.A., Tushman M. Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future // Academy of Management Perspectives. 2013. Vol. 27. Is. 4. P. 324–338.

Peris-Ortiz M., García-Hurtado D., Prado Román A. Measuring Knowledge Exploration and Exploitation in Universities and the Relationship with Global Ranking Indicators // European Research on Management and Business Economics. 2023. Vol. 29. Is. 2. DOI: [10.1016/j.jedeen.2022.100212](https://doi.org/10.1016/j.jedeen.2022.100212)

Solís-Molina M., Hernández-Espallardo M., Rodríguez-Orejuela A. Performance Implications of Organizational Ambidexterity // Journal of Technology Management & Innovation. 2022. Vol. 17. Is. 1. P. 38–49. DOI: [10.4067/S0718-27242022000100038](https://doi.org/10.4067/S0718-27242022000100038)

Stettner U., Lavie D. Ambidexterity under Scrutiny: Exploration and Exploitation via Internal Organization, Alliances, and Acquisitions // Strategic Management Journal. 2014. Vol. 35. Is. 13. P. 1903–1929. DOI: [10.1002/smj.2195](https://doi.org/10.1002/smj.2195)

Úbeda-García M., Claver-Cortés E., Marco-Lajara B., Zaragoza-Sáez P. Toward a Dynamic Construction of Organizational Ambidexterity: Exploring the Synergies between Structural Differentiation, Organizational Context, and Interorganizational Relations // Journal of Business Research. 2020. Vol. 112. P. 363–372. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.10.051](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.051)

Yunita T., Sasmoko S., Bandur A., Alamsjah F. Organizational Ambidexterity: The Role of Technological Capacity and Dynamic Capabilities in the Face of Environmental Dynamism // Helion. 2023. Vol. 9. Is. 4. DOI: [10.1016/j.heliyon.2023.e14817](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14817)

References:

Asif M. (2017) Exploring the Antecedents of Ambidexterity: A Taxonomic Approach. *Management Decision*. Vol. 55. Is. 7. P. 1489–1505. DOI: [10.1108/MD-12-2016-0895](https://doi.org/10.1108/MD-12-2016-0895)

Bok D. (2012) *Universities in the Marketplace. The Commercialization of Higher Education*. Moscow: Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki.

Burenina V.I., Mitrofanova Ya.S. (2020) Application of a Hybrid Approach in Project Management for the Creation and Development of a Smart University. *Tekhnologii razrabotki i otdelki slozhnykh tekhnicheskikh sistem. VII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: sbornik trudov*. Moscow: MGTU im. N.E. Baumana. P. 50–55.

Chaplygin V.G., Karanina E.V., Moroz V.N. (2021) The Impact of Technology Transfer on the Implementation of Innovative Projects in the Innovative Industrial Cluster (on the Example of United Shipbuilding Corporation JSC). *Morskiye intellektual'nyye tekhnologii*. No. 2–1(52). P. 160–167. DOI: [10.37220/MIT.2021.52.2.023](https://doi.org/10.37220/MIT.2021.52.2.023)

Clark B.R. (2011) *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*. Moscow: Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki.

Etzkowitz H. (2010) *The Triple Helix. University-Industry-Government. Innovation in Action*. Tomsk: Izd-vo TUSUR.

Galan-Muros V., Davey T. (2019) The UBC Ecosystem: Putting Together a Comprehensive Framework for University-Business Cooperation. *Journal of Technology Transfer*. Vol. 44. P. 1311–1346. DOI: [10.1007/s10961-017-9562-3](https://doi.org/10.1007/s10961-017-9562-3)

Geiger R.L. (2018) *Knowledge and Money. Research Universities and the Paradox of the Marketplace*. Moscow: Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki.

Harjono D.K., Soebagio A. (2023) Legal Analysis of Development in Organizational Ambidexterity in Higher Education Institutions. *Al-Manhaj: Jurnal Hukum dan Pranata Social Islam*. Vol. 5. Is. 1. P. 695–704. DOI: [10.37680/almanhaj.v5i1.2565](https://doi.org/10.37680/almanhaj.v5i1.2565)

Hwang B.-N., Lai Y.-P., Wang C. (2023) Open Innovation and Organizational Ambidexterity. *European Journal of Innovation Management*. Vol. 26. Is. 3. P. 862–884. DOI: [10.1108/EJIM-06-2021-0303](https://doi.org/10.1108/EJIM-06-2021-0303)

Kafetzopoulos D. (2021) Organizational Ambidexterity: Antecedents, Performance and Environmental Uncertainty. *Business Process Management Journal*. Vol. 27. Is. 3. P. 922–940. DOI: [10.1108/BPMJ-06-2020-0300](https://doi.org/10.1108/BPMJ-06-2020-0300)

Khmelkova N.V., Popov E.V. (2005) Polidinamichnost' organizatsionnykh rutin vnutrenney sredy predpriyatiya [Polydynamics of organizational routines of the internal environment of the enterprise]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 10. P. 22–30.

Kononkova N.P. Polavskaya N.V. (2024) State Support for Commercialization of Intellectual Activity Results in Socially Significant Industries. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 196–207. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207)

O'Reilly C.A, Tushman M. (2013) Organizational Ambidexterity: Past, Present, and Future. *Academy of Management Perspectives*. Vol. 27. Is. 4. P. 324–338.

Peris-Ortiz M., García-Hurtado D., Prado Román A. (2023) Measuring Knowledge Exploration and Exploitation in Universities and the Relationship with Global Ranking Indicators. *European Research on Management and Business Economics*. Vol. 29. Is. 2. DOI: [10.1016/j.iedeen.2022.100212](https://doi.org/10.1016/j.iedeen.2022.100212)

Sidorova A.A. (2021) *Sotrudничество университетов и бизнеса в цифровую эпоху* [University-business cooperation in the digital age]. Moscow: Argamak-Media.

Sidorova A.A. (2023) Organizational Ambidexterity: Conceptual Foundations and Modern Approaches. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 98. P. 86–95. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-86-95](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-86-95)

Solís-Molina M., Hernández-Espallardo M., Rodríguez-Orejuela A. (2022) Performance Implications of Organizational Ambidexterity. *Journal of Technology Management & Innovation*. Vol. 17. Is. 1. P. 38–49. DOI: [10.4067/S0718-27242022000100038](https://doi.org/10.4067/S0718-27242022000100038)

Stettner U., Lavie D. (2014) Ambidexterity under Scrutiny: Exploration and Exploitation via Internal Organization, Alliances, and Acquisitions. *Strategic Management Journal*. Vol. 35. Is. 13. P. 1903–1929. DOI: [10.1002/smj.2195](https://doi.org/10.1002/smj.2195)

Úbeda-García M., Claver-Cortés E., Marco-Lajara B., Zaragoza-Sáez P. (2020) Toward a Dynamic Construction of Organizational Ambidexterity: Exploring the Synergies between Structural Differentiation, Organizational Context, and Interorganizational Relations. *Journal of Business Research*. Vol. 112. P. 363–372. DOI: [10.1016/j.jbusres.2019.10.051](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.10.051)

Voronov A.S., Xinyu Z. (2024) Correlation between Scientific and Technological Achievements of Universities and Regional Innovation System in Ensuring Sustainable Economic Development at the Meso Level. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 137–151. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151)

Yunita T., Sasmoko S., Bandur A., Alamsjah F. (2023) Organizational Ambidexterity: The Role of Technological Capacity and Dynamic Capabilities in the Face of Environmental Dynamism. *Helion*. Vol. 9. Is. 4. DOI: [10.1016/j.heliyon.2023.e14817](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e14817)

Образовательная миграция женщин из мусульманских стран

Ульмясбаева Анастасия Олеговна

Соискатель, старший преподаватель, SPIN-код РИНЦ: [2008-7285](#), ORCID: [0000-0001-9546-8244](#), ulmyasbaevaa@mail.ru

Филиал ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, РФ.

Аннотация

В условиях современных трансформаций социальных систем образовательная миграция становится важным инструментом для преодоления социальных и экономических барьеров, с которыми сталкиваются мусульманские женщины. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого научного анализа роста образовательной мобильности мусульманских женщин и проблем их социализации в принимающем обществе. Статья посвящена изучению основных направлений научного дискурса данного процесса, а также факторам и последствиям, отражающим социальные изменения и влияющим на социально-экономическое развитие стран. Исследование фокусируется на проблемах, препятствующих успешной интеграции в культуру и адаптации в обществе мусульманских женщин, приезжающих получать образование в другие страны. В результате подчеркивается важность учета всего комплекса влияющих факторов для разработки эффективных политик и программ, направленных на поддержку мусульманских женщин в процессе миграции и интеграции в образовательные системы. Названы необходимые перспективные исследования и направления дальнейшего развития научного знания об образовательной миграции женщин из мусульманских стран: механизмы адаптации мусульманских студенток к новым культурным условиям, влияние социокультурной дезорганизации на академическую успеваемость и психическое здоровье, индивидуальные практики, миграционные политики принимающих и отдающих стран.

Ключевые слова

Образовательная миграция, мусульманские женщины, образовательная мобильность, культурная дислокация, дискриминация.

Для цитирования

Ульмясбаева А.О. Образовательная миграция женщин из мусульманских стран //Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 185-196. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196](#)

Educational Migration of Women from Muslim Countries

Anastasia O. Ulmyasbaeva

PhD applicant, Senior lecturer, ORCID: [0000-0001-9546-8244](#), ulmyasbaevaa@mail.ru

Branch of KuzGTU in Novokuznetsk, Novokuznetsk, Russian Federation.

Abstract

With globalization and changes in educational systems, educational migration is becoming an important tool to overcome the social and economic barriers faced by Muslim women. The relevance of the study as an important social phenomenon is defined by the need for a deep scientific analysis of educational mobility growth of Muslim women and their socialization into the host society. The article is devoted to the study of the main directions of scientific discourse of this process, as well as the factors and consequences that reflect social changes and have a significant impact on the socio-economic development of countries. The study focuses on the problems that hinder the successful integration into culture and adaptation into society of Muslim women who come to study in other countries. The conclusion emphasizes the importance of taking into account the full range of influencing factors in order to develop effective policies and programs aimed at supporting Muslim women in the process of migration and integration into educational systems. A necessary long-term research and directions for further development of scientific knowledge about the educational migration of women from Muslim countries are identified: mechanisms of adaptation of Muslim women to new cultural conditions, the impact of sociocultural disorganization on academic performance and mental health, individual practices, migration policies of receiving and sending countries.

Keywords

Educational migration, Muslim women, educational mobility, cultural dislocation, discrimination.

For citation

Ulmyasbaeva A.O. (2025) Educational Migration of Women from Muslim Countries. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 108. P. 185-196. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-108-2025-185-196](#)

Дата поступления/Received: 06.01.2025

Введение

Интенсификация образовательных миграционных потоков становится одним из мегатрендов современного образования. Особое внимание исследователей привлекает активизация женщин из мусульманских стран в процессе образовательной миграции, нехарактерная для исламской религии.

Следует также отметить, что изменения миграционных потоков происходят в контексте общих тенденций интернационализации образования, ключевым элементом которой является международная академическая мобильность, которая прежде всего понимается как участие обучающихся, преподавателей и исследователей в учебной или научной деятельности в зарубежных образовательных организациях и во внеурочных программах в этих организациях на определенный период, после чего обучающийся возвращается в свою страну [Рябинина 2020; Андрюшина, Рябинина 2023].

В последние годы наблюдается значительный рост числа женщин среди международных студентов, который, с одной стороны, связан с качественными социокультурными и демографическими изменениями в глобальном контексте. С другой этому способствуют изменения в социально-экономических ролях женщин в обществе. Эмансипация и новые социальные функции формируют обновленную статусно-ролевую модель жизни мусульманских женщин, делая их более активными, мобильными и свободными. Доля женщин в образовательной миграции увеличилась на 20% с 2014 по 2021 года¹. Основными странами, принимающими мигрантов для получения образования, стали США, Великобритания, Германия и Франция. Например, в 2022 году более 50000 женщин из стран Ближнего Востока и Северной Африки поступили в европейские университеты. Основным направлением образовательной миграции из стран Центральной Азии является Россия. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, количество женщин, обучающихся по программам высшего образования в очной форме, стабильно растет и в учебном году 2020/2021 составило примерно 37 тыс. человек. При этом Россия продолжает оставаться ведущим направлением для студентов из Центральной Азии, предлагая широкий спектр образовательных программ и возможностей; Казахстан и Кыргызстан становятся важными игроками на рынке образовательных услуг, привлекая студентов из соседних государств и создавая конкурентоспособные образовательные системы; Узбекистан демонстрирует интенсивный рост образовательной миграции, о чем свидетельствует растущий интерес к обучению в соседних странах, таких как Казахстан и Кыргызстан².

Несмотря на это, мировая общественность по-прежнему недооценивает процесс образовательной миграции мусульманских женщин, способствующий снижению половой дискриминации, улучшению качества жизни и получению новых прав и свобод.

Образовательная миграция женщин из мусульманских стран является динамичным процессом, отличительной чертой которого является способность ислама интегрировать элементы различных культур. Процесс ассимиляции в странах с высокой степенью секуляризации проходит более успешно. В этом контексте Россия выступает как страна с более чем 70 религиозными конфессиями, каждая из которых имеет возможность свободно исповедовать свои ценности. Верующие могут беспрепятственно посещать православные церкви, мечети, буддистские храмы, католические костелы, синагоги и дацаны. Согласно данным ВЦИОМ за 2021 год, религиозный (конфессиональный) состав населения России выглядел следующим образом: православие — 66%; ислам — 6%; буддизм — 1%; протестантизм — 1%³. Ислам занимает второе место, и значительная часть населения придерживается мусульманских ценностей. В то же время Россия является светским государством, где не существует давления на граждан в отношении соблюдения религиозных обрядов.

¹ Аналитическая записка: Высшее образование в Центральной Азии // UNESCO [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000377911_rus (дата обращения: 19.12.2024).

² Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий // IOM UN Migration [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

³ Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=m4jw3sgghe565207800> (дата обращения: 19.12.2024).

Современные социологи отмечают, что растущая феминизация образовательной миграции среди мусульманских стран приводит к ослаблению и трансформации религиозных норм, а глобальные процессы создают как возможности, так и вызовы.

В последние годы глобальные аспекты процесса образовательной миграции мусульманских женщин все чаще включаются в научный дискурс. Анализ публикаций миграционной проблематики выявил ряд наиболее дискуссионных научных тем: методологические проблемы исследования социального процесса, факторы и последствия образовательной миграции среди мусульманских женщин, ключевые проблемы с которыми сталкиваются мусульманские женщины, получающие образование за границей.

Методология и обзор научных теорий

Образовательная миграция женщин из мусульманских стран, в силу изменения масштабов и многогранного охвата культурных, социально-экономических и политических факторов, актуализировала изучение данной проблематики.

В последние годы различные аспекты образовательной миграционной проблематики все чаще включаются в научный дискурс и рассматриваются через призму различных теорий и методологических подходов.

С точки зрения теории рационального выбора индивиды принимают решения, основываясь на логическом анализе, стремясь максимизировать свои преимущества и минимизировать затраты. Это подразумевает, что мусульманские женщины могут решиться на миграцию с целью получения доступа к качественному образованию, лучшим карьерным возможностям и экономической независимости. В частности, указывается важность учета социального и экономического неравенства: неравенство в доступе к ресурсам, таким как финансовые средства, информация и социальные сети, влияет на образовательный выбор мусульманских женщин и могут ограничивать их возможности для получения образования⁴.

С позиции социальной теории образовательная миграция мусульманских женщин рассматривается через призму социальных сетей и сообществ. Подчеркивается важность данных сообществ, так как поддержка и ресурсы, предоставляемые этими сетями, могут способствовать успешной интеграции⁵. Кроме того, как отмечает Ш. Аляутдинов, социальный процесс влияет и на социальное положение женщин, тем самым способствуя улучшению их положения или, наоборот, создавая новые вызовы и ограничения [Аляутдинов 2022]. Среди современных работ можно выделить исследования, посвященные теоретическим аспектам социальной мобильности [Ehrenfeld 2024] и практике отказа от учебы студентов-мигрантов в Германии под воздействием социальных сетей [Mishra, Müller 2021], а также обзор большого числа эмпирических исследований на основе сетевого мышления на разных этапах миграции для операционализации транснациональных явлений, связанных с миграцией [Bilecen, Lubbers 2021].

Культурная теория предоставляет важные инструменты для понимания образовательных миграционных решений мусульманских женщин, учитывая влияние образования, религии, культурных традиций и социальных норм. Эти факторы существенно влияют на выбор образовательных маршрутов и на процесс адаптации к новым условиям. Исследуя идентичность, миграцию мусульманских женщин, авторы прежде всего, акцентируют внимание на адаптации и переосмыслении идентичности в новой культурной среде через призму барьеров и возможностей. Именно государственная политика может формировать и влиять на восприятие мусульманских мигрантов и их права, а также сохранять культурную идентичность [Ahmed 2017].

⁴ Петроцелло Э.Дж. Гендерная повестка в миграции. Взаимосвязь трудовой миграции и развития в контексте гендерного подхода: учебное пособие. Алматы: ООН Женщины, 2015.

⁵ Women in Islam // IAS [Электронный ресурс]. URL: <http://ias.org/sufism/women-in-islam/> (дата обращения: 19.12.2024).

Феминистская теория миграции фокусируется на гендерных аспектах, которые влияют на миграционные процессы в сфере образования мусульманских женщин. В некоторых культурах мужчины могут получать больше поддержки для учебы за границей, поскольку их образование считается важным для будущего семьи. Женщины сталкиваются с дополнительными барьерами, такими как ожидания относительно семейных обязанностей или опасения за их безопасность. Так, ряд исследователей выделяют важность рассмотрения роли семьи и гендерных отношений в миграционных потоках. В своих исследованиях они акцентируют внимание на том, как транснациональные связи и гендерные структуры формируют опыт миграции, подчеркивают необходимость учета расовых и классовых факторов [Mahler, Pessar 2001]. В свою очередь, по мнению Л.Р. Сюккийнена, образование может стать инструментом для борьбы с предвзятыми и стереотипами, а также для расширения возможностей личного и профессионального роста [Сюккийнен 2021]. В трудах В. Малахова анализируются культурные нормы, которые могут ограничивать доступ к образовательным ресурсам или, наоборот, способствовать ему [Малахов 2014].

В настоящее время современные исследования социальной проблематики указывают на то, что женщины, обучающиеся в областях STEM (наука, технологии, инженерия и математика), мигрируют значительно чаще, чем представители других групп, объясняя гендерной селективностью выбор учебной дисциплины [Narh, Buzzelli 2023]. В Германии гендерные и гражданские аспекты влияют на продвижение по академической карьере, где женщины-академики имеют более ограниченные возможности для карьерного роста по сравнению с мужчинами [Shinozaki 2017, 1325]. Это подчеркивает необходимость интеграции гендерных и миграционных исследований для более глубокого понимания этих процессов.

С. Хенкин предлагает для исследования проблем образовательной миграции мусульманских женщин использовать теорию глобализации, в которой такие глобальные процессы, как экономическая интеграция, культурный обмен и технологические изменения, влияют на мобильность и образовательные возможности [Хенкин 2024]. Так, образование становится глобальным товаром, и многие страны стремятся привлечь иностранных студентов, предлагая качественные образовательные программы и стипендии. В свою очередь, мусульманские женщины используют данную возможность, которая может быть недоступна на родине. Глобализация способствует культурному обмену, что может изменить восприятие мусульманских женщин в образовательной среде. Они получают возможность учиться в многонациональных и многообразных средах, расширяя свои горизонты и понимая различные культуры. Кроме того, глобализация приводит к экономическим изменениям, которые могут создать новые возможности для труда и карьерного роста. Мусульманские женщины мигрируют в поисках лучших экономических условий, что, в свою очередь, открывает доступ к образовательным ресурсам и профессиональной подготовке. Таким образом, глобальные процессы создают как возможности, так и вызовы, формируя их образовательные маршруты и социальные роли. Образование становится не только средством личного развития, но и инструментом для достижения более широких целей в контексте глобализированного общества.

Таким образом, в последние годы исследовательское поле образовательной миграции мусульманских женщин демонстрирует высокую заинтересованность, обусловленную рядом культурных, социально-экономических и политических факторов. Понимание этих тенденций важно для разработки стратегий, направленных на поддержку и развитие потенциала женщин в международном образовательном пространстве.

Для реализации комплексного подхода к исследованию образовательной миграции женщин из мусульманских стран в статье применены следующие общенаучные методы познания: метод

теоретического обобщения (позволил систематизировать и проанализировать существующие теории и концепции в области образовательной миграции среди мусульманских женщин); статистический метод, основанный на анализе данных, представленных ВЦИОМ, ЮНЕСКО, Федеральной службой государственной статистики РФ (обеспечил надежную эмпирическую базу для выявления масштабов, тенденций и закономерностей); метод сравнения (позволил оценить спектр влияющих факторов и выявить последствия с целью построения эффективных политик и программ, направленных на поддержку мусульманских женщин в процессе миграции и интеграции в образовательные системы).

Методология, использованная в настоящем исследовании, базируется на содержательном и интерпретационном анализе библиографических источников с точки зрения фундаментальных положений теорий глобализации и рационального выбора, социального и феминистского подходов, научных трудов в области адаптации и интеграции мусульманских женщин.

Факторы и последствия образовательной миграции мусульманских женщин

В настоящее время проблеме образовательной миграции мусульманских женщин уделяется много внимания в современных научных работах. Данный процесс ведет к социальным изменениям общества и накладывает глубокий отпечаток на социально-экономическое развитие стран. Очевидно, что миграционные процессы оказывают воздействие как на отправляющие страны (страны-доноры), которые берут на себя существенные расходы на социализацию молодежи, что в некоторой степени порождает риски для стабильного развития собственного общества, так и на принимающие (страны-реципиенты), получающие человеческий капитал и новые возможности развития.

По мнению исследований, рост числа мусульманских женщин, уезжающих получать образование за пределы своей родины, вызван несколькими факторами.

Во-первых, мусульманские женщины часто сталкиваются с ограничениями в доступе к качественному образованию в своих странах. Образовательная миграция предоставляет возможность получить знания и навыки в более развитых образовательных системах. Кроме того, обучение мусульманской женщины за границей может трансформировать ее самоидентификацию и профессиональную реализацию, а также повлиять на статус в обществе⁶.

В свою очередь, наличие стипендиальных программ создает благоприятные условия для получения высшего образования. Такие страны, как Саудовская Аравия и ОАЭ, активно инвестируют в образование женщин, предоставляя стипендии для обучения за границей. Женщины из исламских стран все чаще участвуют в международных конференциях и симпозиумах, что способствует обмену опытом и знаниями. Установление дипломатических отношений и укрепление сотрудничества между исламскими государствами и Западом ведут к росту числа студентов, получающих образование за пределами своей страны. Исследование, проведенное в 2023 году исследовательским центром США⁷, показало, что все больше исламских женщин выбирают технические и научные специальности, стремясь занять места в высокотехнологичных отраслях. Таким образом, получение качественного образования мусульманскими женщинами является важным социальным лифтом и эффективным способом решения экономических проблем, таких как получение достойной и высокооплачиваемой работы, что обеспечивает стабильное и надежное будущее. Возросший интерес к образовательной миграции во многом обусловлен существующими проблемами в национальных системах образования,

⁶ См., например, материалы о статусе женщины в современном исламском обществе: Month: Сентябрь 2019 #ГолосаРавных // Prevention Media [Электронный ресурс]. URL: <https://prevention.kg/2019/09> (дата обращения: 19.12.2024).

⁷ U.S. women near milestone in the college-educated labor force // Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/06/20/u-s-women-near-milestone-in-the-college-educated-labor-force/> (дата обращения 19.12.2024)

такими как низкое качество высшего и среднего специального образования (недостаточное материально-техническое обеспечение образовательных организаций), некомпетентность преподавателей и коррупционные практики в образовательной среде.

Во-вторых, образование за границей открывает новые карьерные перспективы и улучшает шансы на получение высокооплачиваемой работы, что становится важным экономическим фактором для женщин, стремящихся к финансовой независимости. Исследования М. Юнуса показывают, что в странах с низким уровнем экономического развития и ограниченными образовательными ресурсами женщины более мотивированы на получение образования за границей с целью улучшения своих карьерных перспектив [Юнус 2019]. Так, по данным Отдела народонаселения ООН, в 2021 г. в глобальном масштабе в различных видах миграции участвовали 132 млн женщин, что составляло 47,9% численности мигрантов в мире. Чаще всего мигрировали представительницы Индии, Бангладеш, Пакистана, Филиппин, Украины, Афганистана, Индонезии, Польши⁸.

Иранские исследователи, дополняя концепцию, подчеркивают, что стремление к получению образования за границей становится важным шагом для женщин, желающих улучшить свои жизненные условия и реализовать амбиции в условиях, когда возможности в их родной стране ограничены⁹. Образование за границей предоставляет женщинам доступ к более широкому спектру учебных дисциплин и современным образовательным методам, что способствует развитию необходимых навыков для успешной карьеры. Кроме того, этот опыт позволяет им расширить свои горизонты, установить международные связи и познакомиться с различными культурными аспектами, что также может быть полезно в их дальнейшей профессиональной деятельности.

В-третьих, миграция и получение образования за границей помогают мусульманским женщинам пересмотреть свои традиционные роли в семье и обществе, что приводит к трансформации общественных норм и ожиданий.

В многих традиционных культурах семья играет ключевую роль в определении жизненного пути дочерей. Исследования К. Яновского, Е. Русаковой и др. поднимают вопрос о том, как поддержка или давление со стороны семьи могут способствовать получению образования или ограничивать возможности для учебы за границей, а также как изменение этих культурных норм может открыть новые возможности для женщин [Яновский и др. 2007]. Наличие поддержки со стороны друзей, родственников и сообщества может значительно облегчить процесс принятия решения об образовательной миграции. Кроме того, женщины, которые видят примеры других мигрантов, чаще всего склонны повторять их путь.

В настоящее время с увеличением осведомленности о важности образования и гендерного равенства наблюдается изменение отношения к женскому образованию, что ведет к росту феминизации образовательной мобильности из мусульманских стран. Данная тенденция характерна для Ирана и Афганистана, несмотря на существующие социальные ограничения; Индии и Саудовской Аравии в связи с увеличением числа образовательных программ и стипендий, а также с изменением общественного мнения о роли женщин в обществе; Пакистана вследствие увеличения инициатив по поддержке образования для женщин и осознанием важности их участия в экономике; Турции в свете изменений в политике и общественном мнении, которые поддерживают гендерное равенство и доступ к образованию¹⁰.

⁸ Глобальные вопросы повестки дня. Миграция // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/migration> (дата обращения: 19.12.2024).

⁹ Рекрутинг студентов из Ирана: вызовы и возможности перспективного рынка // Дзен [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Z1HifVbRIVHwoHRQ> (дата обращения: 19.12.2024).

¹⁰ Прогресс женщин мира. В стремлении к справедливости // ООН Женщины [Электронный ресурс] URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/in_pursuit_of_justice/in_pursuit_of_justice_ru.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

По мнению К. Буллок, женщины, получая образование за границей, не только осваивают новые знания и навыки, но и обмениваются культурными традициями и практиками с другими студентами [Буллок 2020]. Это взаимодействие помогает разрушить стереотипы и предвзятости, а также способствует формированию более открытого и инклюзивного мировоззрения. Вернувшись на родину после учебы, они привносят новые подходы к своей роли в семье и обществе, что в итоге приводит к изменению восприятия женских обязанностей и возможностей, способствуя большему равенству в обществе. Таким образом, расширение возможностей не только улучшает жизненные условия мусульманских женщин, но и способствует социальному прогрессу в их странах.

В-четвертых, развитие технологий и глобализация в настоящее время создают новые возможности для образовательной мобильности. Так, с появлением интернета мусульманские женщины могут легко находить информацию о различных учебных заведениях, программах, стипендиях и требованиях для поступления. Сегодня многие университеты предлагают вебинары и онлайн-курсы, что позволяет потенциальным студентам ознакомиться с образовательными программами и преподавателями. Существующие специализированные форумы дают женщинам возможность обмениваться опытом, задавать вопросы и получать советы от тех, кто уже получил образование за границей. Наличие положительных вышеперечисленных аспектов подтверждает Л. Гринин и А. Коротаев, отмечая, что развитие технологий и глобализация не только упрощают доступ к информации и ресурсам, но и способствуют созданию поддерживающих сообществ, что в конечном итоге помогает женщинам достигать своих образовательных и профессиональных целей, открывая новые горизонты и способствуя социальным изменениям [Гринин, Коротаев 2019].

Многие исследователи подчеркивают значение действующего законодательства в активизации образовательной миграции мусульманских женщин. Так, например, легкость получения визы позволяет мусульманским женщинам мигрировать для получения образования, что способствует их социальной мобильности и развитию карьеры. В настоящее время наиболее лояльна к студентам визовая политика Канады и Австралии. Там существует специальная программа для иностранных студентов (Study Permit), которая упрощает процесс получения визы для студентов, включая женщин из мусульманских стран (хотя в последнее время произошло некоторое ужесточение требований¹¹).

Наличие правовой защиты позволяет мусульманским женщинам чувствовать себя более безопасно и уверенно в новой стране, что способствует их успешной интеграции и обучению. В Германии существуют законы, обеспечивающие доступ к медицинскому обслуживанию, правовую помощь и возможность работы во время учебы, что защищает права иностранных студентов, включая мусульманских женщин.

В Великобритании действуют различные программы поддержки для иностранных студентов, такие как консультационные службы и программы менторства. Университеты, например University of Oxford и University of Cambridge, имеют специальные службы для поддержки иностранных студентов, включая женщин из мусульманских стран [Ульмясбаева 2020, 59]. Совместные образовательные инициативы и программы сотрудничества с университетами в мусульманских странах сегодня активно развиваются в Нидерландах и Швеции. Таким образом, наличие социальных программ создает дополнительные возможности и помогает мусульманским женщинам быстрее адаптироваться к новой культурной среде и тем самым быть успешными в учебе.

Пониманию сдерживающих факторов, мешающих женщинам вернуться на родину после получения образования, помогают исследования, проведенные в Центральной Азии. Респонденты

¹¹ Австралия и Канада ужесточают требования к иностранным студентам // Оксбридж Альбион [Электронный ресурс] URL: <https://www.albioncom.ru/news/australia-canada-students-visa-requirement-2024> (дата обращения: 19.12.2024).

указали на такие проблемы, как несоблюдение законов, гражданских прав и свобод, а также отсутствие возможностей для самореализации и карьерного роста. Кроме того, ухудшающаяся ситуация в области общественной безопасности и трудности с получением высокооплачиваемой работы также играют значительную роль¹².

Вместе с тем, несмотря на ряд позитивных итогов образовательной миграции мусульманских женщин — доступ к качественному образованию, социальная мобильность, расширение культурных горизонтов, участие в гендерном равенстве, создание международных связей, которые значительно могут улучшить жизнь женщин, существуют и негативные последствия, требующие внимания и поддержки как со стороны стран-доноров, так и стран-реципиентов.

Как уже отмечалось, получение образования за границей предоставляет мусульманским женщинам уникальные возможности для личностного и профессионального роста. Однако возвращение на родину может оказаться сложным и проблематичным процессом, затрудняющим их интеграцию дома. Полученные новые знания и навыки не всегда соответствуют ожиданиям и ценностям их сообщества и становятся причиной внутреннего конфликта. Новые навыки и квалификация могут быть не востребованы на местном рынке труда в силу различия в образовательных системах или отсутствия понимания ценности международного образования со стороны работодателя, что приведет к разочарованию и снижению самооценки. Как отмечает Ш. Аляутдинов, образовательная мобильность мусульманок — рискованный проект, поскольку может привести к культурному разрыву, конфликту между приобретенными знаниями и традиционными ценностями, к чувству изоляции и социальной непринадлежности, тем самым создаст трудности в адаптации [Аляутдинов 2022].

Самые серьезные опасения ученых и специалистов по правам человека вызывает развитие социальной стигматизации [Ананичева 2021]. Мусульманские женщины часто сталкиваются с осуждением со стороны своих сообществ. Это осуждение может проявляться в различных формах: от открытой критики до скрытых предвзятых мнений. В некоторых случаях общество может воспринимать таких женщин как «отступниц» от традиционных ролей, что приводит к негативным последствиям. Чаще всего, когда окружение их не поддерживает в развитии, у женщин появляется чувство одиночества и непонимания. Потеря социальной поддержки от семьи и друзей может значительно ухудшить психологическое состояние и самооценку.

Представленный корпус исследований указывает на то, что образовательная мобильность мусульманских женщин является сложным и многоаспектным процессом, на который воздействуют различные факторы. Многогранность последствий подчеркивает важность учета всего комплекса факторов и создания целостного подхода к поддержке мусульманских женщин в данном процессе с целью минимизации влияний и содействия их эффективной интеграции в общество.

Ключевые проблемы образовательной мобильности мусульманских женщин

В условиях глобализации и желания мусульманских женщин получить качественное образование образовательная мобильность становится все более распространенной практикой. Однако этот процесс не лишен трудностей, которые могут препятствовать успешной адаптации и интеграции.

Многочисленные исследователи отмечают, что адаптация мусульманских женщин к новой культуре может быть непростым процессом из-за различий в нормах поведения, ценностях и традициях, что, в свою очередь, может вызывать стресс и чувство изоляции. Женщины часто

¹² Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий // ИОМ UN Migration [Электронный ресурс]. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

сталкиваются с дискриминацией или предвзятым отношением к своим традициям и обычаям. Традиционные ценности, такие как почитание семьи, скромность и определенные социальные роли, могут не соответствовать тем ценностям, которые доминируют в новой культурной среде. Это несоответствие формирует негативные стереотипы, а также развивает чувство неполноценности. Порой женщины-мигранты, находясь в новой культурной среде, могут испытывать чувство одиночества из-за отсутствия знакомых и поддержки, влекущее за собой ухудшение психоэмоционального состояния, снижение самооценки и повышение уровня стресса (о проблемах женщин-мусульманок см. исследования, представленные в Статус женщины-мусульманки в поликонфессиональном обществе... 2016).

Проблемы развития женщин в контексте продвижения и достижения норм гендерного равноправия в республиках с доминирующей исламской традицией неоднократно обсуждались на различных международных конференциях. Так, например, в 2018 г. в Республике Дагестан была проведена 3-я Международная научная конференция «Сохраняя традиции, стать современными» (24–28 июня, 2018 г.), в которой приняли участие исследователи, журналисты и общественные деятели из Москвы и Санкт-Петербурга, Челябинска и Смоленска, а также Чечни, Каракалпакии, Азербайджана, Турции, Казахстана, Кыргызстана. На площадке Национальной библиотеки Республики Дагестан имени Расула Гамзатова обсуждались сложные вопросы вовлечения женщин в социальную, политическую и общественную жизнь в полигэтнических и поликонфессиональных обществах [Пушкирева и др. 2018; Григорьева 2024].

Как социальная проблема осознается учеными культурная дислокация. На основе проведенного исследования, посвященного изучению эмоциональных последствий длительного пребывания за границей мусульманских студенток Средней Азии, делается вывод о том, что получение образования вне дома приводит к переосмыслению собственной идентичности, рассуждению о своем месте в мире, что провоцирует кризис идентичности. Эмоциональный разрыв с семьей и традиционными семейными ценностями с новыми взглядами также формирует трудности с концентрацией на учебе и социальной адаптацией [Идентичность: личность, общество, политика... 2023].

Строгие визовые требования и долгий процесс оформления также создают проблемы для получения образования за границей. Многие страны обязывают заявителей предоставлять доказательства о финансовой состоятельности, что может быть сложно для женщин, которые зависимы от семейного дохода и решения отца. Так, для получения студенческой визы в Австралии, США, Новой Зеландии, Канаде требуется наличие банковской выписки, позволяющей оплачивать обучение и проживание¹³. Среди проблем, с которыми сталкиваются мусульманские студентки за границей, исследователи также выделяют финансовые трудности, которые обусловлены стоимостью обучения, расходами на проживание и транспорт, медицинской страховкой и т. д.

В настоящее время дискуссионным вопросом остается проблема с отсутствием признания квалификаций и ограничениями в карьере для женщин-мигрантов, получивших образование за пределами родины. Отмечают факты, когда различие в образовательных стандартах и методах обучения приводят к недопониманию и недоверию со стороны работодателей, что затрудняет трудоустройство женщин, получивших иностранные дипломы. Кроме того, отсутствие аккредитации местных образовательных учреждений создает дополнительные сложности в признании дипломов. Стереотипы о роли мусульманской женщины могут ограничивать карьерные возможности и препятствовать профессиональному росту. Наконец, нехватка вакансий, соответствующих квалификации и опыту вернувшихся на родину эмигранток, также создает дополнительные трудности.

¹³ См., например: Список необходимых документов и требований // Посольство Австралии [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.embassy.gov.au/mscwRussian/DcsChkLstRu.html> (дата обращения: 19.12.2024).

Заключение

Рост активности процесса образовательной мобильности мусульманских женщин представляет собой сравнительно новое глобальное явление, находящееся сегодня в центре внимания многих научных сообществ. Как показал анализ, значительная часть работ посвящена теоретико-методологическим проблемам, выявлению влияющих факторов, различных последствий и сложностей образовательной миграционной активности. В них доказывается, что образовательная миграция открывает новые возможности для мусульманских женщин, а это доступ к качественному образованию, личностное и профессиональное развитие, культурный обмен, расширение мировоззрения. В свою очередь, поддержка со стороны семьи и религиозных общин играет ключевую роль в принятии решения об образовательной миграции, в то время как финансовые возможности и государственная поддержка в виде грантовых проектов, выплат стипендий и т. д. значительно увеличивают шансы на успешное получение образования за границей. Несмотря на множество положительных составляющих данного процесса мусульманские студентки в ряде случаев сталкиваются с такими проблемами, как дискриминация, языковые барьеры, культурная дислокация, которые, в свою очередь, затрудняют процесс интеграции в новые социальные и образовательные среды.

Заслуживают дальнейшего исследования механизмы адаптации мусульманских женщин к новым культурным условиям, влияние социокультурной дезорганизации на академическую успеваемость и психическое здоровье, индивидуальные практики, миграционные политики принимающих и отдающих стран. Учет специфических потребностей группы может значительно повысить эффективность образовательных программ и способствовать позитивным изменениям как в жизни мусульманских женщин, так и в обществе в целом.

Список литературы:

Аляутдинов Ш. Женщины и Ислам. СПб.: «Издательство «Диля», 2022.

Ананичева С.Р. Стигматизация и ее проявления в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 8. С. 17–20. DOI: [10.23672/a2017-4282-3217-a](https://doi.org/10.23672/a2017-4282-3217-a)

Андрюшина Е.В., Рябинина А.М. Последствия интернационализации высшего образования в современном мире: теория и практики // Власть. 2023. Т. 31. № 2. С. 24–29. DOI: [10.31171/vlast.v31i2.9518](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9518)

Буллок К. Новый взгляд на мусульманок и хиджаб. Вызов историческим и современным стереотипам. Острог: Международный Институт Исламской Мысли, 2020.

Григорьева Н.С. Актуальное состояние исследований по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 111–139. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-111-139](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-111-139)

Гринин Л., Коротаев А. Современный исламизм: анализ основных функций и характеристик // Восток — Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 92–114. DOI: [10.31857/S086919080004631-1](https://doi.org/10.31857/S086919080004631-1)

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. Москва: Издательство «Весь мир», 2023.

Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014.

Пушкарева Н.Л., Котовская М.Г., Мицюк Н.А. «Сохраняя традиции, стать современными» (Третья Международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24–28 июня 2018 г.) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 151–154. DOI: [10.21064/WinRS.2018.4.14](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.14)

Рябинина А.М. Интернационализация системы высшего образования в эпоху научно-технологической революции // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 297–321. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10090](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10090)

Статус женщины-мусульманки в поликонфессиональном обществе: история и современность: Сборник материалов Международной научно-практической конференции и круглого стола / под общ. ред. И.В. Фроловой, Л.И. Газизовой. Уфа: Мир печати, 2016.

Сюккийнен Л. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Россия и мусульманский мир. 2013. № 3. С. 143–174.

Ульмясбаева А.О., Забнева Э.И. Механизмы зарубежных практик управления образовательной миграцией молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 2. URL: <https://sfl-mn.ru/PDF/22SCSK220.pdf>

Хенкин С. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 48–58. DOI: [10.20542/0131-2227-2008-3-48-58](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-3-48-58)

Юнус М. Мир трех нулей. Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2019.

Яновский К., Русакова Е., Тараповская К., Жаворонков С., Черный Д., Сокол Й., Кочеткова О., Дробышевская Т. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления. Москва: ИЭПП, 2007.

Ahmed S. *Living a Feminist Life*. Durham & London: Duke University Press, 2017.

Bilecen B., Lubbers M. The Networked Character of Migration and Transnationalism // *Global Networks*. 2021. Vol. 21. Is. 4. P. 837–852. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12317>

Ehrenfeld C. Migration Theory as Social Theory: From Transnational Migration to Mobile Social Ontologies // *European Journal of Social Theory*. 2024. DOI: [10.1177/13684310241274922](https://doi.org/10.1177/13684310241274922)

Mahler S.J., Pessar P.R. Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces // *Identities*. 2014. Vol. 7. Is. 4. P. 441–459. DOI: [10.1080/1070289X.2001.9962675](https://doi.org/10.1080/1070289X.2001.9962675)

Mishra S., Müller L. Resources, Norms, And Dropout Intentions of Migrant Students in Germany: The Role of Social Networks and Social Capital // *Studies in Higher Education*. 2021. Vol. 47. Is. 8. P. 1666– 1680. DOI: [10.1080/03075079.2021.1948525](https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1948525)

Narh E., Buzzelli M. Women on the Move for Science, Technology, Engineering and Mathematics: Gender Selectivity in Higher Education Student Migration // *Higher Education Quarterly*. 2023. Vol. 78. Is. 3. P. 745–765. DOI: [10.1111/hequ.12483](https://doi.org/10.1111/hequ.12483)

Shinozaki K. Gender and Citizenship in Academic Career Progression: An Intersectional, Meso-Scale Analysis in German Higher Education Institutions // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43. Is. 8. P. 1325–1346. DOI: [10.1080/1369183X.2017.1300309](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1300309)

References:

Ahmed S. (2017) *Living a Feminist Life*. Durham & London: Duke University Press.

Alyautdinov Sh. (2022) *Zhenshhiny i Islam* [Women and Islam]. Saint Petersburg: “Izdatel’stvo “Dilya”.

Ananicheva S.R. (2021) Stigmatization and Its Manifestations in Modern Society. *Gumanitarnyye, sotsial’no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. No. 8. P. 17–20. DOI: [10.23672/a2017-4282-3217-a](https://doi.org/10.23672/a2017-4282-3217-a)

Andryushina E.V., Ryabinina A.M. (2023) Consequences of the Internationalization of Higher Education in the Modern World: Theory and Practice. *Vlast’*. Vol. 31. No. 2. P. 24–29. DOI: [10.31171/vlast.v31i2.9518](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9518)

Bilecen B., Lubbers M. (2021) The Networked Character of Migration and Transnationalism. *Global Networks*. Vol. 21. Is. 4. P. 837-852. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12317>

Bullock K. (2020) *Rethinking Muslim Women and the Veil: Challenging Historical & Modern Stereotypes*. Ostrog: Mezhdunarodnyy Institut Islamskoy Mysli.

Ehrenfeld C. (2024) Migration Theory as Social Theory: From Transnational Migration to Mobile Social Ontologies. *European Journal of Social Theory*. DOI: [10.1177/13684310241274922](https://doi.org/10.1177/13684310241274922)

Frolova I.V., Gazizova L.I. (eds.) (2016) *Status zhenshchiny-musul'manki v polikonfessional'nom obshchestve: istoriya i sovremenność: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i kruglogo stola* [The status of Muslim women in a multi-confessional society: History and modernity: Collection of materials of the International scientific and practical conference and round table]. Ufa: Mir pechati.

Grigorieva N.S. (2024) Current State of Research on Issues of Ensuring Equality between Men and Women. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 4. P. 111–139. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-111-139](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-4-111-139)

Grinin L., Korotayev A. (2021) Contemporary Islamism: An Analysis of Its Functions and Features. *Vostok — Afro-Aziatskie obshhestva: istoriya i sovremenność*. No. 2. P. 92–114. DOI: [10.31857/S086919080004631-1](https://doi.org/10.31857/S086919080004631-1)

Khenkin S. (2008) Muslims in Spain: Problems of Adaptation. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 3. P. 48–58. DOI: [10.20542/0131-2227-2008-3-48-58](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-3-48-58)

Mahler S.J., Pessar P.R. (2014) Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces. *Identities*. Vol. 7. Is. 4. P. 441–459. DOI: [10.1080/1070289X.2001.9962675](https://doi.org/10.1080/1070289X.2001.9962675)

Malakhov V. (2014) *Kul'turnyye razlichiyi i politicheskiye granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; Institut filosofii RAN.

Mishra S., Müller L. (2021) Resources, Norms, And Dropout Intentions of Migrant Students in Germany: The Role of Social Networks and Social Capital. *Studies in Higher Education*. Vol. 47. Is. 8. P. 1680. DOI: [10.1080/03075079.2021.1948525](https://doi.org/10.1080/03075079.2021.1948525)

Narh E., Buzzelli M. (2023) Women on the Move for Science, Technology, Engineering and Mathematics: Gender Selectivity in Higher Education Student Migration. *Higher Education Quarterly*. Vol. 78. Is. 3. P. 745–765. DOI: [10.1111/hequ.12483](https://doi.org/10.1111/hequ.12483)

Pushkareva N.L., Kotovskaya M.G., Miczyuk N.A. (2018) "Preserving Traditions, Strive to Become Modern" (The Third International Scientific Conference in Makhachkala, Republic Of Dagestan, June 24–28, 2018). *Zhenschina v rossiyskom obshchestve*. No. 4. P. 151–154. DOI: [10.21064/WinRS.2018.4.14](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.4.14)

Ryabinina A.M. (2020) Internationalization of Higher Education in the Era of Scientific and Technological Revolution. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 81. P. 297–321. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10090](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10090)

Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novyye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' mir".

Shinozaki K. (2017) Gender and Citizenship in Academic Career Progression: An Intersectional, Meso-Scale Analysis in German Higher Education Institutions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. Is. 8. P. 1325–1346. DOI: [10.1080/1369183X.2017.1300309](https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1300309)

Syukiaynen L. (2013) Prava cheloveka v dialogue islamskoy i zapadnoy pravovykh kul'tur [Human rights in the dialogue between Islamic and Western legal cultures]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. No. 3. P. 143–174.

Ulmyasbaeva A.O., Zabneva E.I. (2020) Mechanisms of Foreign Practices of Managing Educational Migration of Youth. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. No. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/22SCSK220.pdf>

Yanovskiy K., Rusakova E., Tarapovskaya K., Zhavoronkov S., Chernyy D., Sokol Y., Kochetkova O., Drobyshevskaya T. (2007) *Krizis instituta semi v postindustrialnom obshchestve: analiz prichin i vozmozhnosti preodoleniya* [The crisis of the family institution in a post-industrial society: An analysis of the causes and possibilities of overcoming]. Moscow: IEPP.

Yunus M. (2019) *A World of Three Zeros: The New Economics of Zero Poverty, Zero Unemployment, and Zero Net Carbon Emissions*. Moscow: Alpina Non-Fikshn.